

КУЛЬТУРА МЕКСИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

КУЛЬТУРА МЕКСИКИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
1980

Книга — продолжение серии изданий о культуре стран Латинской Америки. Эта монография — первое комплексное исследование, освещающее различные стороны культурной жизни Мексики: народное образование, архитектуру, живопись, давшую миру выдающихся художников-монументалистов, театр, кино, народную и профессиональную музыку. Специальная статья посвящена истории изучения и издания мексиканской литературы в СССР.

Редакционная коллегия:

В. П. Беляев, К. Н. Курин,
В. А. Кузьмищев (ответственный редактор),
Е. Г. Лапшев, П. А. Пичугин,
Н. А. Шелешнева

Предисловие

Мексика — одна из наиболее крупных и развитых стран Латинской Америки, страна древних индейских культур, внесших ценнейший вклад в мировую цивилизацию. Мексику трудно себе представить как без гигантских пирамид — сооружений древних индейцев, так и без всемирно известной монументальной живописи, прекрасной музыки и танцев, замечательных изделий народных мастеров-умельцев. Поражают контрасты мексиканской природы, ее естественных богатств. На территории страны, занимающей почти 2 млн. кв. км, простираются обширные пустыни, возвышаются горные цепи, раскинулись непроходимые тропические леса. В ее недрах таятся богатейшие залежи нефти, благородных и цветных металлов и других полезных ископаемых. Но самое большое богатство страны — это мужественный и трудолюбивый мексиканский народ (он насчитывает сейчас 65 млн. человек), который в героической борьбе с испанскими колонизаторами в начале XIX в. завоевал государственную самостоятельность. Самоотверженная борьба против многократных попыток агрессивных сил Соединенных Штатов Америки и других капиталистических государств оккупировать Мексику наложила глубокий отпечаток на историческое развитие страны, способствуя упрочению ее революционных традиций. Почти все второе десятилетие XX в. в Мексике бушевало пламя антифеодальной и антиимпериалистической борьбы, вошедшей в историю под названием Мексиканской буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. Большую роль в ней сыграло революционно настроенное крестьянство во главе с выдающимися вождями Франсиско Вильей и Эмилиано Сапатай. Благодаря широкому участию народных масс революция вызвала к жизни социальные преобразования, которые открыли путь к более быстрому развитию капиталистических отношений.

Огромное воздействие на умы и сердца мексиканцев, на развитие политической борьбы труда с капиталом, на распространение идей марксизма среди трудящихся оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. «Дело, за которое борются революционная Мексика и недавно освободившаяся Россия, — говорил выдающийся крестьянский вождь и революционер Эмилиано Сапата, — это общее дело всего человечества, в котором заинтересованы все угнетенные народы».

Передовая часть рабочих, крестьян, интеллигенции обратила свои взоры к Советской России, ибо видела в Великой Октябрьской социалистической революции путь, по которому должна

Народный танец

пойти Мексика. Как говорил тогда один из организаторов коммунистических кружков, пламенный пропагандист марксизма в Мексике М. Диас Рамирес, все симпатии трудящихся, «все их надежды и чаяния обращены к той земле, откуда струится свет, который, как они это инстинктивно сознают и желают этого, приблизит час их избавления от ига капитализма».

В 1919 г. под влиянием победы Великого Октября была создана Мексиканская коммунистическая партия, что определило качественно новый этап в классовой и антиимпериалистической борьбе рабочих и всех трудящихся Мексики. Одним из важных шагов на пути борьбы за национальную независимость страны стало установление 4 августа 1924 г. под давлением настойчивых требо-

ваний народа, всей демократической общественности дипломатических отношений Мексики с Советским Союзом. Это был важный политический акт, утвердивший суверенное право Мексики поддерживать отношения с любой страной мира вопреки противодействию правящих кругов США.

Яркую страницу в свою историю вписала Мексика борьбой против империализма в 30-е годы. В условиях широкого революционно-демократического движения народных масс, в котором активное участие принимал рабочий класс, демократическим правительством во главе с президентом Ласаро Карденасом (1934—1940) была национализирована собственность англо-американских нефтяных компаний, экспропрированы крупные иностранные землевладения и проведены другие социально-экономические преобразования. Прогрессивные реформы заложили основы государственного сектора, который с годами стал главным рычагом экономического развития. За ряд десятилетий Мексика из отсталой аграрной страны превратилась в одну из наиболее развитых в промышленном отношении стран латиноамериканского региона. Там построены крупные современные предприятия, индустриальные комплексы, сооружены новые гидростанции, автостреды. Однако независимое экономическое развитие Мексики тормозится

и одновременно деформируется иностранным, главным образом американским, капиталом, империалистическими монополиями, которые продолжают сохранять важные позиции в традиционных отраслях (горнодобывающей, текстильной) мексиканской промышленности. С помощью соглашательских кругов крупной буржуазии страны они проникают и в новые отрасли обрабатывающей индустрии, приспособливая их к своим интересам.

В 1975 г. общая сумма иностранных капиталовложений в Мексике составила 3,4 млрд. долл. Ее внешняя задолженность выросла к 1977 г. до 22,9 млрд. долл. Это не может не сказываться отрицательно на положении трудящихся масс. Увеличивается инфляция, растут цены на товары первой необходимости. Три четверти трудового населения имеют заработок ниже прожиточного минимума. Почти половина мексиканцев ютятся в жалких лачугах, 7 млн. человек продолжают оставаться неграмотными. В крайне тяжелом положении находятся сельские трудящиеся. Хотя в Мексике в отличие от многих латиноамериканских стран проведена аграрная реформа, однако аграрная проблема далеко не решена. В стране насчитывается 13 тыс. владений площадью свыше 1 000 га каждое, на которые приходится 92 млн. га земли. Малоземельные крестьяне и общинники, — а их сейчас насчитывается 3 млн. — регулярно пополняют армию наемных работников: из-за отсутствия средств на содержание крошечных наделов многие из них вынуждены работать на полях латифундистов за мизерную плату, часто не превышающую 50 долл. в год.

В поисках средств к существованию многие из сельских трудящихся уезжают в крупные города, где перебиваются случайными заработками, увеличивая армию частично и полностью безработных. Сейчас их насчитывается 10 млн. человек, или до 50% всей рабочей силы страны. Тысячи крестьян выезжают на заработки в США.

Углубление социально-экономического кризиса в стране ведет к обострению социальных противоречий, усилению классовой антиимпериалистической борьбы. Ширится борьба рабочего класса, крестьян, всех прогрессивных сил против местной олигархии и иностранных монополий, за демократизацию профсоюзной и политической жизни. Большое значение для развития освободительного революционного движения в стране имел XVII Национальный съезд Мексиканской коммунистической партии (декабрь 1975 г.). Съезд поставил задачу активно использовать президентские и парламентские выборы 1976 г. для легализации и сплочения всех левых прогрессивных сил. Исходя из этих задач, компартия приняла участие в избирательной кампании в союзе с другими левыми организациями на основе единой демократической платформы. Массовость этой кампании и ее значительные успехи — кандидату объединенных левых сил коммунисту Валентину Кампе отдали свои голоса 1 млн. избирателей из 17 млн.,

принявших участие в выборах,— свидетельствуют о возросшем влиянии политического авангарда пролетариата на развитие демократической, антиимпериалистической борьбы.

Важным шагом в укреплении экономической самостоятельности страны патриотические силы считают проведение независимой внешней политики. Мексика, следуя своим миролюбивым освободительным традициям, стремится проводить политику, отвечающую национальным интересам. Советские люди высоко ценят позитивный вклад Мексики в борьбу за урегулирование всех международных проблем мирным путем, в борьбу за всеобщее разоружение, за полное запрещение ядерного оружия, мирное разрешение территориальных споров и в ряд других вопросов. О стремлении Мексики развивать всесторонние отношения со всеми странами мира говорит ее сотрудничество с СЭВ.

Отношения между Мексикой и Советским Союзом являются дружественными, основанными на принципах равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, отвечающими интересам советского и мексиканского народов, делу укрепления всеобщего мира и международного сотрудничества. Убедительным свидетельством этому послужил первый в истории советско-мексиканских отношений визит президента Мексики Л. Эчеверрии Альвареса в апреле 1973 г. в СССР. В 1976 г. советская делегация во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР П. Г. Гиладшвили присутствовала на официальной церемонии вступления на пост нового президента Мексики Хосе Лопеса Портильо. В своей программной речи новый президент заявил, что Мексика и впредь будет выступать за укрепление суверенитета и независимости государств, за мирное разрешение международных вопросов. Это открывает новые перспективы дальнейшего развития отношений между СССР и Мексикой.

В мае 1978 г. состоялся официальный визит в Советский Союз Президента Мексики Хосе Лопеса Портильо, прибывшего в нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства. Во время переговоров между советской и мексиканской сторонами, проходившими в дружественной обстановке, состоялся широкий обмен мнениями по вопросам советско-мексиканских отношений и перспективам их развития. Стороны отметили, что эти отношения основываются на обоюдной приверженности принципам равенства и взаимного уважения, строгого соблюдения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга и общности их интересов в укреплении мира и международного сотрудничества.

Подводя общий итог переговоров, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил, что они явятся хорошим стимулом для дальнейшего развития отношений дружбы и сотрудничества меж-

ду Советским Союзом и Мексикой. Переговоры вместе с тем явятся хорошим совместным вкладом в дело разрядки международной напряженности, дело борьбы за разоружение и за прочный конструктивный мир между народами¹.

«Отношения между нашими странами,— заявил в свою очередь президент Мексики Х. Лопес Портильо,— в результате этого визита стали еще лучше и глубже, мы нашли много точек соприкосновения по обсуждавшимся вопросам и сумели завершить переговоры подписанием ряда важных документов. Мы выражаем огромное удовлетворение итогами переговоров»,— подчеркнул он².

Заключенные между СССР и Мексикой соглашения успешно выполняются. Развиваются обмены и контакты между парламентами, профсоюзами, молодежными и другими организациями. Укрепляется сотрудничество в области науки, культуры, спорта, туризма, в других сферах.

Как уже говорилось, Мексика является страной высокоразвитой самобытной культуры, в основе которой лежат два начала — индейское и испанское. Сегодня они, слившись воедино, дали миру национальную культуру мексиканского народа, выдающиеся достижения которой вызывают восхищение. Как указывают многие ведущие деятели культуры Мексики, на их творчество также оказала большое влияние Великая Октябрьская революция и тот подлинно революционный взрыв, который был порожден ею в культуре. Вот почему в Мексике пользовались и продолжают пользоваться большой популярностью и успехом книги Бабеля, Серафимовича, Вс. Иванова, Фадеева и других советских писателей, в том числе и более поздних поколений. Влияние идей Октября и личности ее великого вождя В. И. Ленина было настолько необоримо могущественным, что нашло свое прямое воплощение, например, в творчестве «Трех Великих», как в Мексике справедливо называют трех выдающихся художников современности Хосе Клементе Ороско, Диего Риверу и Давида Альфара Сикейроса. И дело не только в том, что каждый из них запечатлел образ Ленина в своих картинах. Как заявил Диего Ривера, «без Ленина, без Октября не было бы мексиканской настенной живописи» — этого воистину великого явления не только мексиканской, но и всей культуры XX в.

Не было случайностью и то, что именно Мексику в 20-е годы посещают такие выдающиеся деятели молодой советской культуры, как В. Маяковский («Дух радушия и необычайности привязали меня к Мексике»,— скажет он после возвращения на родину), как С. Эйзенштейн, Э. Тиссэ и Г. Александров, которые не просто создали великолепную киноленту о революционной Мексике (ее урезанный не по вине создателей вариант известен под названием «Буря над Мексикой»), но и заложили основы будущей национальной кинематографии страны, как об этом не-

однократно говорили многие замечательные мастера мексиканского кино (Э. Фернандес, Г. Фигероа и др.).

Интернационализм советских людей, их глубокое понимание проблем и задач, стоящих перед молодыми странами Латинской Америки, борющимися за свою подлинную свободу и независимость, порождали новую, глубоко своеобразную атмосферу в отношениях между нашими народами. Пожалуй, лучше других сумел выразить эти особенности, возникшие в недрах социалистического общества и предельно ярко выразившиеся и в сфере культуры, замечательный художник, основатель «Мастерской народной графики» Леопольдо Мендес. Вернувшись в Мексику из поездки по Советскому Союзу, он заявил: «После пребывания в СССР я в большей степени, чем когда-либо, чувствую себя мексиканцем, потому что видел, с каким уважением и дружбой относятся там к моей родине».

Можно привести еще много других высказываний и конкретных фактов, свидетельствующих о духовной близости наших народов, о широком влиянии наших культур на развитие и углубление важных процессов взаимопонимания и дружбы народов, процессов, в которых национальные культуры сегодня играют все более существенную роль.

В этой связи нельзя не отметить и такое характерное для Латинской Америки, в частности для Мексики, явление, как активное участие деятелей национальных культур этих стран в борьбе за справедливость, за социальные преобразования, за подлинную демократию и свободу своих народов. Вот почему многие выдающиеся деятели культуры Мексики не только посвятили свое творчество этой борьбе, но и вступили в ряды авангарда рабочего класса — в Мексиканскую коммунистическую партию. Среди них мы видим такие всемирно известные имена, как Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос, как выдающийся композитор и создатель национальной школы классической музыки Сильвестре Ревуэльтас, писатель Хосе Мансисидор. Все они — представители прогрессивной современной мексиканской культуры, основанной на славных исторических традициях революционной освободительной борьбы мексиканского народа.

* * *

Настоящая книга «Культура Мексики» продолжает серию публикаций Института Латинской Америки АН СССР о национальных культурах стран латиноамериканского региона. Она ставит перед собой задачу ознакомить советского читателя с разнообразными проявлениями национальной культуры в ее широком понимании — от отдельных видов и направлений духовного творчества мексиканского народа до проблем образования и формирования национальных кадров высшей квалификации, связанных

с современным социально-экономическим развитием страны. Авторы книги хотят не просто информировать читателя по сложному комплексу затронутых в ней вопросов, но и выделить из них актуальные и злободневные проблемы, все еще не нашедшие своего решения, равно как и показать наиболее выдающиеся достижения талантливого мексиканского народа, вносящего свой неограниченный вклад в сокровищницу мировой культуры.

В отличие от других книг этой серии в настоящей нет статей, посвященных литературе, — этому важнейшему и чрезвычайно высокоразвитому участку культуры Мексики. В том, что дело о литературном творчестве в Мексике обстоит именно так, читатель может убедиться, ознакомившись с исследованием доктора филологических наук В. Н. Кутейщиковой «Мексиканский роман» (Наука, 1971). Данная работа, явившаяся новым словом в понимании места и значения мексиканской литературы, освобождает составителей сборника от ее рассмотрения, поскольку иначе нам пришлось бы заняться пересказом этого труда.

Вот почему вместо традиционной статьи по литературе в книгу включена статья, которая исследует состояние советской мексиканистики в области литературоведения. Уже сама постановка такой проблемы говорит о многом, и прежде всего о том, что в нашей стране стремительно развивается новое направление в общественных науках — советская латиноамериканистика, а отдельные ее достижения заслуженно пользуются международным признанием. Так, например, в Мексике были изданы труды М. Альперовича, Ю. Визгуновой, Н. Лаврова, Б. Руденко, И. Шереметьева, А. Шульговского и других советских ученых, посвященные истории, а также проблемам социально-экономического развития Мексики и иных латиноамериканских стран. Все это дает нам право без боязни впасть в преувеличение утверждать, что сегодня советские исследователи вносят серьезный вклад в изучение Латинской Америки.

Поскольку мы коснулись здесь проблемы изучения Латинской Америки в СССР, нельзя не сказать и о выдающемся открытии советского ученого Ю. Кнорозова, которому наука обязана не только дешифровкой, но и прочтением иероглифических рукописей древних майя. В самом конце 1976 г. вышел перевод Ю. Кнорозова всех известных рукописей этого выдающегося индейского народа, создателя удивительной цивилизации, отдельные достижения которой превосходили достижения тогдашней Европы. Мы вправе гордиться тем, что древние рукописи заговорили после многовекового молчания именно на русском языке. Чрезвычайно важно и то, что книга «Иероглифические рукописи майя» (Наука, 1976), как и предшествующие работы Ю. Кнорозова, не просто расширяют наши современные знания о древних майя, но и служат прямым доказательством высочайшего уровня развития индейской цивилизации. При этом они неопровержимо и убедительно

тельно разоблачают всякие попытки «доказать» неполноценность индейской расы, в частности путем приписки ее достижений всякого рода чужеземцам, якобы прибывшим то ли с востока, то ли с запада, то ли прямо из космоса. Вот почему значение научного подвига Ю. Кнорозова, получившего мировое признание, трудно переоценить.

В заключение нам остается выразить надежду, что настоящая книга привлечет внимание советского читателя и поможет ему хотя бы частично удовлетворить тот огромный интерес, который сегодня испытывают советские люди к Мексике и ее замечательному народу.

¹ Правда, 1978, 19 мая.

² Правда, 1978, 19 мая.

Города-государства доколумбовой Мексики

У истоков истории

К тому времени, когда испанские корабли появились у побережья Нового Света, весь этот огромный континент, включая острова Вест-Индии, был населен множеством индейских племен и народов, находившихся на самых разных уровнях развития. Большинство их были охотниками, рыболовами, собирателями или примитивными земледельцами. Лишь в двух областях Америки (в Мезоамерике и Перу) испанцы встретили высокоразвитые индейские цивилизации. В 1492 г. здесь жило $\frac{2}{3}$ всего населения континента, хотя по территории они составляли только 6,2% общей его площади. Мезоамерика — особая культурно-географическая область, северная ветвь зоны высоких цивилизаций Нового Света. Территориально она включала Центральную и Южную Мексику, Гватемалу, Белиз, а также западные районы Сальвадора и Гондураса. В этой области, отличавшейся необычайным разнообразием природных условий и пестрым этническим составом населения, примерно на рубеже нашей эры появились первые раннеклассовые государства.

Важнейшей составной частью Мезоамерики на всех этапах ее доиспанской истории была Мексика (за исключением некоторых северных и западных районов этой страны).

Благодаря последним открытиям Х. де Терра, Л. Авелейры, А. Мартинеса дель Рио, Р. Мак Нейша, Х. Лоренсо и других ученых, было установлено, что человек впервые появился на территории Мексики еще в эпоху позднего плейстоцена — около 20 тыс. лет назад (стоянка Тлапакойя) ¹. Судя по находкам каменных орудий и костям ископаемых животных, эту область заселяли тогда группы бродячих охотников и собирателей, пришедшие, по всей вероятности, с севера континента. О североамериканском происхождении древнейших обитателей Мексики свидетельствуют находки каменных наконечников копий и дротиков типа Кловис, Фолсом, Плейнвью, Скоттсблафф и орудий типа Кочисе («Культура пустыни»), характерных для памятников палеоиндейского времени США ².

В начале VII тысячелетия до н. э. на большей части Мезоамерики произошло резкое изменение климата — он стал гораздо суше и теплее. В результате исчезли крупные животные ледниковой эпохи, а местное население, лишившись прежних источников пищи, вынуждено было перейти главным образом к собирательству диких плодов и растений. Охота на мелких зверь-

ков, рыболовство и сбор моллюсков служили важным дополнением к растительной пище³. Однако эти растения в их естественном состоянии вряд ли могли полностью удовлетворить человека, и он стал понемногу изменять растительные ресурсы своего края в нужном направлении. Именно у этих специализированных собирателей, больших знатоков окружающей флоры, и появились впоследствии первые зачатки земледелия.

Переход от присвоения готовых даров природы к непосредственному производству продуктов питания на основе земледелия и скотоводства (хотя в Новом Свете последнее практически отсутствовало) явился одним из важнейших переломных моментов в истории древнего общества. Этот переход оказал решающее воздействие на все последующее развитие не только хозяйственной деятельности человека, но и его духовной и материальной культуры, социальной организации и т. д. Некоторые зарубежные археологи вслед за Г. Чайлдом употребляют для обозначения этого важного события термин «неолитическая революция». «Неолитическая революция», вернее ее кульминационный момент, характеризуется и в Старом и Новом Свете появлением трех новых важных элементов в жизни человека: земледелия как основы хозяйства, постоянных поселений и глиняной посуды.

Еще в 30-е годы в работе «Проблема происхождения мирового земледелия» (М.; Л., 1932) академик Н. И. Вавилов отметил, что наиболее благоприятные условия для развития земледелия и для жизни древних людей создавали горные районы тропиков и субтропиков, где находились дикие предки большинства злаков (в Новом Свете маис, в Старом — ячмень, пшеница). Археологические исследования Р. Мак Нейша в горных долинах Тамаулипаса и Пуэблы (Техуакан) полностью подтвердили выводы советского ученого. Выяснилось, что некоторые горные области Мексики стали ареной «неолитической революции» еще в VII—VI тысячелетиях до н. э. Первые эксперименты по выращиванию полезных растений (тыква, амарант и др.), следы которых Р. Мак Нейшу удалось обнаружить в слоях пещерных стоянок долины Техуакана (Пуэбла), относящихся к VII—V тысячелетиям до н. э., привели к тому, что уже в IV тысячелетии до н. э. в Мексике были представлены основные культурные растения доколумбовой эпохи — маис, фасоль и тыква.

III тысячелетие до н. э. — время дальнейшего прогресса земледельческого хозяйства. В более передовых районах Мексики (долина Мехико, Оахака, Пуэбла) земледелие начинает играть уже решающую роль в хозяйстве местных племен, опередив по объему своей продукции долю собирательства и охоты. Одновременно здесь впервые появляется керамика и возникают постоянные поселки земледельцев⁴.

С этого момента абригенные культуры Нового Света развиваются неодинаково. Различие состоит уже в том, что на одних

территориях возникают центры производящего хозяйства, в то время как на других индейские племена продолжают оставаться на стадии охоты и собирательства. Кроме того, сами эти центры возникли далеко не одновременно. Появление земледелия и последующий процесс более быстрого культурного развития в первичных земледельческих центрах во многом объясняют происхождение и локализацию цивилизаций доколумбовой Америки.

Примерно с 2000 г. до н. э. в истории Мексики наступает архаическая (доклассическая) эпоха — время господства оседлых раннеземледельческих культур. После того как человек, вооруженный лишь каменным топором и заостренной палкой-копалкой, сумел обеспечить себя постоянными урожаями со своих полей, по всей Мексике наблюдается быстрый рост числа оседлых земледельческих селений. Раскопки этих памятников, в какой бы части страны они ни находились, вскрывают поразительно однообразную картину: остатки хрупких глинобитных хижин с высокими крышами из листьев или тростника, изящная и многочисленная глиняная посуда, каменные и костяные инструменты, корзины, циновки, грубые ткани, т. е. весь набор вещей, характерных для быта земледельца. Его жизнь была нелегка. Зыбкое равновесие нового производящего хозяйства целиком зависело от собранного урожая. Неудивительно поэтому, что древние мексиканцы так ревностно поклонялись небу, от которого, по их убеждению, зависел урожай, а следовательно, и само существование человека. Подобно всем земледельческим народам древности, они обожествляли силы природы: солнце, ветер, дождь и т. д. Эти верования носили еще довольно примитивный характер. Однако если верно предположение ученых о том, что многочисленные глиняные статуэтки (главным образом женские), найденные на земледельческих поселениях, связаны с культом плодородия, то мы, видимо, имеем здесь дело с конкретным воплощением религиозных идей в искусстве. Маленькие и грубые фигурки из обожженной глины — настоящая энциклопедия древней жизни. Благодаря им мы знаем, как одевались и украшали себя предки мексиканцев, жившие почти 35 веков назад, каков был их внешний облик и т. д. Женщины ходили тогда полуобнаженными — только в коротких юбочках, сплетенных из растительных волокон. Недостаток одежды они сторицей возмещали обилием всевозможных украшений — бус, браслетов, ожерелий, колец и подвесок. Зачастую тело покрывалось вычурной татуировкой или росписью. На голове красовались пышная высокая прическа или специальный убор в виде тюрбана. Мужчины довольствовались набедренными повязками.

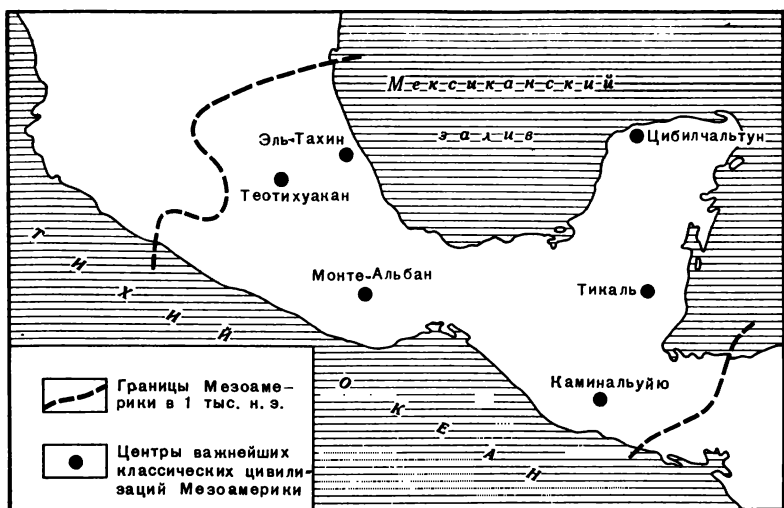
В I тысячелетии до н. э. замкнутая жизнь ранних земледельческих общин претерпевает известные изменения. Увеличивается число возделываемых растений, достигает значительных успехов селекция кукурузы, совершенствуются методы земледелия. Все

усиливавшаяся засушливость климата заставляла человеческую мысль усиленно работать в этом направлении. В ряде засушливых районов страны стали строить первые оросительные каналы, плотины и дамбы. На склонах гор возводили опорные стены-террасы из камня, что несколько увеличило общую площадь годной для обработки земли. В мелководной части пресноводных озер люди создали из плодородного донного ила знаменитые «плавающие сады» — «чинампы». Успех в хозяйственной сфере не замедлил сказаться и на культуре. Расширяется торговля с соседними областями. Появляется некоторое имущественное неравенство, особенно заметное в распределении вещей, сопровождавших умерших. В это же время мы впервые встречаем изображения людей, отличающихся по внешнему виду от своих соплеменников. Их лица иногда прикрыты маской, на голове вычурный убор или высокая коническая шапка, на плечах длинный плащ. Хотя эти глиняные статуэтки не имеют еще четких установившихся форм, они изображают, по-видимому, первых профессиональных жрецов, оставивших столь заметный след в истории древних цивилизаций Нового Света. Примерно в то же время появляются и первые храмы, выстроенные из дерева и глины. Их размеры еще невелики, но они уже гордо возвышаются на своих высоких пирамидах-фундаментах над коническими крышами хижин земледельцев. Знаменитая круглая пирамида в Куикуилько, облицованная булыжником и грубыми обломками камня, достигала в высоту 25 м.

Все отчетливее и ярче проглядывают сквозь простоту старого архаического быта контуры будущих индейских цивилизаций⁵. Убыстряется темп общественного и культурного развития. Наиболее развитые народы Мексики вплотную подходят к тому рубежу, который отделяет патриархальные порядки первых земледельцев от рабского удела их потомков, очутившихся на самом низу социальной пирамиды, созданной нарождающимся раннеклассовым государством.

15 веков индейской цивилизации

Мексиканские цивилизации появляются почти одновременно на рубеже нашей эры, возникнув на базе предшествующих культур архаического периода. В своем развитии они прошли два больших этапа: ранний, или классический (рубеж н. э. — 900 г. н. э.), и поздний, или постклассический (900—1521 гг.). К классическому этапу относятся наиболее яркие индейские культуры: теотихуаканская в Центральной Мексике, сапотекская в Оахаке, тотонакская в Веракрусе и майяская в Южной Мексике, Гватемале и Гондурасс. В конце I тысячелетия н. э. они погибли вследствие пока не выясненных причин (иноземные нашествия,

Карта основных цивилизаций Мезоамерики в I тысячелетии н. э.

внутренние социальные потрясения, упадок экономики, крупные передвижения этнических групп).

В постклассическое время на руинах прежних центров мексиканских индейцев (Теотихуакан, Эль-Тахин, Монте-Альбан, города лесной равнинной зоны майя) возникают новые, быстро растущие города-государства.

Испанские конкистадоры застали в XVI в. на территории Мексики три крупные индейские цивилизации: ацтекскую (на-хуа) — наиболее могущественную из всех (в ее состав входили долина Мехико и современные мексиканские штаты Морелос, Идальго, часть Пуэблы), миштекскую (северная часть штата Оахака) и юкатанских майя. Последняя после краха «Майяпанской лиги» (XIII в.) и сменившего ее обширного, но непрочного государства во главе с династией Кокомов (XV в.) распалась на ряд мелких независимых государств («провинций»), которые вели между собой постоянные войны с целью захвата добычи и рабов. С приходом европейцев самостоятельное развитие индейских народов Мексики было насильственно прервано и над страной опустилась почти трехвековая ночь колониального рабства.

Данная статья не ставит своей целью полное освещение всех важнейших археологических культур доколумбовой Мексики. Поэтому речь пойдет лишь о двух крупнейших раннеклассовых цивилизациях мексиканских индейцев — нахуа (Теотихуакан) и майя, существовавших на территории Центральной и Южной Мексики в I тысячелетии н. э.

Изучение этих цивилизаций представляет для историка древности огромный теоретический интерес. «Города-государства

Центральной и Южной Америки, — отмечает В. Н. Никифоров, — несравненно полней, чем скудные сведения о древнеегипетской или шумерийской цивилизациях, позволяют представить жизнь первых островков классового общества среди моря первобытно-общинного варварства, то и дело захлестывавшего эти островки»⁶. И действительно, ни в одном другом районе земного шара внутренняя структура первоначальных раннеклассовых государственных образований не документирована так хорошо, как в Мексике и Перу. Конкистадоры безжалостно уничтожили индейские цивилизации, но прежде чем это случилось, многие европейцы — очевидцы драматических событий конкисты или их современники (солдаты, монахи, путешественники, королевские чиновники, официальные летописцы и т. д.) успели оставить для потомков немало ценных документов, достаточно полно раскрывающих общий характер раннеклассовых государств доколумбовой Америки⁷.

Особенно повезло в этом отношении ацтекам; в меньшей степени освещены в испанских хрониках государства майя. Тем не менее уцелевшие до наших дней письменные источники (как испанские, так и индейские) дают достаточно прочную фактическую базу для изучения индейских цивилизаций Нового Света накануне появления европейцев (X—XVI вв.). Более того, используя ретроспективный метод, можно успешно реконструировать и социально-экономические порядки индейских государств, существовавших в I тысячелетии н. э. (классический период). Для этого достаточно «спроецировать» свет письменной эпохи на темные века мезоамериканской истории, представленные только археологическими находками. Это тем более оправдано, что сравнительно недавно мексиканские ученые убедительно показали не только поразительную культурную близость (известную и раньше) ацтеков и теотихуаканцев, но и их этническое родство. В результате подобных открытий мы имеем сейчас возможность широко использовать ацтекскую «модель» общества для сравнительного исследования внутренней структуры Теотихуакана, известного до сих пор только по археологическим данным⁸. Аналогичная картина наблюдается и у майя, где достаточно полная характеристика индейских государств Юкатана X—XVI вв. может быть с успехом приложена к еще загадочным для нас классическим городам-государствам южной Мексики и Северной Гватемалы.

На протяжении классического периода ведущую роль в истории Мезоамерики играли две цивилизации: теотихуаканская, созданная предками нахуа в Центральной Мексике, и майяская (Южная Мексика, полуостров Юкатан, Гватемала, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса).

Теотихуакан

Руины этого крупнейшего в I тысячелетии н. э. культурного центра Мексики находятся на территории современного штата Мехико в 50 км к северо-востоку от столицы страны в небольшой горной долине, являющейся ответвлением долины Мехико. Эта плодородная аллювиальная долина лежит на высоте 2280 м над уровнем моря, со всех сторон окружена горными цепями и имеет крайне засушливый климат. Главным источником воды для орошения полей и различных хозяйственных нужд служит мелководная р. Сан-Хуан-Теотихуакан. В нее впадает немало ручьев и речек, большая часть которых в сухое время года исчезает. Минеральные ресурсы района довольно бедны, но обсидиан, важнейшее сырье для изготовления орудий труда и оружия в древности, встречается в изобилии. Выгодное географическое положение (Теотихуакан стоял на кратчайшем пути из долины Мехико в долину Пуэбла), а также наличие здесь воды и залежей обсидиана, видимо, способствовали возникновению поселения и его последующему быстрому росту⁹.

Истинное название древнего города нам неизвестно. «Теотихуакан» — слово ацтекского происхождения (на нахуа «теотиа» означает «поклоняться») и переводится обычно как «место обитания богов», «место поклонения богам». Сами ацтеки не имели ни малейшего представления о строителях города, поскольку Теотихуакан погиб задолго до их прихода в долину Мехико. Тогда, видимо, и появилась у воинственных обитателей Теночтитлана легенда о том, что грандиозные сооружения мертвого города могли построить только боги¹⁰.

В эпоху своего наивысшего расцвета (450—650 гг. н. э.) Теотихуакан состоял из двух частей: центральной, тщательно спланированной зоны, плотно застроенной и населенной, площадью примерно в 6,75 кв. км; периферийной, более аморфной и реже заселенной, площадью в 12 кв. км¹¹.

Ритуально-административное ядро Теотихуакана расположено на равнине, которая постепенно понижается с севера на юг. Оно состоит как бы из двух длинных перекрещивающихся «осей», ориентированных по странам света: по линии север—юг главную «ось» планировки образует длинный (до 3,5 км) и широкий (до 50 м) проспект — «Улица мертвых» (Calle de los Muertos). На северном его конце расположен гигантский массив Пирамиды Луны — пятиярусного сооружения с плоской вершиной. Основание пирамиды 150 м (запад—восток) на 130 м (север—юг), высота 42 м. Близ пересечения «осей» в центре города «Улица мертвых» упирается в обширный комплекс построек, известный под названием «Сьюдадела» (исп. «Цитадель»). «Сьюдадела» — это гигантская четырехугольная платформа около 400 м длиной, окруженная по внутреннему краю четырьмя другими. На каждой

Вид на «Улицу мертвых» и Пирамиду Солнца (слева)

из платформ, ориентированных по странам света, стоят по четыре пирамиды. Доступ ко всему комплексу обеспечивает широкая лестница с западной стороны. На внутренней площади «Сьюдаделы» расположен один из главных храмов Теотихуакана — «Храм Кецалькоатля», представляющий собой шестиярусную каменную пирамиду, пышно украшенную по фасаду скульптурой. Главный мотив ее — пернатый змей (Кецалькоатль)¹². Рядом, западнее «Сьюдаделы», находится «Большой комплекс» — обширная прямоугольная площадь, окруженная платформами и зданиями преимущественно неритуального характера. Один из исследователей Теотихуакана — американский археолог Р. Миллон на основании некоторых косвенных данных и параллелей с ацтекским Теночтитланом высказал предположение, что «Сьюдадела» — это «текпан» (дворец) правителя города, а «Большой комплекс» — главный городской рынок¹³.

Все пространство вдоль «Улицы мертвых» от Пирамиды Луны до «Сьюдаделы» плотно застроено величественными ансамблями зданий — храмами, дворцами, общественно-административными

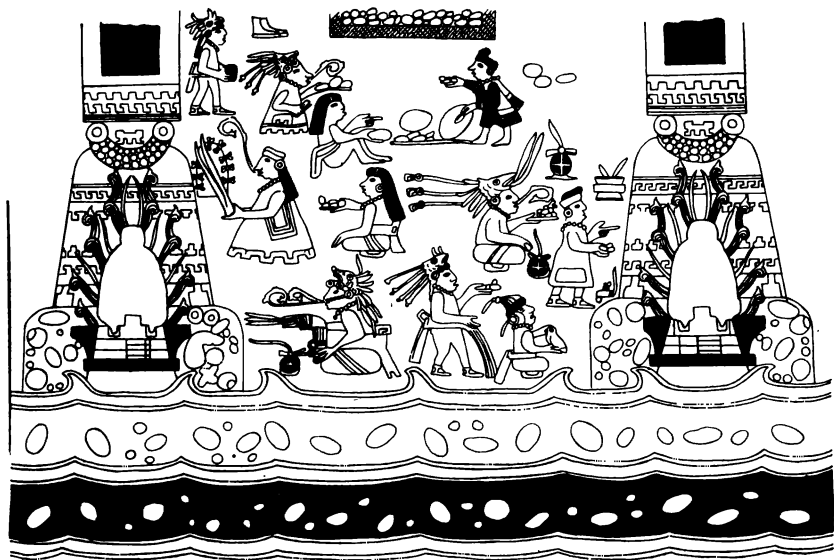
постройками («Дворец Кецальпапатля», «Площадь с колоннами», Пирамида Солнца высотой 64,5 м и др.).

Чуть севернее «Сьюдаделы» «Улицу мертвых» пересекают под прямым углом «Западный» и «Восточный» проспекты, образующие гигантскую поперечную ось городской планировки по линии запад—восток. Общая их длина около 3 км. Эти пересекающиеся «оси» образуют внутренний каркас всей планировки Теотихуакана. Все остальные улицы разбиты параллельно указанным проспектам, образуя правильную сетку квадратов, где отдельные комплексы построек имеют примерно одинаковые размеры в виде блоков 57—60 м длиной. Даже р. Сан-Хуан, протекающая через центр Теотихуакана, была заключена в канал и «спрямлена», чтобы вписаться в эту сетку улиц¹⁴. Основная единица застройки в этой центральной зоне — так называемые «дворцы»: одноэтажные, прямоугольные в плане постройки, сгруппированные вокруг внутренних открытых дворики. Многие из них украшены великолепными фресковыми росписями и колоннадами с вычурной резьбой. Поскольку в ходе раскопок в некоторых «дворцах» неоднократно находили бытовые отбросы, очаги и погребения, то их рассматривают как места обитания городской элиты — знати и жрецов¹⁵.

Гигантский крест из пересекающихся улиц-«осей» разделял город на четыре района, или квартала, внутри которых различимы и более мелкие архитектурные единицы в виде компактных комплексов из прямоугольных помещений, сгруппированных вокруг внутренних дворики и отделенных от внешнего мира глухой наружной стеной. Об истинном характере и назначении такой планировки сейчас можно только гадать. Однако абсолютное тождество теотихуаканского четырехчленного деления с планировкой Теночтитлана открывает большие возможности для дальнейших сопоставлений относительно внутренней структуры обоих городов¹⁶.

Определение плотности застройки и общей численности населения в центральной зоне Теотихуакана — дело нелегкое. По данным Р. Миллона (техника подсчетов нам неизвестна), в центре города на площади в 5 кв. км (остальные 1,75 кв. км приходятся на долю улиц, площадей и ритуально-административных зданий) в середине I тысячелетия н. э. жили до 40 тыс. человек. Средняя плотность населения в центральной зоне составляла, таким образом, до 8 тыс. человек на 1 кв. км (а на всей площади в 6,75 кв. км — 5200 человек)¹⁷.

Точных сведений о периферийной зоне (12 кв. км) пока нет. Основываясь на весьма субъективных расчетах, Р. Миллон приводит цифру в 3750 человек на 1 кв. км как показатель плотности населения на периферии¹⁸. Он особо подчеркивает резкое уменьшение плотности застройки (и соответственно числа жителей) по мере удаления от центра. В общей сложности население

Теотихуакан. Фресковая роспись «Рай Тлалока»

Теотихуакана на этапе Шолальпан (450—650 гг. н. э.) составляло около 85 тыс. человек¹⁹.

Другие исследователи приводят свои соображения о числе жителей Теотихуакана в период его расцвета. У. Сандерс, например, считает, что площадь города, занятая жилыми постройками, составляла до 700—800 га. Далее он распространяет на древний город среднюю плотность жителей современной мексиканской «чинамповой» деревни (т. е. деревни, хозяйство которой основано на «чинамповом» земледелии) — 8—10 тыс. человек на 1 кв. км. В результате население Теотихуакана, по У. Сандерсу, равнялось примерно 56—80 тыс. человек²⁰.

Аргентинский урбанолог Хорхе Ардой, исследовав раскопанный еще в 30-х годах жилой комплекс Тламимиллопа на восточной окраине центральной зоны, установил, что средняя плотность населения здесь составляла до 300 человек на 1 га, но в целом по городу она была несколько ниже — около 218 человек на 1 га. Если умножить эти цифры на 700—800 га, которые У. Сандерс отводит под жилую застройку, то получится колоссальная цифра — 140—160 тыс. человек²¹.

Периферийная зона Теотихуакана площадью около 12 кв. км состояла из жилых комплексов-блоков, расположенных нерегулярно. Монументальных общественных зданий, сопоставимых с центром города, здесь нет.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что общая числен-

ность населения Теотихуакана в эпоху его расцвета была довольно значительной, а площадь, занимаемая городом, огромна. Однако отсутствие твердых критериев для определения, хотя бы условного, числа жителей этого древнего города в работах большинства зарубежных исследователей значительно снижает ценность их выводов и предположений. Мы не знаем пока и точных границ Теотихуакана, примерного количества его одновременно существовавших домов и т. п. Даже подробная карта города, созданная усилиями экспедиции Р. Миллона, лишь сравнительно недавно появилась на свет²². Очень немного можно сказать сейчас и о приблизительном числе жителей, обитавших в одном теотихуаканском доме. Можно лишь предполагать, что обширные жилые комплексы древнего города принадлежали, по-видимому, большесемейным коллективам²³.

Экономика Теотихуакана

Экономической основой теотихуаканской цивилизации, так же как и других государств доколумбовой Мезоамерики, служило высокопродуктивное земледелие.

Исторические и этнографические материалы, имеющиеся у нас для постклассического периода (X—XVI вв. н. э.), позволяют утверждать, что в долине Мехико и прилегающих к ней горных областях издавна получили распространение различные формы интенсивного земледелия: система «тлакололь», ирригация, террасирование и «чинампы».

Система «тлакололь» (tlacolol) — улучшенная разновидность подсечно-огневого земледелия, состоящая в сжигании растительности на поверхности почвы перед севом и рыхлении ее мотыгой. Обрабатываемые таким образом участки эксплуатируют в течение нескольких лет, а потом оставляют под паром. И все же сроки «отдыха» земли здесь были гораздо короче, чем при настоящем подсечно-огневом земледелии.

Ирригационные системы различных типов и размеров существовали, по сведению хронистов, по всей Центральной Мексике во времена тольтеков и ацтеков. Археологи обнаружили остатки оросительных сооружений I тысячелетия до н. э. в соседних с Теотихуаканом районах — Оахаке и Пуэбле (Техуакан)²⁴. В XVI в. в долине Теотихуакана имелась разветвленная сеть оросительных каналов, питавших водой зону до 3600 га²⁵.

Наличие огромного соленого озера Тескоко и связанной с ним сети пресноводных озер и водоемов обусловило появление в долине Мехико системы «чинамп». «Чинампы» — это длинные узкие полосы земли, окруженные по меньшей мере с трех сторон водой. Их устилают для получения перегноя толстым слоем водяных растений, покрытых сверху листьями и травой. Затем на эту искусственную площадку кладут слой плодородного ила со дна

озера, канала или водоема — и «огород» готов. На таких участках можно было собирать по несколько урожаев в год, и эксплуатировались они практически непрерывно в течение столетий. Здесь выращивали кукурузу, бобы, тыкву, томаты, перец и другие полезные растения. Прямоугольная длинная и узкая форма «чинамп» (средние размеры их в современной Мексике 100×10 м) помогает воде просачиваться в пористую почву участков и облегчает поливку сельскохозяйственных культур с помощью шестов и черпаков. Продуктивность «чинамп» была огромна: так, урожай маиса с 1 га достигал 4 тыс. кг. К моменту испанского завоевания размеры «чинамповых» земель только в районе озер Шочимилько — Чалько составляли не менее 10 тыс. га и могли обеспечить пищей 180—270 тыс. человек²⁶.

Террасирование всех типов в долине Мехико имеет доиспанский возраст, что доказано исследованиями в Шочимилько и Тескоцинго (наличие ацтекской керамики)²⁷, но точное время появления его у местных племен пока не известно.

Судя по данным климатологии и палеоботаники, ирригация и «чинампы» играли важную роль в экономике индейцев уже в I тысячелетии н. э., т. е. во времена господства в Центральной Мексике теотихуаканской цивилизации. Как показывают пыльцевые анализы, к концу I тысячелетия до н. э. произошло изменение климата — он стал гораздо суше и теплее²⁸. В этих условиях земледелие в северных районах долины Мехико (где расположен Теотихуакан) было бы невозможным без искусственного орошения.

Есть и другие, хотя и скудные, данные на этот счет. При недавних исследованиях в Теотихуакане к востоку от Пирамиды Солнца был обнаружен большой заброшенный канал, соединяющийся с другим таким же каналом. Вероятно, они использовались не только для орошения, но и как удобный путь сообщения между центром и окраинами города²⁹.

Весьма обоснованное предположение о доацтекском и дотолтекском возрасте «чинамп» в районе Шочимилько высказал американский археолог М. Ко, обнаруживший на дне местных каналов терракотовые статуэтки и обломки керамики теотихуаканского типа (этапы Теотихуакан II и III)³⁰.

Мексиканский ученый Э. Матос Моктесума обнаружил к юго-западу от центра Теотихуакана «зеленую зону» с почвой повышенной влажности, питаемой подземными водами. Здесь нет никаких построек или вымосток и отсутствуют другие следы обитания человека. При закладке нескольких шурфов в этом районе были найдены единичные обломки керамики этапов Теотихуакан II и III³¹.

Вероятное изображение «чинампы» отмечено исследователями на одной из древних фресок Теотихуакана (этап Теотихуакан III)³². Таким образом, можно предполагать, что различные

формы интенсивного земледелия появились в Центральной Мексике в начале классического периода (I тысячелетие н. э.) — с возникновением первых индейских цивилизаций в этом районе.

Социальная структура Теотихуакана

Обилие храмов и дворцовых ансамблей в центральной части города отчетливо указывает на то, что именно этот район был местом обитания правящей верхушки местного общества — знати и жрецов. Предположительная локализация резиденции правителя Теотихуакана в районе «Сьюдаделы» весьма вероятна, учитывая и внешнее сходство этого комплекса с ацтекским «текпаном», и его центральное положение во всей системе городской планировки.

На фресках из некоторых теотихуаканских дворцов мы видим не только богов и жрецов, но и персонажей в воинских доспехах, с оружием в руках (Теопанкашко). Здесь были найдены также терракотовые статуэтки воинов в шлемах наподобие головы орла, что очень напоминает изображения ацтекских аристократов-дружинников из военных орденов «Ягуара» и «Орла»³³. По аналогии с мотивами искусства из других областей доколумбовой Америки эти данные могут служить косвенным подтверждением наличия в Теотихуакане светской военной знати, которой и принадлежало большинство известных сейчас пышных дворцов в центральной части города.

Наличие привозных теотихуаканских вещей почти на всей территории классической Мезоамерики свидетельствует о существовании в городе многочисленной группы торговцев, видимо, профессиональных, поскольку дальние и часто весьма опасные торговые предприятия требовали специальной организации и навыков. В восточной и западной частях города удалось обнаружить постройки с преобладанием привозной керамики — майяской, тотонакской и сапотекской, на основании чего можно предполагать, что здесь жили какие-то иноземцы — торговцы, паломники или послы³⁴.

К аристократическому центру примыкали тесно застроенные кварталы рядового населения Теотихуакана — ремесленников, земледельцев, охотников и т. д. Они жили в крупных компактных блоках типа Тламимилолпы — это целый комплекс различных помещений, разбитых вокруг прямоугольных внутренних дворики. Общая площадь Тламимилолпы 3500 кв. м, число комнат 176, дворики — 21³⁵.

О развитии различных видов ремесла в городе свидетельствуют археологические находки. Значительная концентрация осколков обсидиана и готовых изделий из него, отмеченная в некоторых пунктах города (близ Пирамиды Луны, например), может служить косвенным подтверждением наличия ремеслен-

ных мастерских для обработки этого камня³⁶. Такие группы ремесленников, как гончары и мастера по обработке обсидиана (и других видов камня), видимо, жили обычно группами в особых кварталах наподобие ацтекских «гильдий»³⁷.

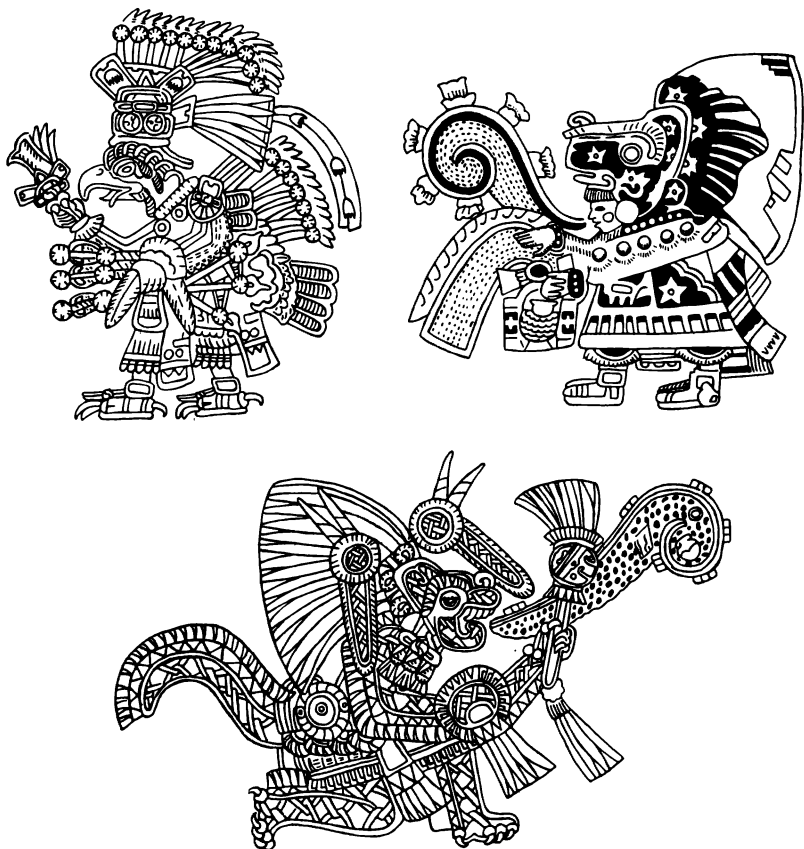
Одним из основных видов ремесла в Теотихуакане было, по всей вероятности, производство керамики. Всю массу керамических изделий можно условно разделить на две группы: керамику бытовую и керамику парадного и ритуального назначения. Первая, по крайней мере частично, могла изготавливаться домашним способом, внутри отдельных семей, вторую производили специалисты-ремесленники. О массовом производстве керамики в эпоху расцвета Теотихуакана свидетельствуют остатки больших печей для обжига гончарных изделий, найденные в Аскапоцалько³⁸, а также обилие терракотовых статуэток стандартных типов, отлитых в специальных формах. Кроме того, в глиняных формах отливались и отдельные детали самой посуды: ножки, наклепные украшения и т. д. Необычайная сложность и тонкость полихромных росписей на парадной посуде служат дополнительным доказательством того, что их мог сделать только профессиональный мастер. Среди других важнейших видов ремесла можно назвать производство каменных орудий и оружия, ткачество, плетение корзин и циновок, изготовление изделий из перьев (последнее подтверждается изображениями на фресках Теотихуакана персонажей высокого ранга в пышных головных уборах и одеждах из перьев).

Всего в зоне древнего города, в основном в районе жилых кварталов, выделено свыше 500 вероятных мастерских ремесленников (гончаров, мастеров по изделиям из камня и раковин и т. д.)³⁹.

Однако основную массу рядового населения Теотихуакана составляли люди, связанные с земледелием. По подсчетам Р. Миллона их было до 75% всех жителей города⁴⁰.

Долина Теотихуакана была населена оседлыми земледельческими племенами по крайней мере с начала I тысячелетия до н. э. Скромные по размерам селения занимали преимущественно участки на склонах холмов и гор. К 300 г. до н. э. здесь возник ряд небольших племенных союзов со своими центральными поселениями и более мелкими поселками земледельцев. Между 300 г. до н. э. и рубежом н. э. население долины быстро растет. Поселки перемещаются на аллювиальную равнину, и примерно половина всего населения долины концентрируется в пределах одного огромного административно-ритуального центра на месте будущего города⁴¹.

На протяжении этапа Потлачике (100 г. до н. э.— 1 г. н. э.) на территории Теотихуакана существовали два крупных и два небольших селения. Первые из них занимали площадь до 4 кв. км с населением до 5 тыс. человек. Здесь уже имелись монументы

Теотихуакан. Фрагменты росписей

тельные культовые сооружения, ориентированные и спланированные, как и в позднейшую классическую эпоху, с восточной девиацией $15,5^\circ$ от истинного севера⁴².

На следующем этапе — Цакуальи (Теотихуакан I; 1—150 гг. н. э.) перед нами огромный и динамичный центр с населением около 30 тыс. человек. Есть все основания утверждать, что наиболее крупные сооружения Теотихуакана — пирамиды Солнца и Луны — были возведены именно в этот период. Видимо, уже тогда город стал наиболее значительным политическим, культовым и культурным центром всей долины Мехико, подчинив себе не менее 500 кв. км окружающей территории⁴³.

В течение этапа Миккаотли (Теотихуакан II; 150—250 гг. н. э.) Теотихуакан определенно сложился уже в качестве подлинного города, центра могущественного и процветающего государства. Расцвет его приходится на этапы Тламимилоппа и Шо-

лальпан (Теотихуакан III; 250—650 гг. н. э.)⁴⁴. По наблюдениям археологов, в этот период происходит дальнейшая концентрация населения долины в пределах города-метрополии. Число мелких селений и деревушек вокруг Теотихуакана значительно сократилось, что могло означать целенаправленную политику теотихуаканских властей по концентрации подвластного населения округи ближе к городу⁴⁵, т. е. вся территория долины Теотихуакана стала сельскохозяйственной округой, своего рода «житницей» гигантского города. Однако часть земледельцев долины, даже в условиях максимальной экспансии метрополии, продолжала жить в небольших сельских деревушках и селениях, очень похожих на современные ирригационные поселки.

Если шире взглянуть на взаимоотношения Теотихуакана с окружающим миром, например со всей Центральной Мексикой, то картина получится достаточно впечатляющей. К середине I тысячелетия н. э. здесь, помимо самого Теотихуакана, существовали по крайней мере еще четыре достаточно крупных городских центра — Портесуэло, Амантла, Кальпулальпан и Чолула. В этих городах в изобилии представлены теотихуаканская керамика, статуэтки, архитектурные стили и т. д., что не только свидетельствует об общности культуры всего населения области, но и косвенно говорит об известной зависимости упомянутых четырех городов от своего более крупного и могущественного соседа. Видимо, эти центры были прежде столицами городов-государств, попавших позднее в подчинение Теотихуакану.

Город-государство или «империя»!

О том, что правители Теотихуакана проводили в I тысячелетии н. э. активную внешнюю политику и сумели различными способами распространить свое влияние на большую часть Мезоамерики, у нас имеется сейчас достаточно данных. Теотихуаканские терракотовые фигурки и керамика (Thin Orange, цилиндры-триподы на плоских ножках и т. д.) встречаются от Юго-Запада США до границ Сальвадора. Бесспорно влияние классической теотихуаканской культуры на население побережья Мексиканского залива (тотонаки), на сапотеков. Однако наиболее сложными и загадочными были взаимоотношения теотихуаканцев с жителями городов-государств майя. С одной стороны, типично майяские изделия (керамика, нефритовые украшения с резным орнаментом) обнаружены на территории самой метрополии. С другой — во многих городах майя встречаются теотихуаканские глиняные сосуды, предметы из зеленого центральномексиканского обсидиана, мотивы росписи и т. д. Более того, в Тикале, Йашхе и Копане представлены даже образцы монументальной теотихуаканской скульптуры (изображение бога воды и дождя

Тлалока на майяских стелах) и архитектуры⁴⁶. Как объяснить все это?

На мой взгляд, ключ к решению этой проблемы дает Каминальгуйю — важнейший культурный центр горных майя, находившийся на окраине столицы современной Гватемалы. В результате раскопок удалось выявить в местной культуре очень сильный теотихуаканский элемент. Речь идет не об отдельных чертах или отдельных предметах, а о целом комплексе черт и тысячах инородных вещей. В III—VI вв. н. э. в Каминальгуйю возводятся монументальные храмовые постройки из адобов в чисто теотихуаканском стиле и получают широкое распространение центрально-мексиканские мотивы искусства и религиозные верования, керамика, статуэтки⁴⁷. Степень влияния Теотихуакана на этот майяский город, удаленный от него на сотни километров, столь велика, что вряд ли можно говорить только о торговых или культурных контактах.

Видимо, здесь имелись вторжение и установление господства теотихуаканцев над местным майяским населением. Известно, что ацтекские профессиональные торговцы — «почтека» часто служили передовым отрядом правителей Теночтитлана в ходе их военной экспансии против соседних народов. Не исключено, что и в данном случае мирные торговые контакты Теотихуакана с югом (перешеек Теуантепек, Гватемала) сменились прямой агрессией воинственных пахуа, стремившихся захватить ключевые пункты вдоль торгового пути из долины Мехико на Тихоокеанское побережье Гватемалы. Из Каминальгуйю — одного из таких ключевых пунктов — можно было проводить и дальнейшую военную экспансию, и выгодные торговые операции с другими городами майя. Скорее всего именно отсюда проникали теотихуаканские товары и культурное влияние в города лесных равнинных областей майя. Что же касается некоторых теотихуаканских черт в монументальной скульптуре и архитектуре Тикаля, то их появление может быть объяснено наличием в этом городе квартала теотихуаканских торговцев, живших по своему укладу и молившихся своим богам. О том, что случаи подобного рода не были чем-то из ряда вон выходящим, говорят примеры постклассического периода: квартал торговцев майя-чонталь в Нито на побережье Гондураса, квартал ацтекских «почтека» в Шикаланго на южном побережье Мексиканского залива.

Таким образом, влияние и могущество Теотихуакана и созданной им культуры на территории значительной части Мезоамерики в I тысячелетии н. э. вряд ли подлежат сомнению. Однако остается во многом неясной структура самой теотихуаканской цивилизации. Что это — гигантская единая «империя», включившая всю Центральную Мексику, или просто сильный город-государство («ном»), подчинивший себе соседние автономные «номы» и сделавший их полузависимыми (выплата дани и т. д.)?

Очень многое в этом плане дают исторические документы кауна конкисты, относящиеся к той территории, где некогда доминировал Теотихуакан.

Накануне конкисты долина Теотихуакана оказалась составной частью крупного государства Акольхуакана, столицей которого был г. Тескоко. Можно напомнить, что Тескоко вместе с Тлакопаном и ацтекским Теночтитланом еще в XV в. образовали знаменитую «Тройственную лигу», подчинившую себе большую часть Центральной Мексики. Правитель («тлатоке») Тескоко был верховным правителем всего Акольхуакана. Ему помогал в делах управления совет из 14 членов — так называемых «великих», являвшихся «тлатоке» зависимых от Тескоко 14 городов-государств, которые и образовывали территорию «царства»; 11 из них, включая Теотихуакан, находились в долине Мехико, 3 были расположены в юго-восточном Идалго и северо-восточной Пуэбле⁴⁸. Каждое из этих полуавтономных карликовых государств состояло из центрального городского поселения-столицы и ряда зависимых земледельческих деревушек и селений.

Что касается непосредственно долины Теотихуакана, то там к моменту конкисты находилось четыре довольно крупных города-государства с обычной для такого рода территориально-политических объединений внутренней структурой — столица и зависимые от нее сельские поселения: Тенешпан с 13 зависимыми поселениями, Акольман — с 28, Сан-Хуан-Теотихуакан — с 18 и Отумба — с 29 зависимыми поселениями.

Таким образом, четыре центральных города-столицы держали под своей эгидой 88 зависимых селений, 55 из которых находились в долине Теотихуакана. В 1580 г. все население долины Теотихуакана составляло, по данным налоговых списков, около 26 тыс. человек. Если учесть, что по сравнению с 1519 г. оно сократилось минимум в 2—3 раза, то к моменту конкисты общее число жителей долины доходило, вероятно, до 50—80 тыс.⁴⁹, что совпадает примерно с расчетами численности населения для классического Теотихуакана.

Долина Мехико в XVI в. была разделена между 50—60 полусамостоятельными мелкими территориально-политическими единицами (наподобие древнеегипетских «номов») средней площадью около 130 кв. км и населением от 12 тыс. до 50 тыс. человек. Все они были в той или иной мере зависимы от трех господствующих центров — Теночтитлана, Тескоко или Тлакопана и выплачивали им обременительную дань. Каждое из этих мелких подразделений состояло из центрального городского поселения, служившего политико-административным и культовым центром данной территории, и зависимых от него сельских общин. Такое крохотное государство управлялось наследственным правителем — «тлатоани», или «тлатоке», который обладал почти деспотической властью и был окружен пышным двором, жившим по строго разработан-

ному сложному ритуалу. Резиденцией правителю служил большой многокомнатный дворец, выстроенный из камня или адобов⁵⁰.

Общество было разделено на два основных класса — «пипись-тин», или знать, к которой принадлежали потомки и родичи царствующего и предыдущих «тлатоани», и большой и разнородный класс зависимых и угнетаемых центральной властью людей: во-первых, лично свободные общинники «масехуальтин» (земледельцы, мелкие торговцы, ремесленники, охотники, рыбаки и т. д.); во-вторых, зависимые от знати и прикрепленные к земле земледельцы «майеки», во многом напоминавшие спартанских илотов (члены завоеванных и поработченных общин); в-третьих, рабы (долговые, за преступления и военнопленные). В городах жили профессиональные воины, торговцы, ремесленники (мастера по изделиям из золота, драгоценных камней, перьев и т. д.). Купцы и ремесленники были организованы в наследственные «гильдии», занимающие в городе особые жилые кварталы⁵¹.

Наиболее отчетливо характерные черты внутренней структуры раннеклассовых индейских обществ кануна конкисты можно проследить на примере ацтекского Теночтитлана, достаточно подробно освещенного в письменных источниках XVI—XVII вв.⁵²

Ацтеки, или теночки, были одним из полуварварских племен языковой группы нахуа, сравнительно поздно (в XIII в.) пришедших в долину Мехико откуда-то с севера. Здесь они довольно быстро восприняли от своих соседей более высокую культуру (культура Миштека — Пуэбла), происходящую по прямой линии от цивилизации Теотихуакана (через таких посредников, как Чолула, Шочикалько и Тула—Толлан). Непрерывные захватнические войны, которые ацтеки вели с XV в., и благотворное воздействие со стороны более древних центров культуры долины Мехико позволили за 200—300 лет совершить стремительный «скачок» от высшей ступени варварства (военной демократии) к раннеклассовому государству⁵³.

Согласно сведениям хронистов, Теночтитлан был основан в 1325 г. на двух островах в юго-западной части озера Тескоко. В 1519 г. город занимал площадь не менее 12 кв. км и в нем проживало несколько десятков тысяч человек⁵⁴.

Первоначально здесь были два самостоятельных города-государства, созданных двумя родственными племенами нахуа: на севере—Тлателолко, на юге—Теночтитлан. Оба они были тесно связаны между собой (географическая близость, историческое, культурное и этническое родство) и поддерживали постоянные ритуальные и экономические взаимоотношения до тех пор, пока более сильный Теночтитлан в 1473 г. не подчинил себе своего соседа.

Тот факт, что оба города возникли и развивались на первых порах как политически независимые единицы, доказывается наличием двух одинаковых по структуре ритуально-административ-

ных центров, окруженных стенами: одного в Тлателолько, другого в Теночтитлане («священный», или «храмовый район», дворец правителя «текпан» и центральный рынок)⁵⁵.

В Теночтитлане наблюдается четкое разделение всех архитектурных компонентов, связанных с этим центральным ядром города. «Священный район» состоял из храмов, посвященных важнейшим богам ацтекского пантеона, жилищ жрецов и их слуг. Он был отделен от остального города высокой стеной. Отдельно, хотя и неподалеку от этого ритуального комплекса, стоял дворец «тлатоани», выполнявший функции главного центра светской административной власти. Он включал в себя личное святилище правителя, его жилые помещения, склады, арсеналы, комнаты для охраны и слуг и т. д. Дворец Мотекухсомы II занимал, например, площадь 2,4 га⁵⁶.

Теночтитлан был разделен на четыре больших квартала, или, вернее, «района», образованных четырьмя улицами-«осями», которые, начинаясь у ворот «священного квартала», шли точно по странам света. В каждом из таких районов имелся свой крупный храм или даже целый храмовый комплекс, хотя об их характере и действительной величине мы знаем очень мало.

Альварадо Тесосомок (XVII в.) упоминает о наличии в этих четырех районах особых построек «уэуэкаллис», где находились должностные лица — «вожди» (*caudillos*) или сановники с абсолютной властью (*señores absolutos*), управлявшие этими городскими делениями. «Уэуэкаллис» находились возле храмов на центральных площадях каждого из четырех районов, повторяя в меньшем масштабе структуру уже описанного выше главного ритуально-административного ядра Теночтитлана.

Четыре района ацтекской столицы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие территориальные единицы — «кварталы» (*barrios, tlaxillacallis*), которые часто носили те же самые имена, которые употреблялись для обозначения общин «кальпулли» — наиболее важной социально-экономической ячейки ацтекского общества. Как правило, в документах XVI в. индивидуумы, упомянутые в качестве членов данной «кальпулли», проживали в кварталах Теночтитлана с тем же самым названием (т. е. «кальпулли» аналогична городскому «кварталу»).

Каждый такой квартал имел храм, где находилась статуя божества — покровителя квартала, школу (дом юношей), дом главы квартала — «кальпуллека» и центральную площадь, служившую местом для ритуальных обрядов и общих собраний жителей данной территориальной единицы и одновременно рынком⁵⁷. Хотя каждый квартал состоял из отдельных групп домов, или домохозяйств, у нас нет никаких фактов в пользу того, что они выступали когда-либо в качестве особой территориальной или административной единицы в структуре Теночтитлана. «Квартал», равный сельской общине-«кальпулли», — вот самое низшее и са-

мое главное звено всей социально-политической системы ацтекского государства.

По рисункам и описаниям хроник, рядовые жилища горожан имели форму обнесенного стенами участка, внутри которого размещалось несколько отдельно стоящих жилых построек, обращенных фасадами к внутреннему открытому дворику. Каждый такой комплекс занимал большесемейный коллектив, состоящий из старшей четы, их женатых детей (включая дочерей) и внуков. Женатая пара жила в одном однокомнатном или двухкомнатном здании⁵⁸. Кроме того, в состав домохозяйства входили отдельное здание кухни, паровая баня, зернохранилище и т. д. Эти жилые ансамбли Теночтитлана очень напоминают индивидуальные блоки-жилища внутри обширных домовых комплексов Теотихуакана.

Члены «кальпулли» владели земельными наделами в составе большесемейных коллективов. Это не была, однако, частная собственность. Пользование землей ограничивалось рядом строгих правил, накладываемых советом общины, который состоял из глав домовладений (т. е. большесемейных коллективов). Надел нельзя было сдавать в аренду и продавать. Размеры участка уменьшались или увеличивались советом в соответствии с размером семьи. Права на землю терялись, если семья уходила из общины или не обрабатывала надел три года подряд. Во главе «кальпулли» стоял вождь, или предводитель («кальпуллек», «кальпуль»), хранивший у себя набор карт, фиксировавших границы земель, которые принадлежали общине. Он же служил посредником между членами «кальпулли» и центральной властью. Должность его была выборной, но кандидат всегда отбирался из одного определенного рода.

Основные функции «кальпулли» в системе ацтекского государства включали в себя: во-первых, уплату налогов правителю города-государства либо трудом, либо продуктами ремесла и земледелия, для чего в каждом «кальпулли» имелся специальный участок земли, обрабатываемый сообща, урожай с которого шел в пользу правителя Теночтитлана; во-вторых, предоставление правителю города отдельного отряда воинов (200—400 человек) в случае военных действий. «Кальпулли» имела своего бога-покровителя с отдельным храмом для его культа, а также отправляла общинные ритуалы и празднества.

Что же такое «кальпулли»? Определение ее сущности — ключ к пониманию структуры всего ацтекского общества. Сейчас можно уже констатировать, что мы имеем дело с территориальной соседской общиной, сохранившей много пережитков родовой общины. Ближайшей аналогией «кальпулли» может считаться перуанская «айлью» и нигерийская «агболе». Вполне очевидно, что термины «фвартал» и «кальпулли» синонимы. По подсчетам А. Банделье, в четырех главных «районах» Теночтитлана было 20 «кальпулли» (на основе некоторых сведений из

древних хроник, теночки начали миграцию в составе 20 общин)⁵⁹. Фактически же к 1519 г. их насчитывалось гораздо больше. Известно, что каждая «кальпулли» строила у себя школу для юношей, а, по сообщению испанского монаха Саагуна, в столице ацтеков в каждом из четырех больших «районов» насчитывалось по 12—15 школ. Следовательно, общее число школ (48—60) может быть и общим числом «кальпулли». В «Кодексе Осуна» также упомянуто 60—70 «кальпулли» для Теночтитлана.

На одной из индейских карт начала колониального периода («Plano en Papel de Magney») изображен участок старой ацтекской столицы с домами и прилегающими территориями «чинамповых» огородов. Каждый домовый участок (здесь же указывалось и имя владельца) имел размеры около 500 кв. м (23 м в длину и столько же в ширину). Всего на карте показано примерно 400 домов на территории, равной $\frac{1}{31}$ всей площади Теночтитлана. Если весь город имел аналогичный характер застройки, то, исключив из его площади рынки, общественные здания, храмы и дворцы, общее число жилищ в Теночтитлане составит около 10 тыс.—примерно 200 на 1 кв. км⁶⁰. Предположим далее, что каждый дом населяла одна малая семья из 5—6 человек. В этом случае население города составит 50—60 тыс. человек. Если же в домах жили большие семьи, то цифра увеличится вдвое (100—120 тыс.).

Таким образом, сопоставление классического Теотихуакана с постклассическим Теночтитланом открывает большие возможности для интерпретации на основе письменных источников «темных мест» теотихуаканской истории. Две гигантские метрополии Центральной Мексики, хотя их и разделяет многовековой хронологический разрыв, демонстрируют такое поразительное сходство в своей планировке, внутренней структуре и архитектурном воплощении, что речь может идти только о прямой культурной преемственности между различными группами индейцев нахуа.

Нам остается добавить, что, судя по археологическим данным, Теотихуакан погиб в эпоху наивысшего расцвета (450—650 гг. н. э.). Гибель наступила довольно быстро, в результате насильственного разрушения. Кто же уничтожил одну из величайших столиц Мезоамерики, мы не можем пока сказать. Могли восстать низы теотихуаканского общества — земледельцы, ремесленники и рабы, хотя более правдоподобным кажется вторжение извне чужеземных племен. Теотихуакан, подобно древним земледельческим цивилизациям Средней Азии, Индии и Китая, постоянно ощущал давление варваров на свои северные границы. Один из успешных неприятельских рейдов внутрь страны мог закончиться захватом и разрушением этого крупнейшего культурного центра Мексики.

Тикаль

Если в Центральной Мексике сам факт существования городов-государств начиная с первых этапов зарождения цивилизации не вызывает сомнений, то с городами майя в I тысячелетии н. э. все обстоит гораздо сложнее. И сейчас еще многие исследователи отрицают наличие «настоящих городов» у майя классического периода, объявляя все их крупные населенные пункты только «ритуальными центрами»⁶¹. Другие ученые, признавая факт существования городов на территории Юкатана в X—XVI вв., связывают это с влияниями тольтеков, вторгшихся на земли майя в X в. н. э.⁶² Наконец, объясняют отсутствие у майя городов в I тысячелетии н. э. следующим: появление древней городской цивилизации связано только с ирригационным интенсивным земледелием, которое издавна существовало в Центральной Мексике. Поскольку майя в основном практиковали экстенсивное подсечно-огневое земледелие, то на их территории не было достаточной концентрации населения, следовательно, не было подлинных городов. У них господствовала якобы иная система — не города-государства, а ритуальные центры, где постоянно жили лишь жрецы, правители, их слуги. Их обеспечивали «окрестные» деревушки земледельцев⁶³.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация: классическая культура майя с ее широко известными памятниками монументальной архитектуры, скульптуры и живописи, с высокоразвитой системой иероглифического письма и сложным календарем оказалась «на задворках» мезоамериканских цивилизаций — без городов и развитого общественного строя. Между тем хорошо известно, что в эпоху древности именно города были основными центрами цивилизации в социально-политическом, экономическом, культовом и культурном плане. Часто сам факт наличия городов определяет и наличие цивилизации. И совсем не случайно американский археолог Г. Уилли, развивая свой тезис об отсутствии у майя в I тысячелетии н. э. черт подлинного урбанизма, пришел в конце концов к заключению, что там не было и цивилизации, а наблюдался лишь «процесс перехода» (выделено мной. — В. Г.) от военной демократии к государству⁶⁴.

Это заставляет нас еще раз очень тщательно рассмотреть проблему наличия городской цивилизации в низменных тропических областях майя на примере Тикаля — наиболее крупного и наиболее изученного памятника классической эпохи⁶⁵.

Тикаль находится на севере Гватемалы в департаменте Петен, в зоне влажных тропических лесов, занимая широкую известняковую равнину, пересеченную цепями каменистых холмов, болотами и оврагами. Осадки (до 135 см в год) выпадают здесь преимущественно в дождливый летний сезон (с июня по декабрь). Постоянных источников воды, кроме влажных бодотистых низин,

Карта городов-столиц Центральной области майя в I тысячелетии н. э.

здесь нет, и, видимо, в древности, в сухое время года жители города пользовались водой, собранной во время дождей в искусственные резервуары. Судя по данным пылецевого анализа, за последние 2 тыс. лет климат не претерпел здесь сколько-нибудь существенных изменений.

Древнейшие следы пребывания человека на территории Тикаля относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. Если же исходить только из дошедших до нас календарных дат по эре майя, запечатленных на каменных монументах города, то он существовал с 292 г. (стела 29) до 889 г. н. э. (стела 11).

В 1956—1967 гг. в Тикале работала археологическая экспедиция Музея Пенсильванского университета (США). Была составлена подробнейшая карта всех руин, видимых на поверхности на площади примерно 16 кв. км, и произведены раскопки в различных районах города.

При взгляде на карту видно, что в момент своего наивысшего расцвета (VIII в. н. э.) Тикаль занимал довольно значительную территорию и состоял из двух четко выраженных частей: политико-административного и ритуального центра (2—2,5 кв. км) и районов интенсивной жилой застройки вокруг него (7—7,5 кв. км). В пределах центрального ядра, разбитого вокруг главной площади города, сосредоточены почти все крупные общественные здания — храмы и дворцы (около 300), основная часть резных монументов (стел, алтарей и притолок), все известные до сих пор пышные захоронения. Важнейшие ансамбли построек соединены между собой широкими каменными дорогами-дамбами. Постройки здесь либо стоят на высоких пирамидальных основаниях, либо группируются на вершинах искусственных и естественных холмов с крутыми откосами — «акрополях». Наличие «акрополя» (или нескольких) — характерная черта планировки почти всех крупных классических городов Центральной области майя.

Жилые районы Тикаля распадаются на отдельные скопления и группы построек, общее число которых точно не установлено. Есть там и отдельные ритуально-административные здания второго степенного (по сравнению с центром) значения. Очаговый характер планировки Тикаля объясняется прежде всего изрезанным рельефом местности — наличием большого числа болотистых низин, оврагов и холмов. Здесь нет и не могло быть длинных прямых улиц. Основной связующей единицей, вокруг которой группируются все жилые постройки, служил прямоугольный дворик, ориентированный по странам света. Общее число жилых построек в каждом таком микроансамбле колеблется обычно от 2 до 5. Это дает основание предполагать, что данная группа является археологическим отражением большесемейного домохозяйства, состоящего из нескольких парных семей (отец, мать, их женатые дети и внуки)⁶⁶. Несмотря на внешне беспорядочное расположение жилищ на местности, их число, во-первых, увеличивается по

Тикаль. Храм I (до начала раскопок)

мере приближения к центру, а во-вторых, они ставятся в подавляющем большинстве случаев лишь на сухих возвышенных местах, облегчавших естественный дренаж в сезон дождей (поэтому в болотистых низинах никаких признаков застройки не обнаружено). Индивидуальные жилища Тикаля, обычно группирующиеся по 2—3—5 в пределах одного домохозяйства, имеют тенденцию концентрироваться в более крупные территориальные объединения (от 17 до 33 домов), где отмечено также наличие небольшой нежилой постройки «дворцового» типа с ритуальными приношениями в тайниках и небольшого храма⁶⁷. Общая численность населения такой «группы» составляла, по-видимому, несколько сотен человек. Все описанное, а также присутствие локальной общественной постройки и храма напоминает «квартальные» деления ацтекской столицы. Важно отметить, что в отличие от других крупных городов майя I тысячелетия н. э., например Алтар-де-Сакрифисьос, Вашактун, где налицо все признаки «кочующего» в пределах городских границ политико-административного центра (что связано, вероятно, со сменой царских династий и строительством в связи с этим новой резиденции и сопутствующих ей храмов)⁶⁸, в Тикале основной центр всегда оставался неизменным — в районе Главной площади и прилегающих к ней участков (Северный и Центральный «акрополи» и др.).

Определение точных границ любого древнего памятника из лесных районов Центральной области майя представляет для исследователя одну из труднейших задач. Во-первых, у городов майя I тысячелетия н. э., как правило, отсутствовала внешняя линия укреплений в виде стен, рвов, валов и палисадов. Во-вторых, разного рода постройки, сконцентрированные небольшими группами вокруг прямоугольных дворики и площадей, тянутся обычно на много километров в стороны от главного ритуально-административного ядра города, незаметно «сливаясь» с соседними городами и селениями. И в третьих, как правило, вся площадь города покрыта густыми зарослями вечнозеленого тропического леса, т. е. практически почти исключается возможность рассмотреть что-либо не только с земли, но и с воздуха.

Однако в Тикале после широких работ по расчистке руин от растительности удалось нанести на карту около 16 кв. км центра и его округи, что и позволило некоторым исследователям рассматривать эту территорию в качестве основной⁶⁹ при определении границ города. Но ситуация изменилась, когда в 1965 г. лесную чащу в районе Тикаля прорезали четыре 12-километровые просеки (500 м шириной), разбитые строго по странам света. Цель этого трудоемкого проекта состояла в том, чтобы определить степень концентрации построек в центральной зоне города и на его периферии. Неожиданно выяснилось, что в 4,5 км к северу и в 8 км к юго-востоку от центра Тикаля расположена полоса внешних оборонительных сооружений в виде валов и рвов⁷⁰. С этой

находкой ученые как будто получили вполне осязаемые границы древнего города: на севере и юге — это линия укреплений, а на западе и востоке — естественные границы в виде обширных болот, непригодных для жилья. Причем на севере концы валов и рвов упирались в эти болота, образуя довольно четкую внешнюю границу. Неудивительно, что уже в 1970 г. один из непосредственных исследователей Тикаля У. Хевиленд выступил с утверждением, что площадь города в момент его наивысшего расцвета (сколо 770 г. н. э.) составляла не менее 123 кв. км. Это именно та площадь, которая ограничена линией внешних укреплений⁷¹. Другие исследователи доводят занимаемую Тикалем площадь даже до 160 кв. км⁷².

На мой взгляд, упомянутые авторы смешали два разных понятия — сам город как таковой и его округу. Внешняя линия укреплений ограждала не Тикаль, а всю его земельную территорию, включая и более мелкие городки и селения. Укрепления эти служили одновременно и четким пограничным знаком тикальских владений, и достаточно надежной защитой от набегов врагов извне.

Какую же территорию занимал в таком случае собственно Тикаль? При взгляде на карту можно заметить, что с востока (примерно в 2 км от Главной площади) начинается обширное болото Бахо-де-Санта-Фе и жилая застройка здесь, естественно, сходит почти на нет. На западе плотность застройки резко уменьшается сразу же за гигантской пирамидой Храма IV, удаленного от центральной площади примерно на 1 км. В северном направлении число построек на единицу площади заметно уменьшается в 1,5—2 км от центра, а на юге — в 1,5 км. Следовательно, район наиболее интенсивной концентрации построек в Тикале — это зона вокруг центра города площадью примерно 9—10 кв. км, за пределами которой плотность застройки сразу уменьшается в несколько раз. Это и есть собственно Тикаль — столица довольно крупного города-государства. Остальные 110—150 кв. км приходится на долю его округи, включая и территорию зависимых городков и селений.

В результате исследований археологов США удалось установить, что на площади 16 кв. км «центральной зоны» Тикаля имеется до 3 тыс. построек разного назначения и величины. Примерно 300 из них составляют здания дворцового типа и храмы. Остальные 2700 зданий небольших размеров; они, видимо, представляют собой жилые дома разных групп городского населения. Однако при интенсивных раскопках 117 таких построек выяснилось, что не все они были домами: до 16% общего их числа приходится на вспомогательные и нежилые здания (кухни, кладовые, бани, семейные святилища и т. д.). Исключив их из 2700 построек, мы получим 2200 «чистых» жилищ на площади 16 кв. км. Однако в действительности эта площадь будет значительно мень-

ше, так как примерно 25—30% всей территории Тикаля приходится на долю необитаемых болотистых низин и оврагов.

Раскопки, шурфовки и сбор подъемного материала на значительной части этих построек заставили У. Хевиленда предположить, что все они были обитаемы к 770 г. н. э. Этот же автор на основе современных этнографических наблюдений юкатанских майя взял цифру 5,6 человека на 1 семью (1 дом) для своих расчетов по древнему Тикалю. В итоге получилось 10—11 тыс. человек для центральной зоны в 16 кв. км⁷³. Для всей же территории города (свыше 120 кв. км) он предполагает, исходя из тех же принципов, население в 45 тыс. человек. По данным У. Хевиленда, плотность населения в «центральной зоне» Тикаля (63 кв. км) составляла в среднем 600—700 человек на 1 кв. км, а в «периферийной» (60 кв. км) — не более 100 человек на 1 кв. км⁷⁴.

На мой взгляд, цифра 5,6 человека на одну семью несколько занижена, поэтому, исходя из данных крупнейшего мексиканского этнографа А. Вилья Рохаса — 6,3 человека на одну семью майя, я предлагаю округлить ее до 6 человек. Это дало бы 13 200 жителей для зоны 16 кв. км при условии ее равномерной застройки. Но, как мы знаем, застройкой была занята далеко не вся площадь (25—30% ее приходится на необитаемые болотистые низины), и, следовательно, фактическая плотность будет еще выше (до 1100 человек на 1 кв. км). Таким образом, собственно Тикаль занимает не 16, а только 10 кв. км; остальное — его округа. Отбросив 25—30% болотистой территории, мы получим для обитаемой зоны города примерно 7—7,5 кв. км. Исходя из средней плотности 1100 человек на 1 кв. км, получим, таким образом, для городской зоны Тикаля население в среднем до 8 тыс. человек. Сюда же нужно добавить обитателей дворцов, чиновников, воинов, жрецов и их слуг, живших в ритуально-административном центре. Р. И. Адамс предположил на основе сложных подсчетов для дворцов Вашактуна (по общему метражу спальных мест), что в среднем их население составляло около 2% населения города с округой⁷⁵. Как известно, в Тикале с округой было приблизительно 45 тыс. жителей. Следовательно, население его дворцов в самом грубом приближении доходило до 900 человек. Если предположить, что рядовые жрецы, воины, слуги и чиновники, жившие в центре, по меньшей мере втрое превосходили по своей численности дворцовую элиту, то мы получим еще 2700 человек.

Таким образом, для собственно Тикаля наши подсчеты в целом составят 11,5—12 тыс. человек. Эта цифра вполне отвечает средней численности наиболее ранних городов Месопотамии (Ур, Хафадж) и целиком совпадает с хорошо документированными сведениями по юкатанскому городу Майяпану (XIII—XV вв. н. э.). Налицо и прямое сходство планировки и внутренней струк-

туры всех названных здесь городских центров: «священный квартал» («теменос»), включающий все важнейшие политико-административные и культовые постройки города, и окружающие его жилые районы основной массы городского населения.

Специфической для Тикаля чертой является отсутствие укреплений вокруг самого города и в силу этого более широкий и разбросанный характер городской застройки по сравнению с шумерским, центральномексиканским или позднемаяйским городом. Экономика Тикаля, как и других майяских городов в низменных лесных областях, была основана на земледелии подсечно-огневого типа (система «мильпа»). Основные сельскохозяйственные культуры — маис, тыква, бобовые. Многолетние споры, ведущиеся среди ученых-американистов по поводу продуктивности майяского подсечно-огневого земледелия и способности его поддерживать многолюдные города, на мой взгляд, уже изжили себя. Сам факт длительного, многовекового существования таких крупных центров, как Тикаль, — лучшее доказательство больших потенциальных возможностей мильпового земледелия. Последнее, безусловно, было интенсивным, т. е. давало прибавочный продукт. «Переход к интенсивному... земледелию, — подчеркивает Ю. В. Кнорозов, — был обеспечен успехами в области выведения высокоурожайных сортов кукурузы и четкой регламентацией работ. Для определения сроков работ, особенно посева, от своевременности которого зависел урожай, был разработан достаточно точный календарь» ⁷⁶.

Сочетание на одном участке смешанных культур — маиса, тыквы и бобовых — увеличивало урожайность и на длительное время сохраняло плодородие почвы, защищая ее одновременно от эрозии. Видимо, маисовое земледелие в ряде случаев дополнялось выращиванием различных корнеплодов — маниоки, батата и др. Немалую роль в пищевом рационе жителей города играли и плоды хлебного дерева рамон (*Brosimum alicastrum*), в изобилии сохранившегося вокруг жилых домов Тикаля на приусадебных участках ⁷⁷.

Хотя значительная часть (если не большинство) населения города, особенно его окраинных районов, состояла из земледельцев, там имелось немало и других групп, не связанных непосредственно с этой отраслью производства: ремесленники, торговцы, воины, жрецы, чиновники, придворные и т. д. О наличии в Тикале профессиональных ремесленников по обработке кремневых орудий и скульпторов-камнерезов свидетельствуют археологические находки ⁷⁸. Можно предполагать, судя по изображениям на фресках и каменной скульптуре, что в городе существовали и такие категории профессионального ремесла, как изготовление парадной одежды, головных уборов из перьев, изделий из раковин, резьба по нефриту, обработка дерева. Есть и прямые археологические доказательства развития торговли в Тикале (привоз сырья —

Тикаль. «Дворцовые сцены»: росписи на глиняных сосудах из царских погребений

Тикаль. Мотивы росписей на керамике

обсидиана, соли и твердых пород камня, а также предметов роскоши для знати и т. д.)⁷⁹.

Анализ мотивов искусства, пышных гробниц под основаниями храмов и дворцовых ансамблей в центральной части города (группа «А») заставляет предполагать наличие здесь уже с I в. до н. э. династий наследственных и обожествляемых правителей⁸⁰. На рельефах, стелах и росписях Тикаля эти правители запечатлены в повседневных делах и заботах: восшествие на престол, дворцовые аудиенции, победоносные войны, поклонение божеству, ритуальные акты и т. д.⁸¹

Что касается принадлежности Тикаля к классу столиц, то этот тезис не вызывает сомнений ни у одного из исследователей. Тикаль уже с последних веков до н. э. стал важным политико-административным и культовым центром в северо-восточной Гватемале. Там обнаружены свыше 200 каменных монументов, около 300 крупных храмовых и дворцовых построек, заупокойные царские храмы и погребения лиц высокого ранга под ними, многочисленные мотивы искусства, связанные с личностью правителя и прославлением его деяний. Наконец, в пользу этого говорят огромные размеры города и численность его населения.

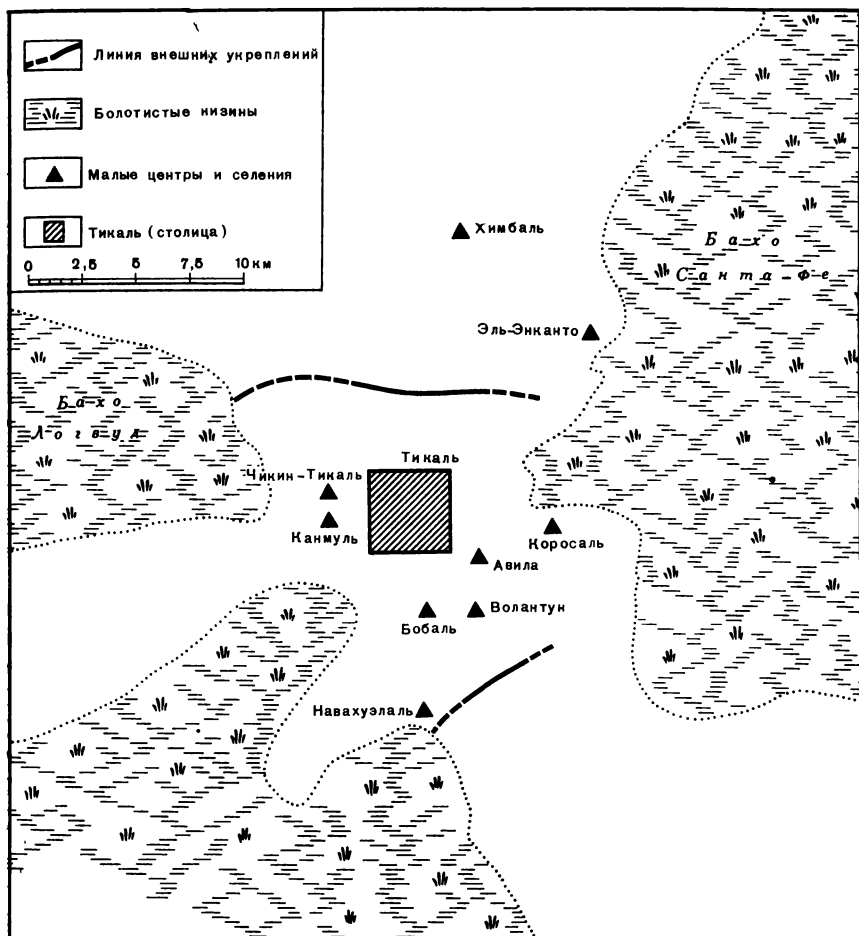

Схема округа Тикаля

Несколько слов необходимо сказать и по поводу округа Тикаля. В настоящее время вокруг города выявлены еще девять городков и селений, существовавших в I тысячелетии н. э. Все они находятся в пределах 10—15-километровой зоны, обычной для сельскохозяйственной округи крупных городских центров древности (шумерский Урук, юкатанские города XVI в.). По своим размерам, количеству и качеству монументальных построек и произведений искусств они далеко уступают метрополии. Семь городков и селений находятся непосредственно в пределах линии внешних оборонительных укреплений Тикаля и только два памятника — Эль-Энканто (11,2 км к северо-востоку) и Химбаль (12,5 км к северо-северо-востоку) — расположены за пределами

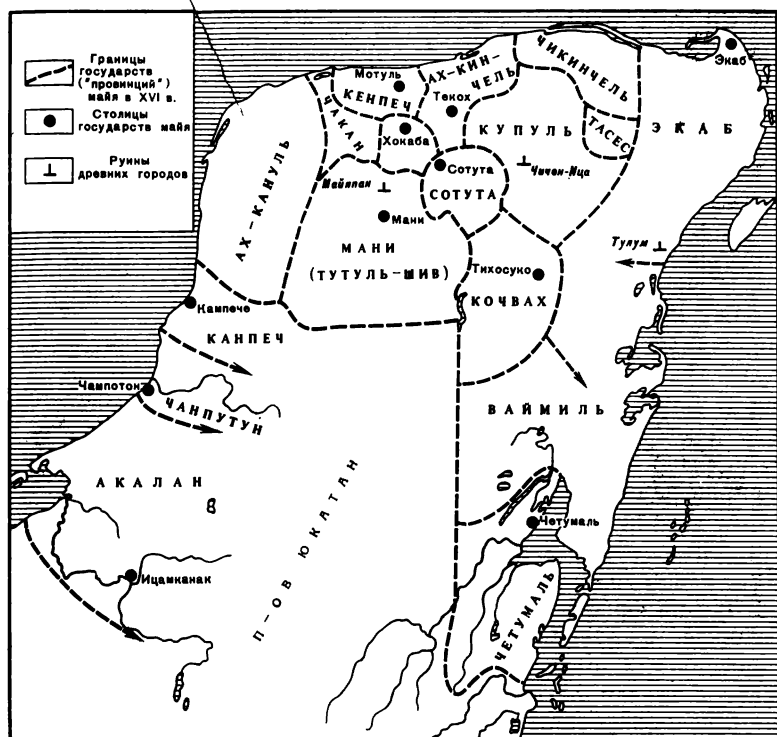
этих внешних границ. Однако те немногочисленные сведения, которыми мы располагаем для Эль-Энканто, уверенно позволяют связывать данный центр со сферой влияния Тикаля. Дело в том, что там найдены две каменные храмовые пирамиды и одна резная стела, датированная 598 г. н. э. Последняя имеет изображения на трех сторонах (фасаде и боковинах), что часто встречается и на тикальских стелах. Стиль изображения и форма иероглифов также близки к тикальским традициям (стелы 3, 8, 9 и 12). Подобная картина наблюдается и в небольшом городке Волантуне с его храмовой пирамидой и единственной резной стелой (409 г. н. э.). По стилю изображения и по числу резных поверхностей волантунский монумент весьма напоминает скульптуры Тикаля⁸². К сожалению, о других поселениях тикальской округи мы не располагаем пока сколько-нибудь полными сведениями.

Таким образом, в структурном отношении город-государство Тикаль состоял из столицы (площадь 9—10 кв. км, население до 12 тыс. человек) и округи (119—150 кв. км, свыше 33 тыс. человек), в которую входили еще семь второстепенных городков и селений в пределах внешней линии укреплений и два — вне ее.

К близким выводам пришел исследователь из США. У. Буллард на материалах археологической разведки в Северо-Восточной Гватемале. Он установил, что минимальные размеры округи для каждого крупного «ритуального центра» в I тысячелетии н. э. составляли в среднем около 100 кв. км с населением от 2 до 10 тыс. человек⁸³. В другой работе говорится о том, что расстояние между двумя ближайшими крупными городами Центральной области майя в I тысячелетии н. э. равнялось, как правило, 15 км⁸⁴. Это целиком совпадает с данными письменных источников по юкатанским городам XVI в. и указывает на то минимальное расстояние, которое могло отделять одну предполагаемую столицу города-государства от другой.

В общей дискуссии о природе древних городов майя важное место занимают материалы по Юкатану X—XVI вв. н. э. В первых, часть этого периода более или менее полно освещена письменными источниками. Во-вторых, большинство специалистов признает за крупными населенными центрами Юкатана городской статус. И наконец, в-третьих, сейчас уже твердо доказано, что юкатанские майя XVI в. по языку и культуре наиболее близки жителям майяских городов классического периода в Южной Мексике и Северной Гватемале.

Судя по сведениям испанских и индейских хроник⁸⁵, к моменту конкисты большая часть п-ова Юкатан была разделена между 16 небольшими независимыми индейскими государствами, названными конкистадорами «провинциями». Во главе каждой «провинции» стоял территориальный правитель — «халач виник» (букв. «настоящий человек»), часто носивший титул «ахав» (владыка, царь). Одновременно он был и «батабом» — местным

Карта государств («провинций») юкатанских майя накануне конкисты

политико-административным главой столичного города «провинции», где находилась его резиденция. Другие «батабы» подчинялись «халач винику» и непосредственно назначались им во все крупные селения и города, за исключением столицы. «Батаб» исполнял в своем городе административные, юридические и военные функции. Он же председательствовал в местном совете, состоявшем из наиболее богатых и влиятельных горожан.

Города делились обычно на кварталы, которые возглавлялись специальным должностным лицом «ах кучкабом». Видимо, каждый квартал обладал известной самостоятельностью: как правило, он имел своего бога-покровителя (и, соответственно, его храм), свое название и в случае военных действий выставлял отдельный отряд воинов. В постклассический период у майя, как и в Центральной Мексике (Теночтитлан ацтеков), получила распространение четырехквартальная система разделения города: Чичен-Ица (X—XIII вв.), Майяпан (XIII—XV вв.), Ицамканак (до XVI в.) и Тайясаль (XIII—XVIII вв.). Однако были города, имевшие по два или три квартала (например, Тиак на юге Центрального Юкатана).

Главный информатор по культуре майя постклассического периода испанский монах Диего де Ланда писал о планировке и внутренней структуре типичного майяского города следующее: «Перед тем как испанцы захватили эту страну, местные жители жили вместе в селениях, в большом порядке... Их поселения были такого характера: в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей наиболее богатых и почитаемых, а на окраине селения находились дома людей наиболее низших... Они жили так скученно, боясь врагов, которые брали их в плен, и только во время войн с испанцами они рассеялись по лесам»⁸⁶.

Аналогичные сведения приводит и конкистадор Берналь Диас: «Затем... вступили мы в этот город (Чьяпа.— В. Г.), и когда мы прибыли в наиболее населенную его часть, где находились их большие храмы и святилища, то дома стояли там так тесно, что нам негде было и повернуться»⁸⁷. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о разбросанном характере поселений майя на протяжении всей их истории, у нас есть, по крайней мере для X—XVI вв., прямые данные о плотной, скученной застройке в центральной части городов. Это подтверждают и изображения на фресках Храма Воинов в Чичен-Ице.

Некоторые юкатанские города постклассического периода были обнесены каменными стенами (Майяпан, Тулум, Чампотон). Что касается численности населения этих городов, то мы располагаем лишь весьма скудными сведениями испанских хроник. Фернандес де Овьедо, например, упоминает в своем труде о том, что в момент высадки экспедиции Монтехо на восточном побережье Юкатана там имелись селения в 500 и 1000 домов, а селение Кониль имело 5 тыс. домов. В столице государства Акалан — Ицамканаке насчитывалось в XVI в. до 1000 каменных домов. В Чампотоне (центр одноименной «провинции») конкистадоров вышли встречать «более 15 тыс. человек», т. е., видимо, все взрослое мужское население города. В тот момент здесь насчитывалось до 8 тыс. жилищ. Четумаль — столица одноименной «провинции» на юго-восточном побережье Юкатана — состоял к приходу испанцев из 2 тыс. домов⁸⁸.

Если, как мы уже говорили, средняя семья индейцев майя насчитывала 5—6 человек, то исходя из числа домов население Четумалья равнялось 10—12 тыс. человек, Чампотона — 40—48 тыс., Ицамканак — 5—6 тыс., Кониля — 25—30 тыс. Видимо, эти цифры близки к действительным, поскольку весьма сходную статистику дают и другие виды источников, например налоговый ценз 1549 г.

Какова же была внутренняя структура юкатанских «провинций»? Как уже отмечалось, всего на полуострове их насчитывалось 16. Границы неоднократно изменялись на протяжении столетий. Не все «провинции» достаточно полно освещены в источ-

никах, что затрудняет какие-либо точные расчеты и вычисления. Однако задача облегчается тем, что в 1549 г., спустя несколько лет после завоевания, испанская администрация, стремясь наиболее эффективно организовать систему налогообложения в новых владениях, провела поголовную перепись населения. Правда, полученные цифры относятся уже к сильно сократившемуся от войн, болезней и лишений индейскому населению. Американский исследователь У. Сандерс, выкладки которого можно принять за основу, считает показатели ценза 1549 г. уменьшенными по сравнению с доиспанским периодом в среднем в 2 раза. Ниже следует составленная им таблица с данными по 9 из 16 «провинций» Юкатана XVI в.⁸⁹

Наиболее могущественными из этих небольших, постоянно враждовавших друг с другом государств были Ах-Кануль, Мани (Тутуль-Шив) и Сотута. «Провинция» Мани, названная так по имени столицы, занимала в XVI в. около 8 тыс. кв. км и имела от 65 тыс. до 120 тыс. жителей. Она состояла из столицы (Мани), где еще в 1549 г. жило до 5 тыс. человек, и 25 более мелких городов и селений. «Провинция» Сотута (площадь 2 тыс. кв. км, население до 30 тыс. человек), хотя и уступала Мани по размерам, также имела в своем составе, помимо столицы (Сотута), еще 17 городков и селений⁹⁰.

В глубине девственных тропических лесов Северной Гватемалы в районе оз. Петен-Ица с XIII в. и вплоть до конца XVII в. существовало государство майя-ицев, столицей которого был островной город Тайясаль. Судя по описаниям испанских хронистов, в Тайясале находились дворец правителя государства из рода Канека и 21 храм и святилище; вся остальная площадь острова (окружностью около 4 км) была тесно застроена жилищами горожан. Кроме того, в «провинцию» ицев входили еще четыре

Т а б л и ц а

«Провинция»	Площадь, кв. км	Численность населения		
		по цензу 1549 г.	перепись 1940 г.	накануне конкисты (предположительно)
Купунь	9000	54 000	60 000	100 000
Чакан	1500	15 000	15 000	30 000
Кехпеч	2400	40 000	37 000	80 000
Хокаба	1200	15 000	15 000	30 000
Ах-Кин-Чель	5000	40 000	38 000	80 000
Сотута	2000	15 000	10 000	30 000
Чикинчель	5000	Нет данных		70 000
Ах-Кануль	5000	28 000	38 000	52 000
Мани	8000	32 500—60 000	65 000	65 000—120 000

других меньших по размерам острова и ряд владений по берегам озера. Всего, по словам монаха Авенданьо, в 1696 г. здесь насчитывалось 24—25 тыс. человек⁹¹. Известно также, что в случае необходимости ицы могли выставить до 10 тыс. воинов⁹², т. е. практически все взрослое мужское население. Если принять, что взрослые мужчины составляли не более $\frac{1}{3}$ общего населения «провинции», то последнее составит около 30 тыс. человек.

Важные сведения о внутренней структуре небольших государств юкатанских майя в XVI в. дает испанский хронист Овьедо. В его работе приводится термин «столица государства» (*cabesega de una provincia*), часто указываются расстояния, пройденные конкистадорами от одного крупного населенного центра до другого (в среднем это расстояние составляет 2—3 лиги, т. е. 10—15 км), подчеркивается, что в каждую «провинцию», помимо метрополии, входили меньшие по величине города и селения, образующие подчиненную столице округу⁹³.

В период конкисты один из крупнейших городов юкатанских майя — Саки имел в своем подчинении до 40 селений, расположенных в пределах дневного пути, и еще больше — в радиусе до 15 лиг (75 км). Испанские хроники сообщают о политическом господстве Саки над всем этим обширным районом и часто описывают его центральный храм, стоящий на вершине высокой пирамиды (указание на то, что город был и важным культовым центром). В 1579 г. в «провинции» жили до 10 тыс. человек⁹⁴.

Известно, что границы между «провинциями» служили предметом особой заботы со стороны местных правителей. Они часто совершали обходы границ, отмечая их либо специальными искусственными сооружениями (пирамиды из камней, деревянные кресты и т. п.), либо наиболее заметными природными ориентирами (скала, источник, одинокое большое дерево). Для охраны границ выделяли специальных стражников. На оригинальных картах доиспанского происхождения были тщательно нанесены все города и селения «провинций» вместе с их землями⁹⁵.

Необходимо сказать несколько слов и о Майяпане — крупнейшем культурном и политическом центре Юкатана XIII—XV вв. н. э. Дело в том, что этот город не только описан в письменных источниках, но и детально изучен археологически, что делает его удобным инструментом для сопоставления с памятниками более раннего времени.

Майяпан окружен каменной стеной девятикилометровой длины, имеющей 12 ворот; укрепления обрамляют огромный овал площадью в 4,2 кв. км. Примерно посередине находится компактный ритуально-административный центр, занимающий территорию до 6,4 га и состоящий примерно из 100 крупных каменных построек. Он тщательно спланирован в виде четырехугольника вокруг главного городского храма «Эль-Кастильо» и отделен от остальной части города невысокой каменной стеной. Помимо

храмов, сюда входят также жилища знати и жрецов. Ритуально-административные постройки составляют лишь 3,5% общего числа зданий, выявленных в Майяпане. Подавляющее большинство их, по определению археологов, — жилые дома. Обычно они группируются по два-четыре вокруг небольших прямоугольных двори-ков. Часто каждая из таких миниатюрных групп ограждена низкой стеной, обрамлявшей, по-видимому, домовые участки. Какого-либо подобия улиц в городе нет. Постройки в целом образуют беспорядочную и хаотичную массу. Но плотность их значительно возрастает по мере приближения к ритуально-административному центру. Единственный источник воды в городе, как и в большинстве других районов Юкатана, — естественные карстовые колодцы (сеноты). Из 26 имевшихся в Майяпане сенотов подавляющее большинство находилось в пределах центральной части города. По весьма осторожным подсчетам специалистов, население города в момент его наивысшего расцвета составляло не менее 11—12 тыс. человек⁹⁸.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Несмотря на все своеобразие и специфику, крупные политико-административные и ритуальные центры майя I тысячелетия н. э. по своим внешним признакам, структуре и функциям целиком подходят под определение раннего города, каким он представлен на материалах Центральной Мексики и других регионов Земного шара.

2. Для теоретической разработки проблемы раннего города особенно важны данные о первичных очагах городской цивилизации: в Старом Свете — Месопотамия и Египет, в Новом — Мезоамерика и Перу, где процесс возникновения и развития города протекал в «чистом виде», без влияния более высоких культур извне.

3. Видимо, можно считать доказанным, что в этих первичных очагах наиболее ранней формой территориально-политической организации государства явились так называемые города-государства («номы», по И. М. Дьяконову), т. е. крупный городской центр (столица) и подчиненная ему округа. С течением времени наблюдается тенденция к укрупнению этих первоначальных территориально-политических единиц (городов-государств) в более широкие, хотя и непрочные, государственные образования, когда один более сильный «ном» подчинял себе с помощью завоеваний, династических браков, союзов или интриг несколько соседних «номов», заставляя их, как правило, выплачивать ему дань.

Видимо, дальше этой ступени майя, как и большинство других индейских народностей Мезоамерики, так и не пошли, поскольку их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием.

- ¹ *Weaver M. P.* The aztecs, maya and their predecessors. N. Y.; London, 1972, p. 17.
- ² *Aveleira Arroyo de Anda L.* The primitive hunters.—HMAI, Austin, 1964, v. 1, p. 384—412.
- ³ The prehistory of the Tehuacan valley. Austin, 1966, v. 1, p. 141.
- ⁴ *Mac Neish R.* The second annual report of the Tehuacan archaeological-botanical project. Andover, 1962, p. 36.
- ⁵ *Pina Chan R.* Las culturas preclásicas de la cuenca de México. México, 1955.
- ⁶ *Нукифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 249.
- ⁷ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica. The evolution of a civilization. N. Y., 1968, p. VIII.
- ⁸ *Jiménez Moreno W.* Mesoamerica before Toltecs.—In: Ancient Oaxaca. Stanford, 1966, p. 43; *Calneck E. E.* The internal structure of cities in America.—In: Pre-columbian cities: the case of Tenochtitlan. München, 1970, S. 357.
- ⁹ *Millon R.* Teotihuacan.—Scientific American, N. Y., 1967, v. 216, N 6, p. 28.
- ¹⁰ *Hardoy J.* Precolumbian cities. N. Y., 1973, p. 38.
- ¹¹ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 162.
- ¹² *Weaver M. P.* The aztecs..., p. 124.
- ¹³ *Millon R.* Teotihuacan, p. 33.
- ¹⁴ *Millon R.* Teotihuacan, p. 30.
- ¹⁵ *Sanders W.* Settlement patterns in Central Mexico.—HMAI, Austin, 1971, v. 10, p. 34.
- ¹⁶ *Hardoy J.* Precolumbian..., p. 53.
- ¹⁷ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 162.
- ¹⁸ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 162.
- ¹⁹ *Millon R.* Extension y población de Teotihuacan en sus varios periodos.—In: De Teotihuacan a los aztecas. Antología / Ed. M. Leon-Portilla. México, 1971, p. 83.
- ²⁰ *Sanders W.* Settlement..., p. 38.
- ²¹ *Hardoy J.* Precolumbian..., p. 57—59.
- ²² *R. Millon.* Urbanization at Teotihuacan, v. I. The Teotihuacan map. Austin, 1973.
- ²³ *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism.—World Archaeology. London, 1970, v. 2, N 2, p. 186.
- ²⁴ *Neely J.* Formative, classic and postclassic water control and irrigation systems in the valley of Oaxaca. Ann Arbor, 1967.
- ²⁵ *Sanders W.* Settlement..., p. 9.
- ²⁶ *Sanders W.* Settlement..., p. 9.
- ²⁷ *Sanders W.* Settlement..., p. 10.
- ²⁸ *Millon R.* Irrigation at Teotihuacan.—American Antiquity. Salt Lake City, 1954, v. 20, N 2, p. 178.
- ²⁹ *Millon R.* The Teotihuacan mapping project.—In: Ancient Mesoamerica. Selected readings. Palo Alto, 1966, p. 223.
- ³⁰ *Coe M. D.* The Chinampas of Mexico.—Scientific American, N. Y., 1964, v. 211, N 1, p. 96.
- ³¹ *Matos Moctezuma E.* La revolución urbana en la cuenca de México. México, 1965, p. 61—62.
- ³² *Matos Moctezuma E.* La revolución..., p. 59.
- ³³ *Seler E.* Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Graz, 1961, Bd V, Taff XII, N 2.
- ³⁴ *Millon R.* Teotihuacan, p. 35; *Willey G.* Precolumbian urbanism.—In: The rise and fall of civilizations / Ed. J. Sabloff and C. Langberg-Karlovsky. Menlo Park, 1974, p. 137.
- ³⁵ *Weaver M. P.* The aztecs..., p. 127.
- ³⁶ *Willey G.* Precolumbian..., p. 137.
- ³⁷ *Millon R.* Teotihuacan, p. 33.
- ³⁸ *Tozzer A. M.* Excavation of a site at Santiago Ahuizotla. Smithsonian Inst.—BAEB, Washington, 1921, N 74, p. 24.
- ³⁹ *Pendergast D.* The Teotihuacan map. A review article.—Archaeology, N. Y., 1975, v. 28, N 1, p. 169.
- ⁴⁰ *Willey G.* Precolumbian..., p. 136.
- ⁴¹ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 141.
- ⁴² *Hardoy J.* Precolumbian..., p. 39.
- ⁴³ *Millon R.* Extension..., p. 78.
- ⁴⁴ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 141.
- ⁴⁵ *Sanders W., Price B.* Mesoamerica..., p. 167.
- ⁴⁶ *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.: Наука, 1972, с. 125—126.
- ⁴⁷ *Kidder A., Jennings J., Shook E.* Excavations at Kaminaljuyu, Guate-

- mala.— CJWP, Washington, 1946, N 561, p. 218—239.
- 48 Sanders W. Settlement..., p. 19.
 - 49 Sanders W. Settlement..., p. 21—22.
 - 50 Sanders W., Price B. Mesoamerica..., p. 152.
 - 51 Sanders W., Price B. Mesoamerica..., p. 152.
 - 52 Sanders W. Settlement..., p. 3—43.
 - 53 Katz F. Situación social y económica de los Aztecas durante los siglos XV y XVI. Mexico, 1966.
 - 54 Calneek E. E. The internal structure of cities in America.— In: El proceso de urbanización en América. Lima, 1972, p. 350.
 - 55 Calneek E. E. The internal..., p. 352.
 - 56 Calneek E. E. The internal..., p. 353.
 - 57 Calneek E. E. The internal..., p. 355.
 - 58 Sanders W. Settlement..., p. 13.
 - 59 Sanders W. Settlement..., p. 14—16.
 - 60 Sanders W. Settlement..., p. 17.
 - 61 City invincible. Chicago, 1960, p. 13.
 - 62 Morley S., Brainerd G. The ancient Maya. Stanford, 1956, p. 261.
 - 63 Sanders W., Price B. Mesoamerica..., p. 10.
 - 64 Willey G. Precolumbian..., p. 141.
 - 65 Sanders W., Price B. Mesoamerica..., p. 10.
 - 66 Haviland W. A new look at Classic Maya social organization at Tikal.— Cerámica de la cultura maya, 1972, N 8, p. 2.
 - 67 Haviland W. Ancient lowland Maya social organization.— MARIP, New Orleans, 1970, N 26, p. 109.
 - 68 Willey G. R. Precolumbian..., p. 141.
 - 69 Haviland W. Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala.— Expedition, Philadelphia, 1965, v. 7, N 3, p. 15.
 - 70 Pulestone D., Callender D. Defensive earthworks at Tikal.— Expedition, Philadelphia, 1967, v. 9, N 3, p. 40—48.
 - 71 Haviland W. Ancient..., p. 190.
 - 72 Coe W. R. Tikal. Guía de las antiguas ruinas mayas. Philadelphia, 1971, p. 107.
 - 73 Haviland W. Prehistoric..., p. 15—19.
 - 74 Haviland W. Ancient..., p. 193.
 - 75 Adams R. E. A trial estimation of Classic Maya place population Uaxactun.— In: Hammond (ed.) N. Mesoamerican archaeology. New Approach. Austin, 1974, p. 185—197.
 - 76 Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, с. 230.
 - 77 Haviland W. The ancient Maya and the evolution of urban society.— Katunob Miscellaneous series, 1975, N 7, p. 3—27; Weaver M. P. The aztecs..., p. 157.
 - 78 Becker J. Archaeological evidence for occupational specialization among the classic period Maya at Tikal.— American Antiquity, 1973, v. 38, N 4, p. 398—399; Haviland W. Occupational specialization at Tikal, Guatemala: stoneworking-monument carving.— American Antiquity, 1974, v. 39, N 37, p. 494—496.
 - 79 Rathji W. The origin and development of lowland Classic Maya civilization.— American Antiquity, 1971, v. 36, N 3, p. 278 and tabl.
 - 80 Haviland W. Ancient..., p. 195.
 - 81 Kubler G. Studies in Classic Maya iconography.— In: Memoires the Connecticut academy of arts and sciences. New Haven, 1969, v. XVIII, p. 9—11.
 - 82 Morley S. The inscriptions of Peten.— CJWP, Washington, 1937, v. 1, N 437, p. 262—265, 267.
 - 83 Bullard W. Settlement pattern and social structure in the southern Maya lowlands during the Classic period.— Anales y Memorias del XXXIV CIA, Mexico, 1964, t. 17, p. 281—282.
 - 84 Hammond N. The distribution of Late Classic Maya major ceremonial centers on the Central area.— In: Hammond N. (ed.) Mesoamerican archaeology..., p. 322.
 - 85 Roys R. L. The indian background of colonial Yucatan.— CJWP, Washington, 1943, N 548; Idem. The political geography of the Yucatan Maya.— CJWP, Washington, 1957, N 613.
 - 86 Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 133.
 - 87 Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. La Habana, 1963, t. 11, p. 207.
 - 88 Fernández de Oviedo y Valdés G. Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar Oceano. Madrid, 1853, t. III, p. 227—230, 242—244.
 - 89 Sanders W. Cultural ecology of the Maya lowlands.— ECM, México, 1962, v. II, pt 1, p. 94.

- ⁹⁰ *Roys R.* The political..., p. 61—70, 93—101.
- ⁹¹ *Means P.* History of the spanish conquest of Yucatan and the Itzas.— PPM, Cambridge, Mass., 1917, v. VII, p. 19—22.
- ⁹² *Morley S.* The inscriptions..., p. 59.
- ⁹³ *Fernández de Oviedo y Valdés G.* Historia general..., p. 227—230.
- ⁹⁴ *Roys R.* The titles of Ebtun.— CJWP, Washington, 1939, N 505, p. 60.
- ⁹⁵ *Villa Rojas A.* Notas sobre la tenencia de la tierra/entre los Mayas de antigüedad.— ECM, México, 1961, v. 1, p. 24; *Roys R.* The indian..., p. 180—193.
- ⁹⁶ *Pollock H., Roys R., Smith A. L.* Mayapan, Yucatan, Mexico.— CIWP, Washington, N 619, 1962.

Культура колониальной Мексики

Высадка конкистадоров Эрнана Кортеса в устье р. Табаско в марте 1519 г. и последовавшее за этим стремительное завоевание древних индейских государств, располагавшихся на территории современной Мексики, означало столкновение самобытных индейских культур с одним из вариантов европейской гуманистической культуры XVI в. — с окрашенной религиозной мистикой испанской культурой. «Поразительное зрелище процветающей культуры... неведомой прежде и столь многим отличавшейся от привычного облика культуры западноевропейской, оказалось выше понимания испанского конкистадора и миссионера. И конкистадор, и миссионер увидели в представших им чудесах несомненное проявление злой воли некоего сверхъестественного существа, демона, заклятого врага рода человеческого. Уничтожение плодов дьяволова промысла явилось логическим результатом таких представлений: люди креста и меча принялись громить все и вся с усердием, достойным лучшего применения. Индейские цивилизации были умерщвлены. Когда самые рассудительные задумались о содеянном и осознали совершенную ими ошибку, ущерб оказался уже невосполнимым. Тогда попытались спасти из руин хоть что-нибудь и собрать у переживших разрушение то, что осталось из познаний, навыков, сокровищ духа, чтобы использовать эти осколки при организации нового общества, которое укоренилось бы на древних землях, но примыкало бы к христианскому миру. Так обстояло с делом образования, когда оно находилось в руках миссионеров»¹.

Итак, вслед за колонизацией физической, территориальной, насильственно проводившейся конкистадорами в Новой Испании — так называли обширные земли, куда первым вторгся Эрнан Кортес, — следовала колонизация в сфере духовной жизни, культуры. Коль скоро в официальной Испании той эпохи она развивалась прежде всего в русле христианско-католической доктрины, то, естественно, и в колониях по следам вооруженных завоевателей шли миссионеры-монахи католических орденов, хорошо организованные, прекрасно владевшие традиционными видами идеологического оружия, но использовавшие и индейские элементы культуры. К концу XVI в. в вице-королевстве Новая Испания действовали около 1000 францисканцев, 600 доминиканцев, 800 августинцев, 400 иезуитов и 450 монахов других орденов; за 75 лет колонизации ими было учреждено около 400 монастырей, являвшихся опорными пунктами миссионерской работы католической церкви². О необычайной интенсивности этой работы

свидетельствует один из выдающихся руководителей колонизации Новой Испании — епископ Хуан Сумаррага, сообщавший в Испанию, что одни лишь францисканцы обратили в христианство за 1524—1531 гг. 1 млн. индейцев³.

Конечно, наиболее дальновидные представители духовенства, действовавшие в Новой Испании, понимали, что эффективным средством распространения и закрепления норм христианства среди местного населения стало бы систематическое расширение сети церковных школ, где учились бы будущие поколения подданных испанской короны, исповедующие римско-католическую веру. Так, одной из основных форм культурной жизни в первые десятилетия существования вице-королевства Новая Испания стала организация образования для индейцев: в XVI в. школы были почти столь же многочисленны, как и монастыри⁴. Однако особое место в становлении специфического института системы колониального образования для местного населения принадлежит францисканскому монаху Петеру Гентскому (Педро де Ганте), открывшему первую школу такого типа еще в 1523 г. в Тескоко. Вершиной его педагогической деятельности считается работа школы «Сан Хосе де Белен де лос натуралес» в Мехико, которую Петер Гентский открыл в 1529 г. и которой руководил до своей смерти (1572). Мексиканский автор Гарсиа Икасбальсета пишет: «Он собрал до тысячи индейцев, которые получали религиозное и гражданское образование. Позднее он добавил изучение латыни, музыки и пения, что приносило большую пользу духовенству, ибо школа готовила музыкантов и певчих для многих церквей. Не удовлетворившись этим, он собрал также и взрослых индейцев, которые обучались искусствам и ремеслам. Он поставлял церквям писанные или изваянные изображения святых, шитые облачения, иногда с отделкой из перьев, в которой так искусны индейцы, а также кресты, подсвечники и многие другие предметы, необходимые для отправления служб; эти ученики делали не меньше, чем мастера при сооружении церквей, ибо в той школе у него были живописцы, скульпторы, резчики по камню, столяры, вышивальщики, портные, сапожники и другие мастера»⁵.

Другим примечательным учебным заведением для индейцев был организованный в 1536 г. вице-королем Антонио де Мендоса и епископом Сумаррагой в Мехико колледж «Санта Крус де Тлателолко». Некоторые мексиканские исследователи считают этот колледж самым выдающимся из образовательных учреждений, созданных для индейцев. Главной его задачей, по замыслу основателей, было формирование послушной испанцам индейской «элиты», которая проводила бы в массах местного населения удобную завоевателям политику: в колледж принимались сыновья касиков и других представителей индейской знати, с тем чтобы аристократия аборигенов смогла принять участие в «цивилизаторской деятельности», проводившейся метрополией. Индейские

мальчики, принимавшиеся в колледж «Санта Крус де Тлателолько» в возрасте 10—12 лет, изучали не только основы христианского учения, чтение и письмо на испанском языке, но также предметы, которые в соответствии со средневековой традицией относились к высшему образованию (латынь, риторика, музыка, логика, философия); преподавалась также индейская медицина. Руководство и преподавание в колледже осуществляли виднейшие представители науки той эпохи: историк и гуманист Бернардино де Саагун (1500—1590), миссионер-полиглот Гарсиа де Сиснерос (ум. 1537), выпускники Парижского университета Жуан де Гаона (1507—1560) и Жуан де Фоше (ум. 1556) и др.⁶ Колледж просуществовал до последних десятилетий XVI в. и в значительной мере выполнил задачу, поставленную перед ним его основателями: из стен этого учебного заведения вышло немало индейских губернаторов, алькальдов, педагогов, помощников миссионеров, которые активно помогали испанцам в их «цивилизаторской деятельности». Для тех же целей в 1586 г. иезуитами был создан колледж «Сан Грегорио Магно», куда принимались сыновья индейской знати, но масштабы его деятельности оказались гораздо более скромными.

В тот же период создаются учебные заведения для новой социально-этнической прослойки — метисов. Наиболее известен основанный в 1547 г. по инициативе вице-короля Мендосы и епископа Сумарраги колледж «Сан Хуан де Летран», «где учились многие мальчики — сыновья испанцев и индеанок, оставшиеся сиротами»⁷.

Впрочем, интерес колониальной светской и церковной администрации к организации и деятельности специальных учебных заведений для индейцев и метисов в конце XVI в. заметно падает, а затем и пропадает вовсе. Дело здесь, по-видимому, в том, что эти школы выполнили свое назначение и надобность в них миновала. Ценой огромных жертв со стороны индейского населения и почти полного уничтожения их культуры «крестом и мечом» задачи колонизации на рубеже XVI и XVII вв. были в основном достигнуты: в Новой Испании сложилась специфическая экономическая и социально-политическая организация, обеспечивавшая беспощадную эксплуатацию метрополией обращенных в христианскую веру индейцев. Что касается политики испанской короны по отношению к касикам и другим представителям туземной аристократии, то ее лучше всего характеризуют многочисленные законодательные акты, направленные на ограничение полномочий индейских старшин.

Определенную роль в сохранении остатков индейской культуры сыграли наиболее просвещенные, а значит, и дальновидные представители католической церкви. Они выступали как защитники индейцев — носителей этой культуры — от полного физического истребления их конкистадорами. Правда, на наш взгляд,

действия известного миссионера-францисканца Бартоломе де Лас Касас и его единомышленников в защиту индейцев были продиктованы не неким «чистым» или «идеальным» гуманизмом: эти действия свидетельствовали о понимании того, что массовое истребление индейского населения подрывало сами основы колониального режима, противоречило его главным целям, коль скоро в условиях господства феодальной земельной собственности она имела ценность лишь тогда, когда землевладелец располагал необходимой для ее обработки зависимой рабочей силой. Однако, подчеркивают исследователи из ГДР В. Марков и М. Коссок, «даже те жестокие обвинения, которые Лас Касас бросил в адрес конкистадоров и их потомков в своем «Кратком рассказе о гибели Индий», не были в действительности отрицанием колониализма. Вся концепция Лас Касаса в конечном счете представляла собой лишь один из методов теоретического обоснования необходимости колониальной экспансии Испании»⁸.

Вице-королевство Новая Испания постепенно сформировалось в новое, специфическое в этническом и культурном отношении колониальное общество, вобравшее в себя как навязанные испанцами черты западноевропейской культуры, так и неистребленные наиболее стойкие черты культуры аборигенов. В итоге взаимопроникновения, ассимиляции сложилась принципиально новая — мексиканская культура, в которой присутствие богатой и самобытной индейской традиции обуславливает ее неповторимость.

Как это ни кажется парадоксальным, в какой-то мере сохранению индейской традиции способствовали и католические миссионеры, ибо для успеха своего дела они волей-неволей вынуждены были приспосабливаться к местным условиям. Необходимо было преодолеть языковой барьер — и миссионеры терпеливо изучают индейские языки, чтобы затем на этих языках проповедовать христианскую доктрину. Необходимо было преодолеть барьер разницы представлений о мироздании — и миссионеры приспосабливаются к индейскому пантеизму, к устоявшемуся в индейской среде понятию о мироздании. И по сей день сохраняются составленные миссионерами грамматики и словари индейских языков, по сей день католические обряды в Мексике сохраняют яркие черты древнеиндейского пантеизма. Как пишет видный советский исследователь В. Н. Кутейщикова, «на всем континенте едва ли найдется другая страна, где участие коренных обитателей в формировании нации началось бы так рано и сыграло бы такую громадную, неуклонно возрастающую роль, как в Мексике»⁹.

Пожалуй, наиболее четко появление этой новой — мексиканской культуры засвидетельствовано в произведениях искусства, относящихся к первым десятилетиям колониальной эпохи в Мексике. Они предназначались для обращения индейских душ в христианство: это были церковные и монастырские здания, их

убранство, росписи, утварь. Хотя созданием этих произведений руководили европейцы, индейские мастера в каждом ударе резца, в каждом взмахе кисти, в прикосновении пальцев оставляют легко распознаваемые отпечатки своей, индейской традиции. Как писал мексиканский исследователь Антонио Кортес, «храмы и монастыри с их фасадами, их колокольнями, их колоннами, кафедрами, исповедальнями, их порталами и лестницами; кресты с их рельефами и надписями, настенные фрески — короче, все, что было построено в первые дни конкисты, показывает руку индейского мастера, который мало-помалу изменял идею и манеру исполнения произведений, продиктованных испанцами, до тех пор, пока не запечатлел в этих произведениях нечто равнодействующее, как если бы оно произошло от смешения душ, от смешения разных кровей. Из этой равнодействующей родилось обнаруживающее бесспорную оригинальность колониальное искусство, которое уже не является испанским (или по крайней мере уже не является полностью испанским)»¹⁰.

Появление в Новой Испании такого важного элемента культурной жизни, как печатное дело, вначале также было обусловлено потребностями католической церкви. «Именно нужды распространения христианского учения среди новых подданных Испании заставили серьезно подумать о печатании учебников закона божьего»¹¹. Будучи в Испании в 1533 г., первый епископ Мехико Х. Сумаррага хлопотал о посылке в Новую Испанию печатного станка и оборудования для производства бумаги. По-видимому, он преуспел в своих хлопотах, поскольку есть сведения о напечатании в Мехико книги духовного содержания «Райская лестница» (1535). Однако достоверные данные, зафиксированные в документах Совета по делам Индий, содержат полное название другой книги, изданной в 1539 г.: «Самое краткое изложение христианского учения на языках мексиканском и кастильском, содержащее самое необходимое из нашей святой католической веры для употребления здешними уроженцами индейцами и спасения их душ.— Напечатано... по указанию дона Хуана Сумарраги, первого епископа этого великого города Теночтитлана-Мехико в Новой Испании... в доме Хуана Кронбергера в год тысяча пятьсот тридцать девятый. Двенадцать листов ин-кварто». Хуан (Иоганн) Кронбергер был немецким печатником, обосновавшимся в Севилье, и это первое, достоверно вышедшее в Мехико его издание было отпечатано «по просьбе нашего вице-короля Новой Испании и епископа Мехико» в мастерской подчиненного Х. Кронбергера ломбардца Хуана Паблоса (Паоли). Последний работал в новоиспанской столице до конца своей жизни (1561).

Книгопечатание нашло в Новой Испании благодатную почву: уже в XVI в. в Мехико работали 12 печатников. Историки печатного дела в Мексике отмечают прекрасное качество книг, вышедших из мастерской уроженца Хаэна Антонио де Эспиноса (ра-

ботал в 1558—1576 гг.): тяжелая готическая печать, разнообразие литер, превосходные гравюры, виньетки и т. п., — а также из мастерской выходца из Руана Пьера Ошара (работал в 1562—1592 гг.). Наиболее обильны по количеству были издания мастерской француза Пьера Байи (работал в 1574—1608 гг.)¹².

В начале XVII в. география книгопечатания в Новой Испании расширяется: уже до 1640 г. два печатника работали в Пуэбле. Отметим, что на пути развития печатного дела стояли многочисленные бюрократические рогатки: для напечатания любой книги необходимо было добиться лицензии епископа и специального разрешения вице-короля, если же в книге речь шла о чем-либо, касающемся американских колоний Испании, то надо было еще получить специальное постановление Совета по делам Индий, разрешающее публикацию¹³.

Тем не менее число изданий, осуществленных в Новой Испании в вице-королевскую эпоху, составляет свыше 11 тыс. (XVI в. — 231, XVII в. — 1845, XVIII в. — 7757, 1801—1821 гг. — 2454). Тиражи, впрочем, были небольшими, и, несмотря на ввоз книг из Европы, их постоянно не хватало; книга оставалась редкой и дорогой. Порой одна-две книги служили учебным пособием целому колледжу, так что ученикам приходилось снимать рукописные копии¹⁴.

Что касается содержания книг, издававшихся в Новой Испании, то уже в XVI в. оно было весьма разнообразно: азбуки для обучения чтению на языках тараско (1559), испанском, пахуатль, чучон; грамматики языков тараско (1558), латинского, чапатекко, поке, целталь, чинантеко, нахуатль, сапотекка, миштека; сборники произведений античных классиков; изложение христианского учения на испанском и многих индейских языках; философские и теологические трактаты; труды по медицине (1570) и хирургии. Многочисленными были издания литургических текстов и руководств по отправлению католических обрядов. Гораздо меньший объем составляли книги научного, исторического и литературного содержания. Зато обязательно издавались указы и постановления королей Испании и вице-королей Новой Испании. Позднее, в XVII в., заметное место среди местных изданий стали занимать большие хроники: Бургоа, Гонсалес де ла Пуэнте, Грихальва, Басаленке, Медина, Флоренсиа, Ветанкур и др. Начало периодической печати в Новой Испании относится еще к середине XVI в., когда стали печатать так называемые летучие листки (листовки), содержавшие экстренные сведения по поводу чрезвычайных событий — сражений, землетрясений, кончины монархов и т. п. Так, в 1541 г. «дом Хуана Кронбергера» выпустил 4 листка — «Известия об ужасном землетрясении, которое ныне вновь произошло в городе Гватемале», а в 1637 г. в печатной мастерской Франсиско Сальваго вышло «Подлинное сообщение об известиях, доставленных к нашему двору из Германии, Фландрии,

Италии, Наварры и других частей королевства в течение этого года¹⁵.

Уже в первые же десятилетия после водворения испанцев в Мексике обнаружилась настоятельная необходимость организации учебного центра подготовки квалифицированных кадров для разветвленного бюрократического и церковного аппарата, управлявшего Новой Испанией. Для этого в колонию был перенесен западноевропейский опыт создания университетов, сыгравших огромную роль в средневековой феодальной Европе. После настоячивых ходатайств вице-короля Антонио де Мендоса в 1551 г. король Филипп II (в качестве регента) и королева-мать подписали указ о создании университета в Мехико, даровав ему привилегии, которые имел старейший из испанских университетов в Саламанке (основан около 1230 г.). Королевский и папский университет в Мехико стал «главным университетом» Новой Испании. Он был открыт чрезвычайно торжественно. Ежегодная субсидия этому учебному центру составляла 1000 песо золотом¹⁶. В первые годы университет в Мехико имел кафедры латинского языка, риторики, философии, канонического и гражданского права, богословия, медицины, изящных искусств. В 1580 г. открылась кафедра индейских языков. За исключением ректора и двух профессоров, все преподаватели были лицами духовного звания. Преподавание велось на интернациональном для средневековой европейской науки латинском языке. Университет имел право присуждать ученые степени бакалавра, лиценциата и доктора, а по богословию — также и маэстро¹⁷.

Как и в современных университетах Европы, вся система образования в университете Мехико была строго регламентирована; над изучением всех предметов довели догмы схоластики и томизма; физика изучалась в рамках доктрины Аристотеля, естественная история — Плиния, преподавание математики ограничивалось Эвклидовой геометрией. Мексиканский историк пишет: «Теология, философия и даже юриспруденция соответствовали духу средневековья, были в высшей степени схоластическими, торжествовал чистый дедуктивный метод; две первые дисциплины толковали религиозные догмы, а юриспруденция — аксиомы римского права, канонического права, законодательства Испании и Совета по делам Индий, не дозволялось проводить какой бы то ни было анализ»¹⁸.

Все это, впрочем, вовсе не значит, что университет в Мехико был цитаделью косности и невежества. По всем основным показателям он находился в основном на уровне европейских университетских центров, сыграл большую роль в развитии духовной жизни новоиспанского колониального общества, концентрируя в своих стенах научные силы. Несмотря на засилье католической церкви и господство ортодоксально-религиозного мировоззрения, в университете исподволь развивались передовые для своего вре-

мени идейные и научные направления. Уже в XVII в. в стенах университета велась полезная работа, прежде всего в части изучения индейских языков, практической медицины с применением древнеиндейских методов врачевания и т. д.

В 1630 г. число студентов в университете составляло (по факультетам) ¹⁹:

риторики	129	канонического права	65
искусств	187	гражданского права	10
теологии	42	медицины	14
всего			447

Мы видим резкое преобладание специализаций, связанных с обслуживанием нужд церкви, над гражданскими специальностями, что, впрочем, было совершенно в порядке вещей эпохи и вполне соответствовало основным задачам этого учебного центра.

Насколько успешно университет в Мехико за 222 года работы в колониальный период выполнял эти свои основные задачи, свидетельствуют такие данные. Университет окончили около 30 тыс. человек. Из этого числа 84 человека стали епископами и архиепископами; другие — высшими чиновниками Королевских аудиенсий в Мехико, Гватемале, Санто-Доминго и Маниле, членами Высшего совета обеих Кастилий и Совета по делам Индий, инквизиторами; многие занимали высокие посты в церковной иерархии, возглавляли университетские кафедры — и не только в Америке, но и в Европе (в Саламанке, Алькала, Севилье, Вальядолиде и Гранаде) ²⁰.

Университет, однако, не мог полностью удовлетворить потребности вице-королевства в новых кадрах чиновников и духовенства. Основную массу таких кадров готовили колледжи и семинарии, число которых было весьма значительно. Многочисленные колледжи организовывали ордена доминиканцев, францисканцев, мерседариев, ораторианцев, но прежде всего иезуитов. Последние в начале XVIII в. имели 22 колледжа в разных городах Новой Испании. По объему и уровню образования в те времена между университетами и колледжами резкой грани не существовало, и некоторые из колледжей Новой Испании пользовались высоким авторитетом. Особенно это относится к иезуитскому «главному колледжу» Св. Петра и Павла в Мехико, приближавшемуся по числу своих кафедр к университету (не было кафедр медицины и гражданского права). Число студентов здесь (в 1599 г.) составило около 700 человек. Из стен его вышли видные представители мексиканской культуры — Сигуэнса-и-Гонгора, Бартолаче, Эгиара-и-Эгурен, Альсате, Леон-и-Гама, писатели — Фагоага, Игнасио Альдама, Хосе Мариа Боканегра.

Поскольку образование, как мы видели, находилось под контролем церкви, сфера собственно гражданского образования (част-

ные начальные школы) была в Новой Испании очень узкой. Немногочисленные учителя — «Мастера благородного искусства чтения, письма и счета» — имели свой замкнутый цех и подчинялись его правилам²¹.

Очень рано в Новой Испании появляются учебные заведения для девочек: уже в 1529 г. в Тескоко была основана школа «для дочерей сеньоров и принципалов». Вскоре после этого епископ Сумаррага организовал в Мехико учебное заведение для девочек, цели которого были изложены так: «с пяти лет воспитывать дочерей принципалов с тем, чтобы они, выходя оттуда замуж, учили своих мужей и домашних основам нашей святой веры, благородным манерам и доброму образу жизни»²². Впрочем, учебные заведения такого рода были весьма немногочисленны и предназначались для воспитания исключительно девочек из семей испанской и креольской знати.

Уже в конце XVI в. г. Мехико называли Афинами Нового Света²³. И хотя некоторое преувеличение здесь очевидно, в этот период в Новой Испании действительно возник крупный по тем временам культурный центр, оказывавший несомненное влияние на ход культурно-исторического процесса в других американских владениях Испании. «Как заморское отражение великого испанского Золотого века схоластики, наук и искусств, блистали в Новой Испании большие мастера, создавшие замечательные произведения, хотя значительность их ослаблялась до степени отраженных», — пишет мексиканский историк²⁴. И хотя обзор развития литературы и искусства выходит за рамки нашего очерка, нельзя обойти молчанием «первого истинно американского поэта» Бернардо де Бальбуэну (1568—1627), автора поэмы «Великолепие Мексики» (1604), удивительную Хуану Инес де ла Крус (1651—1695) — «Десятую музу Мексики, несравненную поэтессу», как ее называли в Мадриде, личность феноменальной и разносторонней одаренности. Нельзя не упомянуть и архитектурные школы Мехико и Пуэблы, оказавшие мощное влияние на формирование архитектурных форм в других американских владениях Испании, ибо именно такие крупнейшие проявления культурной жизни, получившие широкую известность еще у современников, дали основание назвать Мехико «Афинами Нового Света», тем более что «новоиспанская» культура этим не ограничивалась.

Уже в первые десятилетия пребывания испанцев в этой стране было положено начало исследованию ее природы: заметный вклад в изучение ее географии и флоры внесли экспедиции У. Мендосы, Н. де Гусмана, П. де Леона и др. Ученые монахи еще в XVI в. предприняли массовое изучение индейских языков, создали этнографию и исследовали историю народов-aborигенов. Наибольшей славой пользуется принадлежащее перу отца Бернардино де Саагун (1500—1590) описание цивилизации ацтеков — «Всеобщая история о делах Новой Испании». Автор не только собрал преда-

ния индейцев, но изучил манеру, в которой они описывали при-
бытие испанцев. Посвятив этому замечательному труду всю свою
долгую жизнь, Саагун отдал в нем должное памяти индейских ге-
роев. Тот немаловажный факт, что труд Саагуна написан автором
параллельно на языках нахуатль и испанском, свидетельствует о
начале принципиально новой — мексиканской культурной тра-
диции.

Лишь в обстановке общего высокого уровня научных знаний
могла появиться столь внушительная фигура, как Карлос Сигуэн-
са-и-Гонгора (1645—1700), королевский космограф и один из
ведущих преподавателей университета в Мехико, библиофил-эру-
дит, историк, один из выдающихся поэтов Новой Испании того
времени. При помощи вполне обычных математических инстру-
ментов и небольшой зрительной трубы, привезенных из Европы,
он производил астрономические наблюдения, создавшие ему ши-
рокую известность далеко за пределами страны: в течение 30 лет
(1671—1701) он публиковал свои «Лунарии», провел расчеты и
описание кометы 1680—1681 гг., вел оживленную научную пере-
писку с Лимой, Кантоном, Пекином, Севильей, Мадридом, Сара-
госой, Парижем, Лондоном, Болоньей, Миланом и Римом. Когда
в 1691—1692 гг. неизвестная болезнь поразила посевы пшеницы
в Новой Испании, Сигуэнса-и-Гонгора проводил с помощью мик-
роскопа исследования, чтобы определить и обезвредить возбу-
дителя этой болезни. А накануне своей смерти ученый распорядил-
ся «для блага общества и в назидание медикам» вскрыть свое
тело для изучения причины болезни, оборвавшей его жизнь²⁵.

Несомненно, Сигуэнса-и-Гонгора, знавший труды Декарта и
преподававший в университете космографию и астрономию в со-
ответствии с теорией Коперника, был не единственным представи-
телем передовой, смелой и активной научной мысли в колониаль-
ном Мехико XVII в. Известно, например, что в том же универси-
тете новоиспанской столицы постоянно проводились изыскания в
области практической и экспериментальной медицины с исполь-
зованием опыта аборигенов. Установления университета по пре-
подаванию медицины предписывали, «чтобы каждые четыре ме-
сяца производилась анатомия в Королевском госпитале нашего
города, на коей должно присутствовать всем преподавателям и
студентам медицины». Еще в XVI в. доктор Алонсо Лопес де
Инохосо вместе с протомедиком Франсиско Эрнандесом проводил
исследования по установлению причин и средств лечения болез-
ни «коколицтли», опустошавшей Новую Испанию в 1576 г.²⁶

Показателем роста образованности в Новой Испании были
многочисленные и богатые по тем временам библиотеки, или
«либрериас», как их тогда называли. Большая часть книг ввози-
лась из Европы. Так, одна из первых библиотек в Новой Испании
возникла на основе книг, привезенных из метрополии монахом
Аловсо де Веракрус в 60 сундуках специально для колледжа

Св. Петра и Павла. Библиотека университета в Мехико состояла из 10 тыс. томов. По 6—10 тыс. томов имели библиотеки наиболее крупных городских монастырей (особенно иезуитских), колледжей и семинарий. Из частных книжных собраний наиболее известны библиотека К. Сигуэнсы-и-Гонгоры, где были индейские манускрипты и книги, изданные в Америке, а также библиотека Хуаны Инес де ла Крус, насчитывавшая более 4 тыс. томов²⁷.

Новая Испания была той частью колониальной империи, которая поддерживала наиболее оживленные сношения со своей европейской метрополией как в силу того, что она подвергалась наиболее интенсивной — среди крупных американских колоний — эксплуатации, так и из-за ее относительной географической близости. Кроме того, Новая Испания была перевалочным пунктом для товаров, шедших в Испанию с Филиппин, так называемым «Манильским галеоном».

Поэтому неудивительно, что отголоски исторических перемен, происходивших в Европе в XVIII в. (промышленная революция, «век просвещения» в развитии общественной, научной, экономической мысли и т. д.), ранее других американских колоний Испании ощущались именно здесь и очень скоро в той или иной мере и форме отразились в культурной жизни новоиспанского общества.

Самым важным явлением стало возникновение в передовой части этого общества серьезного идеологического движения, связанного с европейским «веком Просвещения», что в кругах интеллигенции и в учебных заведениях выразилось прежде всего в активном наступлении на схоластическую систему исследования и обучения, в пропаганде научных идей Декарта, Ньютона, Лейбница, французских энциклопедистов, Руссо и других великих мыслителей XVIII в. Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745—1783) опубликовал в 1781 г. «Заблуждения человеческого разума», бичующие схоластику и развивавшие современные ему революционные идеи. С преподавательской кафедры он пропагандировал Лейбница и Декарта, за что предстал перед трибуналом инквизиции²⁸. В начале 1790-х годов учащиеся одной из духовных семинарий в Мехико организовали кружок, участники которого изучали французскую философию. Купец и землевладелец Эстебан де Эндерика был знаком с французской «Энциклопедией», читал «Общественный договор» и «Элоизу» Руссо, сочинения Вольтера и т. д.²⁹

Характерной чертой идеологической борьбы, происходившей в Новой Испании в XVIII в., отмечает В. Н. Кутейщикова, было ожесточенное развитие этой борьбы в лоне католической церкви, поскольку в силу изложенных выше особенностей культурной жизни в колонии именно священники и монахи представляли по преимуществу интеллектуальную элиту. Поэтому протест против католической схоластики зарождается прежде всего в этой

среде и «новые, по сути материалистические», принципы выступают в религиозном облачении. Мыслители, не порывая с церковью, пытаются примирить стремление к трезвому познанию действительности с верой в божественное откровение. Под знаменем католицизма разворачивается борьба за освобождение от обветшалых религиозных догм, оказывающая влияние на все области духовной жизни, борьба за самоутверждение Мексики и в конечном счете за независимость страны³⁰.

Типичным представителем такого «по сути материалистического» крыла в среде мексиканского духовенства был Хосеф Антонио де Альсате-и-Рамирес (1737—1799) — один из виднейших ученых Новой Испании, избранный членом-корреспондентом Парижской Академии наук и Королевского ботанического сада в Мадриде. Он работал не только в области астрономии, метеорологии, географии и минералогии. Его занимали прежде всего проблемы, связанные с экономическим развитием страны: продуктивность шелковичного червя и кошенили, выращивание льна, научно-технические аспекты горного дела. Альсате был одним из первых в стране популяризаторов научных знаний — издателем специально предназначавшихся для этой цели журналов и газет: «Диарио литерарио де Мехико» (1768) и «Гасета де литература» (1790—1791). Этот выдающийся просветитель, мыслитель-гуманист исповедовал и пропагандировал идеи национального самосознания, отражающие стремления широких слоев новоиспанского общества к освобождению от колониального ига.

Для европейских монархий XVIII в. характерно такое явление, как просвещенный абсолютизм, представляющий собой совокупность политических, экономических и идеологических мер, которые были в сущности попыткой правящего феодального класса подстроиться к ускорявшемуся ритму новых, революционных процессов в обществе, быть в русле этих процессов. Испанским Бурбонам в XVIII в. этот просвещенный абсолютизм был присущ в полной мере. Сфера его действия распространялась на американские колонии и более всего — на Новую Испанию, вице-короли которой, особенно второй граф Ревильяхихедо Хуан Висенте де Гуэмес Пачеко, широко проводили реформы и преобразования в соответствии с этой новой политикой.

Реформы и преобразования, однако, диктовались отнюдь не интересами мексиканцев, а меняющимися интересами метрополии, поскольку в эту эпоху ценность колониальных владений стала определяться не только взносом в королевскую казну драгоценных металлов, но также и значением их как потенциального рынка для развивающейся испанской промышленности и поставщика сырья. С постановкой этих новых задач связано возникновение в Новой Испании ряда учебных и научных центров, ориентированных на практическую деятельность. В 1783 г. король Карл III подписал указ об основании в Мехико Королевской се-

минарии горного дела (Горный колледж), занятия в котором начались в 1792 г. Такое высшее специальное учебное заведение было одним из первых на Американском континенте, и уже со своих начальных шагов оно стало не только важным учебным, но и научным центром: в лабораториях колледжа работал А. Гумбольдт, инструменты астрономической обсерватории колледжа он использовал при измерениях в 74 географических пунктах Новой Испании. Профессорами Горного колледжа были в ту пору такие известные ученые, как выходец из Испании минералог Фаусто Элуйар (1757—1833), натуралист и химик Андрес дель Рио (1765—1849), некогда учившийся вместе с Гумбольдтом в классе знаменитого профессора Варнера; мексиканец Антонио Леон-и-Гама (1735—1802) — астроном, участник знаменитой экспедиции Александра Маласпины, заведовавший в колледже кафедрой механики, и др.

Среди первых выпускников были выдающиеся горные инженеры Касими́ро Човель и Висенте Валенсия, павшие в сражениях войны за независимость Мексики.

Другими учреждениями, имевшими значение для развития культурной жизни Мексики, стали Королевская школа хирургии (1778), Ботанический сад (1788), «дабы коллекционировать в нем произрастающие в этой стране растения и производить опыты по их использованию в медицине и в науках»; были организованы курсы, занятия которых вели натуралисты Мартин Сесе и Висенте Сервантес³¹.

В 1773 г. основана Королевская Академия изящных искусств; к ее открытию король Карл III послал обширную коллекцию копий античных скульптур. К тому же периоду мексиканские исследователи относят начало истории Национального музея, основываясь на направленном вице-королем Букарели университету указании о создании в нем «архива или музея»; вскоре следующий вице-король — Ревильяхихедо приказал передать университету коллекцию собранных и описанных на предмет работы над историей Новой Испании «древностей» (в основном древние изваяния, стелы, фрагменты сооружений и т. п.), принадлежавших приезжавшему в страну итальянцу Лоренцо Ботурини³².

«Никакой из городов континента,— писал А. Гумбольдт в 1803 г.,— не исключая и Соединенные Штаты, не располагает столь большими и солидными научными учреждениями, как Мехико. Назову Горную школу, руководимую ученым Элуйаром, Ботанический сад и Академию живописи и скульптуры, известную под названием Академии изящных искусств»³³. Это свидетельство великого ученого, которому мексиканская наука обязана включением ее в систему мирового естествознания, представляется нам очень важным и убедительным доказательством того, что культурная жизнь Новой Испании в конце XVIII в. находилась на европейском уровне.

Этого и добивались чиновники испанской просвещенно-абсолютистской монархии. Но, как часто бывает, усилия метрополии по укреплению испанского влияния привели в конечном счете к результату, обратному желаемому. Происшедший в Новой Испании подъем общественной, научной мысли, духовных сил зреющей новой нации приводил к ясному осознанию безграничных возможностей развития своей огромной и богатой страны. На эти выводы наталкивали передовых представителей общества Новой Испании и перемены, происходившие в XVIII в., — веке, который «пропитан таким динамизмом, столь подвижен, в нем возникает столь заметно духовное обновление, что оно решительно — без завес, без пут, без оков — свидетельствует о скором и повсеместном наступлении независимости. В этом столетии человек Новой Испании созревает для того великого открытия, что хотя официальный язык его страны — испанский, хотя основы его культурной жизни даны Западом, однако эта страна имеет свои, особые контуры, придающие ей новый, неповторимый облик»³⁴.

- ¹ *Aguirre Beltrán Y. El proceso de aculturación. México, 1957, p. 214—215.*
- ² Высшая школа Латинской Америки. М.: Наука, 1972, с. 14.
- ³ *Arciniegas Y. El continente de siete colores. Buenos Aires, 1965, p. 191.*
- ⁴ *Bravo Ugarte J. Historia de México. México, 1947, t. 2, p. 213.*
- ⁵ *Torres Quintero Y. México hacia el fin del virreinato español. México, 1921, p. 97—98.*
- ⁶ Высшая школа Латинской Америки, с. 29—31.
- ⁷ *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 213.*
- ⁸ Новая и новейшая история, 1960, № 4, с. 131.
- ⁹ Латинская Америка, 1970, № 6, с. 102.
- ¹⁰ *Teja Zabre A. Guide de l'histoire de Mexique. Mexique, 1935, p. 206.*
- ¹¹ *Romero Flores J. Historia de la cultura mexicana. México, 1963, p. 205.*
- ¹² *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 208.*
- ¹³ *Jiménez Moreno W. y o. Historia de México. México, 1970, p. 311; Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 211.*
- ¹⁴ *Romero Flores J. Historia de la cultura..., p. 208.*
- ¹⁵ *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 252.*
- ¹⁶ Высшая школа Латинской Америки, с. 35.
- ¹⁷ *Jiménez Moreno W. y o. Historia de México, p. 303—304.*
- ¹⁸ *Teja Zabre A. Guide..., p. 213—214.*
- ¹⁹ *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 226.*
- ²⁰ *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 226.*
- ²¹ *Jiménez Moreno W. y o. Historia de México, p. 302.*
- ²² *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 216.*
- ²³ *Arciniegas Y. El continente..., p. 175.*
- ²⁴ *Bravo Ugarte Y. Historia..., t. 2, p. 229.*
- ²⁵ *Gonzalez J., Alpuche A. La Universidad de México. México, 1960, p. 28; Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 227.*
- ²⁶ *Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 227.*
- ²⁷ *Romero Flores J. Historia de la cultura..., p. 210; Bravo Ugarte J. Historia..., t. 2, p. 211—212.*
- ²⁸ *Arciniegas Y. El continente..., p. 293.*
- ²⁹ Новая и новейшая история, 1965, № 1, с. 31.
- ³⁰ Латинская Америка, 1970, № 6, с. 106.
- ³¹ *Vasconcelos Y. Breve historia de México. México, 1956, p. 101; Henríquez Ureña P. Historia de la cultura en la América Hispánica. México; Buenos Aires, 1947, p. 37—38.*
- ³² *Romero Flores J. Historia de la cultura..., p. 293.*
- ³³ *Torres Quintero Y. México..., p. 101—102.*
- ³⁴ *Tavera Alfaro X. El nacionalismo en la prensa mexicana del siglo XVIII. México, 1963, p. XX—XXI.*

Народное образование в Мексике

История мексиканского просвещения свидетельствует о глубоко национальном характере мексиканской культуры. Вопреки измышлениям расистов о мнимой умственной неполноценности аборигенов Америки история мексиканской школы показывает, что еще до прихода испанских колонизаторов у народов этой древней страны была своя самобытная культура, своя система воспитания подрастающего поколения.

В развитии народного образования в Мексике можно выделить четыре основных этапа: доколониальный период (X—XVI вв.); испанская колонизация (XVI — начало XIX в.); эпоха независимости до буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг.; период после буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. до наших дней.

Доколониальный период

Первые учебные заведения появились еще в доколониальный период у ацтеков и майя. Образование у ацтеков было военным и теократическим. Воспитание ребенка начиналось с самого дня его рождения. Беря в руки новорожденного мальчика, знахарка говорила: «Узнай и пойми, что не здесь твой дом, ибо ты — солдат и слуга. Твой долг и обязанность — это война». Девочке говорили другие слова: «Ты пришла в долину усталости, труда и скорби, где царят холод и ветер. Ты должна быть в доме, как сердце в теле, ты должна быть пеплом в огне очага. Твой долг — носить воду и толочь маис»¹. Новорожденному мальчику вкладывали в руки стрелу — символ мужества, девочке — веретено — символ трудолюбия. До 15 лет сыновья воспитывались отцом, дочери — матерью. Дети знатных родителей и бедняков получали одинаково суровое воспитание, напоминавшее спартанское: питались в основном кукурузными лепешками, мылись в ледяной воде, носили легкую одежду, подвергались тяжелым телесным наказаниям.

В возрасте 15 лет мальчиков и девочек определяли в «государственную школу», сопровождая этот акт торжественными церемониями. У ацтеков было два основных типа школ для мальчиков — «кальмекак» и «тельпучкалли», которые ставили целью подготовку послушных инструментов военно-теократического государства².

«Кальмекак» функционировала при самом крупном храме Теночтитлана и была предназначена для аристократической моло-

дежи. Она готовила ученых («мудрецов»), правителей, служителей культов. В этой школе учащиеся обучались риторике, этикету, пиктографическому письму, летосчислению, изучали астрономию, основы арифметики, растительный и животный мир, местную историю и географию. Мальчики, принадлежащие к средним слоям населения, поступали в «тельпучкалли» — учебные заведения военно-гражданского типа, но рангом ниже, чем «кальмекак». В каждом районе Теночтитлана было 10—15 таких школ. Они готовили военачальников, губернаторов, «полицейских» — правящую верхушку общества, а также преподавателей. Знания им давались в основном такие же, как в «кальмекак», но менее широкие; зато дисциплина здесь была еще более суровой.

Девочки учились в государственных школах двух типов — «ичпочкалли» (напоминавшие по типу «тельпучкалли», но учитывающие особенности женской физиологии) и «куикакалли» — учебном заведении с совместным обучением, куда принимали мальчиков, окончивших «тельпучкалли», и девочек после окончания «ичпочкалли». В «куикакалли» преподавались пение, танцы, поэзия, ораторское искусство.

Система учебно-воспитательных заведений ацтеков была подчинена одной общей цели — подготовке молодежи к войне. Как указывает видный мексиканский историк Е. Чавес, эти учебные заведения выпускали «специалистов чудовищного типа, солдат, всегда готовых к борьбе и порабощению любых народов, пренебрегая справедливостью»³.

Характеризуя систему воспитания у ацтеков, другой историк — Альвеар Асеведо пишет, что оно «отвечало стилю жизни ацтеков, их мировоззрению, их социальной структуре. Оно было классовым и беспощадно суровым. Целью его была подготовка жестоких и неумолимых воинов, фанатически верящих в свою миссию жрецов, приносящих кровавые жертвы богам без какого бы то ни было уважения к правам других народов»⁴.

О развитии просвещения у других племен и народов, населявших территорию нынешней Мексики, известно очень немного.

Исключение составляют лишь индейцы майя, в культурном отношении значительно превосходившие ацтеков. У них была превосходная архитектура, высокоразвитая астрономия, они изобрели календарь, который заимствовали ацтеки. Наконец, только майя имели развитое иероглифическое письмо.

Насколько мы можем судить по источникам периода конкисты, любовь к труду, чувство чести и уважение к семейным устоям считались у майя основными качествами человека. Обучение начиналось в семье и осуществлялось сначала родителями, потом жрецом, мастерами-ремесленниками и учителями. С 9 лет дети уже помогали родителям в сельскохозяйственных работах. В возрасте 12 лет мальчики и девочки майя поступали в «школы-интернаты» двух типов. Первый тип — школы при храмах, где

готовили будущих жрецов. Эти школы предназначались для ограниченного контингента детей знати и жрецов и были исключительной привилегией господствующих классов. Дети изучали арифметику, астрономию, историю, медицину. Кроме того, их учили летосчислению, составлению календаря, проведению праздников, торжественных церемоний, жертвоприношений, предсказанию бедствий, способам лечения различных болезней.

Второй тип учебных заведений майя (так называемая «пополна») был «пародной школой», предназначенной для всей молодежи данного селения. Центральное место в ней занимали физическое и эстетическое воспитание.

Девочки майя получали в основном домашнее воспитание: их учили кройке, шитью, ткачеству, прядению, кулинарии. Дочери знатных майя учились в соответствующих учебных заведениях при храмах. Их обязанностью было следить за поддержанием огня, за чистотой в храме.

Итак, образование у майя концентрировалось в основном на служении религии и овладении навыками, необходимыми в повседневной жизни. Только клан жрецов имел доступ к более глубоким знаниям. Жрецы всячески оберегали свою гегемонию, и образование было привилегией весьма ограниченной части общества.

Образование во времена испанской колонизации

Колониальный строй отразился на системе народного образования. Низшим слоям общества, особенно индейцам, доставались ничтожные крохи знаний; господствующим предоставлялись все возможности для получения среднего и высшего образования. Воспитание, насаждаемое тогда в школах и университетах, было средством достижения религиозных, социальных и экономических целей, которые Испания преследовала в своих колониях.

Одной из главных опор колониального режима в Новой Испании, как уже говорилось⁵, была католическая церковь. Вслед за конкистадорами уже в 20-е годы XVI в. в Мексику потянулись монахи практически всех орденов.

Навязывая народам католическую религию, миссионеры под видом борьбы с язычеством уничтожали древние памятники самобытной культуры аборигенов Мексики.

Буржуазные исследователи, высоко оценивая просветительскую деятельность этих «босых апостолов», неизменно подчеркивают их гуманность, выразившуюся в выступлениях против массового истребления индейцев. Но, как пишут советские историки, «церковь выступала против истребления индейцев и их порабощения конкистадорами, так как сама была заинтересована в мно-

гочисленной пастве, которую само духовенство могло бы эксплуатировать с пользой для себя»⁶.

Тем не менее среди миссионеров встречались подлинные энтузиасты, искренне верившие в гуманизм, в свою просветительскую миссию, старавшиеся по мере сил облегчить тяжелую участь покоренных народов. Это были философы, теологи, вышедшие из лучших европейских университетов.

Хулиан Гарсес (1460—1542) в своем так называемом «Драгоценном письме», адресованном папе Павлу III, выступая в защиту индейцев, говорил об их «способности воспринять христианскую веру и все человеческие ценности, в чем некоторые им отказывали с целью их порабощения и лишения принадлежащих им благ»⁷. Неутомимым защитником прав индейцев был монах Бартоломе де Лас Касас (1475—1566). Крупнейшей фигурой в истории мексиканского просвещения стал также первый архиепископ г. Мехико Хуан де Сумаррага (1468—1548), которому принадлежит заслуга введения в стране печатного дела.

Большой вклад в развитие просвещения в Мексике внес Васко де Кирога (1470—1565). Находясь под сильным влиянием идей Платона и Томаса Мора, он считал, что «индейцы находятся в идеальных условиях для создания совершенного государства, поскольку они свободны от пороков и тщеславия, разъедающих цивилизованный мир»⁸. В 1533 г. он создал в Мичоакане «Госпитали-деревни» — модели организации общин. «Госпитали» представляли собой большие кооперативы, члены которых жили за счет совместной обработки земли. Кроме выполнения разнообразных религиозных обрядов, они учились читать, изучали грамматику, сельское хозяйство, различные ремесла. Особое внимание уделялось воспитанию детей⁹.

Большие заслуги в развитии просвещения среди индейского населения принадлежат францисканскому монаху Петеру Гентскому (Педро де Ганте) (1470—1565) — одному из знаменитых 12 монахов, прибывших в Новую Испанию в 1523 г. по приказу испанского короля. В Мексике его считают «создателем педагогики Нового Света». В 1524 г. он основал первую школу европейского типа в Мехико. Задолго до известных английских миссионеров Белла и Ланкастера он применил «систему взаимного обучения». Эта школа, носившая имя св. Франциска, была одновременно начальной, школой искусств и ремесел, промежуточной средней, консерваторией и педагогическим училищем. В ее учебные планы входили: грамматика, чтение и письмо на латинском языке, на языке индейцев нахуа и на испанском языке, пение, игра на музыкальных инструментах, живопись, скульптура, различные ремесла.

Петер Гентский написал книгу «Иероглифический катехизис», где обобщил опыт наиболее талантливых в педагогическом отношении миссионеров¹⁰.

Введение латинского алфавита для индейских языков — «латиницы» означало, несомненно, решительный шаг вперед в истории культуры Мексики.

Но развитие просвещения в те годы в основном зависело от личной инициативы отдельных энтузиастов. Вот почему к концу XVI в. система обучения индейцев деградировала. Школа и знания стали доступны лишь колонизаторам, дети которых либо воспитывались частным образом, либо отправлялись учиться в Испанию. В самой же Мексике основным ядром в системе образования стал университет.

В целом школьное обучение в колониальный период не получило широкого распространения.

Образование в период независимости (до буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг.)

Освобождение от колониализма, завоевание независимости означало новый этап в развитии образования в Мексике. Правда, в первые годы независимости (1810—1820 гг.) образование шло еще по траектории, начертанной идеологами колониального периода, — под контролем церкви.

Но постепенно в страну стали проникать из-за рубежа новые философские и педагогические идеи. Еще в колониальный период в Мексике уже было популярно учение Декарта и Эразма Роттердамского. В XVII—XVIII вв. особое распространение получили идеи Бэкона, Спинозы, Локка, Гольбаха, Гельвеция, Дидро, Вольтера, Монтескье, Руссо. Ими вдохновлялись в своей педагогической деятельности такие известные мексиканские просветители, как Хосе Луис Мора, Гомес Фариас, Мельчор Окампо, Игнасио Рамирес.

Подобно французским просветителям XVIII в., мексиканские просветители утверждали, что «мнения правят миром» и что все изменения в нем зависят от распространения просвещения.

Появилось множество планов распространения образования в массах и усовершенствования методов обучения. В 1822 г. в Мексику прибыл английский педагог Джозеф Ланкастер, основавший Ланкастерскую компанию, целью которой было «дать бесплатное начальное образование детям и беднякам в школах, учрежденных за счет государства»¹¹.

Первым президентом Ланкастерской компании в Мексике был Мануэль Кодорнин, либерал, мечтавший исключить клерикалов от какого бы то ни было участия в деле воспитания молодежи. Ланкастерские школы стали создаваться по всей стране. Они были основаны на принципе взаимного обучения, согласно которому учитель не передает своих знаний непосредственно всем

ученикам, а выбирает из их числа наиболее одаренных, инструктирует их, подготавливая к тому, чтобы они могли передавать знания своим товарищам. Система обучения при помощи более опытных старших учеников-мониторов давала возможность как-то разрешить проблему нехватки учителей. Правда, качество обучения было довольно низким, так как мониторы, сами едва разбившиеся в учебном материале, не могли дать учащимся по-настоящему глубоких знаний.

Учебные планы ланкастерских школ обычно включали только три предмета: чтение, письмо, элементарный счет. Однако ланкастерцам принадлежит заслуга открытия первых нормальных школ (педагогических училищ).

Постепенно система взаимного обучения все более и более обнаруживала свою несостоятельность. К 1870 г. компания окончательно изжила себя и в 1890 г. прекратила существование. Декрет от 23 марта 1890 г., подписанный министром юстиции и народного образования Мексики Х. Баррандой, предписывал Ланкастерской компании передать принадлежащие ей школы в ведение Министерства юстиции и народного образования¹². Тем учителям ланкастерских школ, которые изъявляли желание продолжать работу, было предложено открывать частные школы, не рассчитывая на финансовую помощь государства. Эта мера не привела к увеличению числа государственных школ.

Политический период 1821—1867 гг. характеризовался неустойчивостью конституций (их за это время было пять), быстрой сменой правительств, борьбой федералистов и централистов, интервенцией Франции и США и ожесточенной борьбой за реформы между либералами и консерваторами.

Школьная реформа была одним из основных пунктов политической программы либералов. Правители того времени разрабатывали школьные реформы, казавшиеся на бумаге идеальными, но быстрые политические перемены приводили к тому, что большая часть предлагаемых реформ так никогда и не была воплощена в жизнь.

Крупнейшим идеологом этого периода являлся Игнасио Рамирес (1818—1869), автор многих педагогических трудов, последователь Песталоцци. Он выступал как ярый поборник распространения образования среди всех классов общества, и в первую очередь среди ремесленников и рабочих.

Наиболее выдающимся реформатором системы народного образования Мексики стал президент страны Бенито Хуарес (1857—1872). Главное препятствие на пути распространения образования Б. Хуарес видел в нищете народных масс. «Хотя количество школ постоянно увеличивается, а школьное оборудование постоянно улучшается,— писал он в 1859 г.,— всегда большое количество детей остается за бортом школы, и так будет до тех

пор, пока исчезнет основная причина пепосещаемости — нищета народа»¹³.

В 1861 г. Б. Хуарес издал президентский декрет, согласно которому управление государственным начальным, средним и профессиональным образованием должно было в дальнейшем осуществляться Министерством юстиции и народного образования. Частные школы были обязаны согласовывать свою работу с деятельностью государственных школ. 2 декабря 1867 г. правительство Б. Хуареса издало «Единый закон по народному образованию», в котором провозглашались принципы обязательного, бесплатного и светского начального образования. Согласно этому закону была создана Национальная подготовительная школа, которая руководствовалась позитивистскими концепциями обучения (позднее позитивизм проник во все остальные типы школ). Возглавлял Национальную подготовительную школу доктор Габино Барреда (1814—1881).

Правительство диктатора Порфирио Диаса (1876—1911) сделало позитивизм официальной доктриной. Из учения Конта, Милля и Спенсера был взят лишь метод установления социального «порядка». Формулу Огюста Конта «любовь, порядок и прогресс» Габино Барреда заменяет формулой «свобода, порядок и прогресс». Правда, термин «свобода» в интерпретации мексиканских позитивистов вполне сочетался с «порядком». Свободен лишь тот, кто действует, повинаясь естественным импульсам, но в рамках существующих в обществе законов. Общество и его высший продукт — государство посредством народного образования укрепляют в человеке естественные импульсы, соответствующие общепринятой морали, устраняя и ограничивая все то, что ей противоречит. Индивид не свободен в том смысле, что он может делать все, что ему вздумается: это, по мнению позитивистов, привело бы к анархии. Эгоистическая свобода индивида, говорили они, должна быть подчинена социальному порядку. Отсюда вытекал прямой вывод о том, что государство, как инструмент общества, должно вмешиваться в воспитание своих граждан, подготавливая их к тому, чтобы они могли как можно лучше служить обществу. «Индивид может думать, что хочет, но действовать обязан в соответствии с интересами общества», — считали мексиканские позитивисты¹⁴. «Надо было направить беспорядочную силу мексиканцев по пути иному, чем политика, надо было направить их энергию по пути овладения природой; только так было возможно установить порядок», — писал известный философ Леопольд Зеа¹⁵.

Усвоив контовскую классификацию наук, Габино Барреда утверждал, что надо воспитывать новый тип человека, полагающегося только на свои собственные силы, верящего не в бога, а в науку. В письме к губернатору штата Мехико от 10 октября 1870 г. Барреда, информируя его по поводу мотивов и целей орга-

низации Национальной подготовительной школы, писал: «Образование должно включать все позитивные науки: математику, космографию, физику, географию, химию, ботанику, зоологию. Логика должна преподаваться позднее, после овладения конкретными науками. С такой подготовкой учащиеся получают эффективную идеологическую базу для всех профессий, общее и ясное представление о своих обязанностях»¹⁶.

Политической целью приспособления идей Конта к условиям Мексики являлась подготовка руководящих кадров в целях укрепления режима диктатуры Диаса. Но в чисто идеологическом аспекте мексиканский позитивизм имел значительные последствия: после многих веков схоластического образования был выдвинут лозунг изучения естественных наук. Различные поколения, обучавшиеся в Национальной подготовительной школе, вынесли твердое убеждение в том, что культура должна базироваться в основном на естественнонаучных дисциплинах.

Однако позитивизм в сущности абсолютизировал роль единичного эксперимента в науке, исходил из релятивизма, т. е. убеждения в том, что все наши знания относительны. С течением времени позитивизм окончательно превратился в консервативную педагогическую доктрину, служившую исключительно интересам господствующих классов. Для примера можно привести оценку возможностей различных этнических групп Мексики. В соответствии с позитивистской теорией, индеец, за редкими исключениями, представлял собой слабую, наименее способную часть общества в борьбе за прогресс. Эту идею подкрепляло извечное рабское положение индейцев. Наиболее способной социальной группой, «агентом прогресса» Мексики считались метисы, т. е. мексиканская буржуазия. В новом «порядке» ей отводилась первая роль и, следовательно, предназначались все блага образования и культуры. Образование широких народных масс никого не интересовало. Неудивительно поэтому, что в стране неграмотных основной упор был сделан на подготовку крупных специалистов, ученых, а не на поднятие общего культурного уровня народа.

В 1896 г., когда режим Диаса достиг своего апогея, всего 33% детей школьного возраста посещали школы. Из 2,5 млн. детей от 6 до 13 лет только 800 000 получали начальное образование в государственных или легализованных частных школах; 33% населения страны было неграмотно¹⁷.

Но и в эту трудную эпоху лучшие педагоги боролись за радикальные изменения в системе образования. Так, в 1883 г. Энрике Лаубшер основал в г. Орисаба экспериментальную школу, где стали применяться на практике более передовые методы обучения. В 1885 г. другой выдающийся мексиканский педагог, выходец из Швеции, Энрике Ребсамен создал на базе этой школы Педагогическую академию для повышения квалификации работающих учителей и подготовки новых. Лаубшер и Ребсамен внед-

ряли новую методику обучения чтению, письму, арифметике, истории, новые организационные формы учебной работы.

Известными педагогами того времени были также Карлос Каррильо, Хусто Сьерра, Грегорио Торрес, Кинтеро, Мигель Серрано и др.¹⁸ Но в целом усилия отдельных прогрессивных деятелей не могли изменить общей безрадостной картины народного образования при диктатуре Диаса.

Народное образование после буржуазно-демократической революции

С победой буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. в Мексике начался отход от принципов традиционного либерализма. Антонио Касо (1883—1946), Хосе Васконселос (1882—1959) и другие молодые философы и деятели культуры, входившие в философско-литературно-художественное объединение молодежи «Атеней», яростно критиковали позитивизм, который определял характер всего народного образования во времена режима Диаса, отвергали его как педагогическую теорию, говорили о рафинированном эгоизме и духе стяжательства, овладевшими умами нескольких поколений мексиканцев благодаря позитивистской концепции образования. «Народ, который изучает только естественные науки,— это народ, лишенный энтузиазма и идеалов»,— писал А. Касо¹⁹. Х. Васконселос видел в позитивизме политическое и интеллектуальное самоубийство Мексики, отказ от собственной сущности. Он разделял точку зрения А. Касо: «Разум и естественные науки не создают подлинно человеческих ценностей».

Позже, когда Хосе Васконселос занял пост министра народного образования (1921), он попытался реорганизовать его исходя из национальных особенностей страны, а не по французским и американским образцам. Проблема народного образования теперь связывались с благосостоянием индейского населения, развитием сельских общин, с чисто мексиканскими традициями. Как отмечает А. Ф. Шульговский, это было время, «когда Мексика жила в ожидании больших перемен, когда передовая интеллигенция выдвинула лозунг национального культурного возрождения страны... Культурная революция, которая со все большим размахом развертывалась в Стране Советов, оказывала явное влияние на позиции передовых деятелей мексиканской культуры и просвещения»²⁰.

После победы революции 1910—1917 гг. первоочередной задачей стала разработка новой конституции. Статья 3 политической конституции 1917 г. подтвердила основные принципы мексиканской начальной школы: обязательность, бесплатность, светскость. Под светским образованием подразумевалось образование, враж-

дебное любому религиозному учению. От «нейтральной светскости» (терпимости) был сделан переход к «боевой светскости».

Революция создала два новых типа школ, предназначенных служить народу: сельскую и основную среднюю школу. В 1911 г. был издан декрет о создании так называемых рудиментарных школ. Правительство Мадеро выделило на эти цели 300 тыс. долл. Учащимся «рудиментарных школ» преподавались чтение и письмо на испанском языке, а также элементарный счет. Выдающийся мексиканский педагог Рафаэль Рамирес, оценивая эти школы, писал, что «это все же лучше, чем ничего»²¹.

Реакционеры называли «рудиментарные школы» «фабриками сапатистов» (сторонников вождя крестьянской революции Эмилиано Сапаты). Именно на базе «рудиментарных школ» выросли первые сельские школы Мексики. Особенно большой вклад в развитие сельских школ внесли известные мексиканские педагоги Мойсес Саэнс, Рафаэль Рамирес, Альфредо Уручурту, Педро де Альба, Сесар Руис и др.²²

Программа мексиканской сельской школы родилась из необходимости связать народ Мексики единством интересов, чувств и взглядов, что, по мысли деятелей просвещения, было основой подлинной гражданственности. В условиях классового общества с его непримиримыми противоречиями мексиканские педагоги пытались проводить в жизнь идею духовного единения народа. Сельские школы возникли как кооперативные организации: при открытии школы община (эхидо) брала на себя ответственность за ее материальное обеспечение. Зачастую сами члены общины возводили школьное здание. Учебные планы и программы составлялись учителем, деятельность которого контролировалась чиновниками из Министерства просвещения. Часто школа помогала общине: организовывала массовые прививки населению, фильтровала воду (проблема питьевой воды в Мексике стоит очень остро), показывала спектакли под открытым небом для членов общины. В учебных планах школ фигурировали как основные предметы санитария, народные ремесла, сельское хозяйство, плотницкое дело и т. д.

Сельская школа обычно представляла собой одну большую комнату, где занималось примерно 40 детей обоих полов и всех возрастов. Срок обучения, как правило, длился 4 года. По вечерам эту же школу посещали взрослые. Преподавали в основном лица, имевшие образование в объеме 6 классов начальной школы; зачастую преподавателями в сельские школы посылали людей, которые умели только читать и писать.

В 1926 г. в Мексике было 2600 сельских школ, где обучались 183 861 человек и работали 2988 учителей. К 1934 г. число сельских школ увеличилось до 8000²³.

По распоряжению департамента сельских школ в 1926 г. в учебные планы сельских школ были включены такие предметы,

как испанский язык, счет, естествознание, история, граждановедение, гигиена, изучение жизни данной общины.

В 1924 г. сельские школы Мексики обследовал известный американский педагог Джон Дьюи. «Во всем мире,— писал он,— нет педагогического движения, где бы с большей силой проявилась тесная связь между деятельностью школы и общины, как это наблюдается в настоящее время в Мексике»²⁴.

В 1925 г. в Мексике был создан первый государственный интернат для индейцев, куда могли поступать до 20 индейцев от каждого штата страны. В 1926 г. интернат был переименован в «Дом индейского учащегося». В него принимались индейские мальчики от 14 до 18 лет из областей с наибольшей плотностью индейского населения. Всего в нем обучались 198 индейцев, принадлежавших к 27 различным племенам из 21 штата страны²⁵. Учащимся преподавали арифметику, гигиену, родную речь, элементарную геометрию, рисование, черчение, элементарную физику, граждановедение, шоферское дело и ремесла. Успешно выдержали выпускной экзамен 177 человек, т. е. 95,16% поступивших.

После осуществления этого эксперимента, доктор Пуиг Касауранг, бывший тогда министром просвещения, писал: «Индеец ничуть не ниже ни белого, ни метиса; он и не выше их. У него совершенно такие же возможности роста, как у того и у другого... Эти мальчики из «Дома индейского учащегося» окончательно подорвали версию, которую пытаются увековечить привилегированные классы, о том, что индейская раса будто бы полностью равнодушна к цивилизации, ленива, порочна, пассивна, обладает комплексом неполноценности, умственно отсталая, словом не поддающаяся образованию»²⁶.

«Дом индейского учащегося» продолжал успешно функционировать. Это был утвердившийся образец подобных учреждений, поддерживаемых Министерством просвещения в целях обучения мексиканских индейцев.

В 30-е годы в стране появляются первые сельские нормальные школы (педагогические училища). В 1932 г. в различных штатах Мексики было 17 таких школ²⁷.

Второй тип школы, созданный после революции 1910—1917 гг.,— неполная средняя школа. До революции среднее образование являлось частью подготовительного (для поступления в вуз) образования; оно было органически связано с высшей школой. Неполная средняя школа как самостоятельное учебное заведение допрофессионального типа — продукт Мексиканской революции.

Первые неполные средние школы появились в 1926 г. при правлении генерала Кальеса. В 1926 г. было всего 4 неполных средних школы, где учились 3860 человек²⁸.

В 1932 г. в Юкатане возникла первая «рационалистская школа», все обучение в которой должно было строиться на изучении природы. Революционные организации с энтузиазмом восприняли ее, поскольку в то время она означала более передовую педагогическую тенденцию и пыталась дать новую социальную и моральную ориентацию в соответствии с духом Мексиканской революции. Но «рационалистская школа» не оправдала надежд передовых людей Мексики: она не была по-настоящему боевой, антиклерикальной и не готовила учащихся для классовой борьбы.

В 1933 г. блок Национально-революционной партии палаты депутатов конгресса страны назначил особую комиссию под председательством депутата Альберто Бремаунтса для разработки проекта педагогической реформы. Проект реформы был разработан в 1934 г. Он касался всех ступеней обучения. Основная цель его сводилась к воспитанию учащихся в духе научного социализма, с тем чтобы помочь им бороться с религиозным фанатизмом и предрассудками, вырвать подрастающее поколение из рук католического духовенства и различных религиозных сект. Некоторые депутаты выступили против проекта. Так, депутат Альтамирано заявил следующее: «Ни одна из статей нашей конституции не является социалистической. А раз наш строй не социалистический, то мы не сможем создать подлинно социалистическую школу»²⁹.

Сами конгрессмены, разработавшие проект, понимали, что социалистическая система образования может укрепиться только в результате глубоких революционных преобразований. Альберто Бремаунтс говорил: «Мы никогда и не претендовали на то, чтобы мексиканская социалистическая школа была подлинно «социалистической», как это произошло, например, в СССР, поскольку режим в нашей стране полубуржуазный. Точно так же демагогичным было бы утверждение о том, что школа сама по себе может преобразовать общество»³⁰.

Бремаунтс подчеркивал, что новая школа названа «социалистической» не потому, что она может быть идентична школе, существующей при социалистическом строе, а потому, что этот термин твердо определяет ее цели и тенденции.

Как указывает А. Ф. Шульговский, в вопросе о «социалистической школе» наиболее причудливо переплелись неприкрытая демагогия, иллюзии и заблуждения с самыми искренними и самоотверженными порывами и бесспорными реальными свершениями³¹.

Генерал Кальес, бывший тогда президентом страны, пытался спекулировать на растущих революционных настроениях масс, чтобы, разжигая конфликт с церковью, отвлечь их внимание от борьбы за глубокие социально-экономические преобразования.

В. И. Ленин неоднократно разоблачал попытки буржуазии использовать антиклерикализм в политических целях для отвле-

чения внимания масс от социально-экономических проблем. В статье «Социализм и религия» он указывал: «Реакционная буржуазия везде заботилась... о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»³². В работе «Об отношении рабочей партии к религии» В. И. Ленин писал: «...Энгельс неоднократно осуждал попытки людей... внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии... такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии»³³.

Клерикалы развернули широкую кампанию против «социалистической школы». Играя на религиозных чувствах простых мексиканцев, они организовывали демонстрации протеста женщин и детей. Они шли и на открытое убийство учителей-энтузиастов. Оскорбление религиозных чувств мексиканцев приводило к тому, что школы бойкотировались, а в некоторых штатах страны вообще бездействовали. «Социалистическая школа», таким образом, оказалась оторванной от широких народных масс. И все же сама идея социалистического воспитания расшатывала позиции кальизма, так как пробуждала у масс интерес к социально-экономическим преобразованиям в стране. По выражению А. Ф. Шульговского, «демагогия кальистского режима оборачивалась против него самого»³⁴.

При следующем президенте страны — Ласаро Карденасе основной упор делался уже на качество образования. Сторонники Карденаса отказались от грубого, псевдореволюционного антиклерикализма, характерного для кальистов. С 1934 по 1940 г. народное образование получило мощный толчок. Если в 1934 г. в стране было 8477 государственных начальных школ, то в 1939 г. — уже 12 879. Промышленных, технических и торговых училищ в 1934 г. насчитывалось 19, а в 1940 г. — 40. Число сельскохозяйственных училищ за этот период возросло с 22 до 55³⁵.

В 1937 г. состоялся конгресс по проблемам просвещения, создавший национальную комиссию по народному образованию, которая руководила деятельностью отрядов народной культуры — ликвидаторов неграмотности.

После прихода к власти в 40-х годах Авила Камачо началась чистка государственного аппарата от прогрессивных элементов. В первую очередь нападкам реакции подверглось Министерство просвещения, где было много сторонников Карденаса. Камачо отменил термин «социалистическое воспитание». В 1941 г. были изданы новые учебные программы, построенные по методу «центров интереса», идентичные для городских и сельских школ. Всякая социальная деятельность учащихся в общине полностью исключалась. С 23 августа 1944 г. по февраль 1946 г. в стране проводилась кампания по ликвидации неграмотности, которая со-

проводилась шумной рекламой. Тем не менее правительству не удалось устранить тяжелый кризис образования, связанный с социально-экономической политикой страны.

В 1946 г. из каждых 100 учеников, поступивших в начальную школу, ее оканчивало только 23. В сельской местности отсев был угрожающе велик. В 1946 г. из 828 551 ученика, поступившего в I класс, только 64 773 дошли до IV класса, а до VI — 15 498, т. е. 2%³⁶.

Период с 1956 по 1963 г. ознаменовался некоторыми успехами в области образования. Президентом страны был тогда Адольфо Лопес Матеос, стоявший на позициях буржуазного реформизма, а министром просвещения — Хаиме Торрес Бодет. В те годы был разработан так называемый 11-летний национальный план улучшения и распространения начального образования, рассчитанный на 1959—1970 гг. Цель плана — максимальный охват обязательным образованием всех детей от 6 до 14 лет. Если в масштабе федерального округа 11-летний план действительно выполнялся довольно успешно, то в других районах страны процент детей, охваченных начальным образованием, был намного ниже запланированного.

В 1959 г. были пересмотрены учебные планы и программы, действовавшие с 1944 г. В 1961—1962 гг. изданы новые учебные планы и программы для начальных школ, которые с незначительными коррективами действуют и поныне. С 1960 г. Министерство просвещения наладило выпуск бесплатных учебников для начальных школ. Оппозиционно настроенные элементы, в первую очередь церковники, с самого начала воспротивились внедрению этих учебников. Дело в том, что с введением бесплатных текстов начался пересмотр целей содержания обучения. В них были внесены поправки, стимулирующие осознанный подход учащихся к общественной жизни и к самой природе человека. Органы образования выступили за проведение принципа плюрализма в учебных программах, т. е. за преподавание различных политических доктрин, включая и теории социализма. Все это вызвало протест церковников, усмотревших угрозу сохранению религиозного влияния в сфере образования. В 1962 г. в штате Леон они организовали детские манифестации под лозунгом «Долой бесплатные учебники!». Прогрессивная общественность осудила этот акт.

Сторонники так называемой свободы образования, возражающие против каких бы то ни было официальных учебных пособий, обратились в Коллегию адвокатов по поводу неправомерности введения обязательных бесплатных учебников в мексиканские начальные школы. Авторы письма высказали мысль, что «только для тоталитарных режимов характерно стремление к введению обязательных учебников». В документе от 29 июля 1960 г., адресованном Министерству народного образования, члены Колле-

гии адвокатов пискали: «Введение бесплатных учебников — акт, противоречащий конституции, законам, существующим в Мексике культурным традициям»³⁷. Несмотря на такое активное противодействие определенных кругов мексиканского общества, бесплатные учебники все же продолжали издаваться.

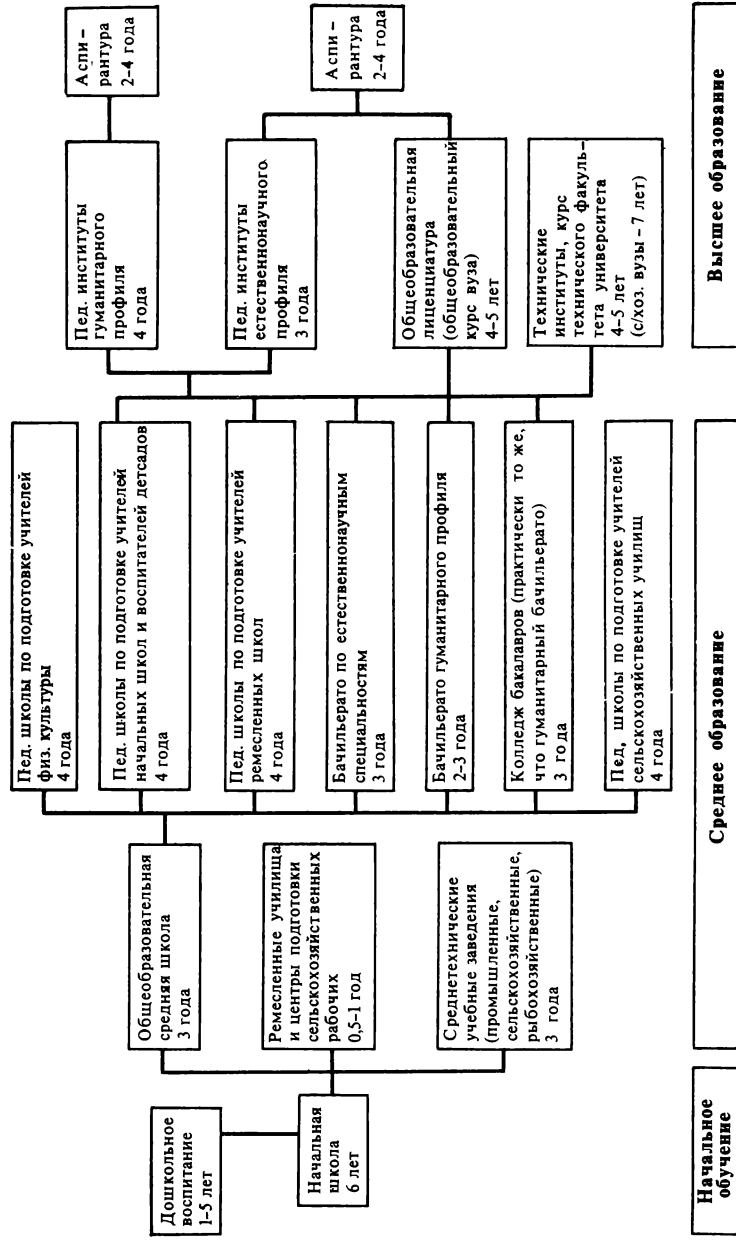
Правительство Л. Матеоса в 1963 г. приняло решение создать новый тип школы — так называемые центры по подготовке к труду, цель которых — вооружить выпускников начальных школ, а также всех желающих рабочих и крестьян знаниями, необходимыми для работы на производстве и в сельском хозяйстве. В 1963 г. были открыты первые 29 центров — 20 в сельской местности и 9 в городах.

Несмотря на предпринятые усилия, широко разрекламированный 11-летний план практически не был выполнен. Если в 1958 г. планировалось к началу 1970 г. добиться 100%-ного охвата начальным образованием, то в конце 1969 г. ставилась уже новая задача, неизмеримо более скромная: в 1980 г. охватить начальной школой всего лишь 70,2% детей от 6 до 14 лет. Но и эта задача кажется неразрешимой общественности страны, так как тогда в период между 1970—1980 гг. необходимо подготовить 133 400 новых учителей и построить 56 400 новых классных комнат, что невозможно ввиду недостаточности бюджетных ассигнований на пужды просвещения³⁸.

С 1969 г. в Мексике проводятся реформы, касающиеся всех ступеней народного образования. Реформы направлены на обновление устаревших учебных планов и программ, модернизацию школьного оборудования. Ставится задача предоставления больших образовательных возможностей всем слоям населения. Предпринимаются некоторые усилия, направленные на то, чтобы установить большую преемственность между отдельными ступенями обучения, преодолеть известную исторически сложившуюся разобщенность начальной и средней школ.

В начале 70-х годов Национальная комиссия по реформе образования организовала широкую дискуссию учителей и общественности по поводу тех мер, которые следует осуществить в ближайшее время.

Деятели Национального профсоюза работников просвещения, учителя и директора школ подвергли острой критике Единый закон о народном образовании от 1941 г. Наиболее вопиющими недостатками его были названы следующие: в законе не отражена преемственная связь между различными ступенями обучения; нет четкой формулировки целей и содержания производственного и сельскохозяйственного обучения; ничего не говорится о применении технических средств обучения; нечетко сформулирован пункт о бесплатности и светскости образования; не уточнены функции родительских комитетов и ученических советов; расплывчато говорится о распределении социально-педагогиче-

Система народного образования

ских функций между федеральным правительством и руководством штатов и муниципалитетов.

В 1972 г. был разработан новый законопроект, а в декабре 1973 г. вступил в силу новый федеральный Закон об образовании³⁹.

Несмотря на то что еще во второй половине 60-х годов государственные деятели Мексики неоднократно обещали ввести в стране вместо 6-летнего всеобщего обязательного образования 9-летнее, в новом законе опять провозглашено обязательным только 6-летнее, т. е. начальное, образование⁴⁰. Содержание начального образования одинаково для всех начальных школ страны, но вместе с тем учебные планы и программы достаточно гибки для того, чтобы приспособить начальную школу к местным условиям. Средняя школа по-прежнему разделена на два цикла: основной (неполная средняя школа) и высший (подготовительный к вузу). Вопреки заверениям Министерства просвещения о том, что основной цикл будет продлен на год, он по-прежнему остается 3-летним.

Все типы основных средних школ (т. е. неполных средних): общеобразовательные, индустриальные, коммерческие, сельскохозяйственные, рыболовные — получили общее название «эскуэла секундария».

Содержание среднего образования, говорится в статье 35 главы VI, «должно быть единым для всей страны». Такая унификация учебных планов создаст возможности перехода из одного типа учебного заведения в другой. Второй, высший цикл среднего образования на базе основной школы представлен школами двух типов: подготовительные — к университету или Национальному политехническому институту (2-летние, как и прежде); средние профшколы (от 2 до 4 лет) и педучилища (4 года). Это — нововведение по сравнению со старым законодательством, согласно которому 6-летние педучилища и профшколы со сроком обучения от 3 до 5 лет функционировали на базе 6-летней начальной школы⁴¹.

Несмотря на то что в законе декларируется обязательное начальное образование для всех, фактически в силу социально-экономических факторов этот принцип зачастую остается на бумаге и система народного образования современной Мексики представляет собой типичную для капиталистического общества классовую систему воспитания, при которой значительная часть детей трудящихся лишена возможности получить образование. Школа не обеспечивает учащимся равенства образовательных возможностей. Первая причина — дуализм в управлении народным образованием. Школы, находящиеся в ведении федерального управления просвещения, субсидируются лучше, нежели школы, подчиняющиеся местным властям штатов. Отсюда огромная разница в материальной оснащенности городских и сельских школ.

Во-вторых, тестовый отбор детей по способностям, который проводится уже в начальной школе, — одно из важных средств дискриминации неимущего населения. Высок процент отсева, второгодничества, непосещаемости школ. Например, в 1978/79 учебном году 1,8 млн. детей в возрасте 6—12 лет не посещали начальной школы⁴². Второгодничество, особенно в первых классах начальной школы, в 1976 г. составляло в среднем 18%⁴³. В 1978 г. в стране насчитывалось свыше шести миллионов неграмотных старше пятнадцати лет⁴⁴.

Одной из важных причин высокого уровня неграмотности в ряде мексиканских провинций является наличие обширных секторов индейского населения, влачащего жалкое существование и лишенного каких бы то ни было возможностей повысить культурный уровень.

Сельские школы, которые в основном посещают индейцы, как правило, однокомплектные, с 3-летним сроком обучения, тогда как в городах начальная школа 6-летняя.

В настоящее время в Мексике много пишут и спорят по индейскому вопросу, однако проблема сельской школы, в частности индейской, еще весьма далека от разрешения.

В структуре народного образования наблюдается резкая диспропорция: количество учащихся дошкольных учебных заведений и начальных школ составляет 86,3% всего контингента учащихся. На долю средних школ приходится лишь 11,9%, а количество студентов вузов составляет 1,8% общего количества учащихся⁴⁵.

Средняя школа элитарная: в нее попадает менее 20% подростков в возрасте 12—18 лет. Средних школ не хватает. В 1976 г. во всех типах средних школ учились 3 241 421 человек. Они распределялись следующим образом: в общеобразовательных школах — 2 789 122, в педучилищах — 135 981, в других типах средних школ — 316 318 человек⁴⁶.

Развитие экономики ставит страну перед необходимостью уделить значительно больше внимание подготовке рабочих кадров. В связи с этим в начале января 1979 г. в г. Мехико по инициативе Министерства народного образования была создана Государственная коллегия по профессиональному образованию (Colegio nacional de educación profesional)⁴⁷. Основная задача коллегии связать более тесно систему народного образования с производством, чтобы уже в школе готовить рабочие кадры, нужные стране. Деятельность коллегии будет финансироваться федеральным правительством, штатами и муниципалитетами, а также производственными предприятиями. На всей территории страны будут созданы учебные заведения определенного профиля — в зависимости от потребностей местного производства. Наряду с общеобразовательными знаниями учащиеся получают профессионально-техническую подготовку по земледелию, животноводству, рыболовству

промыслу, промышленности, строительству, административно-хозяйственной сфере, туризму.

Последние годы характеризуются значительными усилиями, направленными на дальнейшее развитие школьного образования в стране.

В докладе на XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 8 ноября 1978 г. министр народного образования М. Ф. Солана говорил о новом плане развития народного образования в Мексике, который предусматривает следующие пять аспектов:

обеспечить начальное (шестилетнее) образование всем, и в первую очередь детям и подросткам;

связать общеобразовательную школу с производством и сферой обслуживания;

повысить качество школьного обучения;

поднять общий уровень культуры в стране;

повысить эффективность управления и финансирования школьной системы ⁴⁸.

Для того чтобы выполнить за короткий срок первую сформулированную в плане задачу, в марте 1978 г. президент страны Хосе Лопес Портильо обратился к народу с призывом «Образование для всех!» В настоящее время этот лозунг реализуется в трех конкретных программах.

Первая предусматривает охватить начальным образованием в 1979—1980 гг. всех детей Мексики в возрасте 6—12 лет. Вторая программа направлена на обучение индейских детей в возрасте 5—7 лет, не говорящих по-испански, основам испанского языка, с тем чтобы они могли в дальнейшем посещать начальную школу с двуязычным обучением. Третья программа связана с ликвидацией неграмотности среди взрослого населения страны.

В Мексике сейчас говорят на 50 языках с различными диалектами. Существует не менее 10 языков, на которых говорят почти 200 тыс. человек. Например, на языке нахуатль говорят 1,5 млн. мексиканцев, на языке майя — 1 млн., на языках сапотеко, миштеко и отомí — по 0,5 млн. человек. Программа испанизации этих этнических групп будет сопровождаться различными мерами, направленными на изучение, укрепление и развитие местных индейских культур.

Большое внимание уделяется в последние годы и проблеме педагогического образования и повышения квалификации педагогических кадров. С целью улучшения подготовки учителей в 1978 г. в г. Мехико был создан Педагогический университет ⁴⁹.

Передовые силы Мексики упорно отстаивают достижения Мексиканской революции в области народного образования, дают решительный отпор непрекращающимся проидам реакции. Так, например, во время своего пребывания в Мексике в январе 1979 г. папа римский Иоанн Павел II призывал мексиканцев передать школу в руки католической церкви, поскольку только она явля-

ется якобы носительницей высоких духовных ценностей. Однако передовая общественность страны категорически воспротивилась этой попытке нарушить принцип светскости образования, записанный в Конституции страны. Один из руководителей Национального профсоюза работников просвещения И. Гарсиа Солис в связи с этим заявил: «Отделение церкви от государства и от образования — непреложный факт истории Мексики, и допустить духовенство к участию в народном образовании означало бы отступление... Между церковью и государством существует исторически сложившийся разрыв, и следует защищать это достижение светскости»⁵⁰.

Такой же позиции придерживается и Мексиканская коммунистическая партия.

Прогрессивные силы страны, в первую очередь коммунисты, понимают, что подлинная, а не показная демократизация образования возможна лишь при условии коренных социально-экономических изменений в стране, и решительно связывает школьные проблемы с окончательным устранением влияния североамериканских монополий.

- ¹ *Chávez E.* La educación en México en la época Precortesiana. México, 1958, p. 61.
- ² *Chávez E.* Apuntes sobre la colonia. México, 1958, p. 71.
- ³ *Chávez E.* La educación..., p. 111.
- ⁴ *Alvear Acevedo C.* La educación y la ley. México, 1963, p. 19.
- ⁵ См. статью В. Н. Селиванова в настоящем сборнике. Чтобы избежать неоправданных повторений, ряд имен и событий нами опущен.
- ⁶ Очерки новой и новейшей истории Мексики / Под ред. М. А. Альперовича. М.: Наука, 1960, с. 50.
- ⁷ *Bravo Ugarte J.* La educación en México. México, 1966, p. 52.
- ⁸ *Tirado Benedi. D.* Educadores de México. México, 1955, p. 12.
- ⁹ *Alegria P.* La educación en México antes y después de la Conquista. México, 1963, p. 103.
- ¹⁰ El Día (Mexico), 5.IX 1968.
- ¹¹ *Johnston M.* Education in Mexico. Washington, 1956, p. 22.
- ¹² *Alvear Acevedo C.* La educación y la ley, p. 50.
- ¹³ *Bremauntz A.* La educación socialista en México. México, 1943, p. 34.
- ¹⁴ Estudios de historia de la filosofía en México. México, 1963, p. 250.
- ¹⁵ *Zea L.* Apogeo y decadencia del positivismo en México. México, 1944, p. 149.
- ¹⁶ *Lombardo Toledano V.* Las corrientes filosóficas en la vida de México. México, 1963, p. 60.
- ¹⁷ *Alvear Acevedo C.* La educación y la ley, p. 160.
- ¹⁸ *García Ruiz R.* Síntesis de historia de la educación. Guadalajara, 1973, p. 160.
- ¹⁹ *García Ruiz R.* Síntesis..., p. 175.
- ²⁰ *Шульговский А. Ф.* Борьба за прогрессивное антиимпериалистическое образование в Мексике. (К вопросу о мексиканской «социалистической школе»). — В кн.: Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М.: Просвещение, 1967, с. 165.
- ²¹ *García Ruiz R.* Síntesis..., p. 175, 176.
- ²² *García Ruiz R.* Síntesis..., p. 175, 176.
- ²³ *Bremauntz A.* La educación socialista en México, p. 71.
- ²⁴ *Tejera H.* Crónica de la escuela rural mexicana. México, 1963, p. 40.
- ²⁵ La casa del estudiante indígena. México, 1927, p. 54.
- ²⁶ *Cook K.* The House of the People. Washington, 1932, p. 31.
- ²⁷ *Arroyo de la Parra M.* Sílabo de historia de la educación en México. México, 1958, p. 68.
- ²⁸ *Arroyo de la Parra M.* Sílabo..., p. 68.

- ²⁹ Mayo S. La educación socialista en México, p. 337.
- ³⁰ Bremauntz A. La educación socialista en México, p. 238.
- ³¹ Шульговский А. Ф. Борьба..., с. 156.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146—147.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 416.
- ³⁴ Шульговский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М.: Просвещение, 1967, с. 149.
- ³⁵ Seis años de gobierno al servicio de México. México, 1934—1940, p. 250.
- ³⁶ Tejera H. Crónica..., p. 283.
- ³⁷ Alvear Acevedo C. La educación y la ley, p. 313.
- ³⁸ Magisterio (México), 1969, N 105, p. 44—50.
- ³⁹ El Gobierno mexicano (México), 1973, N 36, p. 170—171.
- ⁴⁰ Proyecto de la ley orgánica de la educación, ciencia y cultura. México, diciembre de 1972.
- ⁴¹ Proyecto de la ley...
- ⁴² Siempre (México), 8.XI 1978, p. 62.
- ⁴³ Statistical Yearbook 1977. UNESCO. Paris, 1978, p. 244.
- ⁴⁴ Mañana (México), 16.XII 1978, p. 7.
- ⁴⁵ Examen de la situación..., N 533, p. 101.
- ⁴⁶ Statistical Yearbook 1977. UNESCO, p. 274—275.
- ⁴⁷ Mañana, 13.I 1979, p. 6.
- ⁴⁸ Siempre, 8.XI 1978, p. 62—63.
- ⁴⁹ Siempre, 8.XI 1978, p. 62—63.
- ⁵⁰ El Día, 10.II 1979, p. 6.

Высшая школа Мексики

Современная высшая школа Мексики является результатом длительной эволюции системы учебных заведений, сложившейся еще в колониальную эпоху. Начало высшему образованию в вице-королевстве Новая Испания, на территории которого позднее возникло мексиканское государство, было положено учреждением в 1551 г. университета в г. Мехико. Это учебное заведение стало одним из трех первых университетов в Новом Свете. Указом испанского короля, подтвержденным в 1555 г. папской буллой, университету были даны права и привилегии, которыми пользовались высшие учебные заведения метрополии¹. Это означало, что университет г. Мехико получил право автономного управления. Делами учебного заведения управлял университетский совет, избиравший ректора, который обладал правом юрисдикции. Ректор нес непосредственную ответственность за организацию учебной и административной деятельности и представлял интересы преподавателей и студентов перед государственной властью.

Подобно некоторым другим латиноамериканским университетам колониальной эпохи, университет г. Мехико обладал большим общественным престижем. Он имел титулы «папский» и «королевский», пользовался покровительством королевской власти и католической церкви. Кроме того, университет, будучи главным для всей Новой Испании, обладал прерогативой присвоения ученых званий и степеней не только своим воспитанникам, но и учащимся других учебных заведений. Университетские власти контролировали все учебные заведения, а позднее — все внеуниверситетские научные учреждения и общества. И хотя некоторые колледжи (в частности, удаленные от г. Мехико) со временем добивались собственного права на присуждение ученых званий, а два из них уже в колониальную эпоху получили университетский статус, университет г. Мехико оставался важнейшим культурным центром всей Северной Америки. Авторитет главного университета и его некоторые особые прерогативы стали традицией и частично сохраняются ныне за Национальным автономным университетом Мексики (УНАМ) — преемником первого высшего учебного заведения Новой Испании.

Однако довольно многочисленные колледжи колониальной эпохи, не имевшие статуса университетов, по существу отличались от последних лишь степенью компетенции в отношении присуждения званий и степеней. Программы же учебных курсов, как тех, так и других, обычно копировали перечень дисциплин, преподававшихся в испанских университетах². Учебными предмета-

ми были латинский язык, риторика, философия, каноническое и гражданское право, богословие, медицина.

Поскольку колледжи и университеты готовили священников, в них преподавались специальные церковные дисциплины. Большинство колледжей принадлежало религиозным орденам, поэтому обучение в значительной мере ориентировалось на миссионерскую деятельность. Это обстоятельство явилось причиной появления в университетах и колледжах уже в раннюю колониальную эпоху кафедр индейских языков.

В целом же как университет г. Мехико, так и другие учебные заведения территории будущих Мексиканских Соединенных Штатов были обычными средневековыми вузами, в которых царил дух схоластики, догматизма, враждебности к прогрессивной мысли.

В университете г. Мехико только в последней четверти XVIII в. стали открываться технические и естественнонаучные факультеты³. Введению ряда новых дисциплин (анатомия человека, физика и др.) в колледжах страны противилась церковь, мешала нехватка средств.

На протяжении XVIII в., правда, происходили известные сдвиги в постановке университетского образования в Мексике. Все заметнее сказывалось распространение идей европейского Просвещения. Духовное влияние Испании во второй половине века явно уступает место воздействию на умонастроения университетской молодежи Мексики взглядов передовых мыслителей Франции, Швейцарии, Германии.

Период независимости в Мексике в силу ряда особенностей внутреннего и внешнеполитического характера, в частности вследствие продолжительного вмешательства европейских держав, позднее, чем в других странах, ознаменовался перестройкой и обновлением системы высшего образования. Первая реформа университета г. Мехико была предпринята в 1867 г., когда был расширен круг дисциплин (введено преподавание физики, химии, математики, естественной истории) и усилено внимание к преподаванию иностранных языков, истории, географии, педагогики, созданы новые кафедры и факультеты.

Большую роль в реформировании мексиканской высшей школы и всей системы образования сыграл в тот период выдающийся педагог и ученый Габино Барреда. Барреда стремился сделать образование инструментом национального развития, выступал за светскую школу, пытался внедрить в педагогическую практику идеи позитивизма. По настоянию Барреды была расширена номенклатура специализаций университетов. Наряду с традиционными факультетами появились школы и факультеты сельского хозяйства, ветеринарии, гражданского строительства, геологии, механики и др. Были созданы новые университеты, прежде всего университеты штатов (в XIX в. открыты университеты штатов Коауила, Колима, Герреро, Идальго, Оахака, Сиңалоа, Сакатекас).

Помимо университетов, со второй половины XIX в. в Мексике начинает складываться система технических высших учебных заведений. При президенте Хуаресе была создана Школа ремесел и искусств. Вместе с Высшей торговой и административной школой она составила основу технического образования в стране. Расширение сети технических учебных заведений отражало тенденцию к усилению капиталистического развития Мексики во второй половине XIX в.

Начало XX в. в развитии мексиканского высшего образования было ознаменовано рядом прогрессивных мер, отражавших идеи Мексиканской революции 1910—1917 гг. Самой важной из этих мер было открытие в 1910 г. Национального автономного университета Мексики. Произошло не просто переименование, а полное обновление и воссоздание главного университета страны. Интересно отметить, что, открывая университет, министр Х. Сьерра в перечне имен мыслителей, которые «будут вдохновлять деятельность профессоров и учащихся», назвал имя К. Маркса⁴.

Прогрессивные идеи создателей университета прежде всего отразились в стремлении обеспечить подлинную автономию учебного заведения и гарантию академических свобод. Однако относительно автономный статус УНАМ получил лишь в 1929 г. В 1923 г. был создан Автономный университет штата Сан-Луис-Потоси⁵. Постепенное создание автономных университетов штатов шло параллельно с основанием технических вузов. Школа ремесел и искусств была преобразована в Практическую школу инженеров-механиков и инженеров-электриков. В конце 20-х годов был основан Промышленный технический институт.

Особое значение высшему техническому образованию придавало правительство президента Л. Карденаса (1934—1940). В 1937 г. был основан Национальный политехнический институт, по его образцу стали создаваться политехнические институты в ряде штатов. Правительство выдвинуло задачу обеспечения народного хозяйства собственными кадрами специалистов. «Создание политехнического института,— отмечает А. Ф. Шульговский,— было ярким свидетельством дальновидной политики правительства Карденаса, выступавшего за завоевание экономической независимости»⁶.

После второй мировой войны преобладающей тенденцией, однако, явился рост числа университетов, в которых преобладают гуманитарные и естественнонаучные дисциплины. В 1950—1970 гг. в Мексике возникло 20 новых университетов. Число же технических вузов возросло незначительно⁷.

В настоящее время в Мексике имеется 40 университетов, но лишь 11 из них являются крупными учебными заведениями; 25 университетов имеют контингенты, не превышающие 5 тыс. студентов, в некоторых обучается 500—700 человек. Крупнейшие университеты страны: УНАМ (все факультеты и школы его нас-

читывают более 270 тыс. учащихся), Университет Гвадалахары (124 тыс.), Университет Коауилы (14 тыс.), Автономный университет штата Мехико (20 тыс.), Автономный университет Нижней Калифорнии (17 тыс.), Автономный университет Гвадалахары (19 тыс.), Университет «Сан-Николас де Идальго» в Мичоакане (29 тыс.), Университет штата Нуэво-Леон (80 тыс.).

Сеть высших технических учебных заведений составляют Национальный политехнический институт, насчитывающий 110 тыс. студентов, частный Технологический институт высших исследований в Монтерее (17 тыс.) и более 20 институтов, училищ и колледжей, большинство которых практически не дают подготовку в объеме вуза (по стандарту СССР). Имеются также 4 художественных училища, Институт литературы и национального театра, Институт кинематографии⁸.

Особенностью структуры мексиканских университетов является то, что большинство из них имеют свои подготовительные школы. В течение двух лет (в УНАМ с 1965 г. в течение трех лет) учащиеся школ проходят курс, соответствующий программе старших классов средних школ, но с уклоном уже избранного факультета. Окончание подготовительной школы завершается присвоением степени бакалавра, дающей право быть зачисленным в университет⁹. Подготовительные школы заметно увеличивают население студенческих городков. Так, в УНАМ число учащихся подготовительной школы в 1975 г. составляло 44,6 тыс. человек¹⁰; в последующие годы оно стало постепенно снижаться.

Продолжительность высшего образования в Мексике составляет 4—5 лет. Курс обучения в сельскохозяйственных вузах или на факультетах сельского хозяйства длится 7 лет, поскольку от абитуриентов здесь не требуется степени бакалавра (достаточно окончания первого цикла средней школы). Защита университетского (вузовского) диплома дает звание лиценциата наук в той или иной области. При многих университетах существуют курсы «постградуадос» (аспирантура) для получения степеней магистра и доктора наук.

Большинство высших учебных заведений Мексики принадлежит государству. В свою очередь, они делятся на национальные и университеты штатов. Только 9 университетов частные¹¹. Контингенты частных вузов, как правило, невелики. Именно поэтому 90% учащихся мексиканских вузов посещают государственные университеты и институты. Однако если взять только данные об учащихся подготовительных школ, то картина заметно меняется. Так, в середине 70-х годов 19,3% учащихся подготовительных школ концентрировал УНАМ, 53,1 — вузы, находящиеся в ведении штатов и федерального округа, 28,6% — частные университеты и институты. Еще выше доля частного сектора в педагогических училищах (37,7%)¹².

В последние два десятилетия, особенно в 70-е годы, в Мексике наблюдается бурный рост числа студентов. По данным Национальной ассоциации университетов и учреждений высшего образования, общий контингент учащихся вузов в 1975 г. достигал 403 тыс. человек¹³. К 1980 г., согласно официальным прогнозам, эта цифра должна была возрасти до 960 тыс.¹⁴ Уже в 1978/79 учебном году стеденческий контингент превысил 904 тыс.¹⁵ В 1980 г. Мексика приблизится к миллионному показателю числа вузовских учащихся.

Относительно широкие масштабы мексиканского высшего образования объясняются прежде всего экономическими причинами — высоким для Латинской Америки уровнем капиталистического развития, особенно промышленности, известной экономической самостоятельностью штатов, урбанизацией. Однако не менее важную роль играли успехи демократического движения в стране. В настоящее время на политику правительства в области образования оказывает все более позитивное влияние мощное движение прогрессивных сил за обновление всей системы образования, за широкий доступ к учебе в вузах детей трудящихся.

Общественность страны, однако, с полным основанием считает недостаточным развитие образования, в том числе и высшего: оно не отвечает потребностям независимого экономического развития Мексики. Об этом же свидетельствуют и заявления официальных лиц. Согласно сообщению канцелярии правительства Мексики, сделанному в 1976 г., страна вынуждена была в последние три года пригласить около 14 тыс. иностранных специалистов. По данным директора отдела международных отношений Национального совета по науке и технике Эмануэля Мендеса Пальмы, потребность в преподавателях для технических вузов Мексики в конце 70-х годов достигла 45 тыс.; потребность в ученых-исследователях до 1982 г. определяется в 29 тыс. человек; на вторую половину 70-х годов дефицит преподавателей вузов и средних специальных школ определялся в 150 тыс. человек¹⁶. Мендес Пальма указал, что Мексика должна рассчитывать на подготовку значительного числа специалистов за границей. Он предупредил, что зависимость от этих специалистов усилится, «если не будут осуществлены радикальные перемены в национальной системе образования»¹⁷. Только 0,2% ученых-исследователей Мексики имели в 1975 г. степени магистра или доктора¹⁸.

Таким образом, несмотря на значительные масштабы развития высшего образования, Мексика испытывает весьма острую нехватку в специалистах высшей квалификации. Это парадоксальное положение, характерное, впрочем, для большинства латиноамериканских стран, объясняется рядом причин¹⁹.

Прежде всего Мексика, как и другие развивающиеся страны, не обладает достаточными финансовыми ресурсами, чтобы обеспечить быстро растущие и качественно изменяющиеся потребно-

сти в квалифицированных кадрах. Экономическая зависимость страны от иностранного капитала сдерживает темпы развития системы подготовки специалистов, тормозит научно-технический прогресс, вынуждает в широких масштабах импортировать иностранную технологию, ослабляя тем самым ресурсы для самостоятельного развития, в том числе и для расширения системы подготовки кадров высшей квалификации. Выплаты по лицензиям и другие затраты на иностранную технологию в 1970 г. достигали, по некоторым подсчетам, 2,5 млрд. песо²⁰. Только с 1973 г. правительство ввело контроль над затратами по приобретению иностранной технологии, который, однако, не может существенно ограничить ее приток²¹. Страна не может обойтись без закупки импортной техники и приобретения патентов.

Не менее важной причиной недостаточного обеспечения народного хозяйства страны собственными кадрами специалистов высшей квалификации является отсутствие должного планирования подготовки и использования трудовых ресурсов. Как справедливо заметил в одном из своих выступлений профессор Энрике Гонсалес Касанова (УНАМ), трудно планировать университетское образование «в стране, где ни образование, ни экономика не являются плановыми»²². Наряду с нехваткой специалистов, заявляет генеральный директор отдела профориентации УНАМ Анхель Сан Роман, огромное число выпускников вузов не находит работы. Давно, по его словам, на рынке труда почти нет спроса на выпускников традиционных специальностей — психологов, философов, филологов, архитекторов, юристов, медиков. Во многих случаях нехватка специалистов объясняется отнюдь не их отсутствием. В 1976 г. на медицинских факультетах училось 66 тыс. студентов; что означало ежегодный прирост числа специалистов-медиков примерно на 10 тыс. человек. При равномерном распределении по районам страны это устранило бы проблему дефицита врачей. В стране не устанавливаются квоты приема студентов-первокурсников. Их число и специализацию определяют заявления абитуриентов, а вернее — состав подготовительных школ (в большинстве университетов имеются собственные подготовительные 2-, 3-годичные школы, соответствующие второй ступени средней школы, которые и готовят будущих студентов). Государственные заявки существуют только на учительские кадры, в остальном господствует стихия. В этих условиях, по словам Сан Романа, общество расходует средства «на подготовку специалистов, не нужных обществу, а отвечающих лишь частным интересам»²³.

Отсутствие надлежащего планирования сводит на нет успехи в деле увеличения рядов студенчества. В этом отношении очень показательным является заявление, которое сделал в 1973 г. президент Национальной ассоциации университетов и учреждений высшего образования Мексики Альфонсо Ранхель Герра. Цифры, указываю-

щие на число вузов Мексики, сказал он, возможно, удовлетворительны; однако эти вузы возникли не в результате планирования, а чисто стихийно. То, что мы называем системой высшего образования, подчеркнул Ранхель Герра, «вовсе не система, а скопление учебных заведений»²⁴.

Программы высших учебных заведений не отражают единой политики или общей установки в области подготовки специалистов. Специализация вузов в основном формируется спросом, который в меньшей мере связан с рынком труда и в большей — с частными интересами, с соображениями престижа, с модой на профессии, с выгодами карьеры и т. д. В стране нет единых программ для всех однотипных вузов. Это ведет к неэквивалентности подготовки в разных учебных заведениях одного и того же профиля.

Недостаточное государственное регулирование высшего образования проявляется даже в том, что органы, ведающие высшей школой, не располагают нужными и своевременными статистическими данными, не проводят соответствующие научные исследования. Не приходится удивляться поэтому, что, например, исполнительный секретарь Национальной ассоциации университетов и учреждений высшего образования в феврале 1975 г. мог дать статистику по охвату высшим образованием только на 1966 г.²⁵ Исследования, характеризующие уровень развития высшей школы в целом, появляются чаще за границей, чем в самой Мексике. Но и те из них, которые проводятся в Мексике, как правило, являются не результатом организационных усилий государственных органов, а инициативой отдельных представителей научных кругов.

В официальных кругах Мексики принято считать, что в стране проводится реформа образования. В ноябре 1973 г. конгресс принял Федеральный закон об образовании, декларировавший ряд принципов: право на непрерывное образование, на очное и заочное обучение на всех ступенях, свобода образования, возможность получения профессии и соответствующего диплома через самообразование, бесплатность обучения во всех государственных учебных заведениях. В действительности на практике осуществляются лишь отдельные изменения. Как отметил известный мексиканский ученый-педагог Пабло Латапи, реформой называют, например, перестройку секретариата (министерства) народного образования, издание бесплатных учебников, открытие колледжа бакалавров; между тем в сущности в стране «нет правительственной программы реформы»²⁶.

Планированию образования мешает частный сектор в сфере подготовки кадров. Частные учебные заведения, контроль за которыми обычно поручается государственным университетам, фактически пезависимы в определении программ обучения, в выборе специализаций. Частные вузы готовят специалистов преиму-

щественно для частных предприятий, связанных чаще всего с иностранными монополиями, не заинтересованными в решении национальных проблем Мексики.

Отсутствие четкого государственного планирования ведет, помимо кадровой необеспеченности отдельных звеньев хозяйства, к другим отрицательным последствиям. Так, в Мексике в 1976 г. было зарегистрировано более 200 тыс. специалистов высшей квалификации, но 80 тыс. из них, по данным секретариата по вопросам труда и социального обеспечения, работали не по специальности²⁷. Печать сообщает о многих фактах нерационального использования специалистов: врачи работают лаборантами, инженеры — техниками, экономисты — счетоводами и т. д. Общественность страны ставит вопрос о неотложной необходимости уточнения перечня специальностей, «чтобы знать реальные потребности в квалифицированных кадрах для национального развития»²⁸.

Но самым отрицательным последствием стихийности в формировании студенческих контингентов вузов и в создании самих учебных заведений является эмиграция специалистов. В целом эмиграция объясняется отсталостью социально-экономической структуры Мексики, зависимым характером участия страны в международном капиталистическом разделении труда, принадлежностью к мировой капиталистической системе хозяйства. Однако несомненно, что улучшение планирования, введение подлинного государственного регулирования в области подготовки кадров и использования людских ресурсов вообще могли бы снизить «утечку умов». В настоящее время, по данным экономической комиссии ООН для Латинской Америки, Мексика занимает третье место на континенте по эмиграции специалистов (после Аргентины и Колумбии). Основной поток эмигрантов-специалистов направляется в США. В 60-х годах туда выехало около 8 тыс. мексиканских специалистов средней и высшей квалификации, что составило 12% всей латиноамериканской эмиграции специалистов в США²⁹.

Отсутствие конкретных и детальных планов развития высшей школы оборачивается огромным материальным ущербом вследствие эмиграции специалистов, нерационального использования трудовых ресурсов, тормозит научно-технический прогресс³⁰. Менее значительными, но также отрицательными следствиями стихийного возникновения вузов и формирования контингентов учащихся являются, с одной стороны, наличие большого числа мелких учебных центров, лишенных хорошей научно-исследовательской базы, а с другой — гипертрофия ряда университетов, снижающая качество подготовки, ведущая к неоправданно высоким затратам.

По всеобщему признанию, более всего в этом смысле обращает на себя внимание чрезмерное увеличение численности учащихся Национального автономного университета. В 1974/75 учебном

году здесь обучалось 259 530 человек. Прирост контингента по сравнению с 1973/74 учебным годом составил 35 тыс. человек³¹. УНАМ, сообщала печать, болен гипертрофией, он поглощает половину всего студенческого контингента страны. Переполненность аудиторий снижает уровень обучения, увеличение числа учащихся в известной мере влияет и на отсев, достигавший в 1975 г. 25%³². Университетский городок УНАМ, построенный в 1954 г., является крупнейшим в Латинской Америке, но и он уже тесен для сегодняшнего контингента.

Ограничить рост числа учащихся не удалось и после того, как УНАМ в 1962 г. ввел приемные экзамены (его примеру последовали затем и другие вузы)³³. Неэффективность экзаменов мексиканский исследователь Виктор Уркиди объясняет тем, что по традиции отбор предпочитают делать в процессе обучения, т. е. путем отсева. Совершенно очевидно, что отбор посредством экзаменов и в результате отсева — не одно и то же. Отсев в большей мере, чем экзамены, является фильтром, через который учащиеся не проходят по признаку материального положения, по социальным условиям. Чтобы полнее удовлетворить потребность в университетском образовании жителей столицы, в 1973 г. в г. Мехико был основан Городской университет. Но это, естественно, вызвало протест тех, кто требовал ограничить студенческий контингент Федерального округа.

Таким образом, система высшего образования в Мексике нуждается не только в расширении сети учебных заведений, но и в децентрализации вузов, в сокращении студенческих контингентов некоторых вузов, и прежде всего УНАМ.

Сложность проблемы «перенаселенности» университетов заключается в том, что как раз наиболее крупные государственные учебные заведения берутся сейчас за решение основной задачи — расширение социальной базы высшего образования. Вовлечение в высшее образование детей трудящихся, максимальная демократизация студенческих рядов действительно являются пазревшими потребностями страны. По свидетельству американского социолога и экономиста Д. Баркина, проводившего статистический анализ социальной структуры УНАМ, в этом крупнейшем высшем учебном заведении страны 50% учащихся — выходцы из наиболее обеспеченных семей, которые составляют лишь 9% населения страны³⁴. Общественность страны настоятельно требует изменить положение, при котором значительная часть выпускников школ не может продолжить образование. Возникают самые разнообразные планы и проекты расширения доступа к высшему образованию.

Инициатором широкого вовлечения в вузовское обучение детей трудящихся, представителей наиболее многочисленных общественных классов стал УНАМ. Многие факультеты и школы с 1972/73 учебного года ввели систему «открытого университета» по образцу известного Британского открытого университета. Эта

система предполагает индивидуальное заочное обучение с использованием радио и телевидения по программе, аналогичной очному учебному курсу. Она включает курс подготовительной школы и курс собственно университетский. Для программы выделяется специальный телевизионный канал, создаются консультационные центры и т. д.

Педагогическая общественность страны выступает за развитие этой инициативы, за внедрение новых форм. Настоятельно рекомендуется, в частности, «открытая система вузов», дающая самую широкую возможность получения высшего образования для всех. Мотивируя это требование, представители общественности ссылаются не только на задачу расширения социальной базы вузов, но и на то, что увеличение контингентов необходимо для достижения более высокого уровня экономического развития. Как заявил в свое время генеральный секретарь Национальной ассоциации университетов и учреждений высшего образования Альфонсо Ранхель Герра, стране нужно иметь больше университетов, региональных технологических институтов и исследовательских центров для нужд экономического развития, в частности в провинции³⁵. «Открытые университеты», по мнению их сторонников, привлекут значительное число молодежи, которая в других условиях не сможет учиться по тем или иным (чаще всего материальным) причинам. Они снимут проблему непосещения, отсева и т. д. Предложенные меры вызвали поддержку самого студенчества. Как сообщала печать, многие студенты стали добровольно переходить на те факультеты, где была введена новая система³⁶.

Для более широкого вовлечения молодежи в университетское образование предлагались и другие меры. Так, сотрудник секретариата по вопросам труда и социального обеспечения Мануэль Урибе Кастаньеда выдвинул идею «титуло ануаль» (ежегодное звание). По его мнению, в целях рационализации и максимального использования учебных заведений следовало бы присваивать квалификацию, научное звание за любой срок обучения, включая одногодичный, чтобы отсеявшийся студент ушел из учебного заведения с соответствующим удостоверением, дающим ему возможность найти место в сфере занятости³⁷.

Пока большинство из этих вопросов не решены; однако и сегодня продолжают попытки не только расширить охват вузовским обучением, но и, что более важно, порвать с устаревшей концепцией образования как чего-то статичного, неподвижного. Заметно стремление установить систему, способную самообновляться, адаптироваться к социальным переменам, обеспечить непрерывное образование, без которого не может обойтись современный специалист высокой квалификации.

Однако меры, направленные на большее вовлечение в высшее образование мексиканской молодежи, и все изменения системы обучения, по-видимому, должны сочетаться с мерами по палажи-

ванию планирования. В противном случае они лишь усугубят проблему «перенаселения» университетов, отрыв вузов от жизни. Но и планирование не сможет решить проблему рационализации использования людских ресурсов, если оно не будет опираться на продуманную единую государственную политику в области образования, направленную на достижение общенациональных задач. По мнению общественности Мексики, органы образования должны «преодолеть устаревшие индивидуалистические настроения, ибо диплом специалиста не может вести к исключительно личному обогащению, но должен быть вкладом в национальный научный потенциал в интересах общества»³⁸.

Общественное мнение считает наличие частных вузов серьезной помехой проведению национальной политики в области высшего образования. Помимо отмеченного выше отрицательного влияния частного сектора на эффективность планирования, мексиканская печать указывает на то, что частные вузы подрывают независимость и суверенность национальной культуры. В 1975 г. ректор Автономного университета Пуэблы заявил президенту республики, что «некоторые частные университеты — это настоящие каналы культурного проникновения и шпионажа империалистической агентуры»; он указал на усилия правых с помощью системы образования «удержать страну в зависимости от империализма»³⁹.

Однако в целом в Мексике, более чем в большинстве других латиноамериканских стран, демократические традиции образования достаточно прочно вошли в жизнь. Уже по конституции 1917 г. было запрещено создавать школы религиозным корпорациям и отдельным деятелям культов. Светское образование стало законом. В 1931 г. был закрыт Папский католический университет Мексики. Принцип светской школы подтверждался всеми государственными законами об организации системы образования, принимавшимися неоднократно. Преподавание религиозных дисциплин в Мексике исключено из учебных программ, в том числе и из программ частных школ. Более того, государство контролирует и церковные школы. Преподавателями церковных школ, как правило, направляются выпускники государственных педагогических учебных заведений⁴⁰.

Светский характер школьного образования оказывает непосредственное воздействие и на атмосферу вузов страны. В мексиканской высшей школе незначительно по сравнению с большинством латиноамериканских государств влияние клерикальных кругов. Но нельзя сказать, что его нет вовсе. Мексика занимает первое место на континенте по числу высших церковных семинарий⁴¹. Церковь все еще имеет известную опору в определенных общественных кругах, включая и университеты. Хотя принцип отделения церкви от государства проведен в Мексике наиболее последовательно, церковные круги не отказались от попыток

оказывать давление на государственные органы в своих интересах. Вопреки конституции 1917 г., запрещающей церкви содержать высшие учебные заведения, таковые существуют. В Мексике находится Межамериканский католический университет; под покровительством клера существуют такие католические учебные заведения, как Семейный и социальный институт для замужних женщин, Высший институт женской культуры для девушек в г. Мехико с филиалами в штатах Пуэбла, Гуанахуато, Дуранго.

Важной демократической традицией мексиканского высшего образования является университетская автономия. Автономия государственных университетов Мексики, хотя и ограниченная, была завоевана в долгой и упорной борьбе и являлась важной задачей демократического движения. Необходимость завоевания более полной автономии объясняется тем, что она ведет не к изоляции вузов от общества, а, наоборот, к упрочению их связи с общественной жизнью страны. Университеты Мексики живут жизнью страны. Университеты Мексики живут жизнью своего народа, а студенчество является боевым отрядом демократического движения. Вместе с тем лозунг защиты и расширения университетской автономии остается актуальным по сей день вследствие непрекращающихся посягательств на нее со стороны реакции.

Университеты вынуждены ставить вопрос о последовательном осуществлении принципа своей автономии. В качестве примера можно привести некоторые положения программы демократического развития Автономного университета штата Пуэбла⁴². Политическая борьба последних лет, отмечается в документе, подготовленном университетским советом в 1975 г., обогатила содержание понятия «университетская автономия». Университетский совет выдвигает требование, чтобы были полностью осуществлены следующие права:

- свобода кафедр в целях развития науки и учебного процесса;

- университетское самоуправление без каких-либо ограничений и вмешательств со стороны государственной власти;

- развитие в университете критической мысли, свободы взглядов и дискуссий по экономическим, политическим и общественным проблемам Мексики и других стран мира;

- право студентов и преподавателей наравне с другими гражданами участвовать в политической жизни и выступать в поддержку борьбы народа за прогрессивные преобразования общества;

- право действовать в отношении правительственных мер без каких-либо ограничений, кроме тех, которые предусмотрены конституцией.

Авторы данного документа⁴³ не претендуют на исключительное положение университета в социальной структуре, не стремятся замкнуться в узко академической сфере, не хотят, чтобы уни-

верситет стал «башней из слоновой кости». Напротив, программа совета университета штата Пуэбла обращена к национальным задачам и выдвигает патриотические требования. «Буржуазия, — отмечается в документе, — показала свою историческую неспособность удовлетворить нужды народа в области образования». Буржуазные правительства, указывает далее программа университетского совета, «заинтересованы лишь в подготовке квалифицированных кадров, способных поддерживать и развивать капиталистические производственные отношения»⁴⁴. Стремление буржуазных кругов сводится к сохранению элитарного и технократического образования. В противовес этому совет университета выдвинул программу демократизации учебного заведения. В учебном плане должны быть представлены все течения научной мысли и все проявления мировой культуры, запрету же должны подлежать только фашистские и религиозно-фанатические теории, а также теории, служащие интересам национального и международного монополистического капитала⁴⁵.

Вопрос об осуществлении полной университетской автономии ставится и Мексиканской коммунистической партией. При этом партия справедливо связывает автономию с демократизацией всей системы образования, с курсом на независимое социально-экономическое развитие страны. Университетская автономия, по мнению компартии, лишь часть широкой программы реформы образования. Условием проведения этой реформы должно быть участие в ее выработке представителей всех общественных классов, чтобы избежать навязывания технократических рекомендаций извне. В стране должно быть введено демократическое планирование образования. Государственное финансирование вузов должно достигать уровня, соответствующего 4—5% стоимости валового национального продукта. Университетскую автономию надлежит распространить на все сферы деятельности вузов⁴⁶.

Политическая резолюция XVII съезда МКП развила эти положения и сформулировала требования прогрессивных сил в отношении университетской автономии более конкретно. Автономия университетов, отмечается в резолюции, должна привести к ликвидации авторитарных методов руководства учебными заведениями. Страна нуждается в унификации национальной системы образования и в долгосрочном планировании развития вузов. В качестве базы развития всей системы образования была выдвинута задача осуществления всеобщего обязательного 9-летнего образования⁴⁷.

По мнению компартии, важнейшей целью изменений в области образования должно быть упрочение независимого развития Мексики. Состоявшийся в 1977 г. XVIII съезд Мексиканской коммунистической партии дал четкое определение позиции коммунистов в этом вопросе. Принятая съездом Декларация принципов содержит указание на то, что «образование и воспитание

народа — это главная основа его освобождения. Детей, молодежь и взрослых следует готовить к перемене общественного строя»⁴⁸. Связь проблем образования с задачами упрочения национальной независимости видят представители самих университетских кругов. Так, выступая в Москве на VI конференции Международной ассоциации университетов, ректор УНАМ заявил, что «университеты несут ответственность за использование науки как орудия национального прогресса»⁴⁹.

Мексиканская высшая школа, прошедшая длительный путь развития, опирающаяся на славные демократические традиции своего народа, стоит перед назревшими проблемами реформы всей системы образования, но сами эти реформы могут быть результатом лишь радикальных социально-экономических преобразований, направленных на демократизацию общественной структуры и, в частности, сферы культуры, науки, образования. В этом убеждает ознакомление, даже самое беглое, с проблемами сегодняшних вузов Мексики.

- ¹ *Gonzales Alpuche J.* La universidad de México, su trayectoria sociocultural. Asociación Mexicana de sociología. México, 1960, p. 25.
- ² *Castrejón Díez J.* La educación superior en México.— *Pensamiento político* (México), 1971, N 25, p. 63.
- ³ *Silva Herzog J.* Una historia de la Universidad de México y sus problemas. Siglo XXI. México, 1974, p. 8—9.
- ⁴ *Silva Herzog J.* Una historia..., p. 22.
- ⁵ *Silva Herzog J.* Una historia..., p. 33.
- ⁶ *Шульзовский А. Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М.: Просвещение, 1967, с. 157.
- ⁷ *The World of Learning 1978—79.* London, 1978.
- ⁸ *The World of Learning 1978—79.*
- ⁹ В последние годы в ряде университетов вводятся вступительные экзамены и для бакалавров. Правом поступления в вуз обладают не только выпускники подготовительных школ, но и все окончившие курс «бачильерато», т. е. второй ступени средней школы (как общеобразовательной, так и специальной).
- ¹⁰ *The World of Learning 1975—76.* London, 1975.
- ¹¹ *The World of Learning 1978—79.*
- ¹² *Revista de la educación superior.* México, enero de 1974, N 1, p. 37.
- ¹³ *Pensamiento político.* México, enero de 1975. N 69, p. 77.
- ¹⁴ *El Día*, 28.II 1975.
- ¹⁵ *The World of Learning 1978—79.*
- ¹⁶ *Excelsior* (México), 18.III 1974.
- ¹⁷ *Excelsior*, 15.V 1976.
- ¹⁸ *Excelsior*, 23.V 1975.
- ¹⁹ *Comercio exterior.* México, sept. de 1971, N 9, p. 63.
- ²⁰ *El mercado de valores*, año XXXIII, N 24, junio 11 de 1973, p. 811.
- ²¹ *Excelsior*, 28.IV 1976.
- ²² *Excelsior*, 18.I 1975.
- ²³ *Excelsior*, 18.I 1975.
- ²⁴ *Siempre* (México), 1973, N 1602, p. 44—45.
- ²⁵ *El Día*, 28.II 1975.
- ²⁶ *Excelsior*, 23.V 1975.
- ²⁷ *El Nacional*, México, 23.VI 1976.
- ²⁸ *El Día*, 24.III 1976.
- ²⁹ *El Día*, 13.II 1976.
- ³⁰ По официальным данным, государственный сектор расходовал в 1975 г. на одного учащегося в начальной школе 66,2 долл., в средней — 239,2, в высшей — 622,2 долл. (*Excelsior*, 23.V 1975).
- ³¹ *Tiempo* (México), 18.III 1974.
- ³² *Silva Herzog J.* Una historia..., p. 186.
- ³³ *Urquidí V. Adrián Lajos Vargas.* Educación superior, ciencia y tecnología en el desarrollo económico de México, un estudio preliminar. México, 1969, p. 40.

- ³⁴ См.: Тангян С. А. Образование и общественный прогресс в развивающихся странах. М.: Наука, 1975, с. 95.
- ³⁵ El Nacional, 12.III 1974.
- ³⁶ El Nacional, 4.IV 1975.
- ³⁷ El Nacional, 13.VI 1976.
- ³⁸ Excelsior, 18.I 1975.
- ³⁹ El Nacional, 9.II 1975.
- ⁴⁰ См.: Андропова В. П. Церковь и просвещение в Латинской Америке. М.: Наука, 1972, с. 44.
- ⁴¹ См.: Андропова В. П. Церковь..., с. 53.
- ⁴² Rivera Terrazas L. Programa de reforma universitaria. Universidad Autónoma de Puebla. Puebla, PUE, Agosto, 1975, p. 11—12.
- ⁴³ В подготовке программы, с которой выступил университет, принял непосредственное участие его ректор Луис Ривера Террасас.
- ⁴⁴ Rivera Terrazas L. Programa..., p. 12.
- ⁴⁵ Rivera Terrazas L. Programa..., p. 12.
- ⁴⁶ Oposición (México), 1971, N 28, p. 25.
- ⁴⁷ Oposición, 1975, N 118, sección VI, puntos 3—4.
- ⁴⁸ Partido Mexicano de los trabajadores. Declaración de principios. Programa. Estatutos. México, 1974, p. 9.
- ⁴⁹ El Nacional, 21.VIII 1975.

Современная мексиканская наука: проблемы и тенденции развития¹

Мексика принадлежит к числу крупнейших государств латиноамериканского региона. Если исходить из ее людских и природных ресурсов, то вывод о больших возможностях страны в обеспечении прогресса во многих сферах общественной жизни несомненен. Он подкрепляется и тем аргументом, что Мексика — наследница древней культуры, продемонстрировавшей высокие достижения во многих областях: в медицине и агротехнике, в астрономии и строительном деле.

Все еще существенно отставая от промышленных государств, Мексика в последние десятилетия тем не менее добилась значительных результатов в экономическом развитии: она стала аграрно-индустриальной страной с многоотраслевым промышленным комплексом. Созданы предприятия по производству средств производства и начался экспорт машин и оборудования на рынки ряда латиноамериканских стран. В 60-х годах заметные сдвиги наметились и в сельском хозяйстве. Благодаря внедрению технических усовершенствований, применению гибридных сортов семян и химических средств повысилась продуктивность растениеводства. Определенное развитие получила и система образования, в частности высшего и среднего специального. Правительства, возглавляемые Луисом Эчеверриа Альваресом (до 1976 г.) и нынешним президентом Хосе Лопесом Портильо, предприняли ряд серьезных усилий для расширения международных связей со всеми странами независимо от их общественного устройства. Одна из важных целей — ослабление односторонней ориентации на США. Большое значение имеет укрепление отношений с СССР и другими социалистическими странами, которое выразилось в заключении ряда долгосрочных соглашений о сотрудничестве в области экономики, науки, техники и культуры, в быстром росте товарооборота, научного и культурного обмена. Показательно, что в сфере внешних связей Мексики все больше проявляется тенденция к диверсификации направлений сотрудничества, к повышению роли науки, техники и образования. На международной арене Мексика активно отстаивает принципы мирного сосуществования, выступает за перестройку международных отношений на основе равенства и справедливости, за прекращение эксплуатации развивающихся стран империалистическими державами.

Все это дает основание считать Мексику одним из лидеров развивающихся стран. Очевидно, что она одна из немногих (к ним можно причислить Индию, Бразилию и Аргентину),

обладающих наибольшими возможностями для развития науки и техники, для активного участия в мировом научно-техническом прогрессе.

На вопрос о том, чем объясняется относительно быстрое и стабильное развитие Мексики по сравнению с большинством других развивающихся, прежде всего латиноамериканских, государств, легко дать ответ, если обратиться к ее социальной истории. Буржуазно-демократическая революция 1910—1917 гг., осуществив важные структурные преобразования, уничтожила многие препятствия на пути общественного развития. В период президентства Ласаро Карденаса (1934—1940) Мексика первой среди латиноамериканских стран приняла курс на национализацию иностранной собственности в промышленности. Были заложены основы государственного сектора экономики. Показательно, что к тому же периоду относится первая инициатива в организации научно-исследовательской работы в общегосударственных масштабах. Такие решения были приняты правительством Карденаса еще в 1935 г., когда был учрежден Национальный совет по высшему образованию и научным исследованиям.

Оценивая возможности научно-технического развития Мексики, исходя из общих социальных условий, исторических тенденций и совокупного экономического потенциала и признавая определенные возможности и реальные предпосылки, нельзя не видеть серьезных препятствий, также коренящихся в социальной структуре, обусловленных особенностями положения в хозяйственной сфере.

Мощный импульс социального обновления, порожденный революцией 1910—1917 гг., в дальнейшем был заторможен политическим контролем бюрократической буржуазии, растущей зависимостью от северного соседа. Массированная экспансия североамериканского капитала деформировала экономическое развитие страны и подчинила его хозяйственной системе США. Это сопровождалось широким идеологическим проникновением и подавлением национальной культуры. Внешняя зависимость, вмешательство американского империализма во внутреннюю жизнь мексиканского общества оставили глубокий след в духовной сфере. Многие видные мексиканские ученые и общественные деятели отмечают, что прогрессу национальной науки большой вред наносят преклонение перед иностранной наукой и техникой, пренебрежение к достижениям мексиканских ученых и инженеров. Известный общественный деятель и организатор науки Луис Васкес Кампос подчеркивает в этой связи «недоверие промышленников к работам ученых своей страны, склонность предпринимателей консультироваться с зарубежными специалистами»².

* * *

Рассматривая количественные параметры развития современной мексиканской науки, необходимо иметь в виду, что в этой области национальные статистические службы делают лишь первые шаги. По существу, в стране не ведется регулярной статистики, охватывающей все исследовательские и экспериментаторские центры, все звенья цепи «наука — производство». Основную информацию дают разовые обследования, выполняемые теми или иными организациями по поручению правительства. Впервые подобная работа была проведена в 1965 г. Академией научных исследований, но она затронула лишь те центры, которые находились на территории Федерального округа. Следующим этапом стала перепись 1968 г., проведенная Институтом социальных исследований Национального автономного университета Мексики при содействии Национального института научных исследований (ИНИК). На этот раз статистическое обследование приобрело общенациональные масштабы, однако, как свидетельствуют признания самих участников этой работы, из их поля зрения выпали несколько небольших научных коллективов. В целом перепись 1968 г. охватила 226 центров, ее результаты были опубликованы в 1970 г.

Более детальный анализ проведен ИНИК в 1970 г. Его выводы позволяют дать довольно дифференцированную характеристику сферы научных исследований и разработок (НИР) по различным отраслям науки, по источникам и направлениям финансирования, по типу организации научных центров и по их принадлежности к тому или иному сектору (государственному, смешанному, частному, иностранному или международному).

Перепись, проведенная Национальным советом по науке и технологии (КОНАСИТ) в 1973 г., отличалась более совершенной методологией, более дробной структурой анкетирования и включением в обследование тех подразделений, которые занимаются доведением результатов НИР до производственного использования. Показательно, что общее число центров, охваченных переписью 1973 г., составило 800. Эта цифра говорит не только о значительном росте числа исследовательских организаций, но и о большей полноте охвата последней переписи в сравнении с предшествующими.

Впервые всестороннее обследование сферы НИР осуществлено КОНАСИТ в 1977—1978 гг. в связи с разработкой Национальной программы науки и технологии на 1978—1982 гг. Его результаты дают представление не только о государственном или университетском, но и о частном секторе НИР, достаточно точно определяют размеры людских и финансовых ресурсов, направляемых на развитие науки.

В последнее десятилетие происходит ускоренный рост числа специалистов высшей квалификации, занятых в сфере НИР*:

Год	Число	Год	Число
1969	3665 **	1973	5517
1970	3743	1975	7450
1971	4064 ***	1978	8615 ****

* Работающих постоянно и по совместительству.

** Не включая специалистов в области юриспруденции, филологии, педагогики и искусствоведения.

*** Помимо этого, в сфере НИР насчитывалось 7181 техников, лаборантов и стажеров.

**** Общее число занятых в сфере НИР, включая техников и лаборантов, оценивалось в 13 330 человек.

Составлено по: UNESCO. Statistics on Science and Technology in Latin America. Paris, 1976, p. 48; México a vuelo de pajaró. Secretaría de Presidencia. México, 1976, p. 179—180; Problemas del Desarrollo (México), 1977, N 29, p. 57; Programa nacional de Ciencia y tecnología 1978—1982.— Ciencia y desarrollo (México), 1978, N 23, p. 10.

Если число ученых и инженеров, занятых в сфере НИР, будет возрастать прежними темпами, то к 1985 г. оно достигнет 15 тыс.

Столь же высокими темпами увеличиваются ассигнования на исследовательские и опытно-конструкторские работы. В 1971 г. на НИР было израсходовано 1034 млн. песо (из них 570,2 млн.— в фонд заработной платы)³; по другим данным, в 1970 г.— 500 млн. песо, в 1975 г.— 1800 млн. Последняя цифра не включает вложений в смежные области (1700 млн. песо). Это означает, что за первую половину 70-х годов расходы на НИР увеличились почти в 3,3 раза (в 3,6 раза — без учета инфляционного эффекта). В 1978 г. расходы федерального правительства на НИР составляли 8,2 млрд. песо. К 1982 г. планируется довести их до 19 млрд.⁴

Несмотря на значительные усилия последнего времени, мексиканская сфера НИР еще не достигла тех параметров, которые соответствуют экономическому потенциалу страны. Нет оснований и для того, чтобы считать масштабы НИР достаточными для обеспечения потребности технического прогресса в экономике. Нельзя пока говорить и о сокращении научно-технического разрыва, отделяющего Мексику от промышленно развитых стран мира.

Рассматривая количественные показатели роста сферы НИР, необходимо, как это подчеркивает мексиканский ученый Росалио Венсес Реса, подходить к их оценке с осторожностью. По его мнению, поскольку существенная часть средств не направляется непосредственно на исследовательские работы, а часть зарегистрированных специалистов лишь номинально можно относить к научным работникам, действительные цифры будут заметно меньше⁵.

Доля затрат на НИР в валовом продукте Мексики увеличилась с 0,13% в 1969 г. до 0,20 в 1971 г., 0,22 в 1973 г., 0,23 в 1974 г.⁶ и 0,3% в 1976 г. По состоянию на 1978 г. этот показатель оценивался уже в 0,61%. Правительство планирует довести его к 1982 г. до 7%⁷. Чтобы представить место Мексики в общемировой шкале уровней научно-технического развития, укажем, что в промышленно развитых странах доля НИР в валовом продукте достигает 2—3%. Однако реальная степень отставания от этих стран выявляется при сопоставлении затрат на НИР в расчете на душу населения. Этот показатель в Мексике в десятки раз меньше, чем в развитых в научно-техническом отношении странах, не говоря уже об абсолютных цифрах. Огромная дистанция отставания выявляется и при рассмотрении удельной численности занятых в сфере НИР. В середине 70-х годов на 10 тыс. жителей в Мексике приходился 1 научный работник, тогда как в США — 25, во Франции — 12,4, Испании — 6,3⁸.

Структура мексиканской сферы НИР по отраслям научных знаний демонстрирует традиционный для большинства развивающихся стран характер развития научно-исследовательской деятельности. Наибольшая часть ресурсов направляется на биомедицинские и сельскохозяйственные исследования. Что касается технических (инженерных) наук, то на них приходится лишь около 13% всех научных кадров и менее 17% ассигнований. Если рассматривать постоянный штат научных центров, то 33% его относится к естественным и точным наукам, 12 — к общественным, 15 — к биомедицинским и 25% — к сельскохозяйственным⁹.

Распределение кадров и финансовых средств в мексиканской науке показывает почти обратные пропорции по сравнению со структурой в индустриально развитых странах, где основная часть ресурсов направляется на прикладные исследования, экспериментирование и производственное освоение. На развитии мексиканской науки еще сказываются инерция прошлого (элитарные концепции чистой науки и гуманитарно-обществоведческая ориентация), отрыв науки от производственной сферы, имитационный характер многих исследовательских работ.

В настоящее время в Мексике имеются исследовательские центры, получившие признание за рубежом, в которых сложились крупные научные коллективы. Без сомнения, в первую очередь необходимо назвать Национальный автономный университет (УНАМ). В этом крупнейшем учебном, научном и культурном центре существуют значительные исследовательские подразделения (более 20), работающие во многих областях науки и техники, — геологии, географии, математики, физики, химии, вычислительной техники, в экономике, социологии, истории, доколумбовой культуре и др.

Значительным научным центром является второе по величине высшее учебное заведение страны — Национальный политехнический институт (ИПН), имеющий свыше 10 специализированных исследовательских подразделений, в том числе Институт биологии, вычислительный центр, ряд экспериментальных и опытно-конструкторских лабораторий. В меньших объемах научно-исследовательская деятельность осуществляется в крупных провинциальных университетах (например, в городах Гвадалахара, Монтеррей и др.).

Среди государственных отраслевых центров наибольшее значение имеют Национальный институт аграрных исследований (ИНИА), Мексиканский институт технологических исследований (основан в 1950 г.), Мексиканский институт гидроресурсов. Крупнейшим исследовательским центром в области общественных наук является «Колехио де Мехико». Он имеет отделения истории, лингвистики, литературоведения, международных отношений, демографии и социологии. В «Колехио де Мехико» работают свыше 100 исследователей, занимающихся одновременно подготовкой стажеров и аспирантов¹⁰.

В ИНИА в широких масштабах ведутся работы по селекции и гибридизации с целью повышения урожайности основных сельскохозяйственных культур Мексики, по совершенствованию агротехники применительно к различным климатическим и почвенным зонам, а также технико-экономические исследования. Работа Мексиканского института технологических исследований намечает новую тенденцию в развитии национальной науки — ее обращение к решению непосредственно производственных задач. Институт работает на контрактной основе по заказам промышленных фирм. В Институте имеется служба научно-технической и патентной документации, расширяющая доступ государственных компаний и национальных частных фирм к информации о последних достижениях в области техники и технологии производства. Большой объем работ проводится исследовательскими лабораториями Министерства водных ресурсов. В 1944 г. создан Национальный институт кардиологии. Не только в Мексике, но и за рубежом получили известность работы «Колехио де Мехико».

В последние годы исследовательские центры и опытно-конструкторские лаборатории начинают создаваться непосредственно в промышленных компаниях. Эта тенденция отмечается преимущественно в государственном секторе и затрагивает лишь крупнейшие предприятия. Наиболее значительной организацией подобного типа является Мексиканский институт нефти, созданный в 1965 г. ведущей государственной компанией «Пемекс». Помимо исследований и разработок, институт осуществляет подготовку и переподготовку специалистов высшей квалификации. С момента основания до 1974 г. в институте прошли обучение или стажировку

ровку 57 тыс. инженеров и других специалистов; запатентовано 45 изобретений¹¹.

Особое место в системе научно-исследовательских организаций занимает Национальная комиссия по атомной энергии, созданная в 1956 г. Она имеет собственную исследовательскую базу (Национальный институт ядерной энергии) и координирует работы в этой области среди других научных центров страны. К середине 70-х годов в Мексике работали четыре реактора, использовавшихся в научных целях¹². Завершилось строительство атомной электростанции Лагуна-Верде в штате Веракрус мощностью 1300 мегаватт (два реактора)¹³. Национальной комиссией по атомной энергии разработана перспективная программа, цель которой — добиться низких издержек производства электроэнергии на основе ядерной технологии, создать установки для опреснения морской воды и наладить производство радиоизотопов для сельскохозяйственных нужд. Программа строительства АЭС предполагает довести их совокупную мощность до 10 000 мегаватт к 1990 г. и до 50 000 мегаватт к 2000 г.

В ряде областей мексиканские ученые имеют важные достижения, получившие международное признание. Большую известность приобрели труды мексиканских физиологов, кардиологов, нейрохирургов. Исследования А. Розенблюта в области центральной нервной системы во многом помогли Норберту Винеру, долгое время сотрудничавшему с этим мексиканским ученым, создать теорию кибернетики. Игнасио Чавес — кардиолог с мировым именем.

Значительные успехи достигнуты в выведении высокоурожайных сортов пшеницы, кукурузы, а также хлопка. Мексиканские сорта зерновых, получившие широкое распространение в других развивающихся странах, послужили основой для эффекта «зеленой революции». Работа большого коллектива мексиканских специалистов возглавлялась американским ученым Норманом Борлаутом, имя и труды которого фактически связаны с Мексикой, где он прожил большую часть жизни. В 1970 г. Н. Борлауту за высокие научные достижения, открывающие перспективы решения продовольственной проблемы, присуждена Нобелевская премия мира.

Довольно высокого уровня достигли географические и экономико-географические исследования, в частности региональные. Результаты исследований мексиканских географов находят практическое применение в экономическом районировании, государственной статистике, организации освоения новых территорий и разработке государственного регионального планирования. Наибольшую известность получили труды Анхеля Басольса Батальи, выпускника Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Мексика имеет богатый опыт в ирригационном и мелиоратив-

ном строительстве. Развитие исследований в этой области и практические внедрения их результатов приобрели значительные масштабы еще в 20-х годах. Непосредственным импульсом послужили аграрная реформа и государственное вмешательство в развитие сельского хозяйства.

С конца 30-х годов благодаря переходу нефтяной промышленности в руки государства началась подготовка национальных кадров нефтяников. С тех пор практический опыт и профессиональный уровень мексиканских специалистов существенно возросли. Уже в 60-х годах страна почти полностью обеспечивала свои потребности в инженерно-технических и управленческих кадрах для нефтегазовой промышленности. Были созданы необходимые условия и для развертывания технических исследований в этой отрасли. Мексиканским институтом нефти запатентован ряд изобретений, некоторые из них заинтересовали зарубежные фирмы. Например, на технологический процесс «демекс», с успехом использующийся на местных предприятиях, закуплены лицензии фирмами Японии, США, Колумбии и Венесуэлы¹⁴. Ныне Мексика в состоянии оказывать техническую помощь в развитии нефтегазовой промышленности другим развивающимся странам. С этой целью мексиканских специалистов приглашали в Колумбию, Венесуэлу и некоторые ближневосточные государства.

Способность страны обеспечивать нефтегазовую промышленность собственными квалифицированными кадрами и проводить изыскательские и исследовательские работы в этой отрасли приобретает особое значение в связи с обнаружением новых богатых месторождений, которые по прогнозам специалистов сопоставимы с запасами Саудовской Аравии.

В последние годы отмечается активизация исследований в области общественных наук, причем многие мексиканские ученые стремятся избавиться от идеологического плена Запада, ищут собственный путь в интерпретации процессов развития мексиканского общества. Показательны в этой связи распространение прогрессивных научных концепций, рост числа марксистских исследований. В современном мексиканском обществоведении выделилось весьма сильное леворадикальное течение. К нему следует отнести некоторых известных ученых из Института экономических исследований и Института социальных исследований, занимающихся теоретическими проблемами зависимости и отсталости, исследованием госмонополистических структур. Речь идет о таких именах, как Алонсо Агиляр Монтеверде, Хосе Луис Сесенья, Фернандо Кармона, Хорхе Каррион, Артуро Бонилья Санчес, Серхио де ла Пенья и др. Сильная группа ученых-экономистов работает в исследовательском центре Центрального банка Мексики. Во многих латиноамериканских странах получили известность работы социолога Родольфо Стевенхагена, философа

Леопольдо Сеа, социолога-марксиста Валентина Кампы. Одним из основателей школы ЭКЛА (Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки) является Виктор Уркиди. Виктор Уркиди и Мигель Вьончек внесли существенный вклад в разработку проблем научно-технического прогресса в Латинской Америке.

* * *

Большая часть научно-исследовательских работ производится в центрах системы высшей школы, преимущественно в нескольких ведущих университетах страны, а также в Национальном политехническом институте. Такое положение сложилось исторически — с колониальных времен и практически до середины XX в. университеты были средоточием интеллектуальной жизни, основными очагами культуры. В последующем (с 40—50-х годов XX в.) создание специализированных государственных организаций подорвало монополию университетов на научную деятельность.

Влияние и удельный вес государственных центров в национальной сфере НИР постоянно возрастают. За пятилетие 1970—1975 гг. государственный сектор науки выдвинулся на первое место. В 1975 г. в нем было занято свыше 55% научных и экспериментаторских кадров (центры, принадлежащие федеральному правительству и правительствам штатов, «децентрализованным» организациям или полугосударственным ведомствам, государственным промышленным компаниям), 36% — в высших учебных заведениях, 6% — в частном секторе и международных организациях¹⁵.

Еще более значительна роль государства в финансировании исследовательских и опытно-конструкторских работ. В 1971 г. из общей суммы затрат в 1034,1 млн. песо 997 млн. вкладывалось государством (94,5%), 42,6 млн. (4,1%) — частным сектором и 14,5 млн. (1,4%) — иностранными фондами¹⁶. Согласно переписи 1973 г., федеральное правительство, «децентрализованные» государственные организации и государственные предприятия ассигновали 60% всех средств, высшая школа (которая, в свою очередь, на 83% финансируется из государственных фондов) — 25, частный сектор — 7%, остальное дали правительства штатов, муниципалитеты, иностранные и международные организации¹⁷. По сведениям на 1978 г., частный сектор давал 8% средств, выделяемых на НИР, т. е. 760 млн. из 8200 млн. песо¹⁸.

Таким образом, при несомненном лидерстве государства в финансировании мексиканской науки (фактически высшая школа является косвенным каналом распределения государственных средств) несколько возросло участие частнопредпринимательского

капитала, что отражает ряд тенденций, которые, хотя и медленно, все же пробивают себе дорогу. Во-первых, наблюдаются рост концентрации капитала в частнопромышленном секторе и образование местных монополистических групп, способных нести довольно крупные издержки НИР, мириться с их долгосрочной окупаемостью в расчете на эффект в будущем. Во-вторых, прослеживается общая тенденция к повышению уровня технического оснащения производства, которая неизбежно требует от промышленных фирм выполнения новых дополнительных функций по научно-техническому обеспечению производства. В-третьих, отмечается объективная закономерность сближения сферы НИР с материальным производством.

Помимо финансирования и непосредственного участия в проведении НИР, государство в настоящее время выполняет роль координатора и организатора научно-исследовательских работ в масштабах всей страны.

Решительное вмешательство государства в финансирование, организацию, координацию и планирование НИР диктуется объективной экономической и социальной необходимостью. Никакой другой сектор экономики не в состоянии выполнять эти функции. Частные мексиканские предприниматели не обладают для этого ни финансовыми, ни организационными возможностями. Поскольку их компании находятся в сильной зависимости от иностранного капитала (не только в финансовом, но и в технологическом отношении), они пользуются зарубежной научно-технической информацией, проводят политику технического обновления, основанную на заимствовании зарубежных новшеств, использовании технической помощи и консультационных услуг иностранных монополий. В свою очередь, филиалы транснациональных корпораций почти полностью обеспечивают свои потребности, получая необходимую информацию и результаты разработок из лабораторий головных предприятий за границей.

Как уже указывалось, первая попытка создания государственной организации, ведающей вопросами координации и стимулирования научно-технических работ, была предпринята в 1935 г., когда был основан Национальный совет по высшему образованию и научным исследованиям. В 1942 г. эти функции были переданы новому органу — Комиссии развития и координации научных исследований. Созданный в 1950 г. ИНИК принял на себя задачи разработки государственной политики в этой области. Его функции были несколько расширены после реорганизации в 1961 г.

Между тем создававшиеся органы не могли выполнить возложенные на них функции. Как отмечалось впоследствии в официальных документах, причина состояла в том, что вопросам научно-технического развития страны вообще уделялось мало внимания, на эти цели выделялись незначительные средства, су-

ществовавшие органы располагали ограниченными полномочиями, не имели должного авторитета, чтобы влиять на направление исследовательских работ, контролировать их исполнение и распределение ресурсов. Их усилия не направлялись на то, чтобы увязывать цели исследовательских работ с общими правительственными планами социально-экономического развития¹⁹.

Объективная необходимость более активного вмешательства государства в стимулирование научно-технического прогресса и осознание этой необходимости в среде государственных деятелей и научных кругах привели к пересмотру политики правительства и созданию общенационального ведомства по вопросам науки и техники с довольно широкими полномочиями. В 1969 г. по решению правительства была образована специальная комиссия для разработки программы научно-технического развития, одним из руководителей которой стал нынешний президент Хосе Лопес Портильо. В докладе комиссии по итогам работы определялись, в частности, следующие цели: повысить долю затрат на НИР в валовом внутреннем продукте до 0,4%; довести численность научных работников до 9,3 тыс. и добиться того, чтобы около 73% работали на основе полной занятости; увеличить вклад частного сектора в финансирование НИР до 15%; стимулировать замещение иностранной технологии технологией национальной; создать механизм контроля переноса зарубежной технологии; проводить в научно-технической области «националистическую политику»²⁰.

23 декабря 1970 г. мексиканский конгресс утвердил закон о создании Национального совета по науке и технологии, который и начал действовать в 1971 г. В законе основные задачи совета сводятся к тому, чтобы «выполнять консультационные и вспомогательные функции для федеральных органов исполнительной власти в разработке, материальном обеспечении, выполнении и оценке национальной политики в области науки и технологии». Кроме того, выделены 22 специфические функции, которые сводятся в основном к следующему: координация, стимулирование, распределение средств, статистика науки, составление национальных программ развития науки и техники и т. д.²¹

* * *

Процесс научно-технического развития Мексики на современном этапе определяется рядом сложных проблем, среди которых решающее значение имеют экономическая отсталость и зависимость. Именно поэтому представители прогрессивных сил, прежде всего мексиканские коммунисты, связывают возможности прогресса науки и техники в стране, активного использования достижений мировой науки с преобразованием общества, преодолением

отсталости и деформации в национальной экономике, с отказом от подчинения ее центрам империализма.

Существует и ряд внутренних (естественно, производных от общих) проблем сферы НИР. Речь идет о недостаточном кадровом обеспечении науки, что обусловлено ограниченной способностью высшей школы готовить специалистов в области новых направлений науки и техники, о слабом техническом оснащении лабораторий, недостатке финансовых и материальных ресурсов.

«В стране отсутствует надежная система научной информации. Имеющаяся научная периодика отличается невысоким качеством; научные журналы выходят нерегулярно и издаются мизерными тиражами. Неудивительно, что мексиканским ученым приходится пользоваться преимущественно зарубежной литературой. Мексиканская общественность плохо осведомлена о том, что происходит в стране в научно-технической области, ибо пресса уделяет этому мало внимания и не умеет заинтересовать читателя вопросами науки и техники»²².

Указанные проблемы тесно взаимосвязаны. Дело в том, что большинство мексиканских научно-исследовательских центров, не получая достаточных ассигнований, не имеют возможности приобретать более совершенное оборудование, привлекать квалифицированных специалистов, издавать достаточными тиражами научно-техническую литературу, пополнять свои информационные и библиотечные фонды. При том, что новейшая техника проникает в страну еще в весьма ограниченных масштабах, доступ к ней сотрудников исследовательских организаций минимален. Показателен пример с ЭВМ (начали применяться в стране лишь с 1858 г.). Подавляющее их большинство используется филиалами транснациональных монополий, крупнейшими банковскими учреждениями, государственными ведомствами. Государственный и частный секторы ежегодно выплачивают 1,5 млрд. песо за установку, техническое обслуживание, аренду и ремонт ЭВМ, а также за программирование²³. По оценкам специалистов, научные центры имеют доступ лишь к 4—3% ЭВМ.

Мексиканской науке предстоит еще преодолеть барьер отчуждения от производственной сферы. Исследования и разработки лишь в малой степени ориентированы на решение задач, имеющих хозяйственное значение. Даже те изобретения и разработки, которые потенциально могут дать высокий производственный эффект, не всегда своевременно передаются промышленным предприятиям.

Большую роль в решении этой проблемы призваны сыграть мероприятия государства. В частности, оценивая значение некоторых законов, регулирующих иностранные инвестиции и перенос технологии (закон 1973 г. об иностранных инвестициях, закон 1973 г. о переносе технологии и об использовании и эксплуатации патентов и фирменных знаков, закон 1976 г. об изобретениях и

марках), а также учреждение специализированных государственных органов (Национальный регистр иностранных инвестиций, Национальная комиссия по иностранным капиталовложениям и Национальный регистр переноса технологии) и усилия КОНАСИТ, можно констатировать, что создаются определенные условия для решения узловых проблем научно-технического развития.

Несомненно, что в современных условиях национальная наука может успешно развиваться лишь в русле общемирового научного потока. Это предполагает активное участие в научном обмене, своевременное освоение достижений наиболее передовых стран. Однако международное научно-техническое сотрудничество оказывает благотворное влияние на прогресс науки в развивающихся государствах в том случае, если оно используется в их национальных интересах, а не служит целям неокOLONиальной экспансии. Как показывает опыт Мексики, «помощь» империалистических держав, прежде всего США, не нацелена на создание научного потенциала, способного ускорить технический прогресс, и гармонично развитой экономики в развивающихся странах. Конечная цель такой «помощи» — обеспечить подчинение латиноамериканской «периферии» центрам мирового капиталистического хозяйства на новой основе.

На иных принципах зиждется сотрудничество со странами социалистического содружества. СССР и другие социалистические государства стремятся к всестороннему развитию взаимовыгодных отношений со своими латиноамериканскими партнерами, к тому, чтобы эти отношения способствовали подъему экономики стран Латинской Америки, повысили их способность самостоятельного решения научно-технических задач.

Так, советско-мексиканское сотрудничество расширяется довольно быстрыми темпами. Это прямой результат дружественных связей, установившихся между двумя странами. Мексика первой в Западном полушарии установила отношения с Советской Россией. В настоящее время основу двустороннего сотрудничества составляют торгово-экономические связи. В 1973 г. было заключено межгосударственное торговое соглашение. Ведется значительный культурный обмен. Но, пожалуй, наиболее характерной чертой современного этапа является налаживание отношений в научно-технической области. В 1975 г. было подписано Межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Создана смешанная советско-мексиканская комиссия для разработки конкретных программ совместной работы в этой области²⁴.

СССР передает Мексике технологию производства тракторов известной марки владимирского завода. Установились тесные контакты между советскими и мексиканскими астрофизиками, историками и экономистами. Непосредственное сотрудничество осуществляется между Московским государственным университе-

том и Национальным автономным университетом Мексики, между Институтом Латинской Америки АН СССР и «Колехио де Мехико». Плодотворный обмен опытом, научной информацией, семенами зерновых и хлопка ведут генетики и селекционеры двух стран. Советским ученым предоставлена возможность испытывать новые сорта в Мексике, где вегетационный период значительно короче. Это резко сокращает сроки выведения гибридных сортов (с 10—12 лет в условиях СССР до 3—4 лет в Мексике).

Развитие научно-технического сотрудничества Мексики с СССР и другими социалистическими государствами имеет широкие перспективы. Оно, несомненно, не только служит взаимным интересам стран-участниц, но и вносит определенный вклад в общемировой научно-технический прогресс.

Перед современной мексиканской наукой стоят сложные задачи, решение которых зависит от многих внутренних и внешних факторов. Очевидно, что правильный путь пролегает не через национальное обособление, не через слепое заимствование зарубежных научных знаний. Прогрессивные силы ставят вопрос о том, чтобы, создавая собственный потенциал, Мексика активно использовала последние достижения научно-технического прогресса без ущерба для экономического суверенитета и культурной самобытности. Такая возможность обусловлена социальным прогрессом и установлением равноправных международных отношений со всеми странами.

¹ В статье рассматриваются в основном тенденции развития естественных и технических наук.

² Васкес Кампос Л. Развитие национальной науки.— Латинская Америка, 1977, № 2, с. 130.

³ Составлено по: UNESCO. Statistics on Science and Technology in Latin America. Paris, 1976, p. 48; México a vuelo de pajaró. Secretaría de Presidencia. México, 1976, p. 179—180; Problemas del desarrollo (México), 1977, N 29, p. 57; Programa nacional de ciencia y tecnología 1978—1982.— Ciencia y desarrollo (México), 1978, N 23, p. 10.

⁴ UNESCO. Statistics..., p. 48 (до 1976 г. 1 долл. США = 12,5 песо, в 1977—1979 гг. 1 долл. = 22 песо).

⁵ México a vuelo de pajaró, p. 178; Ciencia y desarrollo, 1978, N 23, p. 15.

⁶ Wences Reza R. Ciencia y tecnología. Bosquejo histórico y el caso de México.— Problemas del desarrollo, 1977, N 29, p. 58.

⁷ Латинская Америка, 1977, № 2, с. 129; UNESCO. Statistics..., p. 49 (1971); Problemas del desarrollo, 1977, N 29, p. 57 (1973, 1976).

⁸ Ciencia y desarrollo, 1978, N 23, p. 27.

⁹ UNESCO. Statistical yearbook 1977. Paris, 1978, p. 608—621.

¹⁰ UNESCO. Statistics..., p. 16.

¹¹ См.: Латинская Америка, 1975, № 1, с. 160.

¹² Тартарашвили Т. А. Мексика: опыт самостоятельного развития нефтяной промышленности.— Латинская Америка, 1976, № 5, с. 124.

¹³ Theberge J. D. Latin America in the World System: The Limits of Internationalism. Washington, 1975, p. 54.

¹⁴ México a vuelo de pajaró, p. 119.

¹⁵ См.: Латинская Америка, 1976, № 5, с. 124.

¹⁶ México a vuelo de pajaró, p. 80.

¹⁷ UNESCO. Statistics..., p. 52.

¹⁸ México a vuelo de pajaró, p. 179.

¹⁹ Ciencia y desarrollo, 1978, N 23, p. 15.

- ¹⁹ Política nacional y programas de ciencia y tecnología. Instituto nacional de investigación científica. México, 1970, v. I, p. 1.
- ²⁰ CONACYT. Política nacional y programas en ciencia y tecnología. México, 1973, anexos.
- ²¹ Diario oficial (México), 29.XII 1970.
- ²² *Васкес Кампос Л.* Развитие национальной науки.— Латинская Америка, 1977, № 2, с. 130.
- ²³ Examen de la situación económica de México (México), mayo 1973, N 570, p. 183.
- ²⁴ Подробнее о научном сотрудничестве СССР и Мексики см. статью А. И. Сизоненко в настоящем сборнике.

Социально-географический анализ народного образования в Мексике

Анализ народного образования с социально-географической точки зрения на примере Мексики не случаен. Образовательный уровень экономически активного населения страны показывает насущную необходимость качественного изменения рабочей силы; в общей ее численности доля лиц, не имеющих никакого образования, составляет 18,8%, лиц с начальным образованием — 62,4, со средним (неспециальным) — 12,4, с высшим образованием — 6,4%¹. В стране сохраняются и обостряются исторически сложившиеся территориальные диспропорции в размещении населения и хозяйства. Капиталистическое развитие Мексики влечет за собой углубление социальной дифференциации; система просвещения как часть социальной надстройки испытывает прямое влияние обострения социальных противоречий; образовательная и профессионально-иерархическая структура населения и пирамида системы образования складывается как результат социального отбора.

На основе данных мексиканской национальной статистики в статье сделана попытка (одна из первых в советской экономической географии) показать влияние экономико-географических условий на общее материальное положение трудящихся и через него — на уровень грамотности и образованности жителей различных районов Мексики.

Уровень материального благосостояния — фактор, определяющий все прочие показатели уровня жизни. Материальная обеспеченность семьи определяет качество питания ее членов, состояние жилищных условий, возможность приобщения к различным социальным благам, в том числе к культуре и образованию (табл. 1).

В начале 70-х годов прожиточный минимум в Мексике оценивался в 1000 песо в месяц. Однако обследования, проведенные мексиканскими учеными-экономистами в различных городах страны, показали, что для удовлетворения нормальных потребностей средней рабочей силы в материальном и культурном отношении исходя только из официального индекса стоимости жизни (который, как правило, ниже действительного уровня цен) требуется не менее 2500 песо ежемесячно. По данным Национальной переписи населения, в 1970 г. в Мексике 40,1% экономически активного населения имели доходы ниже 500 песо (вдвое ниже прожиточного минимума!), а 0,8% — свыше 10 тыс. песо.

Данные опроса 1974 г. «Распределение доходов в Мексике» показывают, что расходы на обучение возрастают по мере увели-

чения заработка: в семьях с доходами менее 500 песо в месяц они составляют всего 0,6% бюджета; в семьях с доходами от 1000 до 2500 песо — 1,2%; 2500—5000 песо — 1,9%; при доходах свыше 10 тыс. — более 3,5—4%².

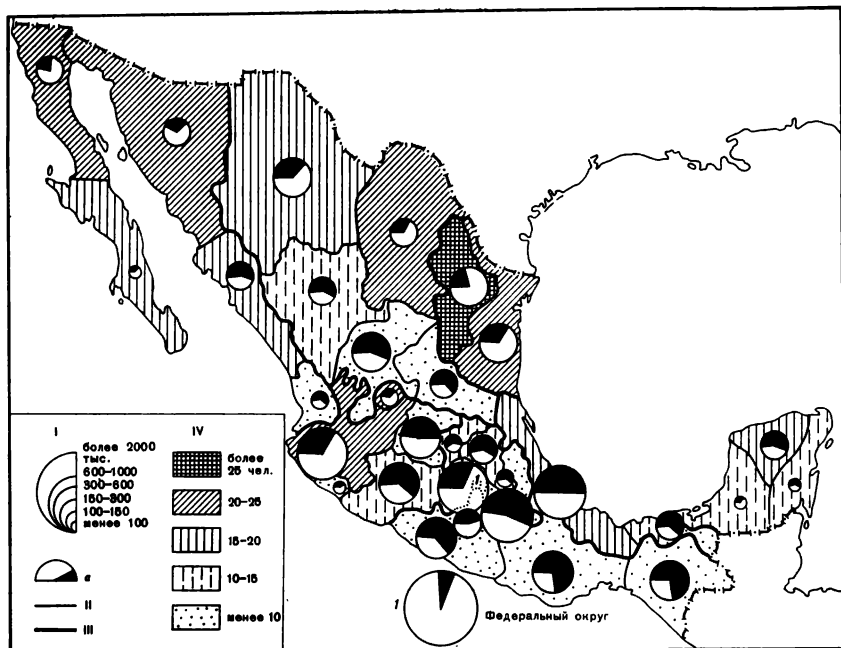
Малая продолжительность обучения все больше становится элементом дискриминации на рынке рабочей силы; те, кто учились дольше, могут обеспечить себе более выгодное служебное положение и возможность подниматься вверх по социальной лестнице; тем, чье обучение было коротким, обычно не удается обеспечить себе место в «современном секторе», и они пополняют категорию низкооплачиваемой рабочей силы. Так, средние данные по Мексике показывают, что месячный заработок неквалифицированного рабочего, учившегося от 1 до 3 лет в начальной школе, составляет 420—480 песо, квалифицированного рабочего и вспомогательного персонала с полным курсом начальной школы — 700—990, среднего технического персонала со сроком обучения около 8 лет — 1070—1500 песо³.

Т а б л и ц а 1. Общие показатели уровня жизни населения Мексики (1970 г.) *

Район **	Доля жителей с доходами ниже 1000 песо в месяц	Процент неграмотных старше 10 лет	Доля населения, не потребляющего мяса	Доля населения, не обеспеченного электричеством
Страна в целом	64,1	24,2	21,5	40,3
Северо-Западный	54,9	16,0	17,8	38,6
Северный	63,4	17,4	37,6	47,8
Северо-Восточный	57,9	12,5	18,2	28,5
Центрально-Западный	72,0	24,5	27,5	41,4
Центрально-Восточный	53,6	27,3	20,5	40,1
в том числе Федеральный округ	46,0	9,3	4,5	5,2
Южный	74,8	43,3	41,9	67,3
Восточный	70,8	26,5	14,5	60,0
П-ов Юкатан	1,2	24,0	24,7	44,4

* Подсчитано по: Censo general de población, 1970. México, 1972. Наиболее полные и достоверные сведения по штатам и районам Мексики дают национальные переписи населения, которые проводятся раз в десять лет. В статье приведены данные последней переписи населения 1970 г. (следующая предстоит только в 1980 г.).

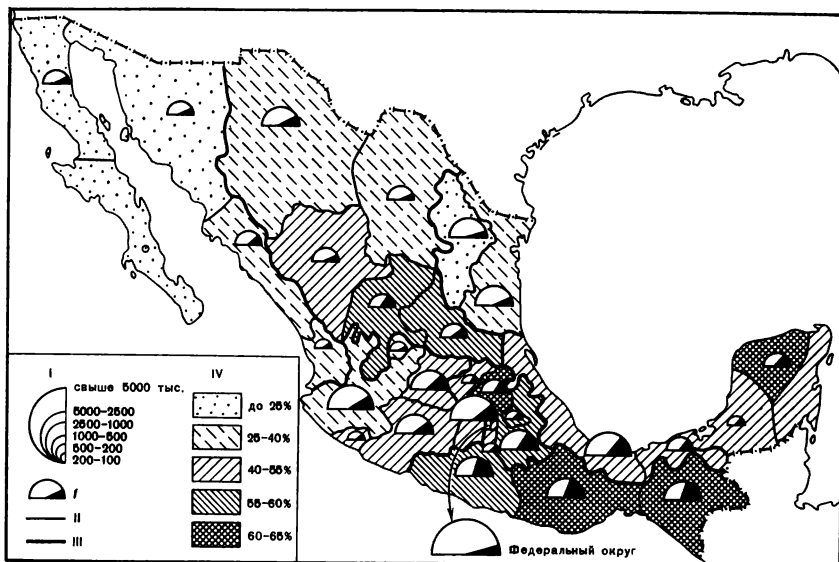
** Территория Мексики разделена на экономико-географические районы в составе штатов: Северо-Западный — Нижняя Калифорния, Нижняя Калифорния (Южная), Сонора, Синалоа, Найрит; Северный — Чиуауа, Коауила, Дуранго, Сакатекас, Сан-Луис-Потоси; Северо-Восточный — Нуэво-Леон, Тамаулипас; Центрально-Западный — Халиско, Агуаскальентес, Колима, Мичоакан, Гуанахуато; Центрально-Восточный — Керетаро, Мехико, Федеральный округ, Морелос, Идальго, Тласкала, Пуэбла; Южный — Герреро, Оахака, Чьяпас; Восточный — Веракрус, Табаско; п-ов Юкатан — Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо.

Уровень образования населения и структура занятости

I — общая численность самостоятельного населения (по штатам); а — доля занятых в сельском хозяйстве; II — границы штатов; III — границы экономико-географических районов; IV — число лиц с законченным средним специальным и высшим образованием на 1000 жителей

Объективным процессом, сопровождающим экономический рост, особенно в условиях научно-технического прогресса, является медленное, но неуклонное повышение требований к уровню образования при приеме на работу. «По мере того как в промышленности все больше возрастают требования в вопросе образования, труднее и труднее найти выгодное занятие даже тем, кто закончил начальную школу, не говоря уже о тех, кто не смог завершить учебу»⁴. И если десять лет назад было достаточно иметь аттестат начальной школы, то в скором будущем в наиболее динамичных отраслях экономики станут необходимыми не только диплом об окончании общеобразовательной средней школы, но и диплом профессионального училища. Такое повышение требований объясняется не только влиянием НТР, но и экономическими интересами буржуазии. Поднимая «образовательный ценз» при приеме на работу, предприниматели гарантированы от лишних расходов по профессиональному обучению своих рабочих. В Мексике, где существует социальное расслоение и где (как и в большинстве развивающихся стран) рынок рабочей силы широк, такая система остается доминирующей⁵.

Уровень неграмотности и материальное положение трудящихся

I — численность населения старше 10 лет: f — доля неграмотных; II — границы штатов; III — границы экономико-географических районов; IV — доля жителей с доходами ниже 500 песо в месяц

Следует сказать, что такой механизм действует в полной мере не во всех секторах народного хозяйства и не во всех районах страны. Связь между образованием, возможностью найти лучше оплачиваемую работу и должностью наиболее полно реализуется в современных отраслях промышленности с достаточно высокими средними ставками заработной платы. Данная ситуация характерна также для тех районов Мексики, где учреждения послена начального образования достаточно многочисленны для обеспечения развивающейся индустрии необходимыми кадрами и где вследствие этого даже на образованных рабочих спрос ниже предложения. В отсталых же сельскохозяйственных районах, в которых большая часть тружеников живет за счет сельского хозяйства, а часть занята в кустарной промышленности с низким уровнем доходов, сертификат об окончании только начальной школы остается достаточным для получения выгодной работы.

В исследовании «Образование и социальное неравенство в Мексике» американский социолог Д. Баркин обращает внимание на существование позитивной связи между уровнем образования и индивидуальными доходами населения⁶.

Статистико-математические методы, примененные и некоторыми зарубежными учеными (Дж. П. Коул и П. М. Матер), также показали, что между уровнем доходов, показателями грамотности

и образования той или иной социальной группы имеется значительная корреляционная зависимость. Так, в исследовании Коула и Матера «Мексика 1970: географическое изучение с помощью факторного анализа» теснота связи между уровнем грамотности и уровнем доходов ниже 500 песо составляет 0,77 (при максимально возможном значении 1,00). Это означает, что между этими двумя факторами существует прямая и весьма тесная корреляционная зависимость. Коэффициент корреляции между грамотностью и занятостью в аграрном секторе равен — 0,72, т. е. между этими двумя факторами обнаруживается сильная обратная связь: чем выше доля занятых в сельском хозяйстве, тем ниже уровень грамотности⁷.

В исследовании также устанавливается зависимость между грамотностью и бытовыми условиями. И это понятно: только при нормальных условиях жилья и питания в семье может быть серьезно поставлен вопрос о школе и продолжении учебы.

Наконец, довольно тесная, но отрицательная корреляционная зависимость наблюдается между уровнем грамотности женского населения и числом детей в семье. Об этом свидетельствуют и данные переписи населения Мексики 1970 г. Например, в Центрально-Западном экономико-географическом районе, где неграмотность среди женского населения (старше 10 лет) достигла 26,6%, на 1 замужнюю женщину в среднем приходилось 6 детей и более; в Северо-Восточном районе в составе штатов Нуэво-Леон и Тамаулипас, где среди женского населения неграмотных 14%, 1 женщина имеет в среднем не более 5 детей. Выявление данной закономерности подтверждает необходимость быстрой ликвидации неграмотности как важнейшего средства решения проблемы «демографического взрыва». Вместе с тем ликвидировать неграмотность — это значит действовать и в целях более успешного функционирования системы народного образования. Дело в том, что сохраняющаяся в настоящее время в Мексике высокая рождаемость при значительном сокращении детской смертности приводит к тому, что ежегодно школьного возраста достигают все более многочисленные контингенты детей. Такие темпы прироста сильно опережают темпы строительства новых школ, увеличения числа учителей и т. д., что приводит к низкой эффективности системы образования.

В своем исследовании Дж. П. Коул и П. М. Матер, используя процедуру факторного анализа, выводят некоторый синтетический (кумулятивный) показатель — «культурный фактор», на основе которого оказывается возможным сопоставить положение в различных штатах страны в области просвещения. В зависимости от значения этого фактора все 32 штата Мексики выстраиваются в иерархическом порядке, верхние разряды которого занимают штаты, имеющие самые высокие (по сравнению со средним) значения «культурного фактора», а нижние — самые

низкие. Наиболее «благоприятное» положение, по мнению авторов, сложилось в Федеральном округе и штатах Нуэво-Леон, Нижняя Калифорния (Северная), Нижняя Калифорния (Южная), Коауила, Чиуауа, Сонора, Тамаулипас (в иерархическом порядке сверху вниз, к среднему значению).

Выявленная культурно-географическая закономерность с небольшими отклонениями сохранится, если распределить штаты в порядке возрастания процента неграмотных, а также с учетом числа лиц с законченным средним специальным и высшим образованием в расчете на 1000 жителей (табл. 2).

Данные табл. 2 явственно свидетельствуют о том, что привилегированное положение занимает столица и народное образование

Т а б л и ц а 2. Иерархическое распределение штатов по уровню грамотности и образования населения

Штат		Доля неграмотных, %	Штат	Число лиц со средним и высшим образованием на 1000 жителей
Верхние ступени	Федеральный округ	9,3	Федеральный округ	67,9
	Нуэво-Леон	11,4	Нуэво-Леон	39,6
	Нижняя Калифорния		Нижняя Калифорния	
	(Северная)	12,7	(Северная)	23,0
	Нижняя Калифорния		Сонора	21,6
	(Южная)	12,6	Коауила	20,8
	Коауила	12,9	Нижняя Калифорния	
	Чиуауа	13,6	(Южная)	19,5
	Сонора	14,3		
	 *			
	Среднее значение	24,2	Среднее значение	22,9
				
Нижние ступени	Пуэбла	35,6	Тласкала	10,5
	Мичоакан	35,7	Идальго	10,6
	Гуанахуато	35,8	Мичоакан	9,3
	Керетаро	38,5	Гуанахуато	9,0
	Идальго	38,5	Герреро	9,6
	Герреро	62,7	Оахака	7,9
	Оахака	72,6	Чьяпас	7,5
	Чьяпас	73,6		

* Многоточия указывают на пропуски в непрерывной иерархии; в табл. 2 приведены значения не для всех мексиканских штатов, а только наиболее показательные для верхней и нижней ступеней.

в северных штатах поставлено лучше, чем в центральных, и намного лучше, чем в южных. Отсюда вытекают две важные закономерности в географии образования Мексики — территориальные противоречия типов «центр — периферия» и «север — юг».

Первый вид противоречий проявляется в высокой концентрации всех видов обучения в центральных районах страны, и особенно в Федеральном округе; при этом на последних ступенях образовательной пирамиды географическая концентрация выше, чем на начальных. Так, в Центрально-Восточном районе обучалось около $\frac{1}{3}$ всех учеников начальных школ, более $\frac{2}{5}$ учащихся средних общеобразовательных школ, свыше $\frac{1}{2}$ студентов вузов (табл. 3).

Показатели для Центрально-Восточного района объясняются высоким концентрирующим действием Федерального округа, куда молодежь стремится попасть на учебу не только в вузы, но и в средние (главным образом специальные) учебные заведения. Сосредоточение школ, училищ, колледжей и университетов в столице обусловливается экономическими потребностями столичных промышленных предприятий, торгово-финансовых и административных учреждений в специалистах, давними традициями Мехико как старейшего учебного центра не только страны, но и Латинской Америки, а также «демонстрационным эффектом». На общем фоне низкого удельного веса прочих районов в подготовке квалифицированных кадров обращает на себя внимание та особая роль, которую играют Северо-Восточный (с учебными заведениями Монтеррея) и Центрально-Западный районы (с учебными заведениями Гвадалахары).

Таблица 3. Размещение учащихся различных ступеней образования по районам Мексики (1970 г.), % (страна в целом — 100%)

Район	Начальная школа	Общеобразовательная средняя школа	Университеты
Северо-Западный	8,9	9,7	5,5
Северный	12,8	10,6	6,8
Северо-Восточный	6,8	8,5	8,4
Центрально-Западный	17,0	12,4	11,5
Центрально-Восточный	28,9	44,8	54,2
в том числе Федеральный округ	14,5	29,5	54,1
Южный	9,9	5,4	3,3
Восточный	9,1	6,5	5,3
П-ов Юкатан	2,2	2,0	1,3

Подсчитано по: Anuario Estadístico de los Estados Unidos Mexicanos 1970—71, Mexico, 1973.

Если в территориальных противоречиях «центр — периферия» немалое значение имеют неэкономические факторы, то в противоречии «север — юг» ярче проявляется действие именно экономико-географических факторов — межрайонных диспропорций в экономической структуре, в размещении населения и хозяйства. Северные области страны, развивающиеся на основе земледелия капиталистического типа, разнообразной промышленности, торговли и туризма, тесно связанными с США, сосредоточивают значительную долю национального дохода. Так, на Северо-Запад, Север и Северо-Восток (вместе взятые) приходится 30,2% стоимости валового национального продукта Мексики, а на долю Юга — всего 3,8%. Из общей (по стране) суммы доходов штатов Северо-Запад имел 7,3%, Север — 5,3, Северо-Восток — 5,9, Юг — 2,7%⁸.

Накопление доходов открывает путь к выделению больших финансовых средств на социальные нужды, и тогда в бюджетах штатов повышается удельный вес расходов на нужды образования (табл. 4).

Табл. 4 показывает, как непропорционально к числу учащихся происходит распределение средств на образование. На территории Юга проживает $\frac{1}{10}$ мексиканских детей в обязательном школьном возрасте (6—14 лет), но на их долю приходится всего 3,6% ассигнований, выделяемых администрацией на школьное обучение; в северных районах (вместе взятых) живет около $\frac{1}{3}$ школьников, а доля средств по отношению к итогу по стране превышает $\frac{1}{2}$.

Для определения степени концентрации можно воспользоваться одним из показателей математической статистики — так назы-

Таблица 4. Федеральные расходы на образование (в % к итогу по стране)

Район	Удельный вес расходов на образование в федеральных бюджетах	Число детей в обязательном школьном возрасте	Расходы на народное образование
Страна в целом	12,3	100,0	100,0
Северо-Западный	26,8	8,2	18,5
Северный	31,7	12,6	15,8
Северо-Восточный	31,5	6,3	16,5
Центрально-Западный	15,8	18,1	12,1
Центрально-Восточный	19,4	31,9	19,8
Южный	16,1	11,1	3,6
Восточный	40,7	9,5	11,0
П-ов Юкатан	18,1	2,2	2,5

Подсчитано по: Censo general de población, 1970. México, 1972; Anuario estadístico...

ваемым коэффициентом Джини. Чем выше уровень концентрации, тем ближе его значение к 1,0; чем более равномерно распределяется то или иное явление «по вертикали» (в иерархии) или «по горизонтали» (в территориальном аспекте), тем значение ближе к нулю. Было подсчитано, что коэффициент Джини для расходов на образование в Мексике в 1950 г. равнялся 0,78, а в 1970 г. — 0,81. Усиление концентрации (на которое указывают полученные данные) идет в Мексике по трем направлениям: во-первых, внутри самой системы просвещения сохраняется высокая доля расходов на высшее образование в ущерб другим ступеням обучения; во-вторых, контролем над системой образования и шансами на получение аттестата обладает только малая часть мексиканцев — наиболее обеспеченные слои общества; в-третьих, наблюдается высокая географическая концентрация материальных и финансовых средств в немногих районах страны в ущерб остальной территории (именно такой концентрацией во многом объясняется тот факт, что, несмотря на расширение образования, серьезных сдвигов не наблюдается и подавляющему большинству населения Мексики остается маленький шанс на получение образования).

Но образование — лишь один из многочисленных общественных институтов, порождаемых экономической и социальной структурой, и возникающее географическое неравенство в распределении средств на народное просвещение, как и неравенство в распределении общих доходов и расходов, помимо концентрации, является результатом порайонных различий в уровне развития капитализма.

Обратимся для примера к цифрам по двум экономико-географическим районам Мексики: Северо-Восточному (штаты Нуэво-Леон и Тамаулипас) и Южному (штаты Герреро, Оахака, Чьяпас). В первом доля лиц наемного труда (индекс уровня развития капиталистических отношений) составлял более $\frac{1}{3}$ численности самодеятельного населения района, во втором — ниже $\frac{1}{5}$; в отраслях обрабатывающей промышленности (индекс индустриализации) на Северо-Востоке было занято более 20% рабочей силы, на Юге — менее 7%.

Более высокие показатели общего уровня развития Северо-Востока Мексики определяются передовой по сравнению с Югом экономической структурой. «Это — черная металлургия и появляющиеся буквально с каждым днем все новые и новые отрасли машиностроения, новые производства в пищевой и деревообрабатывающей промышленности. Наряду с этим развивается эффективное хлопководство и животноводство экспортного направления... Север обеспечен надежной сетью железных и шоссейных дорог, протянувшихся как к границе с США, так и к югу, в Центральную Мексику»⁹.

На другом «полюсе» (не только географическом, но и соци-

ально-экономическом) находится Южный экономико-географический район Мексики. «На Юге нет крупных городов и плотно населенных областей, хотя города Оахака, Салина-Крус, Тустла-Гутьеррес, Акапулько могли бы стать районными «полюсами роста» в недалеком будущем. На территорию Юга не распространяется хозяйственное влияние индустриальных центров Центральной Мексики; район не охвачен торгово-экономическими связями с городами соседних районов. Экономика Юга характеризуется в основном примитивным богарным земледелием»¹⁰.

Большинство мексиканских экономистов и географов отмечают «досадный, но неизбежный факт стойкого неравенства между различными областями страны, особенно в экономике и образовании. Эти неравенства в национальном развитии, которые заставили некоторых признать существование своего рода внутреннего колониализма, к сожалению, еще долго будут характеризовать нашу страну»¹¹.

О том, насколько сильно влияет общий уровень экономического развития на распространение образования, говорят данные, содержащиеся в уже упоминавшейся статье Д. Баркина «Образование и социальное неравенство в Мексике». Автор пользуется статистико-математическими методами, аналогичными тем, какими пользуются Коул и Матер (см. выше). Сопоставляя, с одной стороны, индекс социально-экономического развития (DSE)¹², а с другой — уровень школьной посещаемости и процент отсева, Д. Баркин получает коэффициенты ранговой корреляции (Спирмэна): в первом случае 0,74, во втором 0,87. Если бы данный коэффициент имел значения, близкие к нулю, это означало бы, что между DSE и качественными характеристиками системы просвещения не обнаруживается позитивной зависимости. Когда же коэффициент корреляции близок к максимально возможному (+1,0), это указывает на существование сильной взаимосвязи между сравниваемыми сериями данных. Иными словами, шансы на поступление в школу и на завершение полного цикла обучения в экономически развитых районах выше, чем в отсталых. Таким образом, «статистические данные красноречиво показывают, что вследствие сильной концентрации жители бедных районов поставлены в самое неблагоприятное положение по сравнению с жителями других штатов»¹³.

Характерно, что в области профессионально-технического обучения коэффициент корреляции между DSE и посещаемостью школ ниже (0,59). На ослабление взаимосвязи прямое влияние оказывает фактор миграции. Вследствие того, что в сельской местности и малых населенных пунктах, как правило, нет средних учебных заведений, молодежь для продолжения учебы покидает родные места, переселяясь не только на учебу, но и на работу в более крупные города и даже в другие районы.

Закономерностью географии образования в Мексике являются

не только серьезные различия между севером и югом, центром и периферией, но и между штатами в рамках какого-либо единого экономико-географического района. Достаточно для примера обратиться к Центрально-Восточному району и с помощью цифр показать, насколько велик разрыв в уровне образования между жителями столицы и населением окружающих ее территорий (табл. 5).

Обратившись вновь к «культурному фактору» Коула и Матера, можно констатировать, что в пределах описываемого района одни административные единицы (Федеральный округ) занимают верхнюю ступеньку иерархической лестницы, другие (Идальго) почти самую нижнюю.

Главная причина данной особенности географии образования состоит в том, что «жизненный уровень и уровень потребностей в городских центрах намного выше, чем в сельской местности». По всем показателям в Латинской Америке разрыв между центром и периферией почти соответствует перепаду уровней развития Европы и Африки. Разумеется, здесь сказывается то обстоятельство, что в городах живут власть и деньги имущие, доходы которых в сотни раз выше крестьянских. Но дело не только в этом. Экономическая основа подобного разрыва доходов и потребностей — это огромный разрыв в производительности труда в современном (почти целиком городском) и традиционном (почти целиком сельском) секторах хозяйства»¹⁴.

Данные опроса, опубликованного в Мексике в 1974 г., показали, что средние доходы сельских жителей составляют 1025 песо в месяц, жителей крупного города с населением свыше 500 тыс. человек — 2845, а жителей Федерального округа — 4332 песо¹⁵.

Таблица 5. Охват средним и высшим образованием населения Центрально-Восточного экономико-географического района

Район, штат	Охват средним образованием возрастной группы 12—18 лет, %	Охват высшим образованием возрастной группы 19—24 года, %	Число лиц с законченным средним специальным и высшим образованием (на 1000 жителей)
Центрально-Восточный	41,0	18,7	22,2
Керетаро	21,5	7,4	14,4
Мехико	27,0	9,2	18,0
Федеральный округ	66,8	27,0	67,9
Морелос	34,3	8,0	17,7
Идальго	18,3	5,1	10,5
Тласкала	22,7	5,2	10,5
Пуэбла	21,4	7,7	16,6

Подсчитано по: Censo general de población, 1970...; Anuario estadístico..., 1970—71.

Разрыв в уровне доходов между городами и деревней характерен для всех без исключения районов Мексики, но, к сожалению, более полных сведений — с учетом административного деления — статистика не дает. Однако косвенно о разрыве в материальном благосостоянии между сельским и городским населением можно судить из порайонного сопоставления таких данных: доля жителей, проживающих в городах с населением более 50 тыс., занятость в аграрном секторе и уровень доходов (доля населения, имеющего доходы ниже 500 песо, т. е. вдвое ниже прожиточного уровня; табл. 6).

Данные табл. 6 показывают, что в районах Мексики с высокой долей сельских тружеников и слабым распространением городского образа жизни проживает основная масса малообеспеченного населения страны. Так, на юге, где в средних и крупных городах сосредоточена $\frac{1}{4}$ городского населения, а в аграрном секторе занято до 70% самодеятельного населения, более $\frac{2}{3}$ жителей имеют доходы вдвое ниже прожиточного уровня. На Северо-Востоке, где в городах сосредоточено более $\frac{3}{4}$ жителей, а сельским хозяйством занята $\frac{1}{4}$ самодеятельного населения, малообеспеченные слои составляют около $\frac{1}{4}$. Иными словами, на общем фоне экономико-географических диспропорций вида «север — юг» (о них речь шла выше) выступают территориальные противоречия «город — деревня».

Низкий уровень доходов свидетельствует о тяжелом материальном положении сельских трудящихся, подвергающихся эксп-

Т а б л и ц а 6. Сравнение районов Мексики по доле городских жителей, занятости в сельском хозяйстве и уровню доходов населения, %

Район	Доля городского населения, проживающего в городах с числом жителей более 50 тыс.	Доля самодеятельного населения, занятого в аграрном секторе	Доля населения, имеющая доходы менее 500 песо в месяц
Страна в целом	48,3	39,4	40,1
Северо-Западный	47,3	41,3	20,1
Северный	51,2	47,8	45,3
Северо-Восточный	76,5	25,3	27,9
Центрально-Западный	51,0	44,7	44,2
Центрально-Восточный	36,9	2,1	32,3
в том числе Федеральный округ	—	2,2	15,5
Южный	25,8	69,0	64,1
Восточный	40,4	55,9	52,3
П-ов Юкатан	32,9	52,3	60,0

Подсчитано по: Censo general de población, 1970.

луатации со стороны местного и иностранного капитала. «Иностранные компании, местные капиталисты — аграрии и помещики, пользуясь безвыходным положением сельских рабочих из-за слабой организованности их, платят рабочим меньше официального уровня, причем всегда находят возможность произвести различные вычеты из зарплаты (за поломку инвентаря, за пользование водой, дровами и т. д.)»¹⁶.

Исходя из официального минимума оплаты труда сельскохозяйственного рабочего в 1972—1973 гг. его месячный заработок должен был равняться 750—800 песо. Но в официальном опросе того периода указывалось, что реальные среднемесячные доходы трудящихся этой категории достигали всего 500 песо.

Тяжелое экономическое положение крестьян — это объективный социальный барьер на пути к знаниям и образованию: в мексиканской деревне проживает подавляющее большинство безграмотного населения страны (табл. 7).

Высокий уровень неграмотности в сельских областях Мексики объясняется как низким уровнем записи в школы, так и высоким отсевом. Причина очевидна — материальное положение. Подсчитано, что в семьях с доходами ниже 500 песо в месяц на образование может быть выделено лишь 0,6% семейного бюджета.

Таблица 7. Различия в уровне грамотности и отсеве среди учащихся между городским и сельским населением *

Район	Процент неграмотных среди населения (старше 10 лет)		Отсев учащихся начальных школ ***	
	городское ** население	сельское население	городские школы	сельские школы
Страна в целом	15,3	41,0	50,6	87,3
Северо-Западный	15,1	26,6	50,8	79,6
Северный	14,8	28,4	54,1	84,2
Северо-Восточный	13,2	22,4	47,1	82,2
Центрально-Западный	20,7	37,2	55,5	88,3
Центрально-Восточный	18,6	37,6	45,5	85,9
в том числе Федеральный округ	9,3	—	38,4	—
Южный	20,7	54,3	60,2	91,6
Восточный	17,8	39,9	53,9	88,9
П-ов Юкатан	15,2	39,6	64,8	92,9

* Подсчитано по: Anuario estadístico..., 1970—71.

** Население городов с числом жителей свыше 50 тыс. человек.

*** Отношение учащихся последних классов к числу учащихся начальных классов (в %).

«Такие расходы на образование для семьи с низкими доходами оказываются относительно более обременительными, чем для более обеспеченных семей... Неудивительно поэтому, что в нуждающихся семьях родители довольно скоро забирают детей из школы с тем, чтобы они помогали им по хозяйству. Это особенно характерно для сельских районов, где подростки работают наравне со взрослыми»¹⁷.

По данным опроса 1974 г., в общей численности экономически активного населения дети до 11 лет (т. е. младше официально разрешенного возраста) составляли 120 тыс. человек, из них 90 тыс. относились к категории тех, кто «помогает в домашнем хозяйстве без вознаграждения»¹⁸.

Как отмечает бывший директор Международного института планирования образования (ЮНЕСКО) Ф. Кумбс в книге «Кризис образования», для всех развивающихся стран характерен чрезвычайно высокий отсев учащихся на начальном этапе образования. По меньшей мере половина детей, поступавших в первый класс, обычно уходит из школы еще до окончания четвертого класса, даже не научившись как следует читать и писать¹⁹; большинство отсеявшихся на ранней стадии обучения пополняют ряды постоянной армии неграмотных взрослых, занимающих самое низкое социальное положение.

Значительные потери системы образования объясняются не только низким жизненным уровнем основной массы трудящихся, но и сложным положением, в котором находится мексиканская школа из-за финансовых трудностей. Городские и сельские школы имеют к тому же неравные возможности с точки зрения их финансирования. Причина этого — дуализм в управлении народным образованием. Школы, находящиеся в ведении федерального управления просвещения, субсидируются лучше, чем подчиняющиеся местным властям штатов. Отсюда разница в материальной оснащенности городских и сельских школ²⁰.

Разрыв между городом и деревней в условиях, предоставляемых для получения образования, очень велик. Сельские школы, главным образом начальные, имеют 3—4 класса (вместо обязательных 6). Нередко один учитель, на которого приходится 50 и более учеников, ведет занятие в нескольких классах; среди преподавательского состава сельских школ велика доля недипломированных специалистов.

«Географический аспект» обеспечения систем образования преподавателями... остается актуальным для многих развивающихся стран, где системы образования постоянно наталкиваются на трудности подбора квалифицированных учителей для школ в сельской местности. Наиболее способные из них предпочитают жить и работать в городах, и поэтому часто образованием сельской молодежи занимаются весьма посредственные преподаватели»²¹.

Подводя итог, можно сказать, что вследствие действия нескольких видов географических диспропорций в Мексике сложилась такая территориальная структура народного образования, при которой только административные центры штатов и крупные города располагают достаточным числом средних и высших учебных заведений и говорить о структурно-географических особенностях второй и третьей ступеней образования — это значит говорить прежде всего о городских профессионально-технических училищах, торговых и экономических школах, политехнических институтах и университетах. «Только населенные пункты определенной численности, начиная с 10 тыс. человек, имеют среднюю общеобразовательную школу, и нередко единственную... Высшие учебные заведения размещаются только в достаточно крупных городах»²².

Так, региональные технологические институты (Institutos tecnológicos regionales) были созданы в конце 50-х — середине 60-х годов в административных центрах мексиканских штатов (города Оахака, Чиуауа, Веракрус, Сальтильо, Керетаро, Мерида), а также в крупных городах, насчитывающих соответственно: Сьюдад-Мадеро — 91 тыс. человек, Орисаба — 93 тыс., Селая — 143 тыс., Сьюдад-Хуарес — 424 тыс. жителей. Число студентов в таких институтах сравнительно невелико — от 1,2 до 3,5 тыс., а уровень профессиональной подготовки намного ниже, чем в столичных вузах.

Таблица 8. Региональные различия в заработной плате учителей и в доле недипломированных преподавателей

Район	Зароботная плата учителя начальной школы, песо в месяц		Доля недипломированных учителей, % к общей численности
	с дипломом	без диплома	
Страна в целом	1992	1108	14,4
Северо-Западный	2162	1793	16,9
Северный	1718	1192	11,4
Северо-Восточный	1836	1214	11,5
Центрально-Западный	1461	1114	15,0
Центрально-Восточный	1663	1125	15,4
в том числе Федераль- ный округ	2525	1428	1,9
Южный	1664	1109	22,0
Восточный	1756	1295	19,4
П-ов Юкатан	1818	752	6,7

Подсчитано по: Anuario estadístico..., 1970—71.

Анализ структурно-территориальных особенностей среднего образования в Мексике имеет особое значение, поскольку «средняя школа — это, как правило, то звено системы образования, которое более всего отражает не только уровень развития просвещения вообще, но и характер общественного и экономического строя данной страны, ее производительные силы, особенности производственных отношений, научно-технический потенциал...»²³.

Основой контингентов средней школы в Мексике являются средние слои населения, и чем выше в районе доля лиц со средними доходами (от 2500 до 6 тыс. — 7 тыс. песо в месяц), тем шире охват средним образованием. Так, в Федеральном округе, где доля среднеобеспеченных семей составляет 11,3% (т. е. вдвое выше среднего значения по стране), записью в среднюю школу охвачено 66,8% подростков в возрасте 12—18 лет (также вдвое выше среднего по стране — 30,2%). На Юге Мексики семьи со средним достатком составляют всего 1,4% и охват средним обучением также низок — 14,3%.

Как и для большинства латиноамериканских стран, для Мексики характерно резкое преобладание общеобразовательной школы над специальной: в 1970 г. из общего числа учащихся второй ступени почти $\frac{4}{5}$ обучалось в общеобразовательной школе. Такое непропорциональное соотношение между видами среднего обучения неблагоприятно сказывается на обеспечении национальной (и местной районной) экономики специалистами средней квалификации, приводя к дефициту инженерно-технических кадров: из общего числа учащихся средних специальных заведений будущие техники составляют всего 6,5% (табл. 9). Обращает на себя внимание довольно высокий удельный вес учащихся педагогических училищ — 37,4%. Однако следует учитывать, что темпы подготовки учителей для начальной школы (по годам) отстают от соответствующего прироста контингентов учащихся, что приводит к дефициту преподавателей, особенно в сельской местности.

Для нормального функционирования различных звеньев национальной экономики очень важно обеспечить и соблюдать оптимальное соотношение между специалистами с высшим образованием и вспомогательным персоналом со средней специальной подготовкой. Зарубежные ученые подсчитали, что наиболее благоприятным является такое положение, когда на одного специалиста с высшим образованием приходится 3—5 техников или лаборантов. Между тем во многих развивающихся странах это соотношение составляет в лучшем случае 1:2, а нередко и 2:1. Подобная особенность в подготовке кадров в Мексике проявляется довольно ярко. Достаточно обратиться к данным хотя бы по одной специальности — медицине. В среднем по стране одна медицинская сестра приходится на двух врачей с высшим образованием. А в инженерно-технических специальностях подобное соотношение еще менее «оптимально». Вполне очевидно, что в таких

условиях дипломированный специалист не только не может работать с максимальной отдачей, но часто вынужден заниматься не свойственной ему работой. «Отставание в развитии профессионально-технического и среднего специального образования при острой нехватке квалифицированных кадров среднего и низшего звеньев в промышленности, сельском хозяйстве и в непродовольственных отраслях является серьезной помехой на пути технического прогресса и модернизации экономики»²⁴ в развивающихся странах.

В системе высшего образования, как ни в одной из других сфер образования, наиболее ярко проявляется территориальная диспропорция, сохраняющаяся на протяжении последних 20 лет, вплоть до середины 70-х годов, несмотря на попытки университетских властей ослабить гипертрофическую концентрацию вузовского образования в столице. «Одна из выдающихся черт высшего образования в Мексике — это его географическая концентрация; в 1959 г. 60% всех учащихся вузов приходилось на Федеральный округ...»²⁵ В 1962 г. университетские власти УНАМ — крупнейшего вуза Мексики — приняли решение ограничить прием студентов, не проживающих в г. Мехико. Подобные меры обязали федеральное правительство и муниципалитеты штатов расширять высшее образование в местных и региональных университетах.

Проведенный в данной статье социально-географический анализ показывает, что мексиканская система просвещения подчеркивает, а не сглаживает неравенства, существующие между клас-

Т а б л и ц а 9. Распределение учащихся среднего специального образования по профессиям (1970 г.), % к общей численности учащихся второй ступени обучения соответствующего района

Район	Училища			
	технические	медицинские	педагогические	торговли и администрации
Страна в целом	6,5	7,9	37,4	42,9
Северо-Западный	5,0	4,9	42,8	43,2
Северный	5,5	7,5	51,6	31,7
Северо-Восточный	9,9	7,9	34,6	44,4
Центрально-Западный	3,8	6,8	58,7	34,4
Центрально-Восточный	5,3	9,5	47,1	34,7
в том числе Федеральный округ	7,1	9,4	27,2	49,9
Южный	3,1	5,0	65,3	23,6
Восточный	5,5	5,5	53,9	32,5
П-ов Юкатан	3,8	3,8	56,8	31,5

Подсчитано по: Anuario estadístico..., 1970—71.

сами. Образование по-прежнему мало доступно значительной части населения Мексики. Школьная система отнюдь не благоприятствует «социальной мобильности», как нередко считают зарубежные ученые. Школа, училище, вуз действуют не только как учреждения, предназначенные для подготовки людей к труду, но и как своеобразные «фильтры», задерживающие продвижение тех, кто изначально не обладает достаточно высоким социальным положением. Об этом говорят данные об отсеве учащихся, достигающие наиболее высоких значений именно среди представителей малообеспеченных слоев. Низкие доходы мексиканских трудящихся, нередко отсутствие гарантированного заработка родителей в течение всего времени, пока дети проходят полный курс школы, неизбежные дополнительные расходы даже при условии бесплатного обучения — все это фактически преграждает доступ к образованию широким народным массам. Данное обстоятельство отнюдь не означает, что школьное образование потеряло способность содействовать профессиональному и социальному продвижению выходцам из низов. Однако вследствие концентрации национального богатства в руках привилегированного меньшинства перспективы преодолеть более высокий социальный порог хотя и заманчивы, но для общества в целом весьма ограничены. Следовательно, всякое серьезное изменение социальной иерархии исключено. Рассчитывать на образование как на эффективный фактор демократизации общества (в частности, на фактор уравнивания доходов и возможностей приобщения к социальным благам) — значит недопонимать значение «механизмов социального отбора», преобладающих в настоящее время и неизбежно направленных на поддержание существующей классовой структуры.

Выявленные на примере Мексики с помощью социально-географического анализа территориальные диспропорции в системе просвещения не являются уникальными и характерными только для одной этой страны. Территориальные противоречия (например, типа «город—деревня», «центр—периферия») могут быть прослежены в большинстве латиноамериканских и даже в некоторых развитых капиталистических странах. Географический анализ, отражающий положение дел не только в целом по стране, но и в отдельных ее частях, помогает вскрыть причину того, почему между провозглашением тех или иных мер в социальной сфере (например, реформы просвещения) и их осуществлением возникает серьезный разрыв во времени; социально-географическая инфраструктура, складывающаяся под влиянием экономико-географических факторов, преобразуется крайне медленно. Действенным механизмом, способным изменить ее в интересах большинства общества, может стать реалистическое и последовательно проводимое планирование как на общенациональной, так и на региональной основе. Определенные шаги в этом направ-

лении были предприняты правительством Луиса Эчеверриа и продолжены администрацией Портильо. Однако мексиканская действительность требует более решительных мер, что в то же время несовместимо с политикой «социального маневрирования», проводимой мексиканской буржуазией и направленной ею на защиту своих экономических и социальных интересов.

- ¹ La distribución del ingreso en México. México, 1974, cuadro VII—5.
- ² Подсчитано по: La distribución...
- ³ Подсчитано по: La distribución...; Tiers monde (Paris), 1972, 13, N 49, p. 25.
- ⁴ Tiers monde, 1972, 13, N 49, p. 33.
- ⁵ Ibarra D. Mercados, desarrollo y políticas económicas: perspectivas de la economía en México.—In: El perfil de México en 1980. México. 1970.
- ⁶ Tiers monde, 1972, 13, N 49, p. 17—40.
- ⁷ Boletín del Instituto de Geografía UNAM, 1974, v. 5, p. 179—186.
- ⁸ Bassols Batalla A. Geografía económica de México. México, 1978, p. 436.
- ⁹ Bassols Batalla A. Geografía..., p. 381.
- ¹⁰ Bassols Batalla A. Geografía..., p. 412.
- ¹¹ Palerm A. Planeamiento integral de la educación en México. México, 1969, p. 29.
- ¹² DSE — совокупный показатель социально-экономического развития, полученный на основе статистикоматематической обработки 12 независимых показателей мексиканскими учеными Л. Уникелем и Э. Викторией (Desarrollo y economía, v. IV, p. 3).
- ¹³ Tiers Monde, 1972, 13, N 49, p. 23.
- ¹⁴ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Наука, 1974, с. 204.
- ¹⁵ La distribución..., cuadro II—3.
- ¹⁶ Сельские трудящиеся Латинской Америки. М.: Наука, 1971, с. 153.
- ¹⁷ Revista latinoamericana de sociología. Buenos Aires, 1970, N 2, p. 264—265.
- ¹⁸ La distribución..., cuadro VIII—4.
- ¹⁹ Кумбс Ф. Кризис образования. М.: Прогресс, 1970, с. 84.
- ²⁰ См. статью Л. Я. Беловой в настоящем сборнике.
- ²¹ Кумбс Ф. Кризис образования, с. 57.
- ²² Revista latinoamericana de sociología, p. 267.
- ²³ Беляев В. П. Латинская Америка: народное просвещение и проблемы социально-экономического развития. М.: Наука, 1971, с. 130.
- ²⁴ Танган С. А. Образование и общественный прогресс в развивающихся странах. М.: Наука, 1975, с. 56.
- ²⁵ Urquidí V. L., Vargas A. L. Educación superior, ciencia y tecnología en el desarrollo económico de México. México, 1969, p. 47.

Сильвестре Ревуэльтас и музыкальная культура Мексики

В годы, когда жил и творил Ревуэльтас, мексиканская музыка выдвинула немало ярких композиторских дарований. Это Мануэль Понсе, Хосе Ролон, Канделарио Уисар среди представителей старшего поколения; это ровесник и единомышленник Ревуэльтаса Карлос Чавес; это их младшие современники Луис Санди, Даниэль Айяла, Блас Галиндо, Мигель Берналь Хименес, Хосе Пабло Монкайо, Сальвадор Контрерас, Эдуардо Эрнандес Монкада, Карлос Хименес Мабарак. Однако именно творчество Ревуэльтаса в наиболее полной степени сконцентрировало в себе все самые типичные черты формирующегося национального стиля современной мексиканской музыки; все, что создано истинно мексиканского в мексиканской музыке после Ревуэльтаса, так или иначе продолжает и развивает заложенные им традиции. В этом смысле в истории мексиканской музыки Ревуэльтасу навсегда отведено первое место — зачинателя, свершителя и предтечи.

Земной путь Ревуэльтаса был недолгим, а его творческая жизнь совсем короткой. Композитор родился 31 декабря 1899 г. в маленьком провинциальном городке Сантьяго-де-Папаскьяро в штате Дуранго, а умер 5 октября 1940 г. Из этих сорока лет судьбой и обстоятельствами ему было отпущено для творчества всего десять. А между тем творческое наследие Ревуэльтаса не мало по объему¹, не говоря уже о том, что оно бесценно по своему значению для мексиканской музыки. «Сильвестре Ревуэльтас умер в расцвете сил — «поздно для ранней розы, рано для поздней гвоздики», — писал Хуан Маринельо, — но он никогда не производил впечатления начинающего и никто никогда не замечал в его музыке разрушительных симптомов угасания или оскудения... Среди всех мексиканских музыкантов своего времени Ревуэльтас был самым характерным, самым сильным, и поэтому он стал легендарным»².

Ревуэльтас принадлежал к поколению мексиканских художников, рожденных буржуазно-демократической революцией 1910—1917 гг., которая оказала глубочайшее воздействие на все сферы национального искусства Мексики. Вне революции, вне ее демократических идеалов, вне обусловленного ею нового понимания национальной истории и национального характера невозможно представить творчество ни замечательных мексиканских художников Хосе Клементе Ороско, Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса, ни выдающихся прозаиков Мариано Асуэлы, Мартина Луиса Гусмана, Хосе Мансисидора, как нельзя правильно понять и оценить тот громадный вклад, который внесли в национальную

Фернандо де Сисло. Портрет Сильвестра Ревуэльтаса

музыкальную культуру Мексики Сильвестре Ревуэльтас и Карлос Чавес. «В Мексиканской революции, — писал музыковед Даниэль Кастаньеда, — как нигде, очевидны те связь и взаимозависимость, которые существуют между художественным творчеством и социально обусловленными изменениями в идеалах и в самом образе жизни общества. Именно по этой причине произведения мексиканских художников 20—30-х годов могут быть верно поняты лишь при условии, если рассматривать их как выражение социальной сущности революции»³. Эти слова справедливы в целом по отношению ко всем деятелям мексиканского Возрождения, по отношению же к Ревуэльтасу они справедливы

тем более, что внешне его музыка, в частности названия многих его сочинений, могли показаться далекими от революционной действительности в эпоху, когда создавались «Пролетарская симфония» и «Республиканская увертюра» Чавеса или роман «Красный город» Мансисидора. Но эта внешность обманчива. Пульс нового времени, нового искусства, рожденного революцией, бьется в глубоких артериях музыки Ревуэльтаса, одухотворяя его творчество и указывая тот путь, которым неизменно следовал композитор.

Первые уроки музыки Ревуэльтас получил дома, а в возрасте одиннадцати лет впервые выступил со скрипкой публично. Желание учиться приводит четырнадцатилетнего музыканта в столичную консерваторию. Он поступает в скрипичный класс маэстро Хосе Рокабруны и одновременно в класс сочинения к известному в свое время композитору Рафаэлю Тельо. Окончив в 1916 г. консерваторский курс, Ревуэльтас с целью продолжить образование отправляется в Соединенные Штаты Америки — сначала в Остин (Техас), затем в Чикаго, где в течение трех лет занимается в Музыкальном колледже у Саметини (скрипка) и Феликса Боровского (композиция). В 1920 г. он возвращается в Мексику, выступает с концертами в столице и в провинциальных городах, но в 1922 г. снова едет в Чикаго и несколько лет совершенствуется в игре на скрипке в том же Музыкальном колледже под руководством опытных педагогов Вацлава Коханского и Отакара Шевчика. Из колледжа Ревуэльтас вышел полностью сформиро-

вавшимся скрипачом-виртуозом широкого исполнительского диапазона, что, однако, не избавило его от тягостных забот о хлебе насущном. Серия концертов совместно с Карлосом Чавесом в Мехико между 1924 и 1926 гг., в программы которых артисты включали последние новинки европейской музыки, стяжала Ревуэльтасу лавры «модерниста», но не упрочила его материального положения. Нужда заставляет музыканта покинуть Мексику и искать счастья в США. Ревуэльтас ведет полукочевую жизнь, выполняя обязанности скрипача и дирижера плохоньких оркестров в маленьких театрах и кинозалах Сан-Антонио, Мобила и других южных городов. Так продолжалось до 1928 г. — даты, очень важной не только в биографии Ревуэльтаса, но и в истории современной мексиканской музыки: Карлос Чавес полностью реорганизовал старый, а по сути дела создал в столице Мексики новый симфонический оркестр, вскоре получивший наименование Симфонического оркестра Мексики (ныне Национальный симфонический оркестр), и пригласил Ревуэльтаса на должность второго дирижера. Одновременно Ревуэльтасу были поручены классы скрипки и камерной музыки в Национальной консерватории и руководство ее ученическим оркестром.

Ревуэльтас стоял за пультом лучшего оркестра Мексики семь лет — с 1928 по 1935 г. Эти годы были для него не только великолепной практической школой. Для Чавеса и Ревуэльтаса оркестр явился прежде всего ареной битвы за новую мексиканскую музыку. «Чавес и Ревуэльтас повели ожесточенную борьбу с окаменелостью, косностью, узостью провинциализма и догматического академизма тогдашней мексиканской музыки, — писал Хосе Ревуэльтас. — Их борьба шла параллельно с борьбой мексиканских художников. В то время как художники издавали журнал «30-30» (марка карабина, своеобразный символ мексиканской революции. — П. П.) и расклеивали прокламации на улицах, Чавес и Ревуэльтас исполняли в театрах «Фабрегас» и «Арбо» произведения Шёнберга, Онеггера, Мийо, и ярость консервативной публики служила тогда лучшими аплодисментами и самым бесспорным свидетельством триумфа»⁴. В первом же концертном сезоне оркестр под управлением Чавеса и Ревуэльтаса исполнил шесть новых программ, включавших никогда до того не звучавшие в Мексике произведения Равеля, Мийо, Онеггера, Мусоргского, Прокофьева, Шёнберга, Вареза, Копленда, мексиканцев Хосе Ролон и Канделарио Уисара. В дальнейшем оркестр регулярно знакомил мексиканскую публику с современной европейской музыкой и с новыми сочинениями отечественных композиторов. Многие наиболее значительные произведения самих Чавеса и Ревуэльтаса также были впервые исполнены руководимым ими оркестром. Так, Ревуэльтас дирижировал премьеры своих симфонических поэм «Уличные перекрестки», «Окна», «Куаунауак», «Ханитцио», «Дороги», «Плоскости».

В 1937 г. Ревуэльтас совершил поездку в республиканскую Испанию, где уже год полыхала гражданская война. Он выступал в Мадриде, Валенсии и Барселоне, с огромным успехом дирижируя своими сочинениями. Здесь в содружестве с поэтом Плаи-Бельтраном Ревуэльтас написал песню «Испания к славе шагает», ставшую гимном мексиканских бойцов-добровольцев, сражавшихся на испанской земле. Трагедией Испании вызваны к жизни одно из лучших произведений композитора — скорбно-оптимистичный «Плач по Гарсиа Лорке» (более позднее название «В честь Гарсиа Лорки») и оставшаяся незавершенной симфоническая поэма «Маршрут».

Последние годы жизни Ревуэльтаса были тяжелыми. «Я так одинок, что временами силы совсем оставляют меня», — признавался он⁵. «Горькая правда, что он был покинут друзьями и испытывал невероятную материальную нужду... — писал спустя двадцать лет после смерти композитора журнал «Аудиомусика». — Но это не было следствием непризнания его таланта или зависти и интриг, а исключительно следствием цельности и неуступчивости его натуры, не позволявшей ему принять рутину повседневной профессиональной художественной жизни в качестве неперемennого условия участия в этой жизни. В этом смысле Ревуэльтас относился к тем идеалистам, которые расплачиваются за свой характер и свои убеждения одиночеством в той среде, к которой они принадлежат по роду деятельности, но чьи правила игры не приемлют»⁶.

Сам Ревуэльтас выразил свое отношение к этой среде в сочинении, которое он назвал «Музыка для болтовни» («Música para charlar», 1938), что вызвало недоумение не только критики, но и Эриха Клайбера, дирижировавшего пьесой в буэнос-айресском театре «Колон». Между тем, «Музыка для болтовни» — отнюдь не музыкальная шутка; это вполне серьезное сочинение, в котором композитор использовал фрагменты из своей музыки к кинофильмам «Индеец» и «Железная дорога Нижней Калифорнии». Хосе Ревуэльтас так объясняет смысл этого названия: «Оно адресовано тем, кто, имея уши, не хочет слышать, — недоброжелательным и невежественным критикам, которым композитор словно говорил: «Болтайте, сеньоры, болтайте! Вы можете не прерывать беседы, можете даже повернуться спиной, можете продолжать свое литературное шулерство, можете prostituировать искусство, сохраняя при этом позу незапятнанной добропорядочности, — вы можете все, в то время как есть кто-то, кто пишет музыку»⁷.

Как человек, и человек с очень нежным, доверчивым, а потому легко ранимым сердцем, Ревуэльтас к концу жизни оказался сломлен, но как художник он ни разу ни на йоту не поступился своими убеждениями.

Ревуэльтас не был первым мексиканским композитором, обротившимся к национальной тематике и национальным музыкальным источникам. Эта заслуга принадлежит его старшему современнику Мануэлю Понсе (1882—1948).

В начале XX столетия в мексиканской профессиональной музыке господствовали три направления, противоборствующие между собой, но одинаково далекие от национального: итальянское, возглавляемое маститым маэстро-патриархом Мелесио Моралесом, французское, представленное школой не менее именитого Густаво Кампы, и немецкое, имевшее своим лидером Хулиана Каррильо. Что до национальной мексиканской музыки, то в академических композиторских кругах не только никто не помышлял о ней, но едва ли кто-нибудь вообще подозревал о ее существовании. Мануэль Понсе с горечью писал об отношении высшего мексиканского общества, зараженного «европеизирующим» снобизмом, к народным песням и танцам в последнее десятилетие правления Порфирио Диаса: «Национальная музыка, самое верное выражение жизни и души народа, агонизировала в забытых селениях Бахио или в заброшенных деревеньках горных районов страны. Мексиканская песня фатально и незаметно исчезала. Презируемая нашими именитыми композиторами, она пряталась, словно пристыженная дурнушка, скрывая свое плебейское происхождение и смущаясь собственной эмоциональной открытостью под строго осуждающими взглядами избранного общества, допускавшего в свои салоны только музыку благородного, т. е. европейского, происхождения, сочинения же мексиканских авторов не иначе, как с заголовками на французском языке... Народные танцевальные мелодии были изгнаны с городских улиц и площадей. С каким высокомерием взирали на умиравший харабе! Сколько порицаний, осуждений и препятствий ожидали того, кто осмелился бы его воскресить!»⁸

Понсе пробил в этой глухой стене отчуждения и непонимания первую брешь. В 1912 г., три года спустя после возвращения из второго путешествия в Европу, Мануэль Понсе дал столичной публике памятный концерт в театре «Арбо». Программа концерта состояла исключительно из произведений самого Понсе, среди которых фигурировала серия фортепианных пьес, основанных на народных мексиканских мелодиях. Их исполнение ознаменовало начало нового этапа в истории мексиканской музыки. Хотя народные мелодии эпизодически использовали и некоторые предшественники композитора — Томас Леон, Анисето Ортега, Хулио Итуарте, Фелипе Вильянуэва, однако только в творчестве Понсе национальный элемент был ассимилирован в наиболее типичных своих проявлениях и в столь высокохудожественной форме, что его «Мексиканские песни» стали своеобразным эталоном национального музыкального стиля на первом этапе его формирования

(до начала 1920-х годов, когда появились первые значительные произведения Чавеса).

Историческая заслуга Понсе состояла в том, что он первым среди мексиканских композиторов подвел широкую фольклорную базу под профессиональное музыкальное творчество (в этом отношении «Мексиканские песни» могут быть вполне сопоставимы с «Испанским кансьонеро» Фелипе Педреля) и достиг весьма органичного для своего времени синтеза «национального» и «универсального» в рамках романтического музыкального стиля. И тем не менее деятельность Понсе в 1900—1910-х годов означала лишь самый первый шаг на пути к созданию подлинно национальной и подлинно профессиональной композиторской школы Мексики. Музыка Понсе при всем ее демократизме не доставало той степени общественной значимости, той глубины, стихийной силы, которые позволили бы ей эстетически возвыситься до уровня мощных социальных сдвигов, происходивших в мексиканском обществе того времени, и отразить их. Следующий решительный шаг в этом направлении был сделан учеником Мануэля Понсе Карлосом Чавесом, выступившим на композиторском поприще на десять лет раньше Ревуэльтаса.

Если не считать самых ранних, отчасти ученических и стилистически еще не выдержанных сочинений Чавеса, в которых его учитель Мануэль Понсе отмечал «двойное влияние: с одной стороны, романтизма Шумана и Шопена, с другой — модернизма с его сверкающей новизной и привлекательной экзотикой», то первым значительным произведением молодого композитора явился балет «Новый огонь» (1921), написанный на сюжет из жизни древних ацтеков. В нем он не только нашел свою индивидуальную манеру, но и определил свою эстетическую позицию на много лет вперед. Произведение положило начало «индихенистскому этапу» в истории мексиканской музыки как одному из проявлений национального направления. Этап этот, хотя и был сравнительно непродолжительным, составил яркую и богатую художественными достижениями страницу национального искусства Мексики.

«Индихенизм» Чавеса был в равной степени и интуитивным влечением его натуры, и вполне сознательным убеждением. «Мой контакт с индейской музыкой... — вспоминал впоследствии композитор, — обязан тому обстоятельству, что с пяти- или шестилетнего возраста я подолгу жил в уединенных районах Тласкалы (одна из индейских зон Мексики. — П. П.). И позже я неоднократно посещал Пуэблу, Веракрус, Халиско, Найярит, Мичоакан, Гуанахуато, Оахаку, где музыкальные традиции аборигенов живы и чрезвычайно интересны»⁹. Чавес и в 20-х годах, и много позже утверждал фундаментальное значение индейской музыки для мексиканской музыкальной культуры, видя в «индихенизме» путь к национальному искусству. В лекции «Ацтекская музыка», про-

читанной в Национальном университете в Мехико в октябре 1928 г., Чавес, суммируя новейшие представления о музыке мексиканских аборигенов, получившие вскоре всеобщее признание, утверждал, что именно «музыка докортесовой эпохи выражала глубиннейшую мудрость мексиканской души», что она «образует самый значительный этап в истории мексиканской музыки». Обращаясь к молодым композиторам, Чавес призывал их «вернуться к музыкальным идеалам аборигенов», «реконструировать в музыке атмосферу примитивной чистоты»¹⁰.

Сам Чавес стремился воскресить «музыкальные идеалы аборигенов» и в первом своем «ацтекском» балете «Новый огонь», и в следующем — «Четыре солнца» (1926), сюжетом которого также послужили космогонические представления древних мексиканцев и связанные с ними религиозные ритуалы, и в широко известной «Индийской симфонии» (1936), и в оркестровой пьесе «Хочипилли Макуилхочитл» (имя ацтекского божества, покровительствующего музыке, танцам и спортивным играм; 1940), и в Токкате для ударных инструментов (1942), на музыку которой труппой Академии мексиканского танца был поставлен очередной «ацтекский» балет «Тоскатл» (название одного из религиозных празднеств в честь бога Тецкатлипоки). Желая воссоздать во всей возможной чистоте музыкальную атмосферу далекого прошлого, Чавес использовал в этих произведениях собранные им с тщательностью археолога подлинные мелодии индейцев, которые можно было еще услышать кое-где в глухих уголках страны, а также включил в партитуры многочисленные автохтонные инструменты — барабаны, ксилофоны, глиняные окарины, трубы из морских раковин, тыквенные погремушки, костяные скребки и некоторые другие.

К премьере «Индийской симфонии» Чавес опубликовал специальный комментарий для публики, отдельные положения которого уместно воспроизвести здесь как выражение эстетического кредо композитора.

«Индийская музыка Мексики,— писал Чавес,— является реальным фактором современной жизни, помимо того, что она представляет собой собственно музыкальную реальность. Глубокое заблуждение видеть в ней всего лишь объект простого любопытства со стороны интеллектуалов или источник более или менее полезных сведений для этнографии. Индейское искусство Мексики в наши дни есть проявление жизнеспособности расы, составляющей значительную часть населения Республики. В своих основополагающих чертах индейская музыка успешно противостояла четырехвековому воздействию европейской музыки, и если этот продолжительный контакт двух музыкальных культур со временем породил смешанное, метисское искусство, этот факт не мог воспрепятствовать тому, что чистая индейская музыка продолжает существовать. В этом свидетельство ее жизнестойкости..

...Могучая выразительная сила индейской музыки корепится в ее ритмическом разнообразии, в широком диапазоне ее звукорядов и свободных ладовых комбинациях, в богатых звуковых возможностях ее инструментария, в ясности и чистоте ее мелоса... Это искусство оптимистично по своему эмоциональному тону»¹¹.

По сравнению с «Мексиканскими песнями» Мануэля Понсе «индейские» произведения Чавеса означали огромный шаг вперед как с точки зрения композиторской техники, музыкального языка, вобравшего в себя новейшие достижения европейской музыки, так и в плане более глубокой эстетической концепции. И тем не менее «индихенизму» Чавеса была присуща известная ограниченность, связанная с общим ретроспективным характером его творчества 20—30-х годов, обращенного преимущественно в далекое прошлое и решительно порывавшего с предшествующей национальной традицией креольско-романтического стиля. Нарочито архаичный пептатонный склад его произведений, резко противоречивший диатоническому строю современной народной мексиканской музыки, как и сами условно-стилизированные картины давно минувших эпох, были не способны пробудить живые эмоции слушателей. Отто Майер-Серра, имея в виду произведения Чавеса «индейской» ориентации, писал: «Эта музыка обращена спиной к современности, к живой народной музыке. С подчеркнутой неприязнью ко всему креольскому и метисскому композитор пытается возродить «чистую» атмосферу докортесовой Мексики, воссоздать в своих партитурах образы грандиозных конструкций ацтекских пирамид или унылое однообразие бесконечных и безжизненных равнин, бесформенные контуры горных хребтов, лишенных растительности,— самое суровое и неприветливое в мексиканском пейзаже, самое угрюмое и мрачное в индейской душе, воспоминания о далеком прошлом без единого отрадного просвета. Ни одна живая эмоция не проникает в эту музыку... При всей значимости «Индейской симфонии» для мексиканской музыки сомнительно, чтобы этот путь привел к созданию подлинно национального стиля. Проблематична уже сама идея «музыкальной связи» доисторического прошлого с художественными средствами нашего времени»¹².

Быть может, известный музыковед и критик в своем суровом отзыве несколько и сгустил краски (во всяком случае, «Индейской симфонии» Чавес в первую очередь обязан своей мировой известностью), но в главном Майер-Серра был прав: «ацтекский ренессанс» в музыке, начатый Чавесом и на первых порах подхваченный почти всеми мексиканскими композиторами, действительно оказался скоропреходящим экспериментом, не способным привести к созданию подлинно национального стиля. Причины этого лежат не столько в собственно музыкальной, сколько в этнической и культурно-исторической плоскости. В Мексике, где процесс этнической и культурной ассимиляции индейского насе-

ления происходил особенно интенсивно, «чистая» индейская музыка сохранилась лишь среди прямых потомков аборигенов в сравнительно немногих районах, удаленных от центров цивилизации. На большей же части территории Мексики индейская музыка предстает не в «чистом» виде, а в значительной степени испытавшей воздействие креольской (в сфере ладов, мелоса, метроритмики, инструментария). Сегодняшнее музыкальное искусство мексиканских индейцев, его характер, формы, дальнейшая судьба в решающей степени определяются общей преобладающей в Мексике тенденцией к окончательной ассимиляции индейских меньшинств мексиканской нацией. Переход индейцев на испанский язык и утрата ими своего этнического своеобразия и культурной обособленности все больше размывают границы индейской музыки и усиливают проникновение в ее среду собственно мексиканских (креольских) музыкальных форм, жанров и традиций, которые и определяют общий облик национальной музыкальной культуры Мексики. Поэтому «чистая» индейская музыка воспринимается сегодня в самой Мексике как элемент в значительной степени экзотический.

Как мы уже заметили выше, Ревуэльтас остался в стороне от движения музыкального «индихенизма», ретроспективные тенденции которого были органически чужды живому темпераменту композитора, его тяге к непосредственному общению с окружающим. Выражение подлинного мексиканского характера Ревуэльтас искал в современной ему Мексике — Мексике 30-х годов, только что пережившей разрушительные и обновляющие бури революции и гражданской войны, Мексике, «еще полной удивления и надежды на будущее, готовой и на терпеливое ожидание, и на страстный вопль протеста, преисполненной жажды жизни и того сознания собственной силы, какие свойственны человеку в тридцать лет»¹³. В этой Мексике сохранялись и живые еще осколки древних культур, разбросанные по огромной территории республики, и молчаливые руины поверженных доиспанских храмов, но были и шумные современные города с их многолюдными улицами и площадями, и ярмарочные празднества с пестрыми театральными балаганами, яркие национальные одежды, детский смех, песни и музыка, стремительные ритмы нового времени. Все это живет в музыке Ревуэльтаса — прошлое и настоящее, индейское и креольское, но ни одно из этих начал не гипертрофировано в ущерб другому; они сохраняют те же пропорции, какие реально существуют в мексиканской действительности. Красиво и точно сказал об этом Рафаэль Альберти: «Это мощное и варварское биение сердца пирамид, гор, бездонного неба и гигантских цветов, это вечное прошлое и трудное, но вселяющее надежду настоящее воплощены в музыке Ревуэльтаса с достойными удивления мудростью и соразмерностью»¹⁴.

Названия большинства оркестровых партитур Ревуэльтаса имеют подчеркнуто конкретный характер, что, казалось бы, указывает на программное содержание данных произведений. В действительности, однако, ни одно из них нельзя назвать программным или описательным в прямом значении этих слов. Связь названия с музыкальным содержанием в большинстве сочинений Ревуэльтаса весьма условна. В одном случае, комментируя название симфонической поэмы «Окна» («Ventanas»), композитор высказался так: «„Окна“ — музыка без программы. Возможно, что, когда я писал ее, у меня было поначалу намерение выразить какую-то определенную мысль, но сейчас это уже не имеет значения... Тем не менее „Окна“ — богатая литературными ассоциациями тема и она может удовлетворить вкусу многих людей, которые еще не умеют слушать музыку без программы»¹⁵. В свою очередь, это заявление само носит явно «программный» характер и легко может быть отнесено ко многим произведениям Ревуэльтаса, например к симфоническим поэмам «Копилки» («Alcancías»; один из традиционных в Мексике кустарных промыслов — изготовление глиняных раскрашенных копилочек в форме свинок, рыбок и т. п.), «Краски» («Colorines»; это могут быть, помимо собственно «красок», и типичные для мексиканского пейзажа деревья, называемые «колоринес», и яркие черно-красные плоды этих деревьев, которыми любят играть дети, и длинные ожерелья из этих плодов — обычное украшение молодых индейцев) или ко Второму струнному квартету, имеющему подзаголовок «Магейес» (maguey — почти повсеместно распространенная в Мексике разновидность агавы, из переброженного сока которой готовят национальный напиток пульке). Столь же «программно условны» и названия таких симфонических поэм, как «Куаунауак» (Cuauhnahuac — древнее название современной Куэрнаваки), или «Ханитцио» (Janitzio — название рыбацкого селения на одноименном острове, расположенном на живописном озере Патцкуаро в штате Мичоакан). Во всех этих примерах ассоциативные связи между музыкой и вызвавшими ее конкретными образами в высшей степени опосредствованы и практически неуловимы. «В некоторых случаях, — говорит Майер-Серра, — у партитуры нет иной связи с названием, кроме желания композитора увековечить определенный пейзаж или произведение народного искусства, которые дали ему счастливые минуты вдохновения»¹⁶.

В то же время, несмотря на сказанное, музыка Ревуэльтаса всегда в высшей степени образно-конкретна — мелодические линии рельефны, связи логичны, контрасты яркие, грани формы очерчены четко; нет ничего неясного, расплывчатого, отвлеченного, ничего формально-конструктивного, что присуще многим сочинениям Чавеса того периода, в которых на первом плане проблема формы и материала в ее абстрактно-чистом виде. Если

консервативная критика не принимала музыки Ревуэльтаса, то не потому, что не понимала ее; напротив, она ее прекрасно понимала и именно поэтому не принимала — ее шокировал подчеркнутый демократизм искусства композитора. Действительно, без малейших уступок так называемому «массовому вкусу» музыка Ревуэльтаса безусловно доступна массовому восприятию.

В демократизме творчества Ревуэльтаса сливаются два начала: стихийное, идущее от органической связи художника со своим народом, от его безраздельной преданности всему мексиканскому, и другое — сознательное, целенаправленное обращение к самой широкой аудитории как следствие стремления композитора говорить языком музыки о насущных проблемах и нуждах всего общества, и прежде всего о нуждах «тех, кто внизу» (Мариано Асуэла), — угнетенных и эксплуатируемых¹⁷. Сам Ревуэльтас с предельной ясностью писал об этом в статье «О критике», отмеченной убежденностью и силой политического манифеста: «Художнику, чтобы быть действительно сильным, мало одного лишь таланта, техники, творческого импульса; необходимо, чтобы эти его качества были целиком поставлены на службу общественно справедливому делу. Таким единственным делом является освобождение пролетариата и его культуры. Любая другая художественная деятельность бесплодна... Наша художественная критика... чуждая революционных идей, не видит проявлений определенной идеологии в искусстве, но ищет в нем одно лишь интеллектуальное наслаждение. Ее складу ума, отравленного предрассудком «искусства для искусства», недоступна сама мысль о том, что в произведении искусства может быть заключено четкое классовое содержание¹⁸.

Это проявление революционной идеологии, «четкое классовое содержание» мы находим во всех зрелых произведениях Ревуэльтаса, «острее и глубже всех других мексиканских композиторов чувствовавшего революцию», по словам видного деятеля культуры Бакейро Фостера¹⁹. Мы находим их в музыке к кинофильму «Рыболовные сети», повествующему о полных опасностей и лишений буднях рыбаков Мексиканского побережья, борющихся за жизнь, достойную их терпеливого труда и творческих усилий; в музыке к другой киноленте — «Те, кто внизу» по одноименному роману Мариано Асуэлы — первому «роману о революции» в мексиканской литературе; в симфоническом полотне «Сенсейма» (на сюжет известного стихотворения Николаса Гильена), где в грандиозной стихии раскрепощенного ритма запечатлена потенциальная сила поработленного негра нынхито; в поэме «В честь Гарсиа Лорки» и в незавершенном «Маршруте» с их оптимистической верой, несмотря на трагедию, на поражение, в возрождение человечества и человечности. Но, пожалуй, наивысшим выражением революционной идеологии Ревуэльтаса, его безграничной любви к мексиканскому народу и сочувствия его страда-

нием является балет «Полковница», содержание которого навеяно некоторыми гравюрами Хосе Гуадалупе Посады, бесстрашно выступавшего в оппозиционной прессе против режима Порфирио Диаса и сумевшего, как никакой другой мексиканский художник до него, воплотить в своих рисунках скорбь, радость и мятежный характер народа. Ревуэльтас взял у Посады не столько конкретные сюжеты отдельных гравюр, сколько их общий дух, великолепно передав в музыке балета безжалостную посадовскую сатиру на привилегированные классы. «Танец обездоленных», изображающий боль и покорность бедняков, чьи страдания, наконец, пробуждают в них мятежный протест против тех, кто веками угнетал их, остается непревзойденной по силе художественного воздействия музыкально-хореографической страницей в современной музыке Мексики.

Но дыхание революции ощущается не только в названных произведениях Ревуэльтаса. Нельзя забывать, что само обращение мексиканских художников XX в. к народной тематике, к современной национальной действительности явилось прямым следствием тех, говоря словами Д. Кастаньеды, «изменений в идеалах и самом образе жизни общества», которые были вызваны революцией; национальный характер мексиканского профессионального искусства XX в. — одно из важнейших ее завоеваний. «Именно революция, — писал Кастаньеда, — дала нам почувствовать богатство и красоту ритмов и мелодий, никогда не перестававших звучать в устах нашего народа. Именно революция — и это явилось одним из следствий ее крестьянской идеологии — научила нас ценить искусство, созданное тружениками наших полей и нив... Революция привела к тому, что с 1925 г. или несколько ранее наша музыка (имеется в виду композиторское творчество. — П. П.) стала действительно нашей (т. е. национальной. — П. П.)»^{19а}. Поэтому совершенно прав Висенте Мендоса, когда он, говоря о Ревуэльтасе, утверждает, что революции равно обязаны своим появлением и балет «Полковница», и симфоническая поэма «Сенсемая», и музыка к кинофильму «Рыболовные сети», и детский балет марионеток «Путешествующий головастик»²⁰. Действительно, и изящный юмор «Путешествующего головастика», и нежный лиризм «Колыбельной» на стихи Лорки, и возвышенная меланхолия среднего раздела «Ханитцио», и радостная энергия «Куаунауака», и ядовитый сарказм «Полковницы», и скорбная патетика «Плача по Гарсиа Лорке» — все это разные стороны одного национального мексиканского характера, запечатленные Ревуэльтасом с позиций художника-гуманиста, ненавидящего насилие и несправедливость, и со всепроникающей любовью к своему народу, чей дух он поддерживал и чьи надежды укреплял своей музыкой. Среди его произведений мы не найдем ни одного, которое не служило бы этим целям,

Стиль зрелого Ревуэльтаса столь же национален, сколько неповторимо индивидуален. Очень трудно обнаружить в нем влияние кого-либо из ведущих европейских мастеров XX в. Ни Дебюсси, ни композиторы французской «Шестерки», ни Мануэль де Фалья, ни представители нововенской школы не оказали на Ревуэльтаса сколько-нибудь заметного воздействия. В его композиторском почерке (в узком смысле слова) можно иногда встретить отдельные чисто внешние детали, указывающие на посторонний источник (в манере контрапунктической разработки, напоминающей Фалью периода «Балаганчика» и «Концерта», в некоторых оркестровых приемах, идущих от Стравинского), однако могучая индивидуальность художника заставляет и эти приемы звучать «по-ревуэльтасовски». Влияние Чавеса бесспорно в ранних инструментальных сочинениях Ревуэльтаса, в частности в Трех пьесах для скрипки и фортепиано, но оно очень скоро прорло.

Доминирующим элементом музыкальной формы у Ревуэльтаса всегда служит мелодия, и именно в мелосе прежде всего проявляется национальный характер его музыки, хотя композитор, прирожденный мелодист, и не прибегает к фольклорным заимствованиям. В этом отношении Ревуэльтас «не селекционер» (выражение кубинского композитора Эдгардо Мартина²¹) и не приверженец музыкального этнографизма (что было свойственно Чавесу в его «индейских» партитурах). Ревуэльтас добивается национального характера не цитированием фольклорных мелодий, а всей совокупностью художественно-выразительных средств: интонационных, ладово-гармонических, метроритмических, темброво-колористических. Другими словами, в фольклоре Ревуэльтас ищет не темы и не подходящие к случаю цитаты, а ощущение стиля, характера, атмосферы, свойственную народу манеру выражения. Сам композитор высказался на этот счет предельно ясно: «Я никогда не использовал фольклорные или народные мелодии, но большая часть моих собственных тем... имеет народный характер»²².

И действительно, мелодии Ревуэльтаса настолько проникнуты мексиканским колоритом, что подчас их нелегко отличить от народных. Композитор мастерски обобщает наиболее типичные черты народных напевов — особенности интонационного строя, структуры периодов, ритмики, гармонии. В отличие от Чавеса Ревуэльтас опирается не только на древние, но главным образом на более поздние музыкальные пласты — испанские, креольские, метисские, индейские, сельские и городские, которые в совокупности составляют неповторимое своеобразие современной народной музыки Мексики. В этом отношении Ревуэльтас — прямой продолжатель Мануэля Понсе; оба выражали современную им Мексику: Понсе — с позиций национального романтизма, Ревуэльтас, как творческая личность более могучая и земная, чем-то

напоминающая Мусоргского,— с позиций, которые мы назвали бы мексиканским музыкальным реализмом.

Не только мелодика Ревуэльтаса, но и многие особенности его гармонии, фактуры, оркестровки тесно связаны с фольклором, с практикой народного музицирования, в частности с исполнительской манерой народных инструментальных ансамблей марьячи. В таких ансамблях басовые инструменты обычно исполняют на протяжении всей пьесы одну и ту же ритмическую формулу. Отсюда идет излюбленный Ревуэльтасом прием ритмического *ostinato*. Широко пользуется он альтерированными гармониями, воспроизводя особенности звучания народных оркестров. Однако, несмотря на обильное применение альтерированных созвучий, подчас весьма изысканных и острых, гармония Ревуэльтаса в своей основе классическая: она опирается на прочную терцовую или кварто-квинтовую основу и ее функциональная роль преобладает над колористической. Эти черты особенно явственно проявляются в гармоническом языке ранних оркестровых и камерных сочинений Ревуэльтаса, выдержанных в преимущественно гомофонной фактуре, но они в целом сохраняют свое значение и в более поздних произведениях композитора, для которых характерно взаимопроникновение гомофонного и полифонического склада письма: при свободном развитии индивидуализированных мелодических линий многоголосной фактуры в ней постоянно ощущается гармоническая вертикаль. Очень часто Ревуэльтас прибегает, иногда на протяжении довольно длительных эпизодов, к политональным наложениям. Среди многих подобных примеров самый, быть может, впечатляющий — вторая часть поэмы «В честь Гарсиа Лорки», где одновременное сочетание в трех разных тональностях невыразимо скорбной мелодии засурдиненной трубы, жалобно-монотонных, словно скованных невидимой цепью фигураций струнных в среднем регистре и неподвижно-оцепенелого баса вызывает почти физическое ощущение нечеловеческой боли и страдания. «Только сама душа народа,— говорит Хуан Маринельо, имея в виду этот раздел поэмы,— может исторгнуть такой долгий, сдавленный стон — глухой вопль тысячелетних корней, разрываемых злой силой»²³.

Оркестр Ревуэльтаса несет на себе ту же печать индивидуального стиля художника, что и его мелос. Своеобразны уже сами составы оркестра, с необычными сочетаниями отдельных групп, оригинально подобранными тембрами и тщательно выверенным с точки зрения равновесия целого числом инструментов. (В большинстве случаев Ревуэльтас использует малые оркестры или камерные ансамбли. Вот, например, состав оркестра в поэме «В честь Гарсиа Лорки»: флейта-пикколо, кларнет, две трубы, тромбон, туба, два тамтама, ксилофон, фортепиано, четыре скрипки и один контрабас.) Главенствующая роль в партитурах Ревуэльтаса принадлежит духовым, в первую очередь медным, инструментам, ко-

торые трактуются почти исключительно как мелодические голоса и партии которых представляют подчас высшую степень технической виртуозности. Особенно выразительно и каждый раз по-разному, в зависимости от конкретной художественной задачи, звучат в оркестре Ревуэльтаса трубы — то приподнято-героически, с блеском, *con brio* (вступление к «Ханитцио», первое проведение главной темы в поэме «Дороги»), то непринужденно-кокетливо (в октавном удвоении с флейтами в поэме «Куаунауак»), то в стиле изящной бурлески («Дует утки и канарейки»), то по-детски озорно, шаловливо («Путешествующий головастик»), то с глубоко драматической экспрессией (вторая часть поэмы «В честь Гарсиа Лорки», сцена похорон рыбака в море в кинофильме «Рыболовные сети»), то со всеокрушающей, «варварской» мощью («Сенсемайя»). Струнной группе, напротив, часто поручается роль аккомпанемента, причем в характерной «гитарной» манере, с широким применением приемов *pizzicato* и *col legno* (один из наглядных примеров — начало поэмы «Куаунауак»: продолжительное *pizzicato* виолончелей и контрабасов, на фоне которого постепенно «прорастают» мелодические попевки духовых). Заслуживает внимания весьма скромная, особенно для латиноамериканского композитора XX в., роль ударных в партитурах Ревуэльтаса (за исключением поэмы «Сенсемайя», где огромный набор ударных и ударно-шумовых инструментов диктуется специфической художественной задачей), причем ударные инструменты часто выполняют скорее колористические, нежели собственно ритмические, функции.

Нужно сказать, что независимо от своего состава оркестр Ревуэльтаса всегда исключительно колоритен. Тяга композитора к живописной, красочной звуковой палитре не случайна, ибо любовь к красивому, яркому — в крови мексиканцев. «Ревуэльтас, — пишет Майер-Серра, — как все великие мексиканские художники, прирожденный колорист, и этой чертой своего таланта он обязан характеру народа, к которому принадлежал». «Я видел много раз, — приводит Майер-Серра в этой связи слова Д. Риверы, — как беднейшие крестьяне, проделав многокилометровый путь от городского базара до своей нищей деревни, где их ждали тяжелый труд и лишения, несли в руках букетики цветов, на которые они потратили треть дневной выручки, ибо ни один цветок не произрастает на их каменистой земле, которую они с таким трудом обрабатывают»²⁴.

Почти все крупные произведения Ревуэльтаса написаны в трехчастной или вариационной форме, наиболее близкой тем, которые бытуют в практике народных инструментальных ансамблей. С этим связан довольно часто высказываемый в адрес композитора упрек по поводу отсутствия в его музыке настоящего симфонизма. Майер-Серра, например, пишет: «Подавляющее большинство оркестровых пьес Ревуэльтаса имеет простую песен-

ную форму. Мелодический материал, почерпнутый из источника народного вдохновения и выраженный вполне современным языком, в них более экспонируется, нежели разрабатывается»²⁵. То же мнение высказывает Э. Мартин: «Многим его (Ревуэльтаса.— П. П.) большим сочинениям недостает структурной спаянности: это фрагментарные мозаики, хотя и с гениальными деталями»²⁶.

Подобные упреки не вполне заслуженны. В симфонических поэмах «Плоскости», «Сенсемайя», в ряде фрагментов киномузыки Ревуэльтаса мы находим и конфликтное столкновение музыкальных образов, и интенсивную тематическую разработку. Оцениваемые с точки зрения классического европейского симфонизма, эти примеры, возможно, покажутся скромными, не в полной мере отвечающими предписанным канонам, но не будем забывать и об относительном характере европейских оценок в применении к латиноамериканскому искусству. «Мексиканский симфонизм,— подчеркивает Бакейро Фостер,— обладающий своими собственными характеристиками, своим мелодическим, гармоническим и ритмическим содержанием, подсказанным народной музыкой, своим мироощущением, в котором смешалось светское и религиозное, местное и привнесенное, избрал направление, которое можно назвать *специфически мексиканским*... С музыкантами произошло то же, что с художниками: революция побудила искать *свои ориентиры*» (курсив мой.— П. П.)²⁷. Мы вправе считать одним из таких ориентиров, указывающих мексиканскому симфонизму плодотворный курс, тот конструктивный принцип, который нашел свое наиболее совершенное воплощение в поэме «Сенсемайя»,— циклопическом по силе звуковой насыщенности и энергии движения сооружении, вырастающем, подобно могучему стволу дуба из маленького желудя, из одной-единственной первоначальной клетки—лаконичной ритмо-мелодической попевки—путем ее дробления, расширения, последовательного расслоения на ряд контрапунктирующих друг другу ритмических голосов, вариантного повторения в различных интервальных отражениях и в разных ракурсах динамики и оркестровых тембров. «Сенсемайя» может служить образцом симфонизма того «специфически мексиканского направления», о котором говорил Бакейро Фостер. В сущности, этот же самый конструктивный принцип лежит в основе и «Индийской симфонии» Чавеса (которая, к слову сказать, совсем не симфония с европейской точки зрения), и «Румбы» Катурлы; его же мы находим в некоторых разделах «Шорос» и «Бразильских бахиан» Вилла-Лобоса, если ограничиться лишь самыми выдающимися примерами. Следовательно, в этом принципе есть глубоко заложенное нечто, отвечающее специфически латиноамериканскому складу музыкального мышления.

Найти верное, глубокое выражение национального духа и характера, воплотить его в словах, звуках, линиях, формах внятных и волнующих, доступных и понятных любой аудитории,— такова

центральная проблема искусства Латинской Америки XX в. Ревуэльтас блестяще разрешил эту проблему. Национальный склад его музыки — это достижение исторического масштаба.

Другая, не менее сложная для латиноамериканского композитора задача на данном пути — влить подлинно национальные звучания в русло мировой музыкальной культуры. Эта задача также решена Ревуэльтасом на самом высоком художественном уровне. Не только в мексиканской, но и во всей латиноамериканской музыке, за исключением, быть может, одного лишь Вилла-Лобоса, мы не найдем синтеза народного и профессионального, национального и универсального более гармоничного, полного жизненных соков и могучих, действенных сил, чем тот, которого достиг Ревуэльтас в своих лучших сочинениях.

Но самое трудное, что является истинным подвигом для всякого художника, — это выработать свое, сокровенное, выразить общезначимое в сугубо индивидуальной форме. Сегодня, по прошествии сорока лет со дня безвременной кончины композитора, мы можем сказать, что в мексиканской музыке не было и нет художника с более оригинальным, своеобразным, безошибочно различимым почерком, чем Ревуэльтас.

И в то же время при всей своей неповторимой индивидуальности искусство Ревуэльтаса — глубоко органичное порождение мексиканской культуры первой половины XX в. Множество живых нитей связывает музыку Ревуэльтаса с современной ему мексиканской живописью, художественной прозой, поэзией. Есть мнение, что если Чавес соответствует в мексиканской живописи Ривере, то Ревуэльтас — Ороско в музыке; эти параллели представляются верными, когда мы сравниваем впечатляющие, но несколько излишне стилизованные и прямолинейно-плакатные росписи Риверы с не менее монументальными, но значительно более драматичными и выразительными работами Ороско. Но одновременно Ревуэльтас — мастер иронии и гротеска, и это сразу заставляет вспомнить столь высоко ценимого композитором Посаду и его знаменитые «калаверас». Нетрудно найти в музыке Ревуэльтаса черты, сближающие ее с суровым реализмом прозы Мариано Асуэлы, более же всего — с поэзией Рамона Лопеса Веларде, чье творчество, пронизанное фольклорными мотивами и исполненное патриотического звучания, явилось, по выражению Гильена, «глубочайшим выражением национального мексиканского духа».

Лучший памятник Ревуэльтасу — его музыка, звучащая ныне по всей Мексике и ставшая поистине всенародным достоянием. Она не только не потускнела со временем, но сегодня еще ближе и понятнее нам, ибо, как всякое подлинно высокое искусство, обращена в будущее. Прекрасно сказал об этом Маринельо: «Пройдут годы, а мелодии Ревуэльтаса будут звучать так же светло и трепетно, как сегодня. Придут другие времена, но чудный язык его музыки по-прежнему будет внятен людям его зем-

ли... Для завтрашних слушателей Ревуэльтас станет предтечей, указывающим мексиканскому народу и всей Америке путь к новым вершинам»²⁸.

- ¹ Приводим список основных сочинений Ревуэльтаса: три струнных квартета (1930—1931); «Дует утки и канарейки» для голоса и камерного ансамбля (1931); Три пьесы для скрипки и фортепиано; «Ярмарка» для струнного квартета (1932); Токката для скрипки и камерного оркестра (1933); Две песни для голоса и камерного ансамбля на стихи Николаса Гильена (1937); Семь песен на стихи Гарсиа Лорки (1938); симфонические поэмы «Куаунауак», «Уличные перекрестки» (1930), «Окна» (1931), «Копилки», «Краски» (1932), «Ханитцио», «8×Radio» (1933), «Дороги», «Плоскости» (1934), «В честь Гарсиа Лорки» (1936), «Сенсемайя», «Музыка для болтовни» (1938), «Маршрут» (1940); балеты «Путешествующий головастик» (1936) и «Полковника» (1940); музыка к кинофильмам «Рыболовные сети» (1934), «Пойдем с Панчо Вильей» (1936), «Индеец», «Железная дорога Нижней Калифорнии» (1938), «Ночь майя», «Под знаком смерти» (1939), «Те, кто выizu» (1940).
- ² *Marinello J. Imagen de Silvestre Revueltas. La Habana, 1966, p. 9—10.*
- ³ *Castañeda D. La música y la revolución mexicana.— Boletín latinoamericano de música, Montevideo, 1941, t. V, p. 437.*
- ⁴ *Revueltas J. Apuntes para semblanza de Silvestre. México, 1966, p. 54—55.*
- ⁵ *Marinello J. Imagen..., p. 35.*
- ⁶ *El torno a Silvestre Revueltas. Historia y leyenda.— Audiomúsica, México, 1 de mayo de 1960, N 14, p. 7.*
- ⁷ *Revueltas J. Apuntes..., p. 28.*
- ⁸ *Mayer-Serra O. Panorama de la música mexicana. México, 1941, p. 117.*
- ⁹ *García Morillo R. Carlos Chávez. Vida y obra. México; Buenos Aires, 1960, p. 19.*
- ¹⁰ *Romero J. C. Música precortesiana. México, 1947, p. 252—253.*
- ¹¹ *García Morillo R. Carlos Chávez..., p. 89.*
- ¹² *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas*

- y el nacionalismo musical en México.— Boletín latinoamericano de música, t. V, p. 547.* В данной цитате, как и в нашей статье, речь идет не о творчестве Чавеса вообще, а только о его «индейских» произведениях 20—30-х годов. Объективная выдающаяся роль Чавеса в создании национального стиля современной мексиканской музыки, как и его первенствующее положение среди мексиканских композиторов начиная с 40-х годов, не подлежат ни малейшему сомнению.
- ¹³ *Marinello J. Imagen..., p. 10.*
 - ¹⁴ *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas..., p. 549.*
 - ¹⁵ *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas..., p. 551.*
 - ¹⁶ *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas..., p. 551.*
 - ¹⁷ Не случайно среди мексиканских композиторов своего времени Ревуэльтас был самым активным в творческом сотрудничестве с молодым отечественным кинематографом. Кино давало ему возможность обращаться к массовой аудитории.
 - ¹⁸ *Revueltas J. Apuntes, p. 92—93.*
 - ¹⁹ *Baqueiro Fóster G. La música.— In: México. Cincuenta años de la Revolución. México, 1962, t. IV, p. 447.*
 - ^{19a} *Castañeda D. La música y la revolución mexicana, p. 443—444.*
 - ²⁰ *Mendoza V. T. La música tradicional.— In: México. Cincuenta años de la Revolución, t. IV, p. 520.*
 - ²¹ *Martín E. La música hispanoamericana del presente. La Habana, 1953, p. 4.*
 - ²² *Baqueiro Fóster G. La música, p. 446.*
 - ²³ *Marinello J. Imagen..., p. 40.*
 - ²⁴ *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas..., p. 559.*
 - ²⁵ *Mayer-Serra O. Silvestre Revueltas..., p. 561.*
 - ²⁶ *Martín E. La música hispanoamericana del presente, p. 4.*
 - ²⁷ *Baqueiro Fóster F. La música, p. 450—451.*
 - ²⁸ *Marinello J. Imagen..., p. 25—26,*

Искусство, рожденное революцией

(монументальная живопись

Х. К. Ороско, Д. Риверы, Д. А. Сикейроса)

Мексиканское изобразительное искусство XX в. — это прежде всего монументальная живопись и графика. О них писали и пишут в нашей стране гораздо больше и чаще, чем о других видах мексиканского искусства. Монументальной живописи Мексики, и в первую очередь «трем великим мексиканцам», представителям так называемого мексиканского Возрождения¹, Х. К. Ороско (1882—1949), Д. Ривере (1888—1957), Д. А. Сикейросу (1896—1973), посвящена монография Л. А. Жадовой; крупнейшими монументалистами Мексики занимались В. М. Полевой, Л. С. Осповат, А. Г. Костеневич. Интерес именно к этому явлению культурной жизни Мексики нашего века естествен. Мексиканская монументальная живопись не только наложила отпечаток на все искусство страны, но и в значительной степени повлияла на формирование национальных школ изобразительного искусства других стран Латинской Америки. Она сумела соединить в себе и чисто национальный колорит, и боевой дух, и подлинный интернационализм.

Годы становления и развития мексиканской школы монументализма — это годы борьбы, направленной на поиски своего собственного стиля в искусстве, неотделимой от исторических и социальных процессов, протекавших в Мексике начиная с 1910-х годов. Трудно переоценить роль мексиканской революции 1910—1917 гг. для культуры страны; без нее был бы совершенно немислим тот скачок, который проделало мексиканское искусство от провинциальности и подражательства европейским образцам до истинной революционности, эпичности, самобытности и вместе с тем общечеловечности, поставивших его в один ряд с искусством мирового масштаба.

Мексиканская монументальная живопись — порождение революции и ее летопись. Именно ей первой суждено было запечатлеть наиболее яркие страницы исторической и революционной борьбы в Мексике, отразить последствия революции 1910—1917 гг., создать образ нового мексиканца, воспеть красоту родной страны.

Вплоть до начала XX в. искусство Мексики ориентировалось на Европу: в колониальное время — на Испанию и Фландрию (XVI — начало XIX в.), в XIX в. — на Францию. Поэтому естественно, что индейской проблематикой как таковой художники не занимались. Правда, персонажи, наделенные чертами индейцев, и индейские мотивы появлялись в искусстве колониального времени, европейском в своей основе, а художники XIX в. обраща-

лись к образу индейца в поисках этнографического материала, но это происходило скорее от невозможности полного игнорирования мексиканской действительности, а не от сознательного ее переосмысления.

Мексиканская революция 1910—1917 гг. способствовала появлению совершенно нового типа героя — человека из народа, индейца. Обращение к нему и ставила своей задачей монументальная живопись. Именно в мексиканской монументальной живописи зародился индихенизм — направление в латиноамериканской культуре, целью которого был не просто этнографический интерес к жизни индейца, а поиск в его образе, в его фольклоре, в его прекрасном прошлом той основы, которая дала бы возможность создать искусство новое, истинно национальное. Хосе Клементе Ороско называл монументальную живопись «высочайшей, наилогичнейшей, чистейшей и наисильнейшей формой живописи» и, говоря о ее преобладающей роли над всеми остальными видами изобразительного искусства, писал: «Это... наиболее незаинтересованная форма, так как она не может служить личным целям: ее нельзя спрятать для выгоды определенного, привилегированного меньшинства. Она для народа»².

Мексиканская монументальная живопись отразила, когда прямо, когда опосредствованно, и всю противоречивость послереволюционного развития страны. По стилю, тематике, образам росписей Ороско, Риверы, Сикейроса можно проследить, как менялось отношение художников к действительности: от почти безоговорочной веры в возможность перестройки мексиканского общества в первых фресках до разочарования и горечи от несбывшихся надежд в их работах более позднего времени. У каждого из мастеров разочарование выразилось по-своему: Ороско пришел к болезненной экспрессии, Ривера — к намеренной стилизации, Сикейрос — к повышенной динамике, усложнению композиции, запутанности изобразительного языка. Их последователи — современные монументалисты Мексики практически совершенно отошли от решения средствами настенной живописи социальных проблем, оставляя за ней в основном декоративную функцию.

Возникновение и расцвет мексиканской монументальной живописи относится к 20-м годам и связан в немалой степени с именем философа и писателя Хосе Васконселоса (1882—1959). С 1921 по 1924 г. он занимал пост министра просвещения, а уйдя с этого поста, продолжал оказывать влияние на культурную жизнь страны. При нем художникам была предоставлена возможность работать над росписями стен официальных учреждений Мексики. В это время Ривера и Ороско создают свои наиболее гармоничные фрески. В них еще ощущается надежда на перемены, которые должна была принести с собой революция.

Поиски национальной культуры, национального искусства вели мексиканских художников к древнему наследию, к культу-

рам майя, ацтеков и предшествовавшим им еще более древним культурам ольмеков, тольтеков, сапотеков, к народному творчеству современных индейцев, сохранившему некоторые традиции древнего искусства, его символику и орнаментальные мотивы. За обращение к прошлому ратовал Диего Ривера, видевший в нем ту почву, на которой вырастут плоды нового американского искусства: «Так же как Европа объединилась на греко-латинской культуре, Америка может осуществить свой... союз, используя замечательную индейскую культуру своего континента...»³.

Непосредственными предтечами мексиканских монументалистов были два художника, совершенно разные и по социальному положению, и по отношению к проблемам творчества, но оба понимавшие необходимость появления нового искусства. Это гравер-самоучка Хосе Гуадалупе Посада и преподаватель живописи официальной Художественной академии Сан Карлос Херардо Мурильо (доктор Атль). Посада и доктор Атль дали толчок развитию национальной школы живописи и графики, обратив внимание всех последующих мастеров на народное творчество и на прошлое своей страны. Злободневная графика Посады, использовавшая народную мексиканскую тематику, в частности так называемые калаверас⁴, т. е. черепа и скелеты, открыла глаза новому поколению художников на возможность поисков сюжетов и типажей в собственной среде, а не в Европе. О влиянии острой, меткой, реалистической графики Посады на их творчество указывали и Ривера, и Ороско, и Сикейрос, а впоследствии художники «Мастерской народной графики»⁵.

Не меньшее значение, чем графика Х. Г. Посады, имела для становления будущих художников-монументалистов и деятельность Херардо Мурильо (доктор Атль), обратившегося к студентам Академии Сан Карлос с призывом создать новую мексиканскую живопись, свободную от чуждых иноземных влияний. В октябре 1910 г. руководимые доктором Атлем студенты организовали в Мехико Художественный центр, целью которого была борьба за создание национальной культуры. Благодаря поддержке доктора Атля уже тогда им удалось получить для росписей стены амфитеатра Национальной подготовительной школы и сделать первые проекты, но начавшаяся революция заставила отложить это до лучших времен. Художники ушли в революцию. Четырнадцатилетним подростком был впервые арестован за участие в забастовке Д. А. Сикейрос. Х. К. Ороско сражался в действующей армии и в 1913—1917 гг. делал графические карикатуры для редактируемой доктором Атлем прогрессивной газеты «Авангард». Может быть, как раз потому, что Ороско и Сикейрос были непосредственными участниками революционных событий (в отличие от Д. Риверы, который с 1906 по 1921 г. находился в Европе), они всегда более остро и глубоко отражали современную им жизнь Мексики и меньшую дань отдавали увле-

чению автохтонностью и стилизацией, свойственными искусству Диего Риверы.

Можно сказать, что уже с 20-х годов нашего века в Мексике существуют в зародыше те две основные тенденции, которые впоследствии дадут два отчетливо выраженных направления во всем латиноамериканском искусстве. Первое из них многие современные исследователи Латинской Америки называют «центростремительным» направлением, второе — «центробежным»⁶; первое обращено к автохтонности, к поднятию на щит национального элемента; второе, напротив, — к универсальности и интернациональности. В какой-то степени эти столь различные тенденции уже в 20-е годы представляет творчество, с одной стороны, Д. Риверы и его последователя Амадо де ла Куэва, с другой — Х. К. Ороско, Д. А. Сикейроса и Х. Герреро. Все они были единомышленниками в революционной борьбе, но часто расходились во взглядах на то, каким должно быть истинно мексиканское искусство.

Х. Васконселос, приглашая муралистов расписывать стены учреждений Мексики, ожидал совсем не тех результатов, к каким пришли Х. К. Ороско и Д. А. Сикейрос в Национальной подготовительной школе (Препаратория) и Д. Ривера в Министерстве народного просвещения. Васконселос был человеком проевропейской ориентации и надеялся увидеть на стенах символические росписи с литературным содержанием, вдохновленные произведениями европейского средневекового искусства и работами крупнейших мастеров монументальной живописи итальянского Возрождения. Первая заказанная им роспись носила символическое название «Действие сильнее Судьбы. Побеждай!». Выполненная неутомимым борцом за создание национального мексиканского искусства доктором Атлем, она еще была далека от того, чем стала впоследствии мексиканская монументальная живопись. На золотом фоне, типичном для раннего итальянского Возрождения и Византии, были представлены 12 аллегорических женских фигур, символизирующих часы и сгруппированных вокруг облаченного в доспехи рыцаря, прислонившегося к Древу жизни. Эта стилизаторская роспись вызвала весьма резкое осуждение Д. Риверы⁷. Но вряд ли Ривера имел право судить ее строго, ибо и его первая роспись в амфитеатре «Боливар» Национальной подготовительной школы, названная художником «Мироздание» (1921—1922), была так же далека от новой национальной живописи, как и роспись доктора Атля. Выполненное в той же технике энкаустики⁸, «Мироздание» Риверы с ангелами и золотым сиянием выражало «национальное» лишь мексиканскими чертами лиц некоторых типажей. Работавшие в той же Национальной подготовительной школе Ороско и Сикейрос, поделившие между собой соответственно ее Большой и Малый дворы, в своих первых росписях также отталкивались от работ художников итальян-

ского Возрождения. Выполненное Ороско в 1922—1924 гг. в галерее первого этажа Большого двора Препаратории «Материнство» (энкаустика) явно навеяно произведениями Сандро Боттичелли. Особенно это сказалось в фигурах ангелов в развевающихся одеждах, порхающих вокруг центральной группы обнаженной матери с младенцем. Подражание работам римских монументалистов треченто с их обобщенными формами и несколько мрачными образами заметно и в росписи Сикейроса «Стихий» (1922—1923; энкаустика) в Малом дворе Препаратории.

Однако это были лишь неудавшиеся попытки. Художники продолжали искать новую форму, которая отвечала бы их стремлению отразить в монументальных росписях дух революции. И они нашли ее. Каждый из мастеров выработал свою, неповторимую форму, из года в год становившуюся все более индивидуальной, но всех их объединяли лапидарность объемов, четкость рисунка, локальность цвета. Огромную роль в этом, безусловно, сыграл созданный в 1922 г. Синдикат революционных живописцев, скульпторов и технических работников. Хотя синдикат просуществовал только до осени 1924 г. и распался из-за изменившейся политической обстановки, а главное из-за разногласий между самими художниками, однако эти два года пребывания мастеров в синдикате заложили основы всего их дальнейшего творчества. Шумные, долгие споры о назначении мексиканской монументальной живописи, о том, где искать для нее основу, на чем ставить акцент — на интернациональном или национальном — и что есть национальное и чем оно отличается от народного, длились зачастую всю ночь, а художники так и не приходили к единому выводу. Д. Ривера считал источником вдохновения древнее и современное народное искусство Мексики, обряды индейцев, природу и обычаи заброшенных мексиканских уголков. Но он никогда не заходил так далеко, как Амадо де ла Куэва и некоторые другие живописцы, для которых все европейское становилось чуждым и вредным, а возвращение к индейской живописной технике считалось «национальным очищением». А. де ла Куэва пытался вернуться даже к перспективным условностям доиспанского искусства, что, естественно, не могло не привести к живописному архаизму.

Творчество ведущих мексиканских монументалистов прошло в развитии ряд периодов, порой опровергавших один другой. Если в 20-е годы у художников было много общего, то начиная с 30-х их взгляды на монументальную живопись все больше расходятся. Сикейрос, соглашавшийся вначале с Риверой в необходимости изучения древнего прошлого населяющих Мексику индейцев, их искусства и фольклора стал активным противником использования в творчестве народных мотивов и древнеиндейской символики. Сикейрос, чью сторону часто принимал Ороско, обвинял Риверу в узконационалистическом фольклоризме и потрафле-

нии вкусам иностранных туристов. Отвечая на предъявленное ему в свою очередь Риверой обвинение в космополитизме и отказе от национального стиля, Сикейрос говорил: «Да, искусство национальное, но искусство национальное, связанное с мощными культурными традициями нации, но не искусство для чувствительных туристов, не спекулятивное искусство для снобов-формалистов, так называемых «мексиканистов»»⁹.

Наиболее последовательным было творчество Диего Риверы. Это объяснялось и характером мастера, способного во имя живописи жертвовать даже своими идеями и дружбой с близкими ему людьми, и тем, что, как уже говорилось, Ривера, не будучи очевидцем и участником революционных событий 1910—1917 гг., менее глубоко переживал несвершившиеся ожидания. В отличие от Сикейроса — пламенного активного борца — Ривера целиком решил посвятить себя живописи, считая, что надо бороться данным им, художникам, в руки оружием — кистью и краской. Он оказался наиболее гармоничным живописцем, чьи фрески до последнего года жизни художника всегда отличались уравновешенностью.

Чудо спасло фрески Риверы в Препаратории, когда летом 1924 г. туда явились агрессивно настроенные молодчики из реакционного студенчества и разрушили росписи Ороско и Сикейроса. Этот варварский акт по-разному подействовал на Ороско и Сикейроса. Первый, хотя и нашел в себе мужество еще раз, в 1926 г., вернуться в Препараторию и создать фрески в третьем этаже галереи Большого двора, так болезненно пережил это происшествие, что оно в значительной степени сказалось на всем его последующем творчестве, в котором с каждым годом ощущались все большая горечь и пессимизм. Для Сикейроса же разрушение фресок явилось сигналом к решительным действиям — он целиком посвящает себя политической деятельности. Бывший орган синдиката газета «Эль мачете» становится органом Мексиканской коммунистической партии, а Сикейрос и Герреро — ее постоянными издателями. С этого момента в творчестве Сикейроса намечаются совершенно иные черты: его целью становится создание искусства универсального, общечеловеческого.

Объединившись в синдикат, художники переходят от техники энкаустики к фреске, в которой не работали с периода испанской колонизации. Главное отличие доколумбовой фрески от европейской заключалось в том, что известь замешивали на связывающем растворе сока мексиканского кактуса нопала. Дольше всех сопротивлялся новой технике Ривера, но он же и отстаивал ее впоследствии перед разработанной Сикейросом техникой, заключавшейся в использовании синтетических универсальных красок «политекс» и распылителя-аэрографа.

В 1947 г. Хосе Клементе Ороско дал характеристику мексиканской монументальной живописи, выделив в ней три направ-

Х. К. Ороско. Разрушение старого мира. Фреска. 1922—1924.

Х. К. Ороско. Окоп. Фреска. 1922—1924.

Галерея Большого двора Национальной подготовительной школы. I этаж

ления: первое — «нативистское» в двух видах — архаическом (превознесение мотивов древнего искусства Мексики) и фольклорном (типажи и обычаи современных индейцев); второе — историческое; третье — революционное¹⁰.

Фрески Ороско, созданные в 1922—1924 и 1926—1927 гг. в Препаратории, являют собой яркий пример третьего направления. Это — лучшее из творений художника. Если и есть еще элементы надуманного символизма в некоторых ранних фресках галереи первого этажа Большого двора, то уже такие росписи, как «Окоп» (1922—1924; первый этаж Препаратории «Силы реакции» (1922—1924; второй этаж) и особенно росписи 1926—1927 гг., потрясают своим подлинным реализмом, обобщенностью и вместе с тем остро-

Х. К. Ороско. Вдовы. Фрагмент, Фреска. 1926—1927. Галерея Большого двора Национальной подготовительной школы. III этаж

той видения мастера. Статичные монументальные женские образы, поражающие жизненностью и одухотворенностью, встают перед зрителем в его фреске «Вдовы» (третий этаж). Они не имеют ничего общего со стилизаторством и заимствованием, свойственным его первой росписи «Материнство». Монолитность формы, очерченной четким контуром, скупая гамма цветов (коричнево-фиолетовый — фигур, буро-желтый — склона холма, насыщенный синий — неба), ни одного лишнего элемента, разбивающего строгую, крепко построенную композицию, — это произведение, не имевшее себе подобных прежде. Только Мексика с ее воздухом, освещением, так ясно обрисовывающим контуры предметов, с цветом ее земли и неба, с ее сосредоточенным, мудрым народом могла породить такого художника и такую фреску. Эпичностью, величавостью веет от этого произведения Ороско.

Не менее выразительны и другие фрески галереи третьего этажа Препаратории, особенно «Мир» и «Революционеры». Художник удивительно точно передал заложенную в названиях росписей мысль. Статичность, покой лежат в основе фрески «Мир». Ороско достигает этого впечатления, помещая в центр композиции построенную треугольником скульптурную по лаконизму и монументальности группу людей. Скупость и вместе с тем выразительность жестов персонажей, обобщенный контур их фигур, замкнутость в себе, несомненно, навеяны и древней монолитной мексиканской скульптурой, и образами современных индейцев Мексики.

Совсем иначе строит Ороско композицию фрески «Революционеры», пересекая стену диагональю идущих слева направо фигур солдат и солдаток — «солдадерас». Только участник революционных событий и обладающий очень зорким видением художник мог с такой удивительной глубиной передать собирательный образ мексиканских солдат революции. По сухой, опаленной зноем земле уходят от зрителя в глубь фрески фигуры трех революционеров и двух «солдадерас». Усталость и вместе с тем негибамость чувствуется в их чуть сутулившись спинах, в жесте протянутых вперед рук отставшей «солдадеры» с привязанным за спиной ребенком. Вера в мексиканцев, в их силу и стойкость наполняет эту работу Ороско.

В ранних произведениях мастера героем еще является сам народ, в то время как в более поздних фресках все более отчетливо начинает звучать тема противопоставления страдающего во имя людей героя и слабой, безвольной толпы. Признаки будущего экспрессионизма Ороско прослеживаются уже в самых последних фресках Препаратории — в переписанной после разрушения «Троице» (первый этаж) и «Цивилизации индейцев» (лестничный пролет). Вместо ясного, уравновешенного отношения художника к действительности, которое выступает перед зрителем в рассмотренных произведениях, здесь возникает экспрессивность,

Х. К. Ороско. Революционеры. Фреска, 1926—1927. Галерея Большого двора Национальной подготовительной школы. III этаж

свидетельствующая о болезненно остром восприятии окружающей жизни. Все чаще у художника появляются ломаные линии, резкая игра света и тени, срезанные диагонали, что особенно заметно на фреске «Прометей», которую Ороско создал в 1930 г. для Памона-колледжа в Клермонте, США, где он пробыл с 1927 по 1934 г.

Мастер не случайно выбирает для своей фрески древнегреческий миф о герое-титане, давшем человечеству огонь. Его образ становится для Ороско символом идеи, потеряв которую, люди превращаются в безликую, безумную толпу. Образ Прометея, сначала прикованного по приказу Зевса к скале, а затем приговоренного к забвению и свергнутого в мрачный Тартар, занимает главенствующее, довлеющее место в композиции. Могучий титан безуспешно силится раздвинуть свод нависших над ним скал, фигурки потерявших огонь людей в панике мечутся, взывая к помощи Прометея. В этом произведении Ороско, несомненно,

Х. К. Ороско. Прометей. Фреска. 1930. Помона-колледж. США

отдал дань творчеству Эль Греко, особенно его работам последнего периода.

Еще большей экспрессией и отходом от мексиканской действительности, питавшей его ранние произведения, характеризуется роспись Ороско на куполе и сводах детского приюта Кабаньяс в Гвадалахаре (1938—1939). Фреска «Огненный человек» представляет собой замкнутую в кольцо купола композицию, где вокруг схваченного огнем человека по кругу несутся, отталкивая друг друга, фигуры, олицетворяющие собой стихии. Эта роспись является как бы естественным продолжением темы, начатой Ороско в «Прометее». Здесь мастер стремится, уйдя от литературного образа, средствами живописи создать ощущение борьбы и усилий, которые наполняют человеческую жизнь. Для того чтобы подчеркнуть суровость и неподвластность стихий, Ороско прибегает к наделению одного из образов чертами святых с византийских икон и фресок, которые, очевидно, поражали художника своей отрешенностью и вместе с тем непримиримостью к земному существованию. Возможно, именно этот период своего творчества имел в виду Ороско, когда говорил о присутствии христианской

Х. К. Ороско. Война. Черно-белая фреска. 1940. Библиотека Габино-Ортис в Хикильпане

иконографии в произведениях революционной монументальной живописи. Л. Жадова пишет: «...в росписях детского приюта находит самое грандиозное воплощение... идеал христианского обновления человеческого духа через мучения»¹¹.

Творчество Ороско, рожденное революцией, претерпело в своем развитии значительные метаморфозы — от гармоничных, цельных образов, созданных под непосредственным влиянием мексиканской природы, мексиканского народа, соединившего в себе индейские и испанские черты, древних памятников и народного искусства, художник пришел к образам дробным, болезненно-экспрессивным. Но основная черта Ороско — поиск наиболее выразительных средств для передачи борьбы, радостей и страданий человека — характеризует все его творчество. Надежда на силу человеческого разума проглядывает у художника даже в самых пессимистических и скорбных произведениях: «Война», черно-белая фреска (1940, Библиотека Габино-Ортис, Хикильпан); «Битва» (1940; там же).

В то время как Ороско и Сикейрос работали в Препаратории (1922—1924), Диего Ривера приступил к росписям стен Ми-

Д. Ривера. Смерть революционера. Фреска. 1923—1924. Министерство народного просвещения. Двор труда

нистерства народного просвещения. Решающим моментом его творчества стала поездка в 1922 г. по Мексике, во время которой перед художником во всей красоте предстала родная страна. Зарисовки рабочих и крестьян, сделанные им в поездке, легли в основу росписей Двора труда Министерства народного просвещения. Ривера с радостью обнаружил, что героями его фресок могут стать простые мексиканцы, а не отвлеченные символические образы. Художник увидел слаженность и выразительность движений рабочих, красоту местных типов людей, красочность национальной одежды. Особенное впечатление произвело на Риверу

Д. Ривера. Сельская школа. Фреска. 1923—1924. Министерство народного просвещения. Двор труда

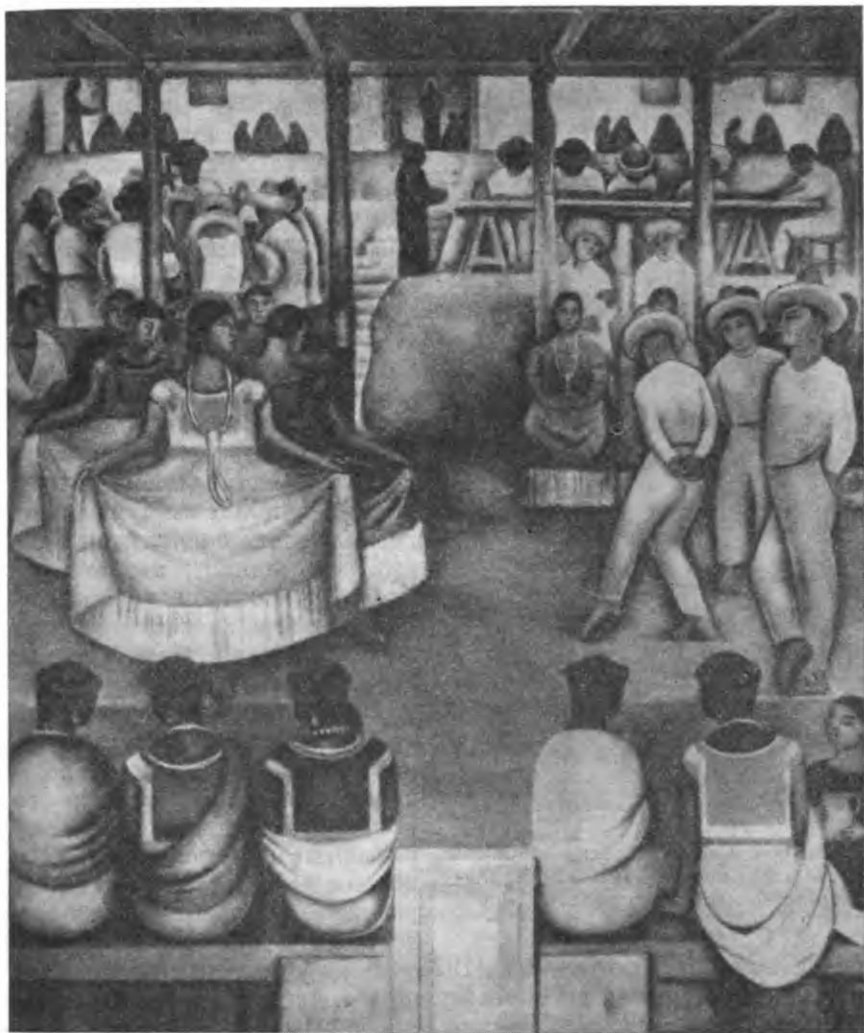
посещение Теуантепека. Художник, отсутствовавший в Мексике 15 лет, был захвачен необычайным колоритом жизни индейцев Теуантепека, буйством красок природы, отточенностью линий каждого предмета. Здесь он увидел, пишет Л. Осповат, «не варварское прошлое... нет, — безмятежное, гармоничное, классическое детство Америки, ее первобытный рай, память о котором пронесло через века искусство индейских народов»¹².

Созданные Риверой фрески Двора труда (1923—1924), Двора празднеств, цикл «Всеобщая песнь» в Министерстве народного просвещения (1926—1928) явились прямым следствием столкно-

Д. Ривера. Рабочие, спускающиеся в шахту. Фреска. 1923—1924. Министерство народного просвещения. Двор труда

вения художника с богатым прошлым и настоящим Мексики. Уже первые росписи Двора труда: «Рабочие, спускающиеся в шахту», «Обыск шахтера», «Смерть революционера», «Сельская школа», «Сахарный завод» — отражали активный интерес мастера к социальным аспектам мексиканской жизни, его революционный настрой. Ривера писал, что он мечтал стать организатором сознания масс, помощником в их сплочении и сделать все это своими фресками¹³. В росписях Двора труда Ривера наиболее полно

Д. Ривера. Танец в Теуантепек. Фреска. 1924—1925. Министерство народного просвещения. Двор праздников

и наиболее реалистично отразил дух послереволюционной Мексики. Его «Рабочие, спускающиеся в шахту» — это люди нового труда. Композиция фрески строится по кольцу, разомкнутому в центре, где виднеется уходящая в темноту фигура шахтера. Ритм спускающихся по ступеням с обеих сторон фигур рабочих с фонарями и инструментами — четок и непрерывен. В сравнении с росписями Ороско фрески Риверы менее монументальны. Ривера более скрупулезен в проработке деталей, формы его произведе-

Д. Ривера. Сапата. Фреска из цикла «Всеобщая песнь». 1926—1928. Министерство народного просвещения

ске «Танец в Теуантепеке» (1924—1925) и особенно во фресках цикла «Всеобщая песнь», посвященного истории революционной борьбы мексиканцев. В то время Ривера был увлечен идеей создания искусства, максимально доступного народу. Поэтому, когда ему казалось, что произведение недостаточно понятно, он прибегал к надписям. В ответ на критику художник приводил в пример Х. Г. Посаду, который не смущался «народностью» своих гравюр и делал надписи зачастую через весь графический лист.

Ривера отразил в своих произведениях «новый дух, который идентифицировал нацию с простыми людьми, чьими героями были массы неизвестных борцов против угнетения»¹⁴. Именно во фресках Риверы стала складываться новая иконография, в основе которой лежал образ индейцев и метисов. Идеализация индейцев стала мало-помалу приводить художника к полному отождествле-

ний отличаются меньшей обобщенностью. В своих фресках художник всегда больше тяготеет к рассказу, поэтому они доходчивее философских работ Ороско. Ривера насыщает композиции большим числом персонажей, создавая не одну, как обычно у Ороско, а несколько групп. Так, в реалистической фреске «Сельская школа» мастер на первом плане помещает группу учеников, сидящих на земле вокруг молодой учительницы, а на заднем — группу пахущих на лошадях крестьян; связующим звеном между этими двумя группами выступает фигура всадника с ружьем наперевес. Последний является и идейным центром произведения — от него зависят и мирная жизнь крестьян, и учеба детей.

Но если во фресках Двора труда еще существует пространство между отдельными группами персонажей, то в произведениях последних лет Ривера все чаще прибегает к ковровому развертыванию композиции, заполняя все пространство стены росписью по вертикали. Эта тенденция прослеживается во фре-

нию понятий «национального» и «индейского». Но если в ранних своих работах (Министерство промышленности; Аграрная школа в Чапинго) Ривера вводил в композицию органично переработанные народные мотивы, то во фресках Национального дворца в Мехико (1942—1946) он приходит к стилизации под древние росписи майя и ацтеков.

Диего Риверу современные исследователи Запада считают самым «мексиканским» из монументалистов. Развивая в статье «Метисское искусство?»¹⁵ концепцию о метисском характере части современного латиноамериканского искусства, разумея при этом под «метисским» соединение европейских и древнеиндейских изобразительных методов, известный мексиканский искусствовед Франсиско Стагни в качестве яркого примера приводит творчество Риверы. Особенно это касается его произведений, относящихся к «историческому» направлению.

Действительно, фрески Дворца Кортеса в Куэрнавাকে (1929) представляют собой качественно новое явление в мексиканской монументальной живописи даже по сравнению с более ранними работами самого Риверы. Если первая половина 20-х годов отмечена в творчестве каждого монументалиста революционной тематикой, то в конце 20-х годов у каждого из них появляется своя излюбленная тема: героико-философская у Ороско, интеллектуально-романтическая у Сикейросы, историческая у Риверы. Но у Риверы это не просто историческая хроникальность, а зачастую и обличительная сатира (мозаика и роспись фасада театра «Инсурхентес», 1951—1953, Мехико), и раздумья о выборе пути для народа («Человек на перепутье», фрески, 1936, Музей изящных искусств, Мехико).

Д. Ривера. Ночь богатей. Фреска из цикла «Всеобщая песнь». 1926—1928. Министерство народного просвещения

Д. Ривера. Асьенда колонизатора-помещика. Фрагмент. Фреска. 1929. Дворец Кортеса в Куэрнавাকে

Д. А. Сикейрос. Стихии. Энкастика. 1922—1923. Малый двор Национальной подготовительной школы

Д. А. Сикейрос. Крестьянская мать. Масло. 1929. Музей изящных искусств, Мехико

неиндейские достижения в области перспективы. В росписи «Асьенда помещика-колонизатора», где большую часть занимает изображение сельскохозяйственных работ индейцев под присмотром управляющих, Ривера использует ритмичность живописных композиций древних майя. Во фреске, изображающей порабощение индейцев конкистадорами, художник прибегает к урокам Брейгеля: это произведение перекликается с «Избиением младенцев в Вифлееме» нидерландского мастера.

В отличие от Ороско, с каждым годом все явственнее приходившего к теме противопоставления героя безликой человеческой толпе, Ривера, как справедливо замечает Л. Жадова, «от героя-человека все чаще переходит к герою-массе»¹⁶. В росписях Министерства народного просвещения, Агрономической школы в Чапинго и в значительной степени во дворце Кортеса в Куэрनावаке, Ривера еще выделяет образы героических личностей (например, образ Сапаты в Куэрनावаке). В 30-е годы роль личности художник уже рассматривает не как основную в процессе исторического развития общества, а лишь как руководящую. Поэтому и образы вождей революции (К. Маркс, В. И. Ленин) Ривера помещает среди народных масс (фрески первого цикла Национального дворца в Мехико, 1929—1935).

В 1940-е годы в творчестве Риверы большое место занимает декоративное начало. Наиболее характерным примером такого

Приступая к росписям созданного в XVI в. для Эрнана Кортеса дворца в Куэрनावаке, Ривера решил отобразить жестокую историю завоевания Мексики. Художник строит композиции фресок на противопоставлении чужеродности злой силы белых завоевателей и единения с природой законного хозяина мексиканской земли — индейца. Это противопоставление выступает в самом почерке Риверы, выбирающего для характеристики индейцев светлые тона и округлые, мягкие линии, в то время как «злодеев» он изображает одетыми в мрачные жесткие одежды, очерчивает их фигуры линиями резкими и заостренными. В этих фресках мастер разворачивает композицию по вертикали, успешно используя как европейские, так и древ-

рода являются росписи второго цикла Национального дворца в Мехико (1942—1946), названного Риверой «Жизнь и быт древней Мексики». Создание их потребовало от художника пристального и глубокого изучения росписей древних майя (Бонампак). Цикл «Жизнь и быт древней Мексики» выполнен Риверой с максимальным привлечением древнемексиканского материала. Мастер намеренно прибегает к плоскостным изображениям, частично используя древнемексиканские растительные мотивы.

Усилившееся стремление к декоративности заставило Риверу обратиться к синтезу искусств. В это время он начинает с увлечением заниматься украшением фасадов. В 1952 г. художник создает мозаичные барельефы для арены стадиона Университетского городка в Мехико, где прослеживает историю мексиканского спорта от древних до современных игр. В следующем году Ривера украшает фасад театра «Инсурхентес» композицией, сочетающей технику фрески с мозаикой, наиболее пригодной для существования на открытом воздухе.

Все свое творчество Ривера посвятил прежде всего служению мексиканскому народу. Ему в большой степени обязана современная Мексика интересом всего мира к искусству майя и ацтеков, к народному творчеству мексиканцев, к их фольклору. Революционное предназначение монументальной живописи Ривера видел в обращении к народу, в выражении его надежд и чаяний.

В начале 20-х годов Давид Альфаро Сикейрос приступил к росписи Малого двора Препаратории. Но из созданных им здесь произведений сохранилось лишь незначительное число. Как мы уже говорили, летом 1924 г. реакционеры разрушили росписи, и Сикейрос больше туда не возвращался. Неиспорченными оказались уже называвшаяся роспись «Стихий» (энкаустика, фреска «Призыв к свободе» и некоторые другие. В этих своих первых работах (кроме «Стихий») Сикейрос значительное внимание уделяет индейскому началу. Но уже здесь на первый план выступают те черты, которые в дальнейшем будут доминировать в творчестве мастера, — динамизм композиции и фиксирование внимания зрителя на руках. Руки становятся у Сикейроса главным идейным центром монументальных и станковых произведе-

Д. А. Сикейрос. Портрет девочки.
Пироксилн. 1935

Д. А. Сикейрос. Рыдание. Пироксин. 1939

ний. В них художник видел реальную силу человека-борца, человека-созидателя.

Вся жизнь Сикейроса была посвящена активной политической борьбе, и живопись входила в нее неотъемлемой составной частью. С 13 лет художник связал свою жизнь с революцией. Через нее он приходит в начале 20-х годов в компартию, становится организатором и лидером революционного профсоюзного движения; в 30-е годы избирается президентом Национальной лиги борьбы против фашизма и войны, сражается на стороне испанских республиканцев; в 50-е годы на некоторое время становится секретарем ЦК Мексиканской компартии.

Честный, бескомпромиссный человек, всегда боровшийся с косностью и филистерством, Сикейрос и в живописи отстаивал новаторские принципы: искал для выражения своих идей наиболее современные формы, экспериментировал с краской и техникой нанесения ее на стену.

Большинство авторов подчеркивает, что огромное значение для Сикейроса имело его знакомство с Сергеем Эйзенштейном, которое состоялось в 1930 г. в г. Таско. Эйзенштейн снимал здесь кадры своего фильма о Мексике, а Сикейрос отбывал ссылку за участие в первомайской демонстрации. Влияние советского кинорежиссера на мексиканского художника сказалось прежде всего в смелых поисках новых форм, призванных отразить социальную суть искусства. Одна из самых значительных росписей, созданных Сикейросом в 30-е годы, — роспись здания профсоюза электриков в Мехико (1939). Сложная динамическая композиция охватывает зрителя буквально со всех сторон, заставляя его быть активным участником изображенных событий. Известно, что роспись была создана вскоре после возвращения художника из Испании. Она должна была стать обвинительным актом фашизму, жестокости войны. Действительно, при

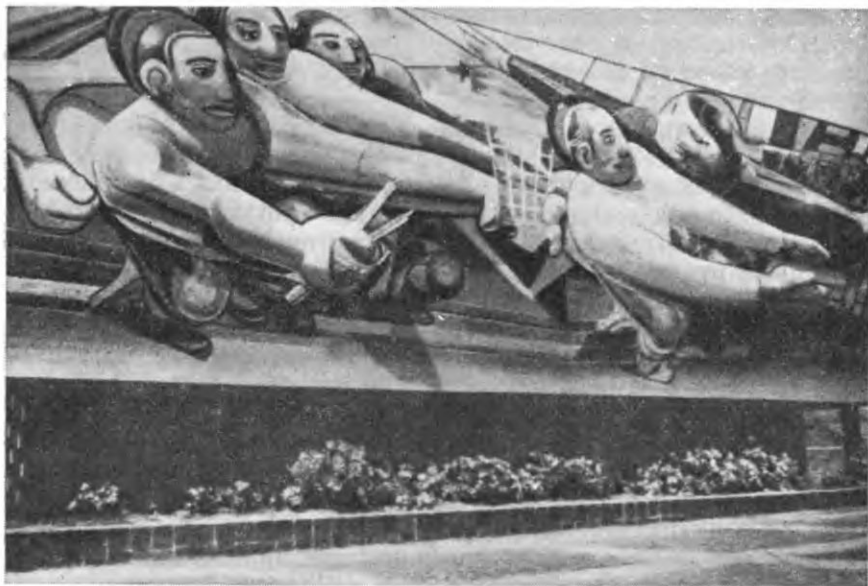
Д. А. Сикейрос. Автопортрет. Пироксилин. 1943. Музей изящных искусств, Мехико

взгляде на роспись зрителя охватывает ужас: как в кошмарном сне, на него надвигаются чудовища в противогазах, льется кровь, сверкают сталью дула пистолетов и винтовок, горят дома, как страшные птицы, кружат самолеты. Произведение находится на грани реализма и сюрреализма, образы реальности смешиваются здесь с жуткими полубредовыми видениями. Жестокость гражданской войны в Испании, поражение республиканцев, наступление фашизма в Европе вызвали к жизни это произведение художника.

Сикейрос создал в 30-е годы меньше росписей, чем его коллеги Ривера и Ороско. В то время он целиком отдавался общественной деятельности и свои эмоции выражал главным образом в станковых картинах, которые характеризуются монументальностью, динамизмом, выбором неожиданных приемов. Таково «Рыдание», созданное Сикейросом в 1939 г. Глубина отчаяния сконцентрирована художником в руках, полностью закрывающих лицо человека. Эти сильные руки с побелевшими от боли костяшками пальцев, сжатые в кулаки, по-новому, необычайно образно пе-

Д. А. Сикейрос. Новая демократия. Пироксилин. 1944. Музей изящных искусств, Мехико

Д. А. Сикейрос. Композиция на здании Ректората в Университетском городке. Фрагмент. Комбинированная техника высокого рельефа, живописи, мозаики из естественного камня, керамики и металлических плиток. 1952—1956

Д. А. Сикейрос. Социальное обеспечение рабочих при капитализме и социализме. Фрагмент. Политекс. 1952—1954. Вестибюль в госпитале Де ла Раса

редают состояние человеческого горя. Наряду с лицом не меньшую роль играет рука и в «Автопортрете» (пироксилин, 1943, Музей изящных искусств, Мехико): выброшенная вперед и намеренно значительно увеличенная в объеме, она как бы призывает к действию.

Руки в работах Сикейроса являются олицетворением могучей силы человека труда. Образ рабочего характеризует все творчество художника, его чертами наделены аллегорические и символические произведения мастера. В росписи (пироксилин) для Музея изящных искусств в Мехико, начатой в 1944 г. и оконченной в 50-е годы, Сикейрос передает образ «Новой демократии» через изображение могучего обнаженного женского торса с протянутыми вперед мощными руками, силящимися разорвать сковывающие их цепи. Созданная сразу же после второй мировой войны, эта роспись была символом нарождающейся после победы над фашизмом новой демократии.

К сожалению, иногда мастеру не удается воплотить свой замысел в доступных народу образах. Чрезмерная усложненность изобразительного языка, не всегда оправданный динамизм композиции рожают произведения очень выразительные, но рассчитанные только на подготовленного зрителя. Тем самым росписи Сикейроса подчас теряют свое основное назначение — обращение к широким народным массам. Наиболее показательна в этом отношении роспись Онкологического института Медицинского центра в Мехико, озаглавленная художником «Апология победы медицины над раком» (1958; пироксилин). Тема борьбы с губительной болезнью, проклятьем нависшей над человечеством, трактуется Сикейросом весьма мрачно и пессимистично. Если еще вполне оправданными можно считать росписи мастера на здании Министерства финансов (1946, Мехико), названные им «Реакция и реакционеры», где в монументальных образах словно оживают персонажи гойевской графической серии «Капричос», то в росписях вестибюля Онкологического института использование зловещих оттенков вряд ли правомерно. «Мы содрогнулись, когда вошли туда,— пишет Л. Жадова.— Сразу подумалось о тех бедных больных, которые, попадая на лечение в это учреждение, должны пройти через это помещение. Невеселые, больше того, мрачные мысли вызывает роспись, расположенная сплошным фризом на трех стенах интерьера (четвертый представляет собой стеклянную стенку)... Огромный поток фигур, составляющих сцены гибели людей от страшной болезни и затем борьбы их с зловещими возбудителями этого недуга, проникнут безграничной, почти стихийной драматической силой. Мрачные изображения так и обрушиваются на зрителя и страшным грузом ложатся на него»¹⁷.

Капиталистическая действительность и порождаемые ею ужасы, обличителем которых Сикейрос последовательно выступал в

течение всей жизни, наложили отпечаток даже на такого стойкого художника, как он. С течением времени мастер все больше и больше усложняет язык своих произведений; порой экспериментирование становится самоцелью. Сикейроса занимают проблемы синтеза искусств. Начатые им в 50-е годы поиски в области синтетических композиций (здание ректората) привели художника к созданию в конце жизни сложного архитектурно-скульптурно-живописного комплекса «Полифорум», расположенного в одном из парков Мехико. Здесь усложненность изобразительного языка, многогранность и запутанность форм доведены до такого предела, что без длительного объяснения это произведение не сможет понять ни один зритель.

Но наряду с такими работами в последние годы жизни Сикейросом был создан и ряд гармоничных росписей, воплощающих веру художника в возможность торжества на земле идей гуманизма. К ним относятся росписи госпиталя Де ла Раса («Социальное обеспечение рабочих при капитализме и социализме», политекс, 1952—1954) и Музея национальной истории в Чапультепеке («Мексиканская революция против диктатуры порфиризма», политекс, 1957—1960). В образах этих произведений Сикейроса восстают дух мексиканской революции, ее надежды и стремления.

С именем Сикейроса связано развитие монументального искусства высокого идейного содержания, романтизация образа современного человека труда. Его живопись всегда стремилась к выражению не столько чисто национальных идей, сколько идей универсальных, общечеловеческих.

Искусство трех великих мексиканских мастеров, рожденное революцией, продолжает служить человечеству своей убежденностью в правоте гуманистических идеалов, активным отношением к жизни, умением образно и красочно отображать окружающую действительность. В сложной политической обстановке современной Латинской Америки искусство ведущих мастеров мексиканской монументальной живописи является эффективным средством борьбы прогрессивных сил с реакцией.

¹ Впервые этот термин был употреблен доктором Атлем (Херардо Мурильо) в статье «Мексиканское возрождение», вышедшей летом 1923 г.

² Franco J. The Modern Culture of Latin America. Society and the Artist. London, 1967, p. 142.

³ Stastny F. Un arte mestizo? — In: America Latina en sus artes. México, 1974, p. 167.

⁴ Калаверас — типично мексиканские образы, порожденные веро-

ванием древних индейцев, главным образом ацтеков, для которых смерть была частью жизни.

⁵ См.: Жадова Л. А. Монументальная живопись Мексики. М.: Искусство, 1965, с. 10; Основа Л. С. Диего Ривера. М.: Молодая гвардия, 1969, с. 65—68.

⁶ Yurkievich S. El arte de una sociedad en transformación. — In: América Latina en sus artes, p. 176.

⁷ Franco J. The Modern Culture..., p. 75.

- ⁸ Первые мексиканские росписи выполнены в технике энкаустики (темпера на воске), переход к фреске осуществлен позднее.
- ⁹ Цит. по: Жадова Л. А. Монумен- тальная живопись Мексики, с. 91.
- ¹⁰ Orozco J. C. *New World, New Races and New Art*. N. Y., 1948, p. 42—43.
- ¹¹ Жадова Л. А. Монументальная живопись Мексики, с. 48—49.
- ¹² *Oswald L. C. Диего Ривера*, с. 199.
- ¹³ Franco J. *The Modern Culture...*, p. 76.
- ¹⁴ Franco J. *The Modern Culture...*, p. 76.
- ¹⁵ Stastny F. *Un arte...*, p. 167.
- ¹⁶ Жадова Л. А. Монументальная живопись Мексики, с. 67.
- ¹⁷ Жадова Л. А. Монументальная живопись Мексики, с. 99.

Архитектура Мексики

(краткий исторический очерк)

История архитектуры на территории Мексики насчитывает более 4000 лет¹. Охватить столь большой период в одной статье, естественно, невозможно, к тому же отдельные этапы развития мексиканской архитектуры получили освещение и детальную разработку в ряде серьезных советских исследований². Поэтому мы обратим внимание на те стороны архитектуры Мексики, которые представляются наиболее важными для выявления ее специфики и национального своеобразия, и намеренно слегка коснемся этапов, связанных с прямым подражанием европейским течениям.

Понятие «национальная», и это справедливо, обычно относят к латиноамериканской культуре XIX—XX вв. — времени становления наций. Но уже в колониальный период были заложены основы, подготовившие расцвет национальных культур всех стран Латинской Америки, и в первую очередь Мексики.

У сменявших одна другую культур, существовавших на территории, занимаемой современной Мексикой, до прихода испанцев, несмотря на определенные различия, понимание архитектуры было практически единым. Эта местная концепция в основе своей отличалась от европейской, привезенной испанскими конкистадорами. Различия между мезоамериканской и европейской архитектурными концепциями коренились в разном мировосприятии двух вступивших в борьбу этнических групп. Из борьбы двух миров победителем вышла Европа в лице Испании. Соответственно одержала победу и европейская концепция архитектуры, нашедшая наиболее яркое отражение в сакральном зодчестве. Вместо многоступенчатых, поднятых на высокие стилобаты с венчающими их храмами пирамид тольтеков, майя, ацтеков с невиданной для самой Европы стремительностью вырастали по всей Мексике³ новые по духу храмы. Католическое духовенство строило такие монастыри, в которых видело для себя опору двоякого рода: в случае надобности они выполняли роль крепостей и одновременно являлись центрами распространения христианства. Возводились они в основном в XVI в. в так называемых «индейских» местах обитания. Католические монастыри и храмы часто вырастали на месте прежних индейских святилищ, как бы лишняя раз демонстрируя полную победу христианского вероучения над «дикими» верованиями туземцев⁴. Однако, как пишет известный мексиканский поэт Октавио Пас, «во многих случаях католицизм является только внешним, прикрытием древних космогонических верований»⁵. Старые местные традиции продолжали бороться, испод-

воль проникая в новую культуру. Все это не могло не найти отражения в архитектуре.

Уже в начале колониального периода в Мексике стал складываться свой вариант европейской архитектуры. Особенно своеобразной была культовая архитектура «индейских» областей. Известно, что, несмотря на жестокость насильственного обращения индейцев в христианство, католическая церковь вынуждена была приспособливаться к местным обычаям, чтобы ускорить и обезболить процесс покорения и колонизации. Этим объясняется появление внешних монастырских дворов — атриев, в которых сооружались специальные открытые «индейские» капеллы (в какой-то степени атриии были сродни дворам перед доиспанскими святилищами). Сам католический храм в своем испанском варианте на мексиканской земле претерпел ряд значительных изменений. Эрререск и платереск — течения, распространенные в XVI в. в Испании, были, по существу, средневековой архитектурой. Идеи Ренессанса мало затронули испанское зодчество. В тех случаях, когда мексиканские соборы и церкви строились под руководством испанских архитекторов (это касается главным образом районов обитания испанцев), они повторяли с небольшими вариациями сакральные постройки метрополии. Но чаще храмы, создаваемые в Мексике, уходили довольно далеко от своего прообраза — испанского храма. В большинстве случаев местные зодчие не понимали принципа готической конструкции сводов: они применяли свод ложный, образованный выступающими одна над другой плитами перекрытия (аналогичный ложный свод мы встречаем в крито-микенской архитектуре). Ребра нервюр были всего лишь имитацией конструкции, декором. Уже в этом кроется принципиальное отличие колониальной мексиканской архитектуры от европейской — частая подмена конструкции декорацией.

Вся история архитектуры Мексики с древнейших времен до современности отмечена тяготением к декоративности, что особенно сказалось в решении фасадов зданий. «При декоративном членении фасад ведет существование как бы независимое от скрытого им пространства»⁶. Эта декоративность сказывается в полихромии, столь излюбленной как индейцами, так и испанцами, но, пожалуй, больше всего в декоре, прихотливо членящем массивные, с редкими окнами плоскости стен.

Многие ученые подчеркивали вклад, который внесли индейцы в архитектурный декор колониальной Латинской Америки. Этому вопросу посвятил отдельное исследование крупнейший бразильский архитектор XX в. Оскар Нимейер⁷. Действительно, стремление к декоративности — отличительная черта доиспанской архитектуры Мексики.

Но к декоративности тяготела и испанская архитектура, что было вызвано тесным контактом испанской культуры с культурой арабской. Вспомним, что Испания лишь незадолго до завоевания

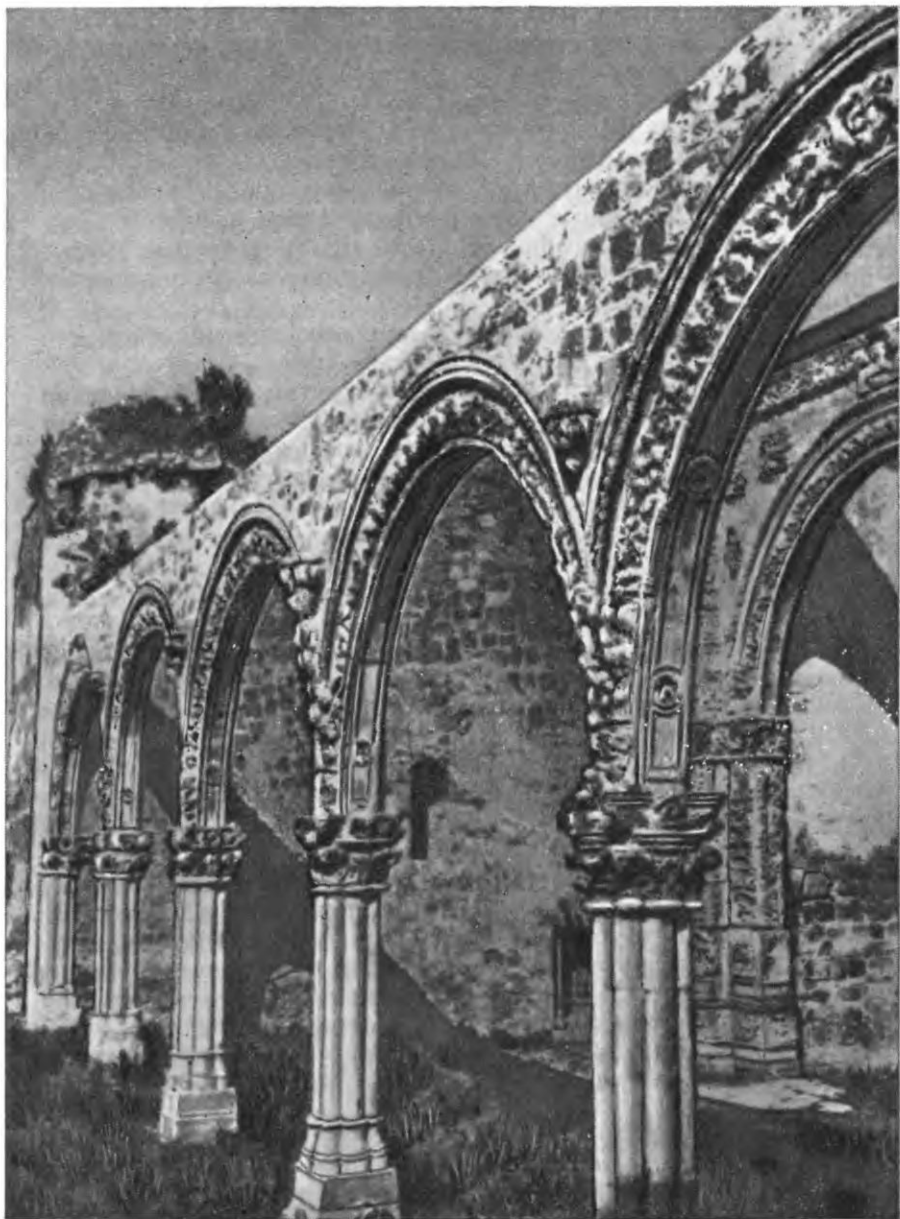
Америки окончила реконкисту. Под влиянием арабской архитектуры возникли мудехар и платереск — направления, отличающиеся повышенной декоративностью, в которых последняя приобретает порой самодовлеющую роль (Альгамбра, Алькасар — мудехар, XV в.). Мотив фасада в идеальной европейской архитектуре всегда отвечает внутреннему пространству. Однако и в мудехаре, и в платереске это соподчинение нарушено. В первом случае фасад дробится резным плетеным орнаментом, во втором — архитектурным декором, сконцентрированным в основном вокруг портала, но иногда появляющимся неожиданно на глухой поверхности стены.

Перед доиспанскими зодчими задачи соподчинения внешнего облика здания его внутренней структуре просто не стояло, так как ритуалы совершались на открытом воздухе. Идея отдельной личности, находящей утешение и обретающей единение с богом внутри храма, была чужда мезоамериканским культурам. Поэтому если в мудехаре и особенно в платереске декор продолжает оставаться архитектурным, т. е. нести ордерную нагрузку и таким образом отвечать основной тенденции развития внутреннего пространства, то в доиспанском зодчестве декор не был в прямом смысле архитектурным. В докортесовой Мексике большую роль играл синтез искусств — архитектуры, скульптуры, живописи. Эта традиция в какой-то мере питала колониальное искусство и вновь ожила в XX в.

Уже в «Капелле для индейцев» монастыря в Тлалманалько (около 1560), где декор заполняет собой все пространство, стремясь разбить конструкцию колонн, заметна тенденция к декоративности, к подмене элементов архитектурного ордера скульптурой. Еще нагляднее это стремление выступает в фасаде церкви монастыря Сан Пабло в Юрирьяпундаро (1550—1566), намечающем, как справедливо пишет Е. И. Кириченко, «путь, по которому предстояло развиваться колониальной архитектуре Новой Испании. Это был путь увеличения декоративного начала в архитектуре, укрупнения размеров украшаемых плоскостей, превращения архитектурных форм в разновидность орнаментальной скульптуры, увеличения числа и дробности архитектурных деталей»⁸. Но своего апогея «декоративистская» тенденция в архитектуре Мексики достигает к XVIII в. — золотому веку колониального строительства.

Европейское барокко, тяготевшее к декоративности, с его выпуклостью объемов, использованием лепнины оказалось близким душе мексиканца. Архитектура мексиканского барокко насчитывает около 8000 памятников. В среднем в XVIII в. в стране строилась одна церковь в неделю⁹. Благодаря усилению в культуре светского начала увеличилось и гражданское строительство.

В так называемом мексиканском ультрабарокко воедино слились традиции европейские и индейские, заново ожили здесь и

«Капелла для индейцев» монастыря в Тлалманалько. Около 1560

Церковь монастыря Сан Пабло в Юриьяпундаро. 1550—1566. Портал

черты арабской архитектуры¹⁰, характерные для зодчества Испании XIV—XV вв., но почти не встречавшиеся в ее архитектуре XVII—XVIII вв. Внутренний дворик дома графа Риверы в Керетаро (конец XVIII в.) со своими арабесками, звездчатыми и многолопастными арками, «сталактитами» перекликается с внутренним двором Алькасара.

Европейское, главным образом итальянское, барокко, пронизанное беспокойством,— реакция на статику Ренессанса. Это изменение как внешней оболочки сооружений, так и их внутренней конструкции. В самой Испании барокко развилось из готической архитектуры, практически минуя Ренессанс. Но для него, так же как и для итальянского барокко, характерен динамизм самой композиции; в Мексике же архитектура в основе своей так и оставалась средневековой. Мексиканское барокко в противовес европейскому заостряет внимание в основном на внешних проявлениях последнего, на его стремлении «создать имитацию... глубины»¹¹ путем использования рельефного декора. В отличие от динамических, организующих пространство композиций зданий европейского барокко здесь мы встречаемся с неизменной композиционной статикой, скрытой ультрабарочным декором. Зачастую за барочными фасадами мексиканских построек XVIII в. скрыто совершенно чуждое им пространство, несмотря на ультрабарочное внутреннее убранство.

Принципы европейского барочного декора воскресили принципы декора докортесовой архитектуры. Вряд ли правомерно употреблять термин «барокко» при характеристике отдельных периодов неевропейских культур, но, пожалуй, действительно существует известная синонимическая близость между языком декора европейской барочной архитектуры и архитектуры доиспанской (в частности, майяской). Эта близость заключается в одном и том же столь характерном для обеих архитектур резком контрасте «между выступающими и углубленными частями каменной мозаики»¹², создающем игру светотени. Обе архитектуры пользовались одним и тем же методом пластического расчленения стены: накладыванием рельефа на ее плоскость. Противоположный метод, заключающийся во врезывании в толщу стены, «отнимании у нее последовательного ряда слоев»¹³, характерен для арабской архитектуры и ярко проявился в мудехаре.

В мексиканском барокко преобладал «пластичный» метод, но иногда зодчие совмещали оба. Характерным примером может служить собор в Сакатекасе. (1734—1752). Он, как и большинство мексиканских храмов, выполнен из красноватого камня, что само по себе создает декоративный эффект. Западный, главный фасад построен на контрасте гладких боковых частей и сплошь покрытой декором центральной части. Последняя значительно выступает вперед: кажется, она создана отдельно и приставлена к гладкой стене. В оформлении фасада собора в Сакатекасе зодчие

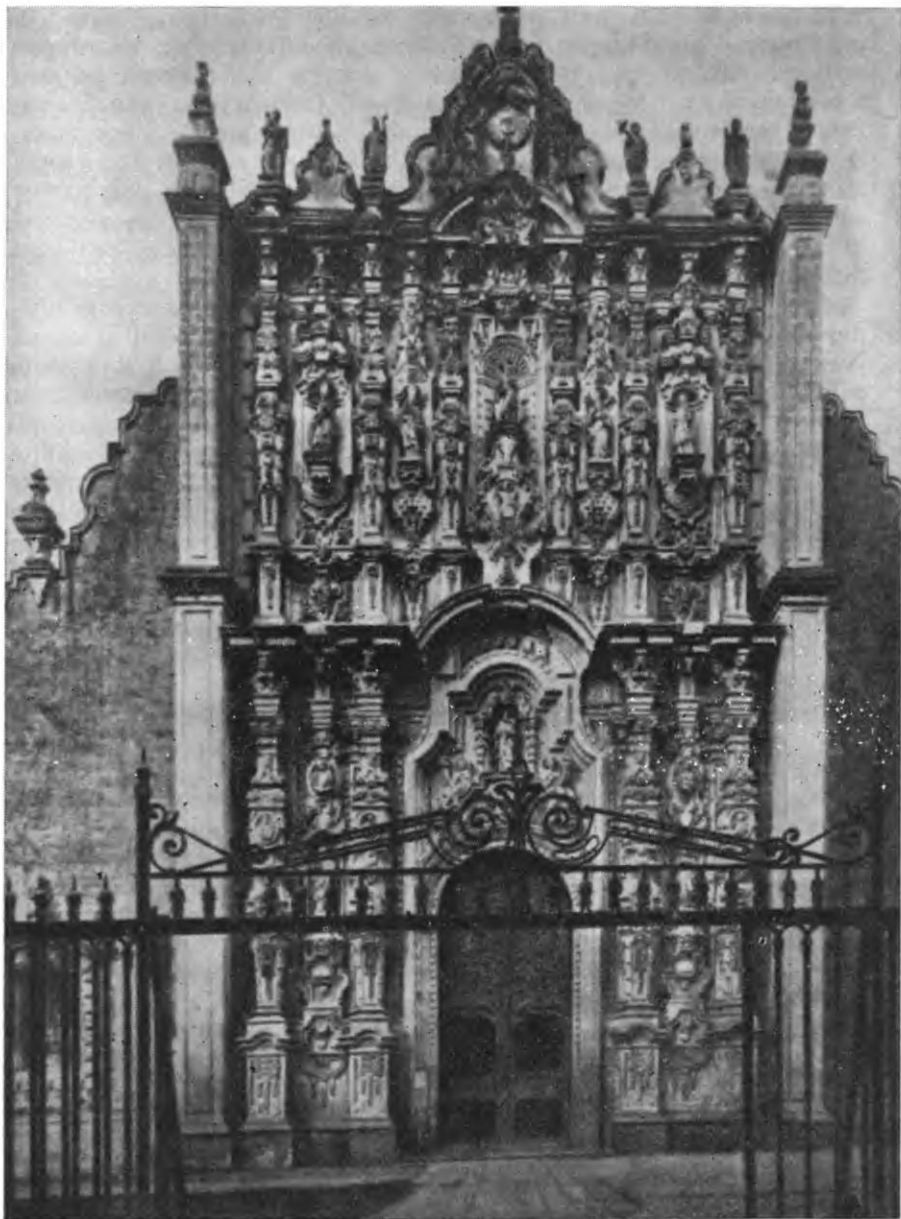
использовали элементы различных стилей: готическая роза соседствует с многолопастной арабской аркой портала; статичная круглая скульптура, помещенная в ниши, — с обильным резным орнаментом, в основном растительным. Характерная для испанского зодчества любовь к заполнению любой поверхности орнаментом доведена здесь до предела. Орнаментом покрыты как сами колонны, теряющие свою тектонику, так и пространства между ними. Орнаментальный декор этого и многих других храмов напоминает как вязь арабской архитектуры, так и низкие рельефы доиспанской.

В архитектуре столичной школы, до этого наиболее строго следовавшей за образцами зодчества метрополии, к 30—70-м годам XVIII в. декоративность также приобретает ведущий характер, в это время «ордер утрачивает всякое сходство с каноническими формами»¹⁴. Появляется эстипите — один из определяющих элементов мексиканского барокко. Возникший в Испании в конце XVII в. (его изобретатель архитектор Хосе Чурригера), где он применялся в мелких архитектурных формах, эстипите прочно вошел в большую архитектуру Мексики. Эстипите — это совокупность нанизанных друг на друга отдельных, разъятых элементов ордерной системы. Схематично его можно описать так: на высокую базу вершиной вниз помещена усеченная пирамида, на ней покоится куб, на нем вершиной вверх еще одна усеченная пирамида. Одно из первых сооружений, в оформлении фасада которого было применено эстипите, — церковь Сагарио Метрополитано (1749—1768, архитектор Лоренсо Родригес) в городе Мехико.

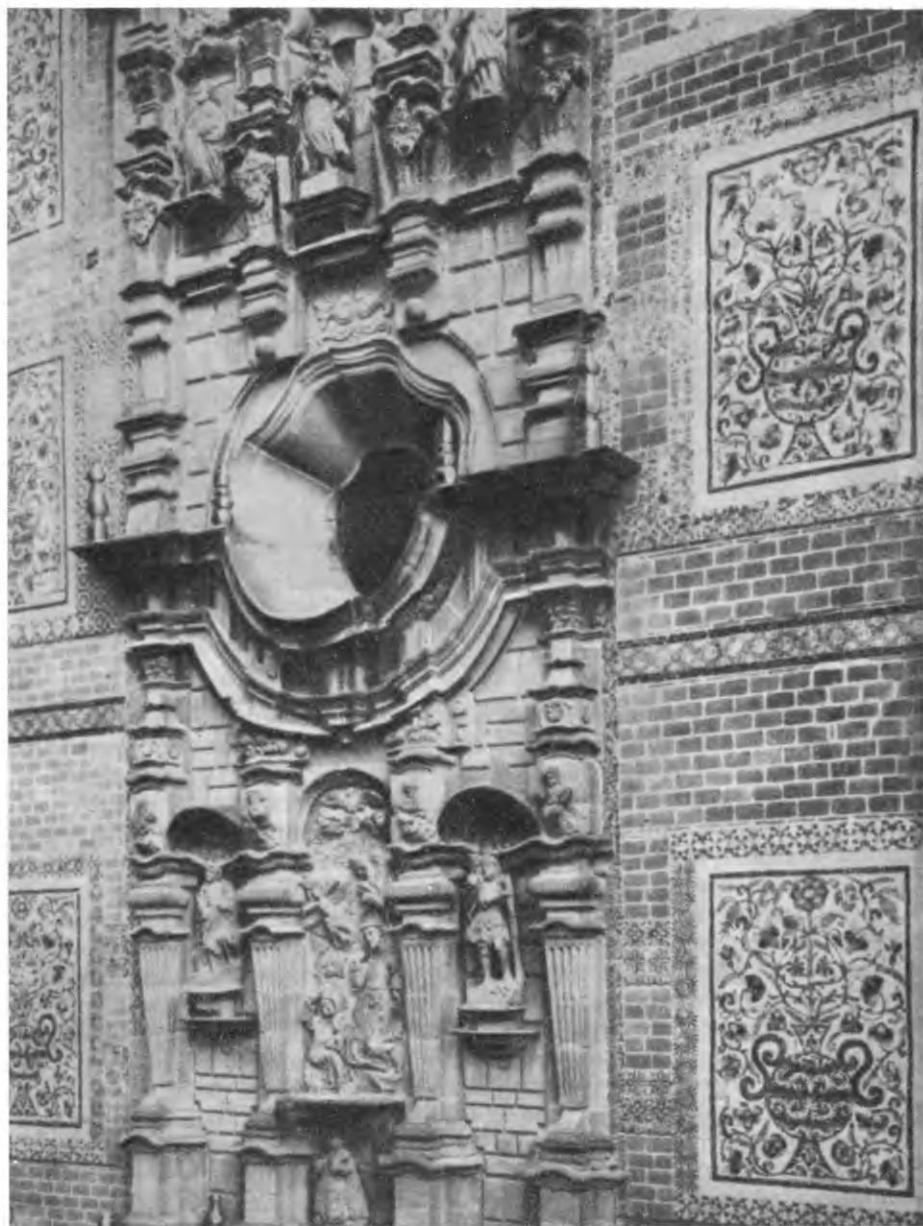
Из столицы эстипите быстро распространилось и по другим городам Мексики. В те же годы в Пуэбле была построена церковь Сан Франсиско (1743—1767), в которой эстипите применено в оформлении западного фасада. Эта церковь имеет еще одну характерную черту мексиканского декора XVIII в. — использование многоцветных изразцов. Особенно часто изразцовые панно встречаются в архитектуре Пуэблы, где они сохраняются вплоть до 30-х годов XIX в.

Вся гражданская архитектура XVIII в. очень декоративна: в ней широко применялись полихромия, лепной и резной декор.

К концу колониального периода барокко в Мексике вырождается, а затем и вовсе угасает. Его постепенно вытесняет классицизм, который становится доминирующим направлением в мексиканской архитектуре, особенно после завоевания Мексикой политической независимости от Испании. Молодые нации хотели быть вовлеченными в мировой исторический процесс, мечтали приобщиться к передовой европейской культуре, с которой у них ассоциировалась культура Франции. Весь XIX в. в Мексике — это стремление впитать в себя новейшие достижения Европы. Во второй половине XIX в. в мексиканской архитектуре доминиро-

Л. Родригес. Церковь Сагарио Метрополитано (ризница собора в Мехико).
1749—1768. Западный фасад

Церковь Сан Франциско в Пуэбле. 1743—1767. Фрагмент портала

Дом графа Риверы в Керетаро. Конец XVIII в. Внутренний двор

вала эклектика, которая в XX в. получила название «порфиризм» (по имени правящего в те годы диктатора Порфирио Диаса). В духе «порфиризма» было начато в 1904 г. строительство Дворца изящных искусств в Мехико, закончившееся лишь в 1934 г. В этом сооружении разностилье доведено до предела, совмещены явно несовместимые принципы — купольная композиция константинопольской св. Софии и помпезность парижской Гранд-Опера.

Эклектика была отличительной чертой всей латиноамериканской архитектуры конца XIX — начала XX в. Блестящую характеристику дал ей в романе «Превратности метода» знаменитый кубинский писатель Алехо Карпентьер: «И вот, задрав голову у какой-нибудь бесконечно высокой колонны, прохожий тщетно старался разглядеть чудеса ее ornamentации, оценить которые могли только ястребы да грифы. Люди знали, что где-то там, наверное, красуются гирлянды, рога изобилия, жезлы Меркурия или, того лучше, где-то над пятым этажом высятся целый греческий храм с конями Фидия и прочим, но об этом лишь знали, ибо сии королевские роскошества, все эти купола и украшения царили — город над городом — в сферах, недоступных взору... Люди, сами того не ведая, жили в новоявленных Ниневиях, в головокружительных Вестминстерах, в воздушных Трианонах с фигурными украшениями и бронзовыми скульптурами, которые ветшали, так и не успев войти в общение с народом, что там, внизу, сновал

меж портиков, аркад и колоннад, несших на себе всю тяжесть недоступных взору композиций»¹⁵.

Реакцией на эклектику было появление после революции 1910—1917 гг. неоколониального стиля и градиционализма. Поиски зодчими средств, способных отразить в архитектуре национальный характер, привели к копированию форм колониального и доиспанского зодчества. Наиболее ярким примером такого рода построек может служить библиотека «Сервантес» в Мехико, спроектированная строительным департаментом Министерства просвещения (1923 г.). В ее фасаде повторяются основные моменты барочной архитектуры Мексики: большие плоскости стен, группировка лешнины вокруг входа, напоминающего портал храма. Самым крупным представителем традиционализма был архитектор К. Обрегон Сантасилья (1896—1961), которому принадлежит проект построенной в 1923 г. школы «Бенито Хуарес».

С середины 20-х годов в значительной степени благодаря Синдикату художников, скульпторов и технических работников мексиканская архитектура обратилась к опыту Баухауза, к творчеству Ле Корбюзье, к советской архитектурной школе. Функционализм привлек многих мексиканских зодчих возможностью решить жилищно-социальные проблемы.

С этого времени отличительной чертой мексиканской архитектуры, как и всего изобразительного искусства, становится борьба двух тенденций — автохтонной и универсальной. Представители той и другой ставили целью создать национальную архитектуру, хотя и шли к ней разными путями. Одни черпали вдохновение в мексиканском архитектурном наследии; другие стремились, используя международный опыт строительства, исходить из климатических, природных, социальных особенностей страны. «Проблема национального в мексиканской архитектуре XX в., ставившаяся вполне последовательно, послужила основой ее своеобразия и в то же время порождала немало трудностей»¹⁶.

Дуализм мексиканской архитектуры нашего столетия нашел выражение в творчестве крупнейшего зодчего страны Х. о'Гормана. В конце 20—30-х годов он был ярким сторонником функционализма. В книге «Искусство «художественное» и искусство «утилитарное»» (1934) о'Горман начисто отрицает всякое взаимодействие архитектуры с другими видами изобразительного искусства; его девиз: архитектура — функция, а не декорация. Эта идея получила развитие в его проектах домов-студий для творческой интеллигенции в Мехико (1929—1930), Высшей школы техники и архитектуры (1932—1933) и др. Большое внимание в те годы о'Горман уделял строительству школ. Реализации его замыслов способствовало то, что он руководил строительным отделом Министерства просвещения. В начале 30-х годов по его проектам было построено двадцать школ только в окрестностях Мехико¹⁷. Это были типовые сооружения, но детально разработанные и об-

ладавшие эстетической выразительностью. Национальная любовь к декоративности сказалась в использовании архитектором полихромии: плоскости стен и видимые металлические конструкции окрашивались в контрастные цвета. В качестве конструкций о'Горман использовал железобетонный каркас.

Однако уже к 40-м годам о'Горман изменяет своим принципам: его увлекают монументальная живопись и мозаика, а также возможность использования их в синтезе с архитектурой. Этот этап поисков нашел отражение в здании Центральной библиотеки Национального университета в Мехико (1952), получившем большую известность. Оно представляет собой двухъярусную композицию — нижний распластанный двухэтажный ярус читальных залов и на нем значительно меньший по площади высокий массивный блок книгохранилища, покрытый мозаикой. В этом сооружении нашли применение обе тенденции мексиканской архитектуры XX в.: конструкция здания целиком отвечает выполняемой им функции, но в то же время вызывает аналогии с древней архитектурой. Книгохранилище ассоциируется с доиспанским храмом, помещенным на этажи читальных залов, служащих стилобатом. К доиспанскому зодчеству тяготеет и примененный здесь синтез архитектуры с мозаикой, выполненной в стилизованной под древнеамериканскую манере.

В 40—50-е годы в Мексике значительно возрос интерес к историческим стилям, что явилось реакцией на космополитизм архитектуры. Та же тенденция к автохтонности отмечается и в других видах изобразительного искусства, особенно в монументальной живописи. Однако не всегда поиски национального в наследии прошлого были успешны. Если в Центральной библиотеке синтез искусств осуществлен относительно удачно, то в построенном в 1956—1958 гг. о'Горманом собственном доме (Сан-Анхель, предместье Мехико) превалирует декоративистская тенденция. Фасад здания представляет собой нечто среднее между архитектурой и скульптурой.

За автохтонность архитектуры стал ратовать в 40-е годы и Диего Ривера. По его проекту в 1945 г. в окрестностях Мехико было начато строительство музея древнемексиканского искусства, который был назван автором «Апахуакальи» (пирамида). Здание, законченное после смерти Д. Риверы Х. о'Горманом, представляет собой массивное, малорасчлененное сооружение из огромных каменных блоков, воскрешающее в памяти пирамиды древней Мексики.

Историческими стилями в 40—60-е годы увлекались многие архитекторы, но чаще при создании индивидуальных жилых домов. Однако появлялись и общественные сооружения, стилизованные под то или иное историческое направление в архитектуре. Таков созданный в 1953 г. В. Уркунагой университет в Гуанахуато (в духе колониального барокко).

Ослабление функционализма к концу 30-х годов было вызвано тем, что эта архитектура ассоциировалась у новой буржуазии Мексики с революционностью, а потому наиболее прогрессивные зодчие не получали социальных заказов. Так обстояло дело, в частности, с Х. о'Горманом.

Но тем не менее школа функционализма все эти годы продолжала развиваться. Наиболее яркое выражение ее принципы получили в творчестве Х. Вильяграна Гарсиа, Х. Легарреты, Э. Яньеса, М. Пани.

Родоначальником функциональной архитектуры Мексики был Х. Вильягран Гарсиа. Одно из самых ранних его произведений, воплотившее новые принципы,— комплекс санитарно-эпидемиологической станции в Попотле близ Мехико (1925—1926), названный Институтом гигиены. Все расположенные на большой территории здания комплекса функционально связаны между собой, и каждое отвечает требованиям, предъявляемым к нему. Здесь же Вильяграном Гарсиа была впервые воплощена идея о так называемом минимальном рабочем жилище (домик привратника).

Х. Вильягран Гарсиа в течение многих лет последовательно развивал принципы функционализма и в теоретических работах, и в устных выступлениях, а главное, подтверждал все это на практике, создавая проекты и осуществляя их. Он был активным противником воскрешения исторических стилей, выступал против декора в архитектуре, считая, что сама конструкция должна нести в себе эстетическую выразительность. Проблема национального в архитектуре, по мнению Вильяграна Гарсиа, может быть решена не стилизаторством, а серьезным, углубленным изучением особенностей своей страны с учетом ее природы, климата, традиций, социальных потребностей. К постройкам Х. Вильяграна Гарсиа, в которых удачно сочетаются принципы международного функционализма и местные традиции, можно отнести хирургический корпус (1941) туберкулезного санатория (1929—1941) в Уипулько. Эта «открытая железобетонная этажерка, в которой достаточная изоляция больных сочетается с максимальным требуемым функцией воздухообменом»¹⁸, очень выразительна: конструктивное деление на секции создает эффект орнаментальной решетки. Как и о'Горман, Вильягран Гарсиа придавал большое значение типовым проектам. В 30—50-е годы им было построено множество больниц, школ, спортивных сооружений, магазинов, рынков.

Очень плодотворной в первую половину 30-х годов была деятельность Х. Легарреты, который видел в архитектуре средство для разрешения социальных конфликтов. Одной из первых его работ стал показательный одноквартирный дом для рабочих в Мехико, в квартале Перальвилю (1930). В 1930—1932 гг. он разработал проекты двух типов минимального рабочего жилища, которые легли в основу застройки нескольких рабочих кварталов

Мехико, в частности квартала Сан-Хасинто. За эти проекты в 1932 г. Легаррета получил первую премию в конкурсе на минимальное рабочее жилище. Типы проектов застройки отличались друг от друга соотношением многоквартирных блоков. «Тип 1» предполагал строчную застройку, «тип 2», к которому относится планировка квартала Сан-Хасинто, — пилообразную. Внешний облик домов при всей своей простоте отличается красивым решением: большие плоскости стен прорезаны лишь двумя, разными по величине в частых переплетах окнами. При их постройке архитектор исходил из учета национальных традиций и климатических особенностей страны (гладкие стены, редкие окна в переплетах, над ними — отбрасывающие тень навесы). Функциональная продуманность и эстетическая выразительность позволяют отнести постройки Х. Легарреты к лучшим произведениям этого направления.

Творчество Э. Яньеса, которому принадлежит проект здания Синдиката электриков в Мехико (1938), находилось в 30-е годы под значительным влиянием советской школы конструктивизма. Здание представляет собой целый комплекс учреждений, обслуживающих нужды профсоюза (правление, клуб, поликлиника, профсоюзная школа).

В начале 30-х годов примыкал к функционалистам и Л. Барраган, который впоследствии увлекся органической архитектурой Ф. Л. Райта. Органическая архитектура получила в Мексике широкое распространение. Из видных архитекторов наряду с Барраганом к ней обращаются К. Ласо, К. Тардити. Не забывая о функциональности, они уделяют большое внимание фактуре поверхностей, игре светотени, связи построек с окружающей средой. В 50-е годы Барраганом совместно со скульптором М. Геритсом в богатом районе Мехико Педрегаль был спланирован большой пейзажный парк.

В середине 30-х годов начинается деятельность М. Пани. Этот архитектор умело использует в своем творчестве все достижения международного стиля, не забывая о местных особенностях. Ему принадлежат проекты жилых районов Мехико «Президент Алеман» (1948—1950) и «Президент Хуарес» (1950—1952); вместе с Э. дель Мораль он проектировал комплекс университета в Мехико (1949—1953), здание аэропорта в Акапулько (1954). М. Пани и по сей день остается одним из ведущих архитекторов страны. Большая роль принадлежит ему в проектировании и строительстве городов-спутников Мехико (конец 50-х годов), в проектировании в зоне трущоб столицы нового крупного района Новоалько-Тлателолько (начало 60-х годов). В последние годы М. Пани руководит реконструкцией пограничных с США старых мексиканских городов, которая вызвана развитием туризма в Мексике.

Авенида «Пасео де ла Реформа»

Район Номоалько-Тлателолко демонстрирует новые веяния в мексиканской архитектуре. Чистый функционализм, бывший в течение многих лет передовым течением, становился понемногу догмой. К тому же он лишал архитекторов возможности фантазировать: роль зодчего была сведена к роли инженера-строителя. Талантливых архитекторов это не устраивало. В конце 50-х — начале 60-х годов международный стиль Мис ван дер Роэ уступил в Мексике место более «романтической» архитектуре. Архитекторы теперь намеренно старались скрыть функциональность зданий, воскрешая представление о зодчестве не только как о строительстве, но и как об изобразительном искусстве, для которого важна проблема образа и выражения. Вновь большую роль стала играть организация среды. В районе Номоалько-Тлателолко в результате археологических раскопок были обнаружены развалины доиспанской ступенчатой пирамиды Тлателолко. Рядом с ними помещалась барочная церковь. М. Пани при проектировании на этом месте Площади трех культур исходил из учета соотношения новой жилой и общественной застройки с памятниками культуры, стремясь не подавить их. Поэтому 24-этажную башню административного здания в форме треугольного клина

Башня «Латиноамерикана» со стороны парка «Аламеда»

(его высота 127 м — это самое высокое железобетонное сооружение Мексики) он поместил в другой части района на пересечении проспектов Инсурхентес и Ноноалько.

Из ведущих архитекторов Мексики последних десятилетий необходимо отметить Ф. Канделу, уроженца Испании, бежавшего от франкистского режима. Кандела обычно выступает в соавторстве с другими архитекторами, предоставляя им возможность делать общий проект, а сам проектирует покрытия. Он прославился своими тонкими оболочками в форме гиперболических параболоидов. Таковы параболический свод-оболочка лаборатории космических лучей Национального университета (1952; автор проекта архитектор Х. Гонсалес Рейна), восьмилепестковая розетка покрытия здания ресторана в предместье Мехико Сочимилко (1957; архитектор Альварес Ордоньес), перекрытия капеллы миссионеров (1955) и св. Винсента (1959) в Койоакане (в обоих случаях архитекторы Э. де ла Мора и Ф. Лопес Кармона) и множество других. Абсолютно самостоятельным произведением Ф. Канделы является церковь «Вирхен Милагроса» в Мехико (1953—1955), как бы воскрешающая традиции готики. В этом сооружении он демонстрирует неограниченные возможности железобетонных конструкций опор и перекрытий, способных создать не только функциональную, но и романтическую архитектуру.

Поиски мексиканских зодчих продолжаются. В последнее время в стране получили развитие необарочные тенденции, характерные для архитектуры большинства стран Запада. Необарокко, ярким примером которого в архитектуре страны является Антропологический музей в Мехико (1965), характерно в настоящее время для искусства Латинской Америки.

Мексиканская архитектура на всем протяжении истории отличалась своеобразием. Современные зодчие страны продолжают ее традиции, привнося в международный архитектурный стиль национальный колорит.

¹ 4000 años de arquitectura mexicana, México, 1956.

² Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л.: Наука, 1971; Кириченко Е. И. Три века искусства Латинской Америки. М.: Искусство, 1972; Полевой В. М. Искусство стран Латинской Америки. М.: Искусство, 1967; Стригалева А. А. Архитектура Мексики (после I мировой войны). — В кн.: Всеобщая история архитектуры. М.: Стройиздат, т. II, 1973. О доиспанской архитектуре см. статью В. И. Гуляева в настоящем сборнике.

³ В колониальное время Мексика была ядром вице-королевства Новая Испания, куда, помимо нее, входили современные Гватемала, Куба, Гаити.

⁴ Как известно, и майя, и ацтеки строили новые храмы на месте старых, часто заключая прежний в каменную оболочку, что затрудняет для современных исследователей их реконструкцию. Испанцы также нередко использовали остовы индейских сооружений (например церковь францисканского монастыря в Уэхотле, XVI в.).

- ⁵ *Пас О.* Лабиринт одиночества.— Курьер ЮНЕСКО, 1977, сент.
- ⁶ *Виппер Б. Р.* Статьи об искусстве. М.: Искусство, 1972, с. 436.
- ⁷ *Neumeyer O.* The Indian Contribution to Architectural Decoration in Spanish Colonial America. N. Y., 1948.
- ⁸ *Кириченко Е. И.* Три века..., с. 38.
- ⁹ 4000 años..., p. 86.
- ¹⁰ В армии конкистадоров было много мавров.
- ¹¹ *Виппер Б. Р.* Статьи об искусстве, с. 431.
- ¹² *Кинжалов Р. В.* Культура древних майя, с. 170.
- ¹³ *Виппер Б. Р.* Статьи об искусстве, с. 438.
- ¹⁴ *Кириченко Е. И.* Три века..., с. 54.
- ¹⁵ *Карпентьер А.* Превратности метода.— Иностранная литература, 1977, № 9, с. 79.
- ¹⁶ *Стригалева А. А.* Архитектура Мексики..., с. 577.
- ¹⁷ *Стригалева А. А.* Архитектура Мексики..., с. 581.
- ¹⁸ *Стригалева А. А.* Архитектура Мексики..., с. 579.

Мексиканский театр XX в.

Современный мексиканский театр — явление исключительно интересное и многообразное, в котором универсальные традиции мирового театрального искусства органически переплетаются с самобытными национальными чертами, генетически восходящими к ранним этапам мексиканской истории. Эта многовековая, богатая событиями эволюция мексиканского театра опровергает сложившееся в целом представление о латиноамериканском театре как об одном из самых молодых в мире, сформировавшемся лишь в нашем столетии. Если в отношении многих государств Латинской Америки такое утверждение справедливо, то Мексика, несомненно, принадлежит к числу тех счастливых исключений, без которых не обходится ни одно правило. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить ретроспективный взгляд на историю становления мексиканского театра, начало которой было положено еще в доколумбову эпоху. Краткий экскурс в историю театра Мексики является также необходимым условием для анализа его современного состояния, так как мексиканский театр XX века — это не только один из этапов длительной эволюции, но и закономерный итог предшествующего развития.

В многообразном комплексе явлений, образующем понятие «культура древней Мексики», важное место принадлежит театру. Длительное время роль этого компонента оставалась недооцененной, поскольку театр в силу своей специфики не мог оставить столь же вещественных доказательств своего величия, как, например, архитектура, строительство или прикладные науки. Свидетельства очевидцев, содержащиеся в литературных памятниках первых лет испанской колонизации, являются для последующих поколений фактически единственными источниками информации о театральной жизни доколумбовой Мексики. «Жаль, что мы не располагаем большим количеством данных для того, чтобы лучше познакомиться с этими примитивными театрами. Это могло бы иметь капитальное значение для интерпретации автохтонных культур», — пишет в книге «Театр Новой Испании» мексиканский исследователь Х. Р. Гарсидуэньяс¹. И все же в последние годы был сделан существенный шаг вперед по пути изучения театра древней Мексики. Группе современных мексиканских исследователей принадлежит заслуга воссоздания на основе этих немногочисленных дошедших до нас материалов панорамы индейского театра периода начала конкисты.

Наибольшего развития театральное искусство достигло у народов двух ведущих культур древней Мексики — майя-киче и нахуа. Театрализованные представления, описания которых встречаются в хрониках первых лет испанской колонизации, уже в зачаточном состоянии содержали в себе тот синтез художественных жанров — драматургии, танца и музыки, из которого рождается театр. Возникновение театра было вызвано насущной потребностью в художественной форме наиболее адекватно выразить структуру поэтизированного общественного сознания индейцев, находившихся на достаточно высоком уровне культурного развития. Не случайно неизменной особенностью этих представлений являлись их исключительная красочность и поэтичность. Основными элементами реквизита были живые цветы и птицы самых ярких тонов, которые в сочетании с пестрыми костюмами исполнителей передавали все богатство красок окружающей природы.

У истоков индейского театра неизменно стоял танец, который постепенно дополнялся элементами драматического действия, акробатики или цирка. Тематика танцев была чаще всего либо религиозной, либо военной и, таким образом, отражала две наиболее существенные стороны жизни индейских народов. По мере развития театральных представлений в них постепенно намечались два ведущих направления: одни представления носили торжественный, серьезный характер и в их основе лежали божественные или героические сюжеты; другие представляли собой своеобразные фарсы шутивого, комического содержания с более «земной» тематикой. Очень часто и те и другие являлись лишь импровизацией участников представления на конкретную тему. Однако в последнее время было доказано существование начальной литературы драматургического жанра. Особого внимания заслуживает дошедший до нас памятник древней индейской драматургии «Рабиналь Ачи», открытый в середине XIX в. французским аббатом Шарлем Этьеном Брассером. Увидев это представление, которое из века в век передавалось индейцами-майя от древних предков и существовало лишь в устной традиции, Брассер записал его текст на языке киче и впоследствии перевел на французский. Это была историческая драма, в которой большая роль отводилась музыке и танцам. Есть все основания предполагать, что, несмотря на позднюю запись, пьеса сохранила чистоту и близость к оригиналу. Это объясняется достаточной изоляцией индейцев майя-киче, проживавших в маленьком городке Рабиналь. Пьеса содержала эпизоды из индейской жизни и имела около ста действующих лиц, представлявших собой все ступени индейской социальной иерархии. Сюжетно она была скреплена образом центрального персонажа — победоносного воина, прозванного Рабиналь Ачи, что в переводе означало «воин из Рабиналя»,

Большого развития театральное искусство достигло и у народа нахуа. Оно имело много общего с театром майя-киче — та же тематика, те же жанры и формы. У тех и у других существовали места, специально отведенные для театрализованных представлений с музыкой и танцами. Произведения, исполнявшиеся на языках нахуатль и майя-киче, являлись анонимными, чаще всего их авторами были сами актеры.

Таким образом, испанцы, несшие свою культуру, столкнулись в Новом Свете с уже сложившимся духовным субстратом, который впоследствии оказал огромное воздействие на формирование мексиканской национальной культуры, в том числе и театра. Вместе с тем несомненный интерес индейцев к развитию этого вида искусства способствовал восприятию тех его форм, которые были распространены в метрополии и активно «экспортировались» в новую колонию.

Бурное развитие театра Мексики в XX в. было, таким образом, предопределено его рано начавшейся историей. И индейский театр доколумбовой эпохи, и театр Испании периода завоевания Нового Света оказались достаточно развитыми, чтобы их последующие взаимодействие и взаимопроникновение дали существенные плоды.

К моменту начала колонизации Мексики в Испании существовали две основные разновидности театра — религиозный и светский. Первый рождался в лоне католической церкви и под ее непосредственным покровительством. Драмы, ставившиеся в храмах и монастырях, являлись как бы продолжением литургии. Их тематика зиждилась исключительно на догматах католической веры, а сюжеты черпались из библейского учения. Вскоре на этой основе возник весьма распространенный драматургический жанр, существующий и поныне, — так называемая теологическая драма («ауто сакраменталь»), в которой переплетаются библейские и схоластические компоненты. «Ауто сакраменталь» представляет собой более позднюю разновидность религиозного театра и «специфическое явление именно испанской литературы, которое за редкими исключениями, существовало только в ней»².

Наиболее распространенной тематикой пьес, писавшихся в рамках религиозной традиции, была рождественская и пасхальная. В дальнейшем содержание религиозной драматургии значительно расширяется и сам жанр постепенно эволюционирует в сторону театра более широкой, скорее морализаторской, нежели чисто религиозной, направленности. В это время создаются комедии и трагикомедии ярко выраженного дидактического характера. Так постепенно возникают жанры «моралидад» и «мистериос». В «моралидад» преобладают дидактическо-воспитательные мотивы, а в «мистериос» — аллегорические и мистические.

Параллельно с религиозным в средневековой Испании развивается и светский театр, в основе которого первоначально лежа-

ли традиции народного искусства. Наиболее ранней формой светского театра являлись сатирические фарсы, исполнявшиеся на карнавалах и других народных праздниках, а несколько позднее — и во дворцах знати.

В конце XV в. утверждается жанр испанской комедии, родоначальником которого считается Хуан де Энсина, автор многих драматургических произведений, ставших впоследствии классическими. На рубеже XV и XVI вв. создается всемирно известная трагикомедия Тирсо де Молина «Селестина», вошедшая в золотой фонд мировой драматургии. Успешно работает в те годы в жанре комедии другой видный испанский драматург — Лопе де Руэда.

Расцвет светского театра привел к развитию профессии актера. К середине XVI в. в Испании уже существовало несколько постоянных трупп с актерами-профессионалами. В репертуаре этих трупп были произведения самых различных жанров: комедии, трагедии, фарсы, ауто, энтресесы (интермедии, одноактные пьесы) и др. Спектакли исполняли чаще всего на открытых площадках какого-нибудь патио, в котором для публики ставили деревянные скамейки, а иногда зрителям приходилось стоять. К концу XVI в. стали возникать постоянные места для подобных представителей — так называемые корралес.

Из синтеза двух, столь непохожих друг на друга культур и предстояло в дальнейшем сформироваться мексиканскому театру. В первые годы существования колонии Новая Испания отношения между местными и привнесенными формами театрального искусства носили ярко выраженный антагонистический характер. С одной стороны, индейцы стремились скрыть от колонизаторов как от врагов свое искусство и связанные с ним религиозные церемонии; с другой — испанские миссионеры преследовали всяческие проявления автохтонной культуры, видя в них одну из помех для успешного осуществления колонизации. И все же индейское искусство оказалось достаточно сильным, чтобы противостоять разрушительным силам и сохранить свою самостоятельность. Символично, что первой театральной постановкой Новой Испании было представление о конце света на языке нахуатль в исполнении индейских актеров. Оно уже несло в себе сплав двух культур: европейской и индейской — европейское содержание (в основу был положен один из основополагающих догматов христианства о конце света) и индейскую форму. Вслед за этой постановкой появились другие, построенные по тому же образцу, в которых католическая тематика преподносилась на доступном местному населению языке и в привычной для него художественной форме. Так возникло целое направление — «театр евангелизации», призванный сыграть существенную роль в процессе обращения местного населения в христианство.

Одновременно европейская культура насаждалась и в форме так называемого гуманистического театра, связанного с тради-

циями латинской культуры. Эту миссию взяли на себя прибывшие в Новую Испанию в 1572 г. иезуиты: студенты из Колехио де Сан Педро и Сан Пабло исполняли латинские пьесы в стихах и прозе. Представления неизменно носили риторический, морализаторский характер. В целом «гуманистический театр» не получил широкого распространения, практически так и не выйдя за стены иезуитских учебных заведений.

Гораздо больший интерес представляло то направление, которое вошло в историю мексиканского театра как «креольский театр». Он восходил к традициям испанской комедии, однако создавался мексиканскими авторами. Этот театр не только носил ярко выраженный светский характер, но и был значительно более демократичен. Он впервые открыл для мексиканской сцены тематику улиц. Церковь резко выступила против этого театра, и уже тогда, во второй половине XVI в., в стране возникла цензура. Показ того или иного спектакля разрешался лишь после его предварительного просмотра представителями властей, которые должны были определить степень его полезности. Именно креольский театр выдвинул двух ведущих мексиканских драматургов XVI в. — Фернана Гонсалеса де Эслава и Хуана Переса Рамиреса. Последний явился автором самого раннего театрального произведения, созданного на территории не только Мексики, но и всей Америки. Это была пьеса «Духовная помолвка пастора Педро с мексиканской церковью» — пасторальная комедия, поставленная в 1574 г. и имевшая огромный успех у публики.

Таким образом, с самых ранних этапов существования мексиканского театра в нем наметились три основные тенденции. Первая была тесно связана с автохтонной индейской традицией, которой пытались придать испанские формы. Эта связь проявлялась не только в использовании местного языка и местных актеров, но и во всем характере театральных постановок — декорациях, широком использовании традиционного реквизита (цветы, растения, оперение птиц и т. п., являвшиеся неизменными элементами представлений у народов доколумбовой Мексики). Вторая тенденция связана с европейским классическим материалом, с латинской традицией. Она не перешагнула за стены иезуитских колледжей и не оказала вследствие этого существенного влияния на последующее развитие мексиканского театра. И, наконец, третья, — опиравшаяся на театр метрополии и испанский язык. Однако с самого начала к ней примешивался местный колорит, особенно наглядно проявившийся в «креольском театре», давшем первых профессиональных драматургов Новой Испании.

Два последующих столетия развития мексиканского театра в основном продолжали традиции, заложенные в XVI в. Ведущее место по-прежнему принадлежало театру религиозного направления. Он носил академический и в большинстве случаев воспита-

тельный характер. Теперь ни одно празднество не обходилось без театрального спектакля, будь то во дворе, храме или университете. Часто эти спектакли по форме напоминали своеобразные хроники, обращенные к событиям ранней истории Мексики и воспевавшие величие страны, ее героическое прошлое, ее великолепные пейзажи.

XVII и XVIII вв. дали Мексике значительных драматургов, прежде всего Руиса де Аларкон³ и Сор Хуану Инес де ла Крус, признанных последующими поколениями классиками мексиканской литературы. Руис де Аларкон создал за свою жизнь большое число драматических произведений самых различных жанров, в основном комедий. Начав творческий путь с комедий интриг, он впоследствии сумел проникнуть в человеческую психологию, раскрыть характеры своих современников. Ему принадлежит заслуга создания комедий характеров и обычаев, положивших начало костюбристскому направлению в мексиканской драматургии. Наибольший успех из пьес Руиса де Аларкона имела «Сомнительная правда». Герой ее — дон Гарсиа оказывается жертвой собственного пристрастия ко лжи и в результате должен жениться не на той даме, которую он обожает, а на другой, которая ему безразлична. За внешне занимательной интригой пьесы скрывалось тонкое мастерство драматурга в раскрытии характеров персонажей. Аларкон ставит большие этические проблемы — дружбы, любви, долга, порядочности — и решает их в соответствии со своими представлениями о подлинной морали. Это придает творчеству писателя элемент морализаторства. Однако не он определяет драматургию Аларкона, в которой, как отмечают ее исследователи, неизменно господствует гуманистический дух. Именно человек со всеми своими достоинствами и недостатками в первую очередь интересовал драматурга, и раскрытие его сложного внутреннего мира — та задача, которую он перед собой ставил. «Театр Руиса де Аларкон — театр характеров и обычаев, — пишет крупнейший мексиканский исследователь-театровед Маганья Эскивель, — опирается не на чистый вымысел, как у Лопе де Вега, не на чудо, как у Кальдерона, а на четкую гуманистическую концепцию человека»⁴.

Современница Руиса де Аларкон Инес де ла Крус, прозванная «Десятой музой», большинство своих драматических произведений писала в духе комедии интриг. Неоднократно она обращалась к классическим сюжетам древней мифологии, например в одной из своих наиболее известных пьес «Любовь — это лабиринт». В этом произведении, как и в большинстве других, созданных писательницей, в конечном счете любовь побеждает все зло мира. Существенное влияние на творчество поэтессы оказали Лопе де Вега и Кальдерон, традициям которых она сознательно следовала в своих произведениях. Пьесы Инес де ла Крус отличались художественной отточенностью композиции и мастерством

диалога, в них умело переплетались серьезные и комические элементы. Исследователи отмечают, что в драматургии Инес де ла Крус впервые в мексиканском театре появились элементы барокко.

На протяжении XVIII в. все больше возрастало влияние испанского театра. Колониальные власти всячески способствовали постановке испанских пьес, уже прошедших цензуру в Европе, одновременно с этим препятствуя росту местной драматургии. Важным событием в театральной жизни Мексики XVIII в. явилось торжественное открытие театра «Новый Колизей», ставшего главной театральной сценой страны.

В начале XIX в. театр Мексики развивался недостаточно активно. Как отмечает Маганья Эскивель, публика была больше поглощена бурными социально-политическими событиями, происходившими в стране, нежели искусством. Однако эпоха борьбы за независимость не могла, естественно, не отразиться в мексиканском театре. Передовые социально-политические идеи, связанные с требованием освобождения от испанского господства, в преломленном виде нашли свое воплощение и в творчестве некоторых драматургов эпохи, например в пьесах Агустина де Кастро (1730—1814) и Фернандеса де Лисарди (1776—1827). Эти и другие драматурги периода борьбы за независимость продолжали развивать в своем творчестве костюмбристскую традицию, которую открыла для мексиканского театра драматургия Руиса де Аларкон. Пьесы, созданные в те годы, все чаще обращались к персонажам из народа, к народному языку и атмосфере жизни улиц мексиканских городов. В начале XIX в. рождается новый жанр театрального представления — «фолья» — музыкальная комедия с танцами веселого развлекательного характера.

После провозглашения независимости театр Мексики постепенно выходит из кризиса. Театральная жизнь активизируется, одна за другой на сцене появляются пьесы мексиканских авторов, проникнутые новыми либеральными идеями. Однако цензура по-прежнему остается суровой. Всего три года спустя после завоевания независимости власти запрещают показ пьесы «Добродетель, преследуемая предрассудками и пороком», направленной против инквизиции. Пьеса объявляется антиклерикальной.

В 30—40-е годы на сцену Мексики пришел романтизм, бурно развивавшийся в то время в Европе. На подмостках «Нового Колизея» ставились пьесы Гюго и других западноевропейских романтиков, национальная драматургия в очередной раз была отодвинута на задний план.

Главный вклад XIX в. в историю мексиканского театра заключался в том, что его события способствовали рождению крупных драматургов, чье творчество впоследствии вошло в золотой фонд национальной литературы. Среди них в первую очередь следует назвать Эдуардо де Горостиса (1789—1851), который по

сей день остается наиболее признанным и актуальным мексиканским драматургом прошлого и чьи пьесы можно часто видеть в репертуаре театров сегодняшней Мексики. Пьеса Горостисы «С тобой хлеб и лук», созданная в 1833 г., до сих пор считается образцом комедии интриги с четко выраженной моралью и непревзойденным юмором. Яркие характеры, мастерство композиции, умелое использование элементов костюмбризма, неиссякаемое остроумие — именно эти черты драматургии Горостисы привлекают современных режиссеров, которые вновь и вновь обращаются к его творчеству.

Другой видный драматург Мексики прошлого столетия — Фернандо Кальдерон (1809—1845) представляет совершенно иное направление в мексиканском театре. В своем творчестве он возродил традиции европейского средневековья. Героями его пьес чаще всего являлись рыцари, а действие происходило далеко от родной страны — в Англии или ином европейском государстве. Критики последующих поколений часто и не без оснований упрекали Кальдерона в пренебрежении к национальной тематике и сознательном уходе от насущных проблем своего времени. Поэтому, являясь, несомненно, талантливым драматургом, Фернандо Кальдерон не сумел в достаточной степени обогатить национальную драматургию, что все же не мешало ему быть одним из популярнейших авторов своего времени.

Второй крупный драматург XIX в. — Игнасио Родригес Гальван (1816—1842) вошел в историю мексиканского театра как один из первых последователей европейского романтизма. Темой своего творчества он избрал легенды о жизни Новой Испании. Сознательный отказ от следования исторической достоверности позволил Гальвану проявить полную свободу фантазии и создать яркие романтические картины колониальной Мексики. Общий тон его произведений несколько меланхолический, соответствующий духу романтизма. За свою короткую жизнь драматург успел создать всего несколько пьес, из которых наиболее известна «Часовня». Однако благодаря тому, что драматургия Гальвана несла в себе элементы нового направления, она оставила заметный след в истории национального театра.

Важно отметить, что в XIX в. наряду с «Новым Колизеем», длительный период являвшимся единственным постоянным местом театральных представлений, появились и другие театры, правда, несколько иного характера. Они представляли собой простые деревянные строения с переносными сиденьями. Это были своеобразные народные театры, так как доступ в них был открыт всем желающим. Первый из подобных театров — Новый театр появился в 1823 г. После этого он неоднократно менял свое название. В 1841 г. открылся Театр Нового Мехико, в 1844-м — Большой национальный театр, более фешенебельный, а затем, в 1856 г., Театр «Итурбиде». Появление новых теат-

ральных помещений свидетельствовало о растущем интересе публики к искусству театра, что впоследствии, особенно с наступлением XX в., значительно стимулировало его развитие.

XX век принес в Мексику ветры перемен. Мексиканская революция 1910—1917 гг. знаменовала собой начало нового этапа во всех проявлениях духовного развития страны. Не составил исключения и театр. Начинаясь процесс обновления достиг своего апогея в 20-е годы, о чем свидетельствовал резко возросший интерес к национальной драматургии.

Если в мексиканском театре первых годов нового столетия по инерции сохранялись традиционные театральные формы предшествующих эпох, то по приближении 20-х годов театр Мексики постепенно обретал все более национальный, самобытный характер, в первую очередь за счет обращения к местному фольклору. В этом обращении одновременно проявились две новые тенденции, которым в дальнейшем предстояло выйти на авансцену. Одна из них носила характер утверждения национального начала, ибо возвращение к индейским сюжетам и индейской эстетике служило проявлением стремления к национальному самоутверждению, к поискам истоков национального самосознания. Другая тенденция — демократическая, поскольку благодаря ей театр как бы вновь превращался из элитарного в народный. В первое десятилетие XX в. наиболее известными театрами демократического направления являлись Региональный фольклорный театр и «Театро де Мурсьелаго» (Театр «Летучая мышь»). Спектакли, ставившиеся в них, очень часто напоминали балет или пантомиму с элементами драмы. Они вновь возрождали на сцене ритуальные церемонии древних индейцев, в которых танец, песня и музыка являлись неотъемлемыми составными компонентами.

Ярким проявлением роста национальных тенденций в мексиканском театре в самом начале 20-х годов, отмечает мексиканский исследователь-театровед Маганья Эскивель, явилось то, что за один сезон на сцене Муниципального театра Мехико шли сразу несколько пьес ярко выраженного национального характера, в числе которых он называет: «То, что она не могла предвидеть» Хулио Хименеса Руэды, «Агонию» Парады Леона и др.

Еще в 1902 г. в Мексике было создано Общество драматических авторов, которое в начале 20-х годов было восстановлено под названием «Союз драматургов». Союз занимался популяризацией национальных пьес и переводами иностранных и послужил впоследствии основой для создания двух творческих объединений — Группы семи актеров и группы «Мексиканская комедия».

Новым важным явлением в мексиканском театре первых двух десятилетий XX в. стало то, что профессиональные актеры (в их числе пользовавшиеся огромной популярностью Вирхиния Фаб-

регас, Мерседес Наварро и др.), впервые принесли на мексиканскую сцену разговорную речь своей страны, тот язык, на котором говорили жители Мексики. Уже одного этого было достаточно, чтобы преодолеть косность театральных представлений многих коммерческих компаний, следовавших старым сценическим эффектам и приемам игры. И только в конце 20-х годов с появлением первых экспериментальных групп в мексиканском театре начинается подлинный процесс обновления, своеобразная эстетическая революция, существенно подорвавшая основы старого коммерческого театра. «И если мы сегодня можем без сомнения говорить о подлинном современном театре в испанской Америке, то только с сознанием, что он родился и вырос в Аргентине и Мексике, в интеллектуальном накале 1925—1940 гг., в новом климате свободы и энтузиазма, возникшем в театральном искусстве»⁵ — отмечает журнал «Латиноамериканское театральное обозрение». Подобную же точку зрения высказывает и американский театровед Ф. Достер: «То, что произошло в первой половине века,— пишет он,— является, несомненно, театральной революцией, живым органическим процессом изменения и развития. И этот процесс начинается в 20-е годы»⁶.

Рождение экспериментальных групп в конце 20-х годов было связано с новыми процессами, происходившими в тот период в мексиканской литературе, где стремительными темпами нарастали националистические тенденции. Группы молодых писателей организовывали одно за другим литературные общества, проникнутые пафосом борьбы против застоя, за новое, более демократическое, более приближенное к национальной действительности литературное творчество. На основе одной из таких групп родился «Театро де Улисес», которому суждено было сыграть решающую роль в процессе обновления театрального искусства. Это был экспериментальный театр, в котором сами актеры часто являлись авторами исполняемых пьес. Организаторы его уделяли немалое внимание выработке новой театральной эстетики. Они выступали за создание «универсального театра», поднимающего глобальные проблемы своего времени, общие для всего человечества. Поначалу этот театр был воспринят как нечто экзотическое: столь новыми показались публике и критике шедшие на его сцене произведения, так же как и манера их исполнения, особенности постановки, декорации и т. п. Несомненно, на этом театре существенно сказалось влияние западных эстетических концепций, господствовавших в тот период в Европе. Много лет спустя один из основателей театра, ныне крупнейший драматург современной Мексики Хавьер Вильяуррута писал: «Экзотическим был «Театро де Улисес», потому что своими достижениями он был обязан влияниям из-за рубежа. Новые произведения, новый стиль игры и новые декорации не могли прийти оттуда, где их не существовало»⁷.

Таким образом, движение за обновление мексиканского театра с самого начала возникло вне рамок коммерческого искусства. У его истоков стояло новое поколение деятелей, взгляды и настроения которых произвели подлинный взрыв в традиционных театральных кругах. Вслед за «Театро де Улисес» стали возникать и другие, подобные ему: «Эсколарес де teatro» («Театральные ученики»), «Театро де ориентасьон» (Театр ориентации), «Театро де ла универсидад» (Университетский театр) и т. п. Важную роль в создании этих групп сыграл Х. Брачо, который уделял особое внимание проблемам режиссуры. Для организованных им различных театральных групп он сам специально готовил молодых актеров, обучая их сценическому мастерству. Созданный Брачо «Театро де ла универсидад» самым активным образом выступил в защиту национальной драматургии, ставя одну за другой пьесы местных авторов, в числе которых были «Святой Саман» Маурисио Магдалено, «Сон Кетцальмы» Х. Брачо и др. Постепенно и другие экспериментальные театры обратились к национальной тематике. Так, «Театро де ориентасьон», на сцене которого два первых сезона (1931—1933) шли исключительно западноевропейские и американские пьесы, в 1934 г. ставит сразу несколько произведений мексиканских авторов: Горостисы, Вильяуррутиа и др.

В 1932 г. возникает еще одна экспериментальная группа — «Эль teatro де аора» («Сегодняшний театр»), который возрождает на сцене тему мексиканской революции. В этом театре главной становится острая социально-политическая направленность, превалирующая над тем экспериментаторством в области формы, которым излишне увлекались некоторые из новых групп. Именно «Сегодняшний театр» впервые открыто сформулировал задачу максимального приближения к социальной проблематике, сделав ее главным объектом художественного рассмотрения в той же мере, в какой это уже произошло в лучших произведениях мексиканской литературы революционного и послереволюционного периода. Основатели этой группы — Маурисио Магдалено и Хуан Бастильо Оро стремились к созданию реалистического театра, близкого и понятного простому народу как по своему содержанию, так и по форме. На сцене «Сегодняшнего театра» с большим успехом шла инсценировка известного романа Мариано Асуэлы «Те, кто внизу», а также другие пьесы остросоциального содержания, в числе которых были «Эмилиано Сапата» Маурисио Магдалено и «Тибурон» («Акула») Бастильо Оро.

Движение за обновление мексиканского театра, начавшееся в 20-е годы, продолжалось вплоть до второй мировой войны. Та «эстетическая революция», в которую это движение вылилось, навсегда освободила мексиканский театр от засилья старых испанских канонов, господствовавших в нем со времен конкисты. Теперь деятели театра больше ориентировались на Соединенные

Штаты Америки, Италию и Францию, стараясь при этом сохранить связи с национальной почвой; в большинстве случаев им это удавалось.

В самом конце 30-х годов мексиканский театр вновь пережил короткий период кризиса. Некоторые театральные деятели перешли в кинематограф, который развивался бурными темпами и успешно конкурировал с театральным искусством. Трудности роста нового театра объяснялись также той крайне враждебной позицией, которую занял по отношению к нему традиционный коммерческий театр. Однако уже в самом начале 40-х годов кризис проходит, коммерческий театр переживает упадок, а движение за обновление продолжает развиваться бурными темпами. Именно в этот период в нем намечается дифференциация, которая впоследствии окажется очень существенной для мексиканского театра в целом. В начале 40-х годов приобретает ясные очертания водораздел между реалистическим и нереалистическим театром. Драматурги, взявшие в качестве эталона своего творчества древнегреческую трагедию, стали создавать пьесы реалистического характера. Другая, не менее значительная часть драматических писателей пошла по пути, намеченному западноевропейским модернизмом XX в. Так в Мексике появился модернистский театр, который в национальной критической литературе часто фигурирует под названием «универсальный». Этим словом как бы подчеркиваются разрыв с конкретной проблематикой национальной действительности и обращение к вневременной и внепространственной метафизической тематике. Основными принципами этого театра становятся условность и иррациональность. «В универсальном театре проблема действительности рассматривается многопланово. Все зависит от угла зрения, под которым ее рассматривать»⁸.

Рост антиреалистических тенденций в мексиканском театре был связан, с одной стороны, с кризисом господствовавшей длительное время философии позитивизма, который повлек за собой укрепление позиций метафизики. С другой стороны, он явился прямым следствием сильного воздействия извне, и в первую очередь творчества крупнейшего итальянского драматурга Луиджи Пиранделло, чья пьеса «Шесть персонажей в поисках автора» (1921) произвела подлинную революцию на западноевропейской сцене, отклики которой, хотя и с некоторым опозданием, дошли и до Мексики. Влияние Пиранделло оказалось столь велико, что оно и сегодня зримо прослеживается в творчестве многих крупнейших драматургов Мексики и могло бы составить тему специального исследования.

После второй мировой войны в истории мексиканского театра начинается новый этап, продолжающийся вплоть до настоящего времени. Он связан с дальнейшим ростом национального самосознания, является неотъемлемой частью единого процесса ста-

новления послевоенной мексиканской культуры. Этот этап характеризуется ускоренным развитием двух наметившихся ранее тенденций — реалистической и модернистской, вступивших в противоречие друг с другом.

Важно также отметить, что в послевоенные годы в стране начинается государственная деятельность по стимулированию развития театра. В созданном в январе 1947 г. Национальном институте изящных искусств с самого начала функционирует Отдел театра, который берет на себя самые разнообразные задачи — от профессиональной подготовки молодых актеров до финансовой помощи экспериментальным группам, организации театральных фестивалей, создания детского театра и т. п.

В последние десятилетия драматургия и театральное искусство получили в Мексике столь широкое развитие, что охватить панораму современного мексиканского театра со всеми его многочисленными направлениями и течениями представляется нелегкой задачей.

Как отмечалось выше, с конца 40-х годов театр Мексики развивался по двум главным направлениям. Первое — реалистическое, являющееся продолжением лучших традиций мексиканской литературы. Другое можно условно обозначить термином «модернистское», включив в него всю ту многообразную палитру течений и направлений, которая объединена принципом сознательного отказа от реалистического воспроизведения действительности. Далеко не всегда за послевоенную историю мексиканского театра соотношение сил складывалось в пользу первой тенденции, ибо мексиканский театр как часть культуры своей страны развивался в контексте мировой буржуазной культуры. В мексиканском театре наших дней можно найти те же тенденции, которые в целом присущи современному западному театру.

Анализ современного состояния мексиканского театра следует, очевидно, начать с рассмотрения тех его направлений, которые развиваются по законам искусства модернизма (во-первых, потому, что, как мы уже отмечали, модернистский театр получил широкое распространение в Мексике послевоенных лет; во-вторых, противостоящий ему реалистический театр лишь относительно недавно оказался достаточно сильным, чтобы с ним конкурировать). Сюда нужно прежде всего отнести «театр абсурда», экзистенциалистский театр и так называемый экспериментальный театр, являющиеся тремя ведущими разновидностями современного модернистского театра Мексики.

Театр абсурда более, чем какой-либо другой, представляет собой отрыв от национальной почвы и перенесение на нее готовых образцов или в лучшем случае «полуфабрикатов» западного театра. В нем чувствуется прямое воздействие эстетики мэтра «театра абсурда» Эжена Ионеско, для творчества которого харак-

терен полный отказ от сюжетности и содержательности. Лейтмотивом такого театра становится идея бессмысленности, абсурдности существования человека в мире, которой на сцене должна соответствовать столь же абсурдная и беспорядочная форма ее выражения. В русле этого направления развивается так называемый театр *post mortem* («театр посмертия»). Основная особенность его заключается в том, что действие непременно происходит уже после смерти действующих в пьесе персонажей. Причем речь идет не о ретроспективном видении событий прошлого, а об отказе от признания принципа упорядоченного существования во времени как мира в целом, так и живущих в нем отдельных индивидуумов. Чаще всего в таких пьесах полностью нарушена логическая последовательность событий, все временные планы смещены и создается картина всеобщей хаотичности, соответствующей канонам «театра абсурда». Однако в числе пьес, относимых критиками к категории театра *post mortem*, есть и заслуживающие внимания, которые находятся на грани экзистенциалистского театра и «театра абсурда». Это прежде всего пьесы двух ведущих драматургов современной Мексики — «Промежуточная зона» Эмилио Карбальдо и «Прочный очаг» Элены Гарро.

Первая пьеса, созданная в 1950 г., отнесена самим автором к жанру «ауто сакраменталь», т. е. тем самым подчеркивается преемственность традициям старого мексиканского театра. В пьесе, которая представляет собой очередную вариацию на тему «страшного суда», действуют обезличенные персонажи без имени. На протяжении одного акта меняется 20 картин мистического характера, сопровождаемых музыкальными и световыми эффектами. Критика сравнивала декорации спектакля с кабиной космического корабля. Пьеса имела успех, и впоследствии ее автор стал одним из самых популярных драматургов современной Мексики.

Не менее условна и одноактная пьеса Элены Гарро «Прочный очаг», премьера которой состоялась в 1957 г. Место действия — семейный пантеон, в котором встречаются восемь умерших членов семьи в возрасте от 5 до 80 лет. Никаких конкретных событий по ходу пьесы не происходит. Сюжет как таковой отсутствует, перед зрителями предстают лишь обрывки воспоминаний персонажей об их прежней жизни. Очень условны и вместе с тем символичны костюмы действующих лиц, подчеркивающие те черты характера, которые эти персонажи воплощали собой при жизни. Автор показывает, что его герои ни при жизни, ни после смерти не способны осуществить своих надежд и мечтаний. Они так и остаются одинокими и непонятными, неспособными и на «том свете» создать «прочный очаг», который навсегда остается для них несбыточной мечтой. Мнения критиков в анализе этой пьесы расходятся. Одни считают ее образцом

«театра абсурда», другие, как, например, Маганья Эскивель, склонны относить ее к символизму. Очевидно, важнее то, что эта пьеса достаточно типична для современной мексиканской драматургии, в которой элементы мистики и теологии занимают существенное место.

Если исходить из того, что две рассмотренные пьесы лишь условно следует отнести к категории «абсурдных», то в целом надо отметить, что «театр абсурда» не получил в Мексике большого распространения. Обращение к нему чаще всего происходит в форме постановки пьес зарубежных авторов (Э. Ионеско, С. Беккета и др.), причем и им отдается меньше предпочтения, чем представителям других течений в современной западной драматургии.

Более значительным явлением в мексиканском театре последних лет стало то направление, которое связано с философией и эстетикой модного на Западе экзистенциализма. «Ряд испаноамериканских драматургов обратился к экзистенциальной философии, чтобы наиболее эффективно выразить одиночество и метафизическую тоску современного человека в поисках самоутверждения на протяжении всего своего существования»⁹. Пьесы, созданные под влиянием этой философии, проникнуты характерными для нее настроениями тоски и отчаяния. Бессилие человека в борьбе с раздирающими его внутренними и внешними противоречиями составляет лейтмотив таких произведений современной мексиканской драматургии, как пьесы «Девять» Марухи Вилальты и «Страшный суд» Хосе Хесуса Мартинеса. Действие пьесы «Девять» происходит на фабрике, рабочие которой не имеют имен, а различаются по номерам. Они скорее напоминают какие-то полуавтоматы или заключенных, чем свободных людей. Их речь так же механистична и безлика, как и станки, на которых они работают. На протяжении всей пьесы по громкоговорителю, установленному на фабрике, передается пропагандистская речь, состоящая почти из одних лозунгов, призывающих рабочих к усердию и повиновению. Однако этот ярко выраженный социальный момент сразу же нивелируется полным безразличием рабочих ко всему происходящему, абсолютным неверием и нежеланием что-то изменить. Отсюда всеобъемлющее настроение пессимизма, пронизывающее пьесу. И когда к концу ее один из персонажей — рабочий под номером девять — восстает, то проблема бунта трактуется в духе экзистенциальной философии. Единственный выход для него — это смерть. Таким образом, в пьесе налицо традиционная для экзистенциализма апология смерти. Подлинный «экзистенциальный человек» должен победить страх перед смертью и увидеть в ней единственное спасение. Жизнь — это пустота, «ничто», нужно от нее освободиться, нужно стремиться к постоянному трансцендированию, впадая в состояние, подобное нирване в буддистской философии. Нужно

рвать все нити, связывающие человека с жизнью, и только тогда, на грани смерти, он почувствует себя полностью свободным. И не случайно центральный персонаж умирает с улыбкой на устах, раздавленный собственным станком.

Пафос пьесы Хесуса Мартинеса «Страшный суд» тот же самый — внутренняя пустота, отчуждение человека, механичность его существования в современном мире. Герой этой пьесы показан в другом временном измерении — после своей смерти. Он так же безлик и не имеет имени, как и рабочий под номером девять в пьесе Вилальты. Структура его личности полностью разрушена в результате крушения всех основ его веры, всех надежд и иллюзий. Отсюда полное безразличие ко всему, включая бога. И хотя под образом Судьи, перед которым герой пьесы предстает после смерти, несомненно, подразумевается Иисус Христос, он вступает с ним в открытое столкновение. Для него все, включая религию, абсолютно обесценено и бессмысленно. В этой пьесе особенно четко проводится центральная идея философии экзистенциализма: существование предшествует сущности. Это означает, в трактовке Сартра, что человек начинает с того, что «существует», возникает в мире и лишь потом он определяет себя, создает свою сущность. Все земное существование человека — это постепенное умирание, умственное и физическое. Причем жизнь более бессмысленна и отвратительна, чем физическая смерть. Все в ней постоянно напоминает о грядущем конце, и сама смерть должна послужить своеобразной моделью для жизни, придать существованию дополнительный смысл.

В двух вышеупомянутых пьесах, так же как и во множестве других, создававшихся под влиянием философии экзистенциализма, характеры персонажей часто очерчены нечетко, они весьма расплывчаты и дают возможность режиссерам и актерам трактовать их по-разному.

Влияние философии экзистенциализма, если не прямо, то косвенно, испытали на себе многие видные современные мексиканские драматурги: Карлос Солорсано, Эмилио Карбальдо, Элена Гарро, Маруха Вилальта, Хесус Мартинес и др.

Отдельно следует отметить деятельность труппы «Экспериментальный театр», развивающей авангардистские тенденции современной драматургии. Коллектив возник на основе нового, появившегося в 60-е годы направления в мексиканской литературе — «ла онда» (волна). Это была «литература юношества, рожденного в эпоху рок-н-ролла, говорящего на новом сленге, в котором постоянно присутствует игра слов»¹⁰. У истоков нового течения стоял писатель Хосе Агустин, впоследствии распротранивший свое новаторство и на театр.

Один из романов Агустина был написан в форме диалога и скорее напоминал пьесу. Позже была осуществлена его постановка, которая отличалась смелым новаторством и привлекла

большое внимание как публики, так и критики. Подробный рассказ об этом спектакле, опубликованный на страницах журнала «Латиноамериканское театральное обозрение», дает наглядное представление о характере авангардистского театра в целом. Так, в спектакле впервые на мексиканской сцене широко использовались различные аудиовизуальные средства: слайды, кино, звукозаписывающие устройства. Зрители видели подвальную комнату со старыми стульями, креслами, пустыми рамами для картин и многочисленными зеркалами, в которых в разных ракурсах отражались движения актеров. В центре сцены стояло огромное кресло, за ним была расположена сложная звукозаписывающая аппаратура студийного образца с метрономом, как бы отмеряющим все происходящее. С двух сторон сцены на больших экранах постоянно демонстрировались слайды, кинокадры, широко использовалась цветомузыка. Кроме постоянно звучащих музыкальных единиц, на ней расположились два оркестра, исполнявшие произведения в стиле рок-н-ролл. Помимо этого, по двум телевизионным аппаратам постоянно транслировались различные телефрагменты, не всегда прямо связанные с происходящим на сцене.

Спектакль начинался с того, что героиня — Норма выходила на сцену, садилась в кресло и включала магнитофон. Она с удивлением слышит запись своей беседы с незнакомым ей молодым человеком по имени Эверио, которого она раньше никогда не встречала. Выражение ее лица проецируется на экране. Она с негодованием выключает магнитофон, и в это время шумно начинает играть оркестр. Свет гаснет, и затем, когда он зажигается вновь, в комнату входит Эверио. Между ними завязывается диалог, который время от времени прерывается выходами Эверио; тогда на экране и в записи повторяется все происходившее ранее. Беседа часто не несет в себе никакого смысла и построена на фонологической игре слов. Однако из обрывков фраз, очень похожих на те, которыми обменивается между собой современная мексиканская молодежь, из отдельных реплик постепенно выявляется полная противоположность характеров героев. Норма — молодая либералка, которая верит в любовь, справедливость, личную свободу, нонконформизм. Эверио — наоборот, консерватор, сторонник конформизма, защиты сложившихся традиций и устоев буржуазного общества. На столкновении этих двух антагонистических характеров и строится коллизия пьесы. Норма и Эверио ссорятся, и, когда он в очередной раз покидает сцену, на экране возникают кадры, в которых он ее душит. Героиня со страхом рассказывает Эверио об увиденном, но тот уверяет, что никогда ее не обидит. Однако ссора возобновляется и в гневе Норма называет Эверио «конформистским роботом». Эверио со злости начинает душить ее, но, вспоминая предсказание, пугается и выходит. Потом все повторяется сначала, и в конце концов

предсказание сбывается. После этого на сцене все как бы застывает. На экране — изображение последней мизансцены: Эверио с жестоким лицом наклоняется к Норме. В течение 20 секунд постоянно звучит одна органная нота. Потом все стихает, слышен лишь мерный стук метронома.

Мы не случайно подробно остановились на этой пьесе. Дело, конечно, не столько в экспериментаторстве в духе искусства авангарда, сколько в символике двух подходов к жизни: конформистского, приспособленческого и бунтарского, в определенном смысле даже революционного. Пьесу, безусловно, нельзя рассматривать как в целом лишенную смысла, однако в ней исключительно силен элемент, присущий «театру абсурда», — абсурдность самой исходной ситуации. Использование ультрасовременной музыки и разговорного жаргона призвано передать дух поколения 60-х годов. Автору в целом это удалось. Пьеса имела большой успех у публики, особенно у молодежи, которую, несомненно, заинтересовала не только ее авангардистская форма, но и достаточно серьезное, хотя порой и слишком завуалированное, содержание.

Так же как и театр модернистского направления, реалистический театр Мексики многопланов и разнообразен и включает в себе самые различные тенденции — от стремления воскресить на сцене традиционные классические формы до обращения к острополитической и социальной тематике сегодняшнего дня, вплоть до превращения театра в действенное орудие политической борьбы революционных классов.

Безудержному стремлению представителей авангардистского театра к новаторству и экспериментированию противостоит тенденция к возрождению и сохранению классической традиции мексиканской драматургии, на защиту которой стали многие крупные деятели современного театра Мексики. Пожалуй, самая значительная роль в этом принадлежит Альваро Кустодио, основателю в 1950 г. Классического театра Мексики. Кустодио поставил перед собой благородную задачу: возродить лучшие театральные традиции страны путем постановок пьес классического репертуара как мексиканской, так и мировой драматургии. Именно на сцене этого театра вновь увидели свет произведения Руиса де Аларкон и Сор Хуаны Инес де ла Крус, бессмертная «Селестина» и многие классические произведения Лопе де Вега. Таким образом Кустодио стремился поднять на более высокий уровень вкусы публики, которые не всегда были достаточно притязательны. Как справедливо отмечает театральный критик Селестино Горостиса, «если в Мексике ставятся так редко произведения дона Хуана Руиса де Аларкон, Сор Хуаны Инес де ла Крус и других великолепных мексиканских авторов, то это не из-за недостатков их произведений, а лишь потому, что публика еще не выросла до их понимания»¹¹.

Будучи подлинным энтузиастом своего дела, Альваро Кустодио, которому мексиканская критика присвоила имя «художника с мечтой», не ограничил деятельность только обращением к классическому репертуару. Он предпринял успешную попытку воскресить и старую традицию использования архитектурных памятников и открытых участков местности для постановки того или иного спектакля, удачно в них вписывающегося. Он также возглавил целую серию изданий лучших образцов мировой драматургии, многие из которых опубликованы в его собственной редакции. Позднее, в 60-е годы, Кустодио расширил репертуар театра за счет постановки пьес современных мексиканских драматургов. При этом отбор был очень строгий. На сцене появлялись лишь те произведения, которые, по мнению Кустодио, продолжали лучшие классические традиции местной и зарубежной драматургии. В их числе оказалась имевшая огромный успех пьеса Серхио Маганьи «Моктесума II», вновь возвращающая зрителя к событиям ранней истории Мексики.

Во время Олимпийских игр 1968 г. в Мехико с огромным успехом в исполнении Классического театра был показан «Гамлет» в редакции Кустодио.

На пути Альваро Кустодио и руководимого им театра неоднократно возникали всевозможные трудности — от финансовых до серьезных столкновений с цензурой. К счастью, ценой нелегких усилий, в которых решающую роль играл беспримерный энтузиазм Кустодио, ему удавалось их преодолевать. Благодаря ему на сцене многих театров Мексики с большим успехом идут произведения национальной и мировой классики.

Пожалуй, самым значительным явлением современного мексиканского театра, определяющим его лицо, является движение «независимых театров», объединяющее в своих рядах и университетские театры, и так называемый крестьянский театр, и движение театров «чикано». Всех их роднит обращение к острой социально-политической тематике, к злободневным проблемам сегодняшнего дня. Критики склонны объединять эти театры и рассматривать их в контексте единого движения «революционного, или партизанского театра». В значительной степени это справедливо, ибо для большинства деятелей описываемых театров характерен революционный подход к проблемам современного мира; для них театр — это орудие социальной и политической борьбы народных масс, к которым они обращают свое искусство. Особенно велика роль революционного театра Мексики в сельской местности. В настоящее время здесь выступают около 30 театральных групп, часто показывающих свои спектакли на индейских языках. Они состоят в основном из молодых крестьян, получивших специальное образование по актерскому мастерству. Пьесы в основном написаны профессиональными авторами, и их главной темой является эксплуатация крестьян помещиками. Ин-

интересно, что после спектаклей актеры беседуют со зрителями, обсуждая волнующие их проблемы и помогая им советами. Большинство этих театров — передвижные. Многие так и называются — «Кочевники».

Наибольшую популярность среди них приобрел театр «Маски»; в его труппе 20—25 человек, средний возраст которых 23 года. Основной штаб театра находится в Мехико, однако большую часть года он проводит в разъездах по стране. Коллектив в основном существует на средства зрителей. Директор театра Мариано Лейба видит задачи своей труппы в том, чтобы «создать» как можно больше таких трупп, а также изменить форму буржуазного театра. Мы хотим, — говорит он, — перенести театр на площадь, в те места, где концентрируются рабочие и крестьяне, чтобы показать им истинный смысл философии «истеблишмента». Мы призываем людей к переменам, к созданию мира, в котором будет больше справедливости, правды, свободы. Задача нашего искусства — вложить винтовку в сознание людей. Это вопрос искусства и политики, так как нет политики без искусства и нет искусства без политики»¹².

Постановки театра обычно состоят из небольших драматических отрывков, связанных между собой многочисленными песнями и балладами. Столь же широко используется в этих спектаклях и пантомима. Не случайно театр часто обращается к теме Мексиканской революции, призывая к продолжению ее традиций в условиях современной жизни. Один из наиболее известных спектаклей театра «Маски» — «Сапата», посвященный герою революции 1910—1917 гг. В песнях и стихах актеры повествуют о жизни крестьянского вождя, о его детстве и юности, о его героических подвигах и трагической гибели. Все представление — призыв к революционному действию, что вполне соответствует задачам, которые ставят перед собой организаторы коллектива.

Репертуар театра «Маски» весьма разнообразен по жанрам. Например, его спектакль «Табависион» поставлен в ином ключе. Это своеобразное обозрение, представляющее собой злую сатиру на американское телевидение, рекламирующее «американский образ жизни». Каждый скетч начинается и кончается словами: «Переключив канал, мы ничего не изменим: менять надо всю систему».

Театр живо откликается на события, происходящие в жизни страны. Примером может служить спектакль «10 июня», в котором рассказывается о трагических событиях 10 июня 1971 г., когда состоялась десяти тысячная студенческая демонстрация с требованием освобождения 40 студентов, томившихся в заключении за участие в антиправительственной демонстрации в октябре 1968 г. Во время разгона демонстрации было убито более 50 человек.

Наряду с театром «Маски» активно действуют и другие «пар-

тизанские театры», в числе которых наиболее известны театр «Свобода», группа Эктора Гарамильо (названная именем студента, убитого в 1968 г.), «Сопилоте» и др.

Особый интерес в современном реалистическом театре Мексики представляет «театро чикано»¹³. Речь идет не об одном конкретном коллективе, а о целом театральном движении, получившем широкое распространение на Юге и Юго-Западе США, где значительную часть населения составляют мексиканцы, приехавшие туда в поисках работы. Это движение по праву относится к политическому театру Латинской Америки. Несколько месяцев в году представители этих коллективов ездят со спектаклями по Мексике. Само название театра говорит о его проблематике и о контингенте зрителей.

У истоков движения «театро чикано» стоит выдающийся деятель современного мексиканского театра Луис Вальдес — организатор и руководитель театра «Эль кампесино» («Крестьянин») — самого популярного коллектива этого направления. «Мы работаем в определенной действительности,— пишет он,— и она требует, чтобы мы что-то сказали. Это должно быть нечто, что ты страстно хочешь высказать людям, иначе проваливай со сцены!.. Наша общая задача, ради которой мы работаем,— это то, что происходит после спектакля»¹⁴.

Спектакли театра «Эль кампесино» неизменно направлены против социальной несправедливости буржуазного общества. В большинстве случаев это короткие 15-минутные сценки, фарсы или скетчи, рассказывающие о положении батраков-чиканос. Сам Вальдес является автором многих из них. При этом он неизменно учитывает аудиторию и старается как можно яснее выразить основную идею спектакля. Зрители узнают в героях самих себя, и проблемы, которые ставят пьесы, больше всего волнуют и зрителей. Критики отмечают, что в коротких пьесах Вальдеса всегда проведена четкая грань между добром и злом. Однако их конечной целью является пробуждение активности масс. Театр «Эль кампесино» считает своей главной целью призвать людей к всеобщему объединению в борьбе за определение своей собственной судьбы, за лучшую жизнь¹⁵. Созданный еще в 1965 г., театр до сих пор постоянно дает представления на полях, в поселках, где живут чиканос. Несколько раз он гастролировал в Европе. Театр двуязычен, в его репертуаре одни и те же спектакли идут на испанском и на английском языках, иногда на так называемом «кальо» — смеси испанского и английского, который хорошо понятен чиканос, поскольку именно на нем они говорят между собой. Есть в репертуаре театра и несколько больших пьес: «Голова Панчо Вильи», «Забастовка», «Солдат Расо» и др.

Луис Вальдес является не только организатором нового движения, но и теоретиком современного театра. Он всячески пропагандирует свою концепцию театра наших дней, его эстетики

и назначения. «Идеальный театр, на мой взгляд,— пишет он,— это то, что делали индейцы, когда исполняли вокруг костра театрализованный танец войны и тут же прыгали на коней и мчались в бой. Где бы то ни было это поле боя — в негритянском гетто, на полях, в доме,— надо делать все, что возможно. Люди аплодируют и берутся за оружие. Мы сражаемся за общее дело, его нельзя делать в одиночку. Радикальные группы — это и есть театр. Так же как «союз батраков», идущий маршем на Сакраменто,— это театр. Так же как пикеты забастовщиков — театр. Какой театр можно назвать хорошим? — Тот, который готов дать хороший бой!»¹⁶

Эстетика театра «Эль кампесино» близка итальянской комедии масок. Одни и те же персонажи путешествуют из пьесы в пьесу. Путешествует и сам театр: спектакли играют на специальной открытой платформе, прикрепленной к автомашине. Актеры одеты в рабочие комбинезоны мексиканских батраков и шляпы-сомбреро. Реквизит сведен к минимуму; он призван лишь условно воспроизвести атмосферу, в которой происходит действие. Критика неоднократно отмечала исполнительское, профессиональное мастерство актеров.

Вслед за театром «Эль кампесино» стало возникать множество аналогичных ему коллективов. Большую популярность приобрел «Театр надежды» во главе с Х. Уэртой. В настоящее время существует свыше 25 театров этого направления. Руководители их регулярно встречаются. В 1971 г. по инициативе Луиса Вальдеса был создан своеобразный центр, координирующий деятельность «театров чикано» и организующий курсы по подготовке молодых актеров. Его назвали Национальным театром Астлан. Центр выпускает журнал «Тенас» («Театро Насиональ де Астлан») и занимается организацией ежегодных фестивалей «театров чикано». Эти фестивали очень оживляют театральную жизнь страны, и с каждым годом число их участников возрастает.

Другое важное место среди «независимых театров» принадлежит многочисленным университетским коллективам. Их деятельность также вылилась в движение, которое является частью международного движения студенческих театров. В Мексике существует множество таких театров, почти при каждом университете. Наиболее известны из них Университетская студенческая группа Монтеррея, созданная в 1970 г., и Театр УНАМ (Национального автономного университета Мексики). В репертуаре последнего наряду с пьесами мексиканских драматургов много произведений западноевропейских классических и современных авторов. Однако в любом случае, даже тогда, когда театр обращается к классике, он воспроизводит ее в самой современной форме. К сожалению, это не каждый раз дает хорошие результаты, так как классическая тематика далеко не всегда сочетается с излишне смелым экспериментаторством, являющимся неотъемлемой чертой театра.

В целом движение университетских театров выполняет приблизительно ту же функцию, что и движение «театров чикано». Оно ставит перед собой те же социально-политические задачи — пробуждение массового сознания и призыв к борьбе за преодоление социальной несправедливости. В силу своей радикальности это движение постоянно сталкивается с цензурой. Однако, несмотря на многочисленные (в том числе финансовые) трудности, движение университетских театров год от года ширится и становится все более радикальным. Оно в значительной степени определяет лицо современного мексиканского театра.

Такова в общих чертах панорама театра сегодняшней Мексики. В стране работает много талантливых драматургов. В их числе Эмилио Карбальдо, Луиса Хосефина Эрнандес, Родольфо Усигли, Серхио Маганья, Висенте Леньеро и другие, творчество которых позволяет говорить о том, что мексиканская драматургия находится в состоянии подъема. В последние годы все более важные позиции в мексиканском театре начинает занимать реалистическая тенденция. Именно в ее русле развивается самое значительное явление современного театра Мексики — движение независимых революционных театров.

Состояние мексиканского театра в настоящее время дает все основания надеяться, что у него большое будущее.

¹ *Garcidueñas J. R.* El Teatro de Nueva España en el siglo XVI. México, 1973, p. 28.

² *Garcidueñas J. R.* El Teatro..., p. 9—10.

³ Руиса Аларкона в равной степени считают драматургом двух стран — Мексики и Испании.

⁴ *Magaña Esquivel A.* Breve historia del teatro mexicano. México, 1958, p. 35.

⁵ *Latin American Theatre Review*, 8/1, Fall 1975, p. 65.

⁶ *Hispania*, N 4, diciembre, p. 997.

⁷ *Latin American Theatre Review*, 8/1, Fall 1974, p. 57.

⁸ *Mirlas L.* Panorama del teatro moderno. Buenos Aires, 1956, p. 90.

⁹ *Latin American Theatre Review*, 8/1, Fall 1974, p. 49.

¹⁰ *Latin American Theatre Review*, 8/11, Fall 1974, p. 5.

¹¹ *Latin American Theatre Review*, 7/2, Fall 1974, p. 52.

¹² *Latin American Theatre Review*, 6/1, Fall 1972, p. 68—69.

¹³ «Чиканос» — прозвище мексиканских сельскохозяйственных рабочих в США.

¹⁴ Театр, 1972, № 1, с. 150.

¹⁵ *Latin American Theatre Review*, N 8/1, Fall 1974, p. 76.

¹⁶ Театр, 1972, № 1, с. 154.

Киноискусство Мексики

Как известно, последние десятилетия ознаменовались бурным ростом кинопроизводства в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Есть все основания утверждать, что для современного мирового кинематографа характерно определенное смещение географических акцентов. Ставшие уже традиционными Ташкентские кинофестивали демонстрируют все более возрастающие социальную зрелость и художественный уровень лент, снятых в развивающихся странах представителями национальных киношкол. Выход на мировую арену не известных ранее кинематографий вызвал интерес к истории их становления, к проблеме влияния одной школы на другую и т. п. Современные исследователи кино понимают, что построить принципиальную схему развития мирового кинематографа возможно, лишь учитывая процесс становления его в мировом масштабе, а не только в Европе и США. Это прекрасно понимал Ж. Садуль, пытавшийся преодолеть в своих работах европоцентристские тенденции, характерные для многих других исследователей¹. Развернутую панораму истории мирового кино дал известный польский киновед Е. Теплиц². Однако неизученность (иногда полная) многих национальных кинематографий затрудняла и по сей день затрудняет построение общей картины, поэтому исследование развития кинопроизводства в отдельных странах и регионах является весьма актуальным.

В этом плане несомненный интерес представляет кинопроизводство в странах Латинской Америки, в частности в Аргентине, Мексике и Бразилии. Раскрытие особенностей становления кино на Латиноамериканском континенте поможет понять сущность и генезис своеобразного возрождения этого вида искусства, наблюдаемого в последние годы в странах Латинской Америки.

До относительно недавнего времени из Латинской Америки, главным образом из Мексики и Аргентины, на экраны Европы попадали большей частью музыкальные или мелодраматические фильмы. Изредка (в частности, в Советском Союзе) шли фильмы видного мексиканского режиссера 30—40-х годов Эмилио Фернандеса, например, фильм «Мария Канделярия», получивший премию на Каннском кинофестивале в 1946 г. Но в общем, как справедливо отмечала советский исследователь Л. М. Меламед, латиноамериканские фильмы «имели для зрителя неизменный привкус экзотики»³.

Тем не менее кинопромышленность таких стран, как Мексика и Аргентина, имеет долгую историю, восходящую к концу XIX в., и вполне сложившиеся традиции, о чем почти не было известно

в Европе. В подавляющем большинстве работ, специально рассматривавших ранние этапы истории мирового кино, о латиноамериканских странах практически ничего не говорится.

В настоящей статье делается попытка проанализировать развитие мексиканского кинематографа за 70 лет его существования в стране.

Как уже было сказано, мексиканская кинематография считается одной из самых развитых в Латинской Америке. Ее зарождение по времени почти совпадает с появлением кинематографа во Франции, Италии, Англии, США. Менее чем через год после того, как в декабре 1895 г. Луи Люмьер устроил на бульваре Капуцинов в Париже просмотр своих первых фильмов, аналогичное событие произошло и в столице Мексики. Незадолго до этого мексиканец Сальвадор Тоскано Барраган, инженер по образованию, выписал из Лиона киноаппарат по типу люмьеровского с прилагающимися к нему шестью фильмами длительностью в одну минуту каждый. Этот аппарат, так называемый синематограф Люмера, который можно было использовать и как проекционный, и как съемочный одновременно, называли по-разному, одни — «чудом», другие — «дьявольщиной», третьи — «движущимися картинками».

Тоскано Барраган был не только организатором первых просмотров фильмов в Мексике, но и первым мексиканским кинорежиссером. Сюжетами его коротеньких кинолент стали визиты государственных деятелей, религиозные церемонии, незамысловатые комедийные сценки. В 1898 г. он снимает художественный фильм (длинной в один ролик) «Дон Хуан Тенорьо», взяв за основу театральную постановку пьесы испанского драматурга Хосе Соррилли. Но в основном в первое десятилетие развития кино в Мексике Тоскано Барраган и его последователи, в большинстве своем фотографы, — Хулио Ламадрид, братья Сальвадор, Гильермо и Эдуардо Альба и другие — создают исключительно документальные ленты. Из отснятого Тоскано хроникального материала его дочь монтирует в 1950 г. фильм «Воспоминания одного мексиканца». В 1906 г. появляется фильм неизвестного автора «Эль Сан Лунес дель Валедор» — еще одна робкая попытка сделать художественный фильм, а в 1910 г. актер Фелипе де Хесус Аро снимает «Крик скорби». Эта работа, посвященная борьбе за независимость Мексики, считается первым полнометражным художественным фильмом, снятым в стране.

1916 год отмечен созданием первой кинокомпании «Мехиколус», для которой Хесус Аро делает фильм «Роковая гордость», положивший начало мелодраме — излюбленному жанру мексиканского кинематографа. В последующие годы в Мексике создается целый ряд частных кинокомпаний: «Ацтека-фильм», «Бандера-фильм», «Фильм колониаль» и др. Мануэль Бандера, преподаватель театрального искусства в Национальной консерватории,

основывает Школу кинематографического искусства и добивается учреждения кафедр искусства мимики и практической подготовки киноработников при консерватории.

Самый ранний этап истории мексиканского кино типологически сходен с начальными периодами развития многих национальных кинематографий, в том числе и латиноамериканских. Пионерами нового искусства становились, как правило, люди, имевшие техническое образование, а также фотографы. И в Мексике и в Аргентине первыми режиссерами, выведшими кино за границы эксперимента и начавшими снимать художественные ленты, стали деятели театра: в Мексике — М. Бандера, в Аргентине — итальянский оперный певец М. Гальо. Однако в Аргентине процесс становления кинематографа проходил более интенсивно. В 1917—1920 гг. в Мексике выпускалось ежегодно по 10 фильмов, в Аргентине — втрое больше⁴. Среди работ мексиканских режиссеров того времени можно отметить фильмы М. Бандеры «Свет» по произведению Габриэля д'Аннунцио и «Куаутемок», воскрешающий времена ацтеков; «Святая» Луиса Г. Передо — первая из многочисленных экранизаций романа Фредерико Гамбоа и, наконец, самый значительный и технически совершенный фильм «Банда в сером автомобиле» Энрике Росаса, основанный на подлинных фактах о банде преступников, в течение нескольких лет терроризировавших население столицы. Однако в период немого кино систематического кинопроизводства в стране еще не было. Кинематограф в Мексике развивался практически стихийно, благодаря частной инициативе нескольких энтузиастов.

Появление звука стало вехой, отметившей начало нового периода в истории мексиканского кино. Еще с середины 1926 г. в кинотеатре «Империаль» (бывший «Театр Колон») начали демонстрироваться первые звуковые фильмы североамериканского производства. Во второй половине 20-х годов некоторые мексиканские режиссеры предприняли ряд попыток создания звуковых фильмов. В 1929 г. Мигель Контрерас Торрес, автор многих немых лент на патриотические темы, снял короткометражный фильм «Орел и змея», звуковое сопровождение к которому было записано на грампластишки. Первый полнометражный звуковой фильм «Сильнее долга» был сделан Рафаэлем Х. Севильей в 1930 г., а в следующем году выходит очередной, теперь уже звуковой, вариант фильма «Святая», снятый по роману Ф. Гамбоа режиссером Антонио Морено.

Десятилетие между 1930 и 1940 гг. стало важным этапом развития национальной мексиканской кинематографии. В этот период постепенно налаживается систематическое кинопроизводство, мексиканское кино начинает заявлять о себе на латиноамериканском рынке.

Выпуск кинопродукции постепенно увеличивается (в 1936 г. — 25 лент)⁵, но интересных работ было мало. Вообще же положе-

ние складывающейся национальной кинопромышленности сильно усложняла конкуренция с североамериканскими фильмами, производство которых к тому времени превышало 700 фильмов ежегодно⁶, а ввоз в страны Латинской Америки был почти неограниченным. Даже появление мексиканского звукового кино не уменьшило популярности голливудских фильмов.

Одно время в Мексике велась активная борьба против фильмов на английском языке: с их прокатчиков брали двойной налог. Однако крупнейшая американская кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер», а затем и другие голливудские компании быстро сориентировавшись в обстановке, начинают снимать одновременно два варианта своих самых популярных фильмов. Один вариант — с участием известных американских актеров на английском языке, другой — с использованием тех же декораций, приемов и т. п., но с актерами, говорящими на испанском языке. Правда, в дальнейшем эта громоздкая система не оправдала себя, зрители не удовлетворяла замена «звезд» менее известными актерами, успехом по-прежнему пользовались оригиналы, а не копии, отличавшиеся к тому же, как правило, довольно скверным качеством. Но так или иначе, положения это не меняло: голливудская продукция продолжала господствовать на латиноамериканском рынке.

1931 год оказался знаменательным для мексиканского кино: в страну приезжает советский режиссер С. М. Эйзенштейн, который в течение нескольких месяцев отснял довольно большое количество материала (около 70 тыс. м пленки) с помощью режиссера Г. В. Александрова и оператора Э. Тиссэ. Изучение Мексики, ее истории, искусства помогли режиссеру найти интересное философское и композиционное решение фильма, который он собирался назвать «Да здравствует Мексика!». История Мексики для Эйзенштейна — это история борьбы двух начал: биологического (страх смерти) и социального (воля к жизни и свободе). Советский режиссер пришел к выводу о том, что великая мудрость Мексики состоит в умении радоваться вечным кругам жизни и смерти. «...Тема жизни и смерти... — пишет С. М. Эйзенштейн, — сквозная, основная, базисная тема фильма в целом. В горниле новых представлений, которые порождались революцией, на смелую беспощадному сметанию старых концепций и верований возникало и новое представление о победе над смертью, о преодолении смерти, о бессмертии. Биологически мы смертны. И бессмертны только в деяниях наших»⁷.

Исходя из такого понимания исторического своеобразия Мексики, Эйзенштейн и строил свой фильм, который должен был состоять из пролога, четырех повелл и эпилога. Почти все эпизоды были завершены, когда финансировавший фильм американский писатель Эптон Синклер, недовольный затянувшейся, по его мнению, работой, в 1932 г. остановил съемки. Фильм остался незаконченным, Эйзенштейн так и не получил отснятого им мате-

риала. Позже из распроданного по частям негатива американцами были смонтированы полнометражные ленты («Буря над Мексикой», 1934; «Время под солнцем», 1939) и несколько короткометражных. Но ни в одной из них не был воплощен замысел Эйзенштейна, который с горечью отмечал по этому поводу, что «бессмысленной склейкой, разбросом материала... уничтожена концепция, разбито целое, растоптан многомесячный труд»⁸.

Влияние эйзенштейновской эстетики проявилось в двух мексиканских фильмах, вышедших в 1934 г.: «Сети» Фреда Синнемана и Эмилио Гомеса Мюриэля и «Ханитцио» Карлоса Наварро. Первый фильм известен еще и тем, что музыку к нему написал талантливый мексиканский композитор Сильвестре Ревуэльтас, много работавший для кино⁹.

Конечно, влияние С. Эйзенштейна, создателя и ярчайшего предшественника нового кинематографического искусства, на мексиканское кино и мексиканскую культуру вообще было более широким и многогранным. По свидетельству Г. В. Александрова, имевшего возможность ознакомиться с положением в мексиканском кинематографе во время съемок фильма «Да здравствует Мексика!», работа в этой стране С. Эйзенштейна и его группы «стала школой кинематографического мастерства для зарождавшегося тогда национального кино. В итоге работы с нами (т. е. с группой Эйзенштейна.— Л. Р.) в качестве ассистентов, переводчиков, осветителей, участников массовки из многих молодых энтузиастов выковывались кадры мексиканского кинс. В то время в Мексике не было своей кинопромышленности, своих режиссеров, операторов и художников кино. Участие в съемках «¡Qué viva México!» для многих нынешних знаменитостей мексиканского кино было киноакадемией высшего класса. Они это постоянно подчеркивают»¹⁰.

Однако подавляющее большинство фильмов 30-х годов, количество которых быстро увеличивалось, представляло собой мелодрамы типа «Портовой женщины» А. Бойтлера, «Дорогой мамы» Хуана Ороля, «Пустой колыбели» Мигеля Сакариаса и т. п. Предпринимались попытки экранизировать произведения Г. Мопассана, однако фильмы получились неудачными.

Единственным отражением авангардистских течений, широко распространившихся на рубеже 20-х и 30-х годов в мировой кинематографии, стал фильм Хуана Бустильо Оро «Два монаха» (1934), который был создан под влиянием немецкого экспрессионизма.

Тем не менее на этом скудном фоне, характеризовавшем первые годы звукового кино в Мексике, появляется режиссер, создавший впоследствии целую школу в мексиканской кинематографии. Это Фернандо де Фуэнтес, среди первых работ которого наибольший интерес представляют фильмы «Кум Мендоса» (1934) и «Пойдем с Панчо Вилья» (1936). Действие обоих филь-

мов происходит в годы Мексиканской революции 1910—1917 гг. В них Фуэнтес, искренний и смелый художник, стремился раскрыть подлинное значение революции, воспеть отвагу и бесстрашие главного ее участника — народа, и ему удалось сделать это впечатляюще и тонко. Честность и правдивость Фуэнтеса как создателя фильмов о революции особенно важно отметить потому, что в дальнейшем историю Мексиканской революции превратили в одну из типично коммерческих тем, сделали ее привычным фоном даже в мелодрамах, а Панчо Вилья стал стереотипным героем многочисленных киноподелок. Революция в коммерческих фильмах — это несколько без конца эксплуатируемых шаблонных кадров: героическая смерть полного идеалами революции юноши, только что вступившего в армию, штурм города с непременным пулеметом на первом плане и т. п. Режиссеры и продюсеры благоразумно отказываются от воспроизведения явлений, не укладывающихся в рамки их схемы, вполне довольствуясь тем, что удобнее сбить. Можно говорить скорее о создании экзотической приманки для туристов, чем о стремлении к подлинному отражению революционных событий. Революцию превращают в одно из киноприключений. Более того, «официальной и общепризнанной версией Мексиканской революции становится в конце концов ее кинематографическая интерпретация»¹¹.

Мексиканская революция в качестве одной из выгодных тем коммерческого кинематографа привлекает и североамериканских дельцов, которые зачастую превращают ее в приключения разбойников-дикарей. Одна из американских кинофирм даже предлагала Панчо Вилье 25 млн. долларов за использование в своих фильмах событий его военной жизни.

40-е годы для мексиканского кино — период наибольшего расцвета. Важной причиной укрепления кинопромышленности страны были, безусловно, организационные меры по финансированию, производству и прокату. К ним можно отнести создание в 1941 г. Кинематографического банка, предоставлявшего кредиты на съемку фильмов¹², подписание декрета, обязывающего демонстрировать в каждом кинотеатре хотя бы один национальный фильм ежемесячно¹³, и некоторые другие мероприятия.

Имел значение и тот факт, что североамериканские фирмы, которые уже не могли рассчитывать только на собственные силы, чтобы полностью удовлетворить потребности латиноамериканского зрителя (хотя США не прекращали выпускать довольно значительное число кинолент на испанском языке), избрали Мексику в качестве своего союзника и опоры. Они снабжали мексиканские киностудии оборудованием, деньгами, инструктировали технический персонал. Эта помощь была, конечно, далеко не бескорыстной: голливудские компании вмешивались во все проблемы национального кино на правах хозяина, североамериканские продюсеры зачастую использовали (и до сих пор используют) мексиканские

съёмочные группы и студии в так называемых совместных кинопродукциях. На такие фильмы, снятые, как правило, голливудскими режиссерами и операторами, Мексика затрачивала немалые средства, а играла в них, по существу, роль статиста, которого попросту не замечают.

Наконец, сказалось влияние и второй мировой войны, резко снизившей конкуренцию на испаноязычном кинорынке.

С начала 40-х годов мексиканское кино развивается очень интенсивно и вскоре выходит на первое место по производству фильмов среди испаноязычных стран: от 37 фильмов в 1941 г. к 73 в 1944 г. (в Аргентине в том же году было снято только 24 фильма, в Испании — 53) и к 124 фильмам в 1950 г. (Аргентина — 57 фильмов, Испания — 49) ¹⁴. В этот период появляются быстро снискавшие мировое признание «звезды» мексиканского экрана: Мария Феликс, Долорес дель Рио, Хорхе Негрете, Артуро де Кордова, Педро Армendarис, Кантинфлас (псевдоним комического актера Марио Морено, которого называли «мексиканским Чаплином»). Снимают свои первые фильмы режиссеры Эмилио Фернандес, Хулио Брачо, Роберто Гавальдон. В 40-е годы в Мексике начинает работать всемирно известный режиссер Луис Бунюэль.

Тем не менее нельзя не отметить, что бурный расцвет мексиканского киноискусства в 40-е годы был явлением чисто количественным. Направленность национального кинематографа оставалась прежней, и к нему в полной мере можно отнести слова польского критика Рышарда Коничека по поводу механизма капиталистического кинопроизводства Америки и Европы, который, по его мнению, «действовал как бы по двум каналам передачи: создание киноиллюзии, уводящей общественное сознание от действительности в безопасные области, и привлечение интересов зрителя к мелким драмам будней, постоянное внимание к тематике, приближенной к этим будням» ¹⁵.

Мексиканское кино все более демонстративно «отворачивалось» от социальных проблем. Основную массу кинопродукции составляли фильмы, хотя и безупречные технически, но, как правило, не выходящие за рамки ставших уже традиционными жанров мелодрамы и комедии. Внутри первого жанра существовало несколько разновидностей, одну из которых представляли фильмы, лежащие исключительно в сфере семейных отношений, прославляющие семью и сводящие все проблемы социальной жизни к семейному кризису. Стоит лишь перечислить названия нескольких таких фильмов, чтобы достаточно ясно представить их проблематику: «Пустая колыбель», «Недостаточно быть матерью», «Когда уходят дети», «Моя мамочка» и т. п. Такие фильмы «носят вред... потому что отрицают необходимость сплочения и объединения,— говорит Франсиско Гомес Хара, ученый, изучающий социальные функции кино.— Человек учится видеть в своих

несчастьях самого себя, вместо того чтобы бороться против системы угнетения»¹⁶.

Другой разновидностью мелодрамы 40-х годов стали фильмы, воскрешающие времена Порфирио Диаса, правившего страной с конца XIX в. и до победы революции и установившего режим клерикально-помещичьей диктатуры. К ним можно отнести работу Рафаэля Севилли «Клятвопреступница» — первый фильм бесчисленной серии «Во времена дона Порфирио», «Ну и времена, сеньор дон Симон», «Я танцевала с доном Порфирио» и т. п. Эти и им подобные фильмы идеализировали дореволюционную эпоху, создавая у зрителей впечатление о том времени как о романтической и счастливой жизни среди музыки и поэзии.

К мелодраме восходят и так называемые фильмы-ранчо, комедии-ранчо или просто — ранчерии. Прототипом этого жанра считают работу «Там, на Ранчо Гранде» (1936) Фернандо де Фуэнтеса, отошедшего к тому времени от проблематики своих ранних фильмов. В фильмах-ранчо повсюду изображена идиллия: патриархальный рай, счастливые пеоны, с радостью угождающие доброму и благородному помещику, песни под гитару, танцы на фоне полевых пейзажей. Из фильма в фильм переходят одетые в белое благородные и угнетаемые индейцы, распеваящие песни среди неизменных агав и кукурузных полей.

Самым значительным явлением в мексиканском киноискусстве начала 40-х годов стало творчество талантливого режиссера, индейца по происхождению, Эмилио Фернандеса. Его фильмы «Остров страсти» (1941), «Я — настоящий мексиканец» (1942), «Дикий цветок» (1943), «Мария Канделярия» (1944), «Бугамбия» (1945), «Покинутые» (1945), «Влюбленная» (1946), «Макловия» (1948) и другие снимаются при участии одной и той же творческой группы, в которую входили такие известные актеры, как Долорес дель Рио, Мария Феликс, Педро Армendarис, Колумба Домингес, сценарист Маурисо Магдалено и, наконец, талантливый оператор Габриэль Фигероа, не раз получавший премии на международных фестивалях в Венеции и Каннах.

Некоторые фильмы Фернандеса («Мария Канделярия», «Рио Эскондидо», «Мексиканская девушка», «Нелюбимая») демонстрировались и в нашей стране. Затрагивавшие важные социальные проблемы, повествующие о трагических судьбах мексиканских бедняков, эти ленты пользовались у нас широкой популярностью.

Э. Фернандес претендовал в своем творчестве на выполнение очень сложной задачи: он хотел создать национальный кинематограф, найти средства для того, чтобы раскрыть духовный мир мексиканца и выразить сущность мексиканского, национального. Многое ему удалось, и, несомненно, велика заслуга этого талантливого режиссера, посвятившего свое творчество проблемам простых тружеников Мексики. Кинокритик Родольфо де Лароса, сравнивая «Марию Канделярию» с мексиканским фильмом С. Эй-

зенштейна, писал: «Если Эйзенштейн своим фильмом открыл перед мексиканской кинематографией широкую перспективу изображения народных обычаев, всего своеобразия Мексики, то Фернандес своей мастерской режиссерской работой и Фигероа своим несравненным искусством съемки создали на фоне великолепно-го мексиканского пейзажа глубоко типичные для Мексики образы большой духовной силы»¹⁷.

Безусловно, фильмы Фернандеса и Фигероа стали важным этапом развития мексиканского кино, их историческая значимость заложена уже в самом обращении к социальной тематике, которого мексиканский кинематограф 40-х годов намеренно избегал.

Но тем не менее, отдавая должное ярким, своеобразным работам Эмилио Фернандеса, стоит упомянуть и о некоторых их недостатках. Вполне вероятно, что именно благородное намерение режиссера возвысить в своих фильмах крестьянина, передать его душевную красоту привело к крайности — явной идеализации и даже эстетизации национальных особенностей. Герои его фильмов постоянно как бы демонстрируют свою исключительность.

По мнению многих кинокритиков, работы Э. Фернандеса, обладая известной долей реализма, своей излишней поэтизацией мексиканской деревни поддерживали иллюзии относительно их жизни.

И все же эти недостатки не могут заслонить главного в работах Эмилио Фернандеса — единственного режиссера 40-х годов, посвятившего свое творчество социальной тематике и проникновенно и взволнованно рассказавшего в фильмах о нелегкой жизни мексиканских крестьян. За более чем 20-летний период творчества Э. Фернандес снял свыше 30 фильмов. Влияние своеобразной эстетики его работ заметно ощутимо в творчестве таких крупных мексиканских режиссеров, как Алехандро Галиндо, Роберто Гавальдон, Исмаэль Родригес.

В 1948 г. в Мексику приезжает известный испанский режиссер Луис Бунюэль. Талантливейший художник, Бунюэль считается лидером сюрреализма в киноискусстве. В его фильмах сновидения становились явью, переплетаясь с реальностью. Вместе с Бунюэлем «в темные залы вошли Испания и мечта, сюрреальность и волшебство»¹⁸. Но творчество этого режиссера представляло собой нечто большее, чем «волшебство» и «мечту». По своей идейной направленности оно было близко к социальному бунту, хотя и с ярко выраженным анархическим оттенком, против буржуазного общества. По мнению известного мексиканского кинокритика Хосе де ла Колина, «единственные революционные фильмы, сделанные в Мексике, это фильмы Луиса Бунюэля... который понимает революцию как ниспровержение духовных основ и который пытается скорее изменить человека, изменить жизнь... чем изменить общество, хотя не исключает и эту возможность»¹⁹. Вероятно, Колина и переоценивает революционность Бунюэля,

но с критиком можно согласиться в том, что фильмы испанского режиссера были подобны брошенному камню, всколыхнувшей застоявшуюся поверхность мексиканского кинематографа. Мексиканский писатель и публицист Октавио Пас считает Бунюэля продолжателем лучших традиций испанского искусства, воплощенных в творчестве Гойи, Кеведо, Валье-Инклана, Пикассо, в испанском плутовском романе и состоящих, по его мнению, «в смелом столкновении, вторжении в реальность»²⁰.

До приезда в Мексику Л. Бунюэль работал в Испании, Франции, США. Свои первые «мексиканские» фильмы «Гран казино» (1947) и «Большой кутила» (1949) сам режиссер считал коммерческими и «лишенными интереса». Снимая эти ленты, он надеялся набрать нужную сумму для работы над интересующими его темами. И все же надо сказать, что даже эти наспех сделанные фильмы («Большого кутилу» он снял за 15 дней) нельзя было сравнивать с мексиканской «конвейерной» продукцией типа «Моя мамочка» или «Смертельный поцелуй». Любой, даже коммерческий фильм Бунюэля всегда отмечен печатью его таланта, смелостью и оригинальностью его художественного мышления. «Работая даже над заранее заданными сюжетами, бесцветными, глупыми, он ни разу не предал, ни разу не пошел против собственной совести и своих идей», — пишет известный киновед греко-французского происхождения Адо Киру²¹.

Первой по-настоящему значительной работой мексиканского периода Бунюэля стал фильм «Забытые» (1950), в котором он рассказал о детях, выброшенных обществом, живущих в страшной нищете, деградирующих, становящихся преступниками. В том же году появляется его «Сусанна, плоть и дьявол» — фильм, в котором Бунюэль развенчал буржуазный институт семьи, а в 1951 г. «Дочь обмана», «Женщина без любви» (экранизация «Пьера и Жана» Г. Мопассана) и «Вознесение в небеса» — современный вариант плутовского романа.

Большой интерес представляют и последующие работы Бунюэля: «Невежа», «Он» (1953), «Робинзон Крузо» (1955). Фильм «Робинзон Крузо», продолжая тему «Золотого века» — фильма, созданного Бунюэлем совместно с Сальвадором Дали в 1930 г., прославляет любовь, страстную, бесконечную, ураганом врывающуюся в жизнь и все сметающую на своем пути. В фильме «Он» любовь тоже занимает главное место. Герой фильма — человек, которому уже за 40, мечтает о любви, о безумной «бунюэлевской» любви (*amour fou*). И он встречается такую любовь, но слишком поздно. Герой — продукт буржуазного общества, пропитанный моралью и установлениями всех его институтов — школы, семьи, церкви, армии, не может отрешиться от законов общества, которому принадлежит, не может, не умеет быть свободным от пут его морали. Решив уничтожить эту мораль, отомстить обществу, искалечившему его, он обрушивает весь свой

гнев на одну из основных опор общественной морали, на церковь в лице священника, которого он убивает. Таким образом Бунюэль выносит приговор обществу, заковывающему в цепи все истинное, настоящее, светлое — то, что в его фильмах олицетворяет любовь. И в «Робинзоне Крузо» режиссер создает трагический образ человека, который, как и герой предыдущего фильма, принадлежит буржуазному обществу и даже на необитаемом острове пытается насколько возможно полнее воссоздать свою прошлую жизнь.

К более поздним фильмам Бунюэля, снятым в Мексике, относятся «Река и смерть» (1954), «Насарин» (1958) и др. Затем Бунюэль некоторое время работает во Франции и Испании, где снимает великолепный фильм «Виридиана», в котором страстно осудил католическое мировоззрение, религиозное лицемерие, всю систему жизни современной Испании. Демонстрация этого фильма вызвала такое недовольство франкистских властей, что Бунюэлю запретили продолжать работу на родине.

По мнению французского кинокритика Клера Клузо, не кто иной, как Луис Бунюэль, указал дорогу кинематографу протеста в Мексике²².

Среди других испанских режиссеров, прибывших в Мексику после 1939 г., известность приобрели Луис Алькориса, Хосе Мигель Гарсиа Аскот, Карлос Вело.

Алькориса сотрудничал с Бунюэлем с 1949 по 1962 г. в качестве сценариста, его режиссерский дебют относится к 1960 г. (фильм «Молодые»). В фильмах «Тлайюкан» (1961), «Охотники за акулами» (1962), «Тараумара» (1965) он обратился к социальным проблемам. В этих работах заметно сказалось влияние эстетики Л. Бунюэля. С одним из последних фильмов Алькорисы («Предсказание») советские зрители могли познакомиться во время Недели мексиканского кино, проводившейся в Москве в апреле 1976 г.

Хосе Мигель Гарсиа Аскот получил известность благодаря фильму «На пустом балконе» (1961), посвященному испанским эмигрантам. Этот фильм, снятый автором на собственные средства, получил в 1962 г. международную премию в Локарно²³, но в Мексике демонстрировался лишь в нескольких киноклубах.

Лучший фильм Карлоса Вело (еще один испанский по происхождению режиссер, работавший в Мексике) — «Тореро», вышедший в 1956 г. и демонстрировавшийся в нашей стране, посвящен жизни матадора Луиса Прокуны.

50-е годы характеризуются углублением экономических и эстетических проблем мексиканского кино, в какой-то степени связанных с тем, что национальный кинематограф, нуждавшийся в обновлении, в приходе молодых, прогрессивных сил, которые сломали бы привычные киноштампы, был накрепко «привязан» к государственным бюрократическим учреждениям. Кинематогра-

фический банк, контролировавший 90% кинозалов страны²⁴ и предоставлявший в кредит от 60 до 80% стоимости фильма²⁵, управлялся крупными государственными чиновниками, далеко не всегда сведущими в искусстве. Благодаря своим полномочиям отвергать или одобрять сценарии будущих фильмов Кинематографический банк превратился в своего рода цензурное учреждение. Как правило, к постановке принимались сценарии, написанные по давно опробованным формулам. Кроме того, в Мексике были образованы крупные монополии, занимающиеся кинопрокатом. Созданные с целью вытеснить североамериканскую «Монополию Дженкинс», владеющую множеством кинозалов, в которых демонстрировалась исключительно продукция США, эти фирмы поначалу играли весьма положительную роль. Но затем «Пеликулас насьоналес», распространявшая фильмы внутри страны, «Пеликулас мекиканас», ведавшая прокатом по всей Латинской Америке, и «Сине мекикано», демонстрировавшая мексиканские фильмы за рубежом²⁶, стали всесильными контролерами, без которых ни один фильм не мог получить право проката.

Синдикат работников кинематографии, основанный в марте 1945 г.²⁷ с целью оградить национальное кино от проникновения случайных элементов, на деле лишил его способных режиссеров, операторов, сценаристов, поскольку синдикат стал почти замкнутым организмом и войти туда было чрезвычайно сложно. Результатом политики «закрытых дверей» стало то, что за период с 1945 по 1958 г. в стране дебютировали лишь 14 режиссеров (в то время как с 1938 по 1944 г., т. е. до образования синдиката, появилось 69 новых режиссеров)²⁸. Таким образом, в течение десятилетий направление мексиканского кинопроизводства определяли одни и те же режиссеры, продюсеры и сценаристы, которые в своих работах и не пытались вырваться из старых схем. «Те же самые режиссеры приглашают тех же самых актеров, используя те же самые сюжеты, написанные теми же самыми сценаристами, снятые теми же самыми операторами и предназначенные для тех же самых зрителей, состоящих из миллионов безграмотных латиноамериканцев», — писали испанские кинокритики Аугусто Мартинес Торрес и Мануэль Перес Эстремера²⁹. «Мексика погружается в пучины некоего иллюзорного прошлого, а старые режиссеры цепляются за свои искаженные и отжившие представления о кино», — уточнял мексиканский режиссер Мануэль Мичел³⁰.

Мексиканская кинопромышленность, в свое время приносящая огромные доходы стране, быстро теряет рынки сбыта; падает и рост кинопродукции — от 122 фильмов в 1950 г. до 29 в 1963 г.³¹.

В обстановке кризиса в августе 1964 г. по инициативе одного из отделов Синдиката работников кинематографии организуется Первый конкурс экспериментального кино. Впервые получено

разрешение на демонстрацию фильмов без предварительного цензурного отбора их членами Кинематографического банка. На конкурс было представлено 12 картин, снятых 18 (поскольку два фильма состояли из нескольких новелл) режиссерами-дебютантами. Первую премию получил фильм «Секретная формула» Рубена Гомеса, снятый по рассказу Хуана Рульфо. Режиссер Альберто Исаак в работе «В этом городке нет воров» (вторая премия), сделанной по рассказу Габриэля Гарсиа Маркеса, изображает монотонную жизнь маленького городка. В фильмах «Любовь, любовь, любовь» и «Влюбленные», состоящих из небольших новелл, участвовали еще пять режиссеров: Хуан Ибаньес, Х. Гуррола, Эктор Мендоса, Хосе Луис Ибаньес и Мигель Барбачано. Из остальных работ конкурса внимания заслуживает фильм «Далекий ветер», состоящий из трех киноновелл, снятых по мотивам рассказов Хосе Эмилио Пачеко режиссерами Серхио Вехаром, Мануэлем Мичелом и Саломоном Ляйтером.

За исключением «Секретной формулы» — единственного фильма, критически рассматривавшего отдельные аспекты национальной жизни, все остальные работы характеризует отсутствие интереса к социальной проблематике. Не случайно в дальнейшем большинство режиссеров, участвовавших в конкурсе 1964 г., перешли в коммерческий кинематограф (Альберто Исаак, Хуан Ибаньес, Серхио Вехар, Хуан Герреро и др.). Для них конкурс представлял интерес лишь постольку, поскольку давал возможность снять еще один фильм.

Из других событий 1964 г. нужно отметить образование Университетского центра по изучению кинематографии. Среди выпускников центра — Хорхе Фонс («Зелень», 1970), Рауль Каммффер («Миктлан, или Дом тех, кого уж нет», 1969), Альберто Бохоркес («На поиски!», 1969), Хайме Умберто Эрмосильо («Наши», 1969), Леобардо Лопес («Крик», 1968; «Катарсис», 1969) и др. Этих режиссеров объединяет критическая направленность творчества, они пытаются развенчать возведенные в культ и официально освящаемые буржуазные ценности.

Последний из перечисленных режиссеров — Леобардо Лопес был инициатором одной из двух попыток создания политического кино в Мексике. Его фильм «Крик», снятый совместно со студентами Автономного университета Мехико, рассказывает о студенческих демонстрациях в столице в 1968 г., жестоко подавленных полицейскими. Тем же событиям посвящен второй политический фильм — «Свидетельство одной агрессии» — коллективная работа, снятая подпольно отделом кино при Национальном стачечном комитете. Оба фильма были запрещены, а Леобардо Лопес в 1970 г. покончил с собой.

В 1967 г. был организован Второй конкурс экспериментального кино, доказавший по сути дела несостоятельность усилий по обновлению национального кинематографа, предпринимаемых

официальными органами. Было представлено всего 7 фильмов (на Первом конкурсе — 35), а участниками конкурса оказались в основном довольно посредственные режиссеры.

В 1968 г. после подавления студенческих демонстраций конкурсы экспериментального кино вообще упразднили. Опасения государственных органов были связаны с тем, что условия конкурса предполагали свободный выбор сюжетов и некоторые из представленных фильмов могли бы отразить настроения студенчества. Кинокритик Перес Туррент так комментировал сложившееся положение: «Перед лицом таких факторов те, кто в 1965 г. звонил в колокола по поводу появления освободителей мексиканского кино, начали посылать проклятия против «предателей». Это заблуждение, как заблуждение и то, что новые кинематографисты думают, что ход вещей можно изменить «изнутри» и постепенно. Это значит не давать себе отчета в том, что мексиканское кино — монолитный, устоявшийся, прочный организм, интересы которого в конечном счете совпадают с самыми разнообразными интересами, управляющими жизнью страны. Незначительные реформы или изменения, если таковые вообще существуют, совершенно теряются среди конкретных проблем, опасений, уступок и т. п. В самом деле, с какой стати мексиканское кино должно меняться раньше, чем изменится то, что его определяет?»³².

В последнее десятилетие наибольшую надежду на подъем национальной кинематографии внушали те деятели кино, которые, отказавшись от финансовой поддержки государства, а тем самым и от тех обязательств, которые такая помощь предполагает, по-иному подходят в своем творчестве к различным проблемам современной мексиканской действительности, пытаясь порвать с устаревшими канонами, издавна тяготеющими над мексиканским кино. В 1969 г. эти кинематографисты составили группу «Независимое кино Мексики», в которую вошли Поль Ледук, Фелипе Касальс, Артуро Рипштейн, Алексис Гривас. Впоследствии к ним примкнули Хайме Умберто Эрмосильо, Арчибальдо Бурнс, Густаво Алатристе, Алехандро Ходоровски, Хосе Боляньос. Затем членом группы стал и талантливый чилийский режиссер Мигель Литтин. «Независимые» сняли фильмы: «Час детей» (1969), «Преступление» (1970), «Красота» (1970) — Рипштейн; «Будни» (1969) — Касальс и др. Позднее Фелипе Касальс выходит из группы и начинает работать отдельно, хотя в целом продолжает придерживаться принципов, близких принципам «Независимого кино Мексики». В 1970 г. он снял фильм «Эмилиано Сапата», посвященный герою Мексиканской революции 1910—1917 гг., а затем «Те годы» — фильм, рассказывающий о выдающемся государственном деятеле Бенито Хуаресе (с этой работой советские зрители познакомились на VIII Московском международном кинофестивале 1973 г., где он был отмечен специальным призом жюри за разработку темы национально-освободительной борьбы). Еще одна

из недавних работ группы — талаптливая экранизация произведения Джона Рида «Восставшая Мексика», поставленная режиссером Полем Ледуком: она разрушает традиционные киноштампы о Мексиканской революции.

Выше уже упоминалось о том, что тема революции в мексиканском кино разрабатывалась многими режиссерами, но далеко не всегда бескорыстно, в связи с чем Хосе де ла Колина отмечает: «Революция как слово, идея, факт не перестает кипеть в венах Мексики, но Мексика никогда не создавала (я отвечаю за свои слова) революционного кино. Кино о революции — да; кино, *считающееся* революционным, — да; кино *под предлогом* революции — еще раз да; но *революционного* кино — никогда»³³.

Нужно отметить, что под «революционным кино» большинство латиноамериканских кинокритиков понимает не только буквальную разработку кинематографом темы революции, но и такое кино, которое «отражает и критикует сложную экономическую и политическую действительность на континенте, а также показывает путь избавления от нищеты и эксплуатации»³⁴. С этой точки зрения остро критические картины современных мексиканских режиссеров, фильмы протеста против полицейских репрессий, капиталистической эксплуатации (Алатристе, Леобардо Лопес), духовных и религиозных табу (Ходоровски, Хельсен Гас, Касальс), буржуазного общества в целом (Рипштейн) можно отнести к «революционному кино».

Положение в мексиканском кино 70-х годов в значительной степени отразили фильмы, представленные на IX Международном кинофестивале в Москве (1975) и на Неделе мексиканских фильмов, проходившей, как упоминалось выше, в апреле 1976 г. в Москве. Хочется подчеркнуть не просто разнородность этих кинолент, но само по себе напрашивающееся противопоставление многих из них друг другу, что как нельзя более наглядно иллюстрирует процессы, происходящие в мексиканском кино. Борьба двух основных тенденций — самое значительное явление в современном кинематографе страп Латинской Америки, в частности Мексики. Первая тенденция — массовый выпуск фильмов в рамках давно сложившихся традиций коммерческого кино, предлагающих зрителю «суррогат реальности, где все определяется не социально-историческими закономерностями, а неожиданными поворотами фортуны»³⁵. Вторая тенденция представлена «новым кино», активно разрабатывающим социальную проблематику.

Однако определенные метаморфозы претерпели и фильмы коммерческого направления, так что у зрителей может возникнуть вполне правомерный вопрос: почему же в них изображен «суррогат реальности», если фильмы рассказывают о судьбе сироты в приюте («Беспризорная»), о несчастной, тяжело больной девушке, помочь которой может лишь дорогостоящая операция, а у нее нет для этого денег («Каменщик») или об отчаявшемся юноше Адаль-

берто, который бродит по стране в поисках работы («Неизвестный»)? Дело в том, уверяют нас авторы фильмов, что все эти несчастия — временные, случайные, справедливость в конце концов всегда торжествует. Человечество делится в этих лентах на хороших, ангельски добрых людей, с одной стороны, и коварных, злых жестоких — с другой. Последние, разумеется, терпят крах, расплачиваясь за вероломство и жестокость, а несчастия первых заканчиваются, как по мановению волшебной палочки: девочку-сироту, несмотря на все старания злодейки-воспитательницы помешать этому, удочеряет добрая и богатая супружеская чета (к тому же по удивительному совпадению супруг оказывается настоящим отцом девочки); влюбленный в хромую девушку, рабочий-каменщик достает деньги, чтобы заплатить за операцию, и вскоре его возлюбленная становится знаменитой певицей; Адалберто находит работу на ранчо прекрасной и доброй Кармен, на которой вскоре и женится³⁶.

Но снимаются в Мексике и другие фильмы. Зачастую разные по жанру, тематике, стилистике, эти работы объединены общим стремлением активного отказа от принципов коммерческого кино. Прогрессивные мексиканские режиссеры борются против ремесленничества в киноискусстве, против коммерческого кинематографа, который до сих пор остается очень сильным их противником. Конечно, на этом пути наряду с несомненными удачами были и поражения, но уже сейчас можно отметить, что прогрессивное мексиканское кино одержало принципиальную победу над кино коммерческим. Доказательство этому — многие из последних работ мексиканских кинематографистов. Некоторые из них были показаны в Москве.

Фильм молодого режиссера, выпускника московского ВГИКа Серхио Ольховича «Дом на юге» (1975) рассказывает о том, как крестьянам, жителям бедного поселка, затерянного среди каменистых, унылых и скудных земель, правительство предлагает переселиться на юг, где их будто бы ожидает богатая и счастливая жизнь. Крестьяне собирают свой скарб, вырывают, согласно обычаю, кости умерших предков и отправляются в нелегкий путь. Наконец они добиваются до долгожданной земли — острова, расположенного среди широкой лагуны, и кажется, что их мечты сбылись. Но выясняется, что у машины, преподнесенной крестьянам правительством в качестве великодушного дара, нет колес, и этой небольшой детали достаточно, чтобы увидеть истинную цену щедро раздававшимся обещаниям. Тем не менее крестьяне, привыкшие рассчитывать на собственные силы, строят хижинки, обрабатывают землю, налаживают по мере возможностей свою жизнь, пока их не постигает новое несчастье: помещику, хозяину «дома на юге», правительство отдало земли, на которых живут крестьяне, и он попросту выгоняет их. Помещик предлагает крестьянам работать на него, но Хенаро, главный герой фильма,

отказывается, предпочитая независимость кабале. Крестьяне не соглашаются добровольно уйти с острова, и тогда приходят солдаты и стреляют в беззащитных людей.

Фильм рассказывает о бесправии и нищете крестьян не только в прошлом веке, но и во все времена. Режиссер показывает это с помощью нескольких любопытных штрихов: солдаты, появляющиеся в фильме то в качестве конвоиров, сопровождающих крестьян в дороге, то для того, чтобы согнать их с земли и расстрелять непокорных жителей острова, одеты в расшитые мундиры начала века или облачены в современные гимнастерки и вооружены автоматами последних моделей. Иногда солдаты в одежде самых разных эпох объединяются вместе, выступая против крестьян. Обыгрываются и образы обитателей «дома на юге»: хозяин, его жена и дочь облачаются то в пышные туалеты прошлого столетия, то в модные современные костюмы. Так режиссер поясняет свою мысль о том, что крестьян угнетали во все времена и всегда нищета и несправедливость были их уделом.

Вынужденные покинуть остров, крестьяне приплывают к какой-то пустынной земле, над которой гордо возвышается древний ацтекский храм. Стоя на ступенях храма и глядя на величественную и бесконечную гладь раскинувшегося перед ними моря, Хенаро говорит: «Что с нами будет дальше — неизвестно, но главное — мы свободны». Финал фильма оптимистичен: крестьяне — наследники великой культуры, истинные хозяева бескрайних земель страны. Последние кадры (крестьяне на ступенях храма) символизируют вечную и незыблемую историческую преемственность поколений. Авторы фильма говорят: за крестьянами-тружениками, обрабатывающими основу основ всего — землю, стоит вся тысячелетняя история Мексики. И в этой преемственности залог того, что свободолюбие, независимый и гордый дух, неисчерпаемая жизненная сила народа непобедимы.

Проблемам крестьянина, в данном случае индейца, посвящен и фильм «Не слышишь, как лают собаки?», снятый режиссером Франсуа Райшенбахом по сценарию Карлоса Фуэнтеса. Одно из достоинств этого яркого, талантливого фильма состоит в том, что в нем развенчиваются пасторальные идиллии, которые много лет навязывались зрителю коммерческим кино. Композиция фильма необычна. По сути дела его сюжет ограничивается поисками врача, которые предпринимает пожилой индеец, чтобы спасти заболевшего сына. Врача пайти не удастся, и мальчик умирает. Но содержание фильма не исчерпывается этими событиями, оно гораздо шире и сложнее. Бесконечные лихорадочные скитания индейца с ребенком на руках («Наши дороги слишком длинные... Мы ходим по ним всю жизнь» — говорит мальчику отец) перемежаются видениями прошлого, будущего, сценами, возникающими как будто лишь в воображении, во сне или в забытии. Реальное переплетается с вымышленным, подсознательное, сюрре-

альное — с простой будничной жизнью, причем зачастую «над-реальное» подчеркивает, усиливает и объясняет действительное. Фильм излагает как бы несколько вариантов будущего, которое может ожидать Игнасио — сына индейца. Отец старается убедить мальчика в том, что его ждет прекрасная сказочная жизнь: он вырастет, станет вождем племени, женится на прекрасной Хасинте. Вождю подобает быть мудрым и справедливым, и потому мальчику надо прочесть много книг, но «по-настоящему индейцев выучивает душа», — говорит отец сыну. Эпизоды старинной индейской свадьбы сменяются на экране современным городским пейзажем. Мы видим взрослого Игнасио в городе, в чужом для него мире, который не принимает его, втоптывает в грязь его неискушенность и чистоту. Столкновение Игнасио с городом — это столкновение первозданной чистоты, неиспорченности, бесконечной любви с холодным, жестоким и циничным миром. Любовь Игнасио к Хасинте, единственно цельное и подлинное в этом шумном и грязном мире, отвергается — она здесь нелепа, непонятна, никому не нужна. Хасинта, которую Игнасио любит нежно и преданно, отворачивается от него с презрением и уезжает с первым попавшимся молодчиком. На прощанье она говорит Игнасио, что не хочет остаться с ним, потому что жаждет вырваться из тисков их жалкой нищей жизни, а он, Игнасио, «кончит тем же, чем начал», т. е. никогда ничего не добьется. И такова судьба всех индейцев. Они здесь чужие, для них всегда не хватает работы, с ними не принято церемониться, они обречены на полуголодное и унижительное существование. Недаром отец предупреждал Игнасио: «Справедливость надо искать здесь, у нас, а не по ту сторону гор. Там солнце — ничто, воздух черен и грязен, а земля похоронена под высокими домами. Мы не можем там жить».

Но режиссер подчеркивает, что и в бедных индейских деревнях, где на десятки верст вокруг не найти врача и где так часто умирают дети, трудно отыскать справедливость. Одна из самых впечатляющих сцен фильма — приезд в индейскую деревню группы разряженных туристов, которые обступают индейца с маленьким умирающим мальчиком на руках. Ребенок просит пить, но туристы озабочены лишь тем, чтобы запечатлеть на пленках своих фотоаппаратов «эффектную сцену».

Игнасио умирает, когда отец (в который уже раз!) рассказывает сыну, как он будет счастлив, когда станет вождем и встретит прекрасную Хасинту. И невольно возникает мысль: может быть, смерть — не худший исход для мальчика, которого в этом мире ждут лишь страдания.

Фильм «Предсказание» (1975), созданный известным режиссером Луисом Алькорисой и не менее известным оператором Габриэлем Фигероа по сценарию Габриэля Гарсиа Маркеса (совместно с режиссером), сохраняет многие особенности художественного видения мира крупнейшего колумбийского писателя. Снова, как

и во всех произведениях Маркеса, перед нами события, происходящие в вымышленной деревне, которая может находиться в любой из стран Латинской Америки. И вновь, как обычно бывает в произведениях Маркеса, здесь реальное переплетается со сверхъестественным, создавая совершенно особую завораживающую атмосферу, в которой необычное естественно и просто входит в повседневную жизнь. Правда, нужно отметить, что в «Предсказании» «чудесного», безусловно, меньше, чем обычного, будничного материала. Более того, автор убеждает нас в том, что потусторонние явления существуют лишь в воображении смертельно напуганных людей. И только зародившийся в их сознании страх, вызванный боязнью возмездия за свои грехи, озлобляет жителей деревни и действительно начинает направлять их жизнь.

Начало всем бедам положило несчастье, произошедшее с глубоко почитаемой в деревушке старухой Мама Сантос: из ее рук выпал и разбился считавшийся священным сосуд, который она хранила всю жизнь. Убитая горем Мама Сантос предсказывает, что в деревне должно случиться какое-то ужасное событие. Такая завязка помогает авторам фильма показать, что может сделать с обычными в общем-то людьми животный страх перед приметами и предсказаниями, насколько могут стать жестокими и ничтожными самые заурядные люди, живущие по законам вековой давности, в затхлом провинциальном мире. Естественно, что в подобных случаях всегда должен быть виноватый, и им становится недавно поселившийся в деревне вместе с семьей крестьянин Фелипе, в доме которого к тому же и разбилась таинственная бутылка. Ночью кто-то бросил в него камень, и он едва не погиб. Его маленького сына выгоняют из школы, потому что жители деревни не хотят, чтобы их дети учились с сыном Фелипе; едва удастся спасти собаку, принадлежащую Фелипе, — ее собирались повесить. А когда Фелипе с женой и двумя маленькими детьми не в силах сносить постоянной травли покидают деревню, несколько человек с перекошенными от злости лицами догоняют их и избивают.

Предчувствие катастрофы, атмосфера ожидания чего-то ужасного настолько озлобляет людей, что они вымещают страх, злость, ненависть даже на своих близких: жена обвиняет мужа в том, что это из-за его «дурной крови» у нее родятся слабые дети; муж, охваченный тупой, бессильной яростью, убивает своего мула, а потом замахивается топором и на жену; хромой юноша Маркос говорит матери, что все его ненавидят из-за увечья, а он ненавидит ее, свою мать. Жестокость и злость, как при цепной реакции, распространяются с невиданной быстротой, и вот уже мать Маркоса, учительница в местной школе, зверски избивает своих учеников-малышей только потому, что они здоровы.

Страх, злость, ожидание близкого конца, как ураган, разрушает деревню. Лавочник взвинчивает цены на продукты, булочник

не может покупать у него муку, в деревне начинается голод, а у лавочника — целый склад продуктов. Тогда разъяренные жители поджигают его имущество. Все принимают участие в дикой, чудовищной сцене: в огромном костре сжигают все принадлежащее лавочнику, вымещая свою ярость на мешках, ящиках, столах, коробках. Ночью неожиданно звонит церковный колокол, несколько крестьян бросаются на колокольню, но находят там только большого филина, которого тут же и распинают, прибив гвоздями его крылья. Скотина дохнет от чумы. В церковной купели обнаруживают мертвую мышь, что приводит жителей в трепет. В конце концов крестьяне собирают свой скорб и покидают деревню. Как будто удовлетворенная тем, что ее предсказание сбылось, Мама Сантос говорит, глядя на опустевшую деревню, над которой кружат стервятники: «Вы видите, что это правда, — с этой деревней должно было что-то случиться». Так заканчивается этот великолепно снятый фильм, обличающий дикость, суеверие и невежество массы латиноамериканского крестьянства.

На Неделе мексиканского фильма была показана первая работа режиссера Хуана Мануэля Торреса, получившая в 1975 г. премию Мексиканской киноакадемии. Его фильм «Вторая девственность» посвящен современной молодежи, его герои — обычные молодые люди. Режиссер как будто наудачу выхватил несколько судеб из огромного людского потока. Ничем не примечательна жизнь молоденьких девушек Евы и Лауры, официанток в маленьком кафе, и их приятеля Адриана, служащего кинопрокатной фирмы. Таких юношей и девушек тысячи. Режиссер представляет нам Адриана в тот момент, когда он знакомится с Евой. Сначала создается впечатление, что Адриана полностью захватила любовь и он далек от всего остального, не имеющего отношения к его чувству. Однако постепенно мы убеждаемся, что у молодого человека появляется осознанный протест против общества, в котором он живет. В этом ему помогает другой герой фильма — социалист Лопес, изучающий марксистскую философию. Одна из самых впечатляющих сцен фильма: в ночном ресторане, в темноте, Лаура зажигает одну за другой спички, чтобы Лопес мог читать ей вслух книгу о национальном освобождении развивающихся стран. Лопес буквально открывает ей новый мир, и Лаура жадно, как ребенок, слушает его, и каждое слово Лопеса для нее откровение. В фильме показано пробуждение осознанного социального протеста в среде мексиканской молодежи. И хотя отчаянные поступки героя пока похожи лишь на стихийный неосознанный бунт против жестокости, подлости, грязи, они тем не менее доказывают его способность на сознательную борьбу против общества, в котором процветает социальное неравенство.

Подчеркнутое, по выражению советского исследователя театра и кино В. Силюнаса, стремление прогрессивных режиссеров Латинской Америки к «соотнесению вымысла с реальностью»,

к их синтезу обусловлено прежде всего желанием выработать киноязык, а шире — собственные эстетические принципы, которые максимально соответствовали бы идеологическим задачам, поставленным перед собой этими режиссерами³⁷.

Как известно, история искусства и литературы многих стран мира имеет типологически сходные периоды в своем развитии. Так, при становлении революционного искусства в нашей стране и других европейских странах (прежде всего во Франции и Германии), как правило, на начальном этапе проявлялись авангардистские тенденции, поскольку очень часто само понятие авангарда в искусстве отождествлялось с революционным искусством вообще. Однако через некоторое время действительно революционные художники освобождались от крайностей, и в результате их творчество поднималось на новую ступень (примеры тому — В. Маяковский в нашей стране, В. Брехт в Германии, Л. Арагон и П. Элюар во Франции). Одна из причин этого в общем-то достаточно типичного явления заключается в смешении на первых порах, так сказать, внешнего вида с внутренней сущностью, например, какой-то художественный прием, используемый в «старом» искусстве, связывают с каким-либо дискредитировавшим себя представлением. Но проходит время, и оказывается, что дело не во внешнем виде приема, а в его функциональной значимости, вследствие чего происходит определенный пересмотр взглядов на те или иные эстетические принципы. Становится очевидным, что органического единства данного приема с определенным комплексом идей не существует и что их соотносительность была чисто внешней. Но чтобы осознать это, необходимо время.

Если посмотреть с такой точки зрения на развитие прогрессивного мексиканского кино, то последние работы режиссеров этого направления дают все основания утверждать, что поиски ими собственного киноязыка, собственных форм выражения окажутся весьма плодотворными.

Подводя итоги развития киноискусства Мексики, можно сказать, что оно прошло путь, в принципе аналогичный европейскому и американскому кинематографу. Правда, здесь мы не увидим сверхярких фигур, не было сделано и тех фундаментальных открытий, какими могут гордиться европейские представители самого молодого искусства. Но тем не менее мексиканский кинематограф имеет свою многолетнюю историю, сложившиеся традиции. Мексиканское кино отличается от кинематографий большинства стран континента, как и от многих кинематографий Азии и Африки, то, что оно развивалось параллельно кинематографу «эталонных» кинодержав. Мексиканской кинематографии не пришлось ускоренным темпом переживать период ученичества, и поэтому на современном этапе она свободна от инфантильности. Думается, что большие внутренние силы и возможности мексиканского кино в скором времени реализуются в полной мере. Это

убедительно доказывают последние работы прогрессивных режиссеров страны, смело и решительно создающих кинематограф проблемный, остросоциальный, утверждающий новое кино Мексики.

- ¹ *Садуть Ж.* Всеобщая история кино. М.: Искусство, 1958—1963; *Он же.* История киноискусства. М.: 1957.
- ² *Теплиц Е.* История киноискусства. М.: Прогресс, 1968—1974, т. 1—4.
- ³ *Меламед Л. М.* «Новое кино» Латинской Америки.— Латинская Америка, 1971, № 6, с. 73.
- ⁴ *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano. Barcelona, 1973, p. 12, 161.
- ⁵ *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano, p. 165.
- ⁶ *Riera E. G.* Historia documental del cine mexicano. México, 1969, t. I, p. 9.
- ⁷ *Эйзенштейн С. М.* Избр. произв.: В 6-ти т. М.: Искусство, 1964, т. 1, с. 148.
- ⁸ *Эйзенштейн С. М.* Избр. произв., т. 1, с. 152. В настоящее время снятый С. Эйзенштейном материал возвратился на родину и группа Г. В. Александрова завершила работу над его восстановлением.
- ⁹ См. статью П. А. Пичугина в настоящем сборнике.
- ¹⁰ *Александров Г. В.* Эпоха и кино. М.: Политиздат, 1976, с. 157.
- ¹¹ *Siempre (México)*, 1973, N 1079, p. 111.
- ¹² *Enciclopedia cinematográfica mexicana.* México, 1955, p. 844.
- ¹³ *Riera E. G.* Historia..., t. I, p. 230.
- ¹⁴ *Riera E. G.* Historia..., t. I, p. 305; México, 1970, t. II, p. 405.
- ¹⁵ Мифы и реальность. М.: Искусство, 1974, с. 228.
- ¹⁶ *Siempre*, 1973, N 1059, p. 41.
- ¹⁷ Цит. по: Иностранная литература, 1980, № 9, с. 280—281.
- ¹⁸ *Kyrou A. Luis Buñuel.* Paris, 1966, p. 10.
- ¹⁹ *Cinéma 71 (Paris)*, 1971, N 157, p. 97.
- ²⁰ *Riera E. G.* Historia..., 1972, t. IV, p. 163.
- ²¹ *Kyrou A. Luis Buñuel*, p. 42.
- ²² *Clouzot C.* Petite planète du cinéma.— *Cinéma*, 71, 1971, N 157.
- ²³ *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano, p. 176.
- ²⁴ *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano, p. 176.
- ²⁵ См.: *Сечанова С.* Латиноамериканско революционно кино. София, 1973, с. 61.
- ²⁶ *Enciclopedia cinematográfica mexicana.* México, 1955, p. 847.
- ²⁷ Мексика. Экономика, политика, культура. М.: Наука, 1968, с. 36.
- ²⁸ *Visión (México)*, 1965, N 3, p. 31.
- ²⁹ *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano, p. 178.
- ³⁰ *Cinéma 66*, 1966, N 106, p. 89.
- ³¹ Латинская Америка, 1971, № 6, с. 75.
- ³² *Torres A. M., Estremera M. P.* Nuevo cine latinoamericano, p. 182.
- ³³ *Cinéma 71*, 1971, N 157, p. 97.
- ³⁴ *Сечанова С.* Латиноамериканско..., с. 4.
- ³⁵ *Силюнас В. Ю.* Латинская Америка на фестивальном экране.— Латинская Америка, 1975, № 6, с. 156.
- ³⁶ Подробнее об этих лентах см. в указанной статье В. Ю. Силюнаса.
- ³⁷ *Силюнас В. Ю.* Латинская Америка на фестивальном экране, с. 161.

Мексиканская литература в СССР

Интерес к мексиканской литературе в России возник в конце 1820-х годов, вскоре после завоевания Мексикой независимости¹. На протяжении XIX в. в русской печати был опубликован ряд материалов о мексиканской литературе различных периодов². В начале нашего столетия с размышлениями о мексиканской (ацтекской) поэзии и с переводами из нее выступил русский поэт К. Бальмонт³. Однако традиция научного исследования и широко-го перевода мексиканской литературы в дореволюционной России не утвердилась. Работы, посвященные этой теме, были немногочисленны, носили общий характер и заимствовались из иностранных источников. На русский язык литературные произведения Мексики переводились в крайне ограниченном количестве и к тому же не с языка оригинала⁴.

Отсутствие в дореволюционной России подобной традиции и невозможность заложить ее основы в трудные послереволюционные годы⁵ явились причиной того, что в первой половине 1920-х годов представления о мексиканской литературе пополнялись медленно и только за счет сведений о тех писателях колониального периода, которых обычно относят и к мексиканской, и к испанской литературе; знакомство с ними русского читателя стало возможным постольку, поскольку они находились в сфере интересов испанистики, более развитой в то время, чем латиноамериканистика. Сведения о таких испано-мексиканских писателях колониального периода можно было найти в переведенной у нас в 1923 г. книге английского ученого Дж. Келли «Испанская литература». Об одном из авторов, о которых писал Дж. Келли,—хронисте Бернале Диаса дель Кастильо советский читатель получил возможность составить собственное представление по выпущенному у нас в 1924—1925 гг. издательством Брокгауза и Ефрона сокращенному переводу «Правдивой истории завоевания Новой Испании» (под названием «Записки солдата Берналь Диаса дель Кастильо»). Известно, что эту книгу читал и высоко отзывался о ней А. М. Горький. В «Неопубликованных заметках», появившихся вскоре после его смерти⁶, эта книга значится в списке произведений, которые следовало в первую очередь прочитать советской молодежи. А. М. Горький видел в ней одну из тех книг, которые могли бы способствовать формированию у юных читателей подлинно исторического взгляда на жизнь человеческого общества. «Записки...» дадут прекрасную иллюстрацию целей путешественников-разведчиков,—отмечал Горький⁷, имея в виду открывателей и покорителей новых земель.

Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой в 1924 г. привело к усилению в нашей стране интереса к жизни мексиканского народа, в том числе и к его литературе. Сведения о ней советский читатель 20-х годов мог получить из заметок В. В. Маяковского о его поездке в Мексику в 1925 г., опубликованных в журнале «Красная новь» за 1926 г. (№ 1), и из статьи популярного характера, с которой в «Литературной газете» за 1929 г. (№ 5) выступил прогрессивный немецкий экономист и публицист Альфонс Гольдшмидт, долгое время живший в Мексике и хорошо изучивший ее историю и культуру.

Маяковский писал об отсутствии среди современных ему мексиканских поэтов интереса к социальной проблематике, о преобладании в их творчестве любовной лирики, а также о равнодушном отношении буржуазного общества к труду литераторов, что, по мнению автора, самым отрицательным образом сказывалось на профессиональном уровне мексиканской литературы.

Заметки Маяковского представляют интерес тем, прежде всего, что они содержат первое в советской мексиканистике впечатление представителя нового социалистического общества о мексиканской литературе. Вместе с тем следует иметь в виду, что в Мексике Маяковский пробыл недолго и временем для обстоятельного знакомства с литературой этой страны он не располагал, что, разумеется, не могло не отразиться на степени объективности некоторых его оценок.

Отдельные наблюдения над ходом развития мексиканской литературы были высказаны в предисловии С. С. Игнатова к сборнику рассказов латиноамериканских писателей «Любовь Бентоса Сагреры» (М., 1930), в котором Мексика была представлена двумя произведениями — «Историей фальшивого песо» М. Гутьерреса Нагеры и «Правосудием» Рафаэля Дельгадо.

Как уже отмечалось советскими исследователями⁸, основы изучения мексиканской литературы в нашей стране были заложены статьей выдающегося советского филолога К. Н. Державина «Мексиканский плутовский роман (Лисарди и французское Просвещение)»⁹. В этой статье исследователь ставил перед собой задачу выяснить связь романа Х. Х. Лисарди «Перикильо Сарньенто» с традицией испанского плутовского романа, с одной стороны, и с французской просветительской философией — с другой. Автор блестяще решил эту задачу, сделав ряд ценных выводов и наблюдений как историко-литературного, так и литературно-теоретического характера, имеющих отношение не только к роману Лисарди, но и к истории испанской и мексиканской литературы в целом. К ним относятся выводы о преобладании в «Перикильо Сарньенто» (в отличие от испанской «пикарески») нравственной проблематики, о том, что та или иная литературная форма (или отдельные ее элементы), возникшая в определенную историческую эпоху как выражение идей и настроений, характерных именно

для этой эпохи, может возродиться в других исторических условиях и быть использованной для выражения «новых идеологических устремлений»¹⁰, а также наблюдения о различии социального типа «пикаро» в Испании и Мексике, о генетической связи плутовского романа с арабской литературой, о социально-исторических предпосылках появления этого жанра в Испании.

Изучение мексиканской литературы в 30-е годы было отмечено по сравнению с предыдущим периодом определенным прогрессом, достигнутым благодаря развернувшейся в то время деятельности немногочисленной, но активной группы исследователей и переводчиков испаноязычных литератур во главе с видным советским испанистом Ф. В. Кельным. Правда, этот прогресс носил несколько односторонний характер. Произведения мексиканских писателей в то время почти не издавались, а те, что вышли в свет, были отмечены больше своей политической актуальностью, чем высокими художественными достоинствами. Практически не уделялось внимания изучению и переводам мексиканской литературы XVI—XIX вв., и, наконец, в то время она исследовалась почти исключительно в русле литературной критики и журнальной или справочной информации. Та линия историко-литературных изысканий, основы которой были заложены в статье К. Н. Державина о Лисарди, развития не получила; не было создано работ по истории всей мексиканской литературы. Правда, появились два исследования, принадлежавшие перу иностранных авторов, но они носили чисто популяризаторский характер¹¹. В то же время недостаточно внимания уделялось таким ярким явлениям мексиканской литературы XX в., как «роман о революции», хотя с одним из первых и лучших произведений этого течения, романом М. Асуэлы «Те, кто внизу», советский читатель имел возможность познакомиться еще в 1928 г. по опубликованному в журнале «Вестник иностранной литературы» (№ 4) (ответственным редактором его был А. В. Луначарский) отрывку в переводе Т. А. Гликман. Публикация сопровождалась краткой заметкой о творчестве М. Асуэлы, написанной Диего Риверой. Но в дальнейшем ни о М. Асуэле, ни о других представителях «романа о революции», не считая нескольких информационных заметок, ничего не писали, а их произведения не издавали¹².

В силу объективных исторических причин произведения М. Асуэлы и других близких ему по мироощущению писателей Мексики, отношение которых к Мексиканской революции было неоднозначным, не воспринимались у нас в стране (а также и некоторыми представителями прогрессивной литературы в самой Мексике) как способствующие воспитанию революционного умонастроения, хотя талант и субъективная честность писателей, о которых идет речь, и прежде всего М. Асуэлы, отмечались при малейшей возможности¹³,

Формирование более объективного представления о «романе о революции» произошло в нашей стране уже в послевоенное время, когда появились труды советских авторов, доказавших ограниченность преобладавшего в 30-е годы отношения к «роману о революции». В довоенный период внимание наших исследователей мексиканской литературы главным образом было направлено на те сочинения, в которых идея революционного преобразования мира или социально-критическая тенденция были выражены с предельной обнаженностью (хотя и не всегда достаточно убедительно в художественном отношении), и в первую очередь на творчество Хосе Мансисидора.

Первая большая публикация о Х. Мансисидоре появилась в 1934 г. в журнале «Интернациональная литература». Отвечая на анкету, разосланную редакцией журнала зарубежным писателям в связи с предстоящим Первым съездом советских писателей, Х. Мансисидор говорил о влиянии на его творчество самого факта существования Советского Союза, о значении советской литературы в мире, о недостаточном знакомстве с нею в Мексике¹⁴. Вскоре в журнале «Звезда» (1934, № 4—5) появился роман Х. Мансисидора «Красный город» с краткой заметкой о писателе переводчика Д. Выгодского, а в сборнике «Южная и Караибская Америка» (Харьков, 1934) он был напечатан вторично вместе с самым первым произведением писателя «Мятеж». Х. Мансисидор — единственный автор сборника, которому посвящалась отдельная статья (ее написал Ф. В. Кельин). Автор статьи видел в Мансисидоре наиболее яркого представителя революционной литературы Латинской Америки. В статье была показана также эволюция писателя от стихийного бунтарства к сознательной борьбе с буржуазным обществом. Впоследствии вывод об идейно-политической эволюции Х. Мансисидора перешел в работы И. А. Тертерьян, В. Н. Кутейщиковой, З. И. Плавскина, А. Бибилашвили, В. С. Виноградова, которые дополнили его наблюдения над эволюцией Мансисидора-художника.

Что касается дальнейших работ самого Ф. В. Кельина о Х. Мансисидоре, то в них он продолжал в основном развивать взгляды, высказанные им в статье для сборника «Южная и Караибская Америка»¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны число публикаций по мексиканской литературе в нашей стране по сравнению с довоенным временем, естественно, сократилось, а то, что издавалось, было самым непосредственным образом связано с борьбой советского народа против гитлеровской Германии. Так, задача антифашистской пропаганды, ставшая в условиях войны особенно актуальной, предопределила перевод на русский язык в 1941 г. повести Х. Мансисидора «Об одной испанской матери» (пер. А. Кагорлицкого). Ненависть к фашизму, которой проникнуты высказывания героев повести — молодого испанского коммуниста, бой-

ца республиканской армии, его матери и его невесты, звучали в то время в высшей степени актуально и мобилизующе. Характерно, что, изменив заглавие (повесть в русском переводе называлась «Мать»), переводчик тем самым придал ее антифашистской направленности более обобщенный смысл.

К вступлению Мексики во вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции была приурочена статья Ф. В. Кельина «Передовой деятель мексиканской культуры Хосе Мансисидор», опубликованная в журнале «Интернациональная литература» за 1942 г. (№ 6); в том же номере было напечатано стихотворение мексиканского поэта Рауля Арреолы Кортеса «Песнь о Москве» (пер. Ф. В. Кельина), посвященное разгрому фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г. Серию публикаций военного времени, связанных с мексиканской литературой, завершает письмо Мансисидора советским писателям (Литературная газета, 1945, 22 сент.), в котором он поздравлял советский народ с победой во второй мировой войне.

В первые послевоенные годы, несмотря на нехватку специалистов, объем знаний о мексиканской литературе в нашей стране в целом продолжает расширяться, хотя симптомы «значительного снижения общего теоретического уровня литературоведения в послевоенный период»¹⁶ не могли не сказаться и на работах, посвященных литературе Мексики. В то время появляются первые в нашей стране работы отечественных авторов по истории всей мексиканской литературы — статьи Ф. В. Кельина в справочнике «Страны Латинской Америки» (М., 1954), К. Н. Державина в БСЭ (М., 1954, т. 27, 2-е изд.), освещающие (особенно это относится к более полной статье Кельина) такие явления, которые до того или вовсе не привлекали внимания наших исследователей, или удостоивались лишь беглого упоминания (например, если брать только статью Ф. В. Кельина: литература колониального периода, народная поэзия, театр, мексиканский романтизм, «роман о революции» и вообще вся литература XX в.). «Роману о революции» дается относительно полная характеристика. В то же время в статьях явно недооценивалось значение мексиканской литературы колониального периода (так, в творчестве Хуаны Инес де ла Крус Ф. В. Кельин видел только подражание Луису де Гонгора) и мексиканских представителей испаноамериканского модернизма¹⁷.

Новый период в изучении и популяризации мексиканской (как, впрочем, и всей латиноамериканской) литературы наступает во второй половине 50-х годов. Он связан с деятельностью группы специалистов, формирование научных взглядов которых происходило в обстановке заметного оживления в области литературоведения и других гуманитарных наук. Именно среди советских исследователей испаноязычных литератур обозначается специализация по литературе Испании и некоторых стран Латин-

ской Америки, в том числе Мексики, в результате чего, прежде всего благодаря трудам В. Н. Кутейщиковой, впервые стало возможным говорить о мексиканистике как об отдельной ветви нашей литературоведческой латиноамериканистики.

Для специалистов этого поколения характерно стремление расширить тематический диапазон исследований по латиноамериканской литературе, по-новому взглянуть на традиционные темы, поставить во главу угла изучение латиноамериканской прозы XX в., и в первую очередь латиноамериканского романа. Принципиальной установкой стало повышение теоретического уровня исследований. Широко начали привлекаться открытия смежных областей литературоведения, данные социологии, истории, этнографии. Им свойствен особый интерес к проблеме «национального своеобразия литературного процесса... специфического преломления всеобщих закономерностей литературного развития, становления... литературы как формы национального самосознания»¹⁸.

Со всей определенностью эти качества проявились уже в самых первых работах советских латиноамериканистов второй половины 50-х годов по мексиканской литературе. Так, например, в статье «Трагедия долины Мескиталь» В. Н. Кутейщиковой и Л. С. Осповата (Новое время, 1954, № 24) и в их же «Обзоре мексиканской литературы» (Новое время, 1956, № 30) чувствуется тяготение именно к выявлению национальной специфики мексиканской прозы. Стремление увязать анализ конкретных фактов истории мексиканской литературы с решением историко-теоретических проблем характерно для статьи Л. С. Осповата «Мексиканский реализм в кривом зеркале» (Вопросы литературы, 1957, № 3).

Новое отношение латиноамериканистов второй половины 50-х годов к традиционным темам наглядно проявилось в подходе к творчеству Х. Мансисидора, интерес к которому в то время не ослабевал. В 1958 г. были изданы его наиболее значительные романы: «Заря над бездной» (пер. Р. Похлебкина, ИЛ) и «Граница у моря» (пер. В. Виноградова и О. Кирика, Лениздат), — каждый из которых сопровождался подробным предисловием (В. Н. Кутейщиковой — к первому, З. И. Плавскина — ко второму). В журнале «Вопросы литературы» за 1957 г. (№ 8) была опубликована статья М. Александровой «Мексиканский писатель о социалистическом реализме», познакомившая читателей с эстетическими взглядами Х. Мансисидора. Опираясь на исследования о Х. Мансисидоре 30—40-х годов, авторы этих работ чрезвычайно высоко отзывались о вкладе писателя в дело развития прогрессивной мексиканской литературы, в то же время впервые обращая внимание на художественные особенности его творчества и проявляя в характеристике художественного уровня его произведений подлинно научную объективность.

Тогда же, во второй половине 50-х годов, отчетливо обозначилось то направление, по которому пошло дальнейшее изучение творчества писателей мексиканского «романа о революции», и в первую очередь ее крупнейшего представителя — М. Асуэлы. Не скрывая моменты исторической ограниченности их мировоззрения, советские исследователи основное внимание уделяли выявлению того, насколько правдиво отразились в произведениях этих писателей события Мексиканской революции 1910—1917 гг. и процессы послереволюционной мексиканской истории¹⁹.

Значительно расширился во второй половине 50-х годов и круг произведений мексиканской литературы, переведенной на русский язык²⁰.

Во всей полноте новые тенденции в области исследования и публикации мексиканской литературы проявились в трех изданиях 1960 г.: в сборнике «Мексиканские рассказы» (сост. Р. Линцер, Гослитиздат), в книге стихов Мануэля Гутьерреса Нагеры (с предисловием В. Столбова, Политиздат) и в коллективной монографии Института мировой литературы им. А. М. Горького «Мексиканский реалистический роман XX века» (Изд-во АН СССР).

Первые две книги впервые позволили советскому читателю в таких масштабах (достаточно сказать, что «Мексиканские рассказы» включали в себя произведения шестнадцати авторов) познакомиться с художественными ценностями мексиканской литературы. В монографии «Мексиканский реалистический роман XX века» получило свое дальнейшее развитие то направление исторического изучения литературы Мексики, основы которого были заложены в статье К. Н. Державина о Лисарди.

Монография открывалась статьей В. Н. Кутейщиковой «Формирование и особенности реализма в мексиканской литературе», в которой излагалась концепция развития этой литературы в XIX—XX вв., впоследствии лишь с небольшими изменениями перешедшая в другие работы автора. Основоположителем мексиканского реализма В. Н. Кутейщикова считает Х. Х. Фернандеса де Лисарди, его последователями — костюмбристов XIX в. (Л. Инклан, М. Пайно, Х. Куэльяр, И. М. Альтамирано), затем писателей периода диктатуры Порфирио Диаса, но не всех, как на этом настаивают некоторые мексиканские литературоведы, а только А. Дель Кампо, Э. Фриаса и отчасти Э. Рабасу. Вершина реализма в мексиканской литературе — творчество писателей 20—30-х годов (в первую очередь М. Асуэла, М. Л. Гусман, Г. Лопес-и-Фуэнтес, Р. Муньос и Р. Ромеро).

В литературе 30-х годов Кутейщикова особо выделяет Х. Мансисидора как основоположника социалистического реализма в мексиканской литературе. 40—50-е годы она в то время считала периодом упадка мексиканского реализма, укрепления модернизма (романы М. Асуэлы, Х. Ревуэльтаса, Х. Рульфо), однако

впоследствии эта точка зрения была подвергнута пересмотру.

Наиболее подробно в статье анализируется проза 20—30-х годов, в которой выделяются три направления — «роман о революции», «социальный роман» и «индеанистский роман». Очень важно, что в этой работе впервые в советском литературоведении была убедительно опровергнута точка зрения на М. Асуэлу и других представителей «романа о революции» как на «буржуазных» писателей, а также впервые выдвинут тезис (в дальнейшем получивший развитие в других работах В. Н. Кутейщиковой) о типологической близости «романов о революции» таким произведениям советской литературы первых послереволюционных лет, как «Партизанские повести» Вс. Иванова, «Барсуки» Л. Леонова, «Конармия» И. Бабеля.

Резюмируя исследования мексиканского романа 20—30-х годов, В. Н. Кутейщикова выделяет следующие его особенности: идейные (внимание к судьбе не отдельной личности, а целого народа; разочарование в результате революции 1910—1917 гг., породившее в некоторых случаях «пессимизм, мрачность, безысходность»), художественные (стремление к «максимальной документальности и фактографичности», «быстрый темп повествования», «скудность выразительных средств», отсутствие авторских рассуждений, «отказ от углубленного психологического анализа», «отсутствие изображения... интимных чувств», «простонародная лексика»).

Более подробное рассмотрение основных направлений мексиканского романа XX в., выделенных в статье В. Н. Кутейщиковой, содержится в остальных статьях сборника, названия которых достаточно красноречиво передают их содержание: «Роман «Те, кто внизу» и его место в творческой эволюции Мариано Асуэлы», «Образы Вильи и Сапаты в романах «Орел и змея» и «Земля»» И. В. Винниченко, «Мексиканские романы об индейцах» В. Н. Кутейщиковой, «Путь Хосе Мансисидора» И. А. Тертерян. В последней статье основное внимание уделено художественной эволюции писателя, взятой, как справедливо отмечал один из рецензентов сборника З. И. Плавский, в тесной связи с идейным ростом писателя²¹.

Масштабностью замысла, научной значимостью поставленных проблем сборник «Мексиканский реалистический роман XX века» свидетельствовал о несомненном прогрессе всей советской латиноамериканистики к началу 60-х годов. Сборник помог существенно дополнить, а кое в чем и поправить тогдашние наши представления о мексиканской литературе. Он не только положил начало широкому исследованию мексиканской прозы в СССР, но и создал хорошую основу для изучения литератур других стран Латинской Америки, как это видно на примере фундаментального труда И. А. Тертерян «Бразильский роман XX века» (М.: Наука, 1965),

Сборник также оказал большую помощь делу практического ознакомления советской общественности с мексиканской литературой. В результате того что его авторы впервые в советской науке осветили целый ряд значительных явлений литературы Мексики XX в. и аргументированно доказали прогрессивность «романа о революции», стало возможным издать наиболее интересные произведения мексиканской прозы 20—30-х годов: роман «Те, кто внизу» М. Асуэлы (1960, 1961, пер. В. Герасимовой и А. Костюковской, предисл. И. Григулевича, Гослитиздат; 1970, пер. В. Виноградова, предисл. В. Кутейщиковой, ИХЛ), «Тень каудильо» М. Л. Гусмана (1964, пер. С. Мамонтова и И. Триста, предисл. И. Винниченко и С. Семенова, ИХЛ), «Никчемная жизнь Пито Переса» Х. Р. Ромеро (1965, пер. Р. Похлебкина, предисл. Т. Полонской, ИХЛ), сборник избранных произведений Р. Муньоса «Смертельный круг» (1967, пер. и предисл. И. Винниченко, ИХЛ).

Усиление интереса к мексиканской прозе в это время привело к изданию сборника рассказов мексиканских писателей «Золото, Конь и Человек» (1961, сост. Ю. Папоров, ИЛ) и к переводу на русский язык романа писателя второй половины XIX в. В. Ривы Паласио «Пираты мексиканского залива» (1965, пер. Р. Линцер и И. Лейтнер, предисл. Я. Света, ИХЛ). В 1963 г. была переведена повесть Х. Мансисидора «Ее звали Каталина» (пер. М. Филипповой, предисл. В. Виноградова, ИХЛ).

В 1961 г. появилась статья В. Н. Кутейщиковой о Фернандесе Лисарди²², примыкающая к исследованию К. Н. Державина об этом писателе. Тезис К. Н. Державина о просветительском характере мировоззрения Лисарди В. Н. Кутейщикова дополняет выводом о мексиканской специфике его просветительских взглядов. И в дальнейшем Кутейщикова неоднократно возвращалась к анализу творчества Лисарди и выявлению его места в истории мексиканской литературы²³.

В 1964 г. в результате возросшего интереса в нашей стране к творчеству Лисарди был издан на русском языке его роман «Перикильо Сарньенто» (пер. С. Николаевой, А. Пинкевича, З. Плавскина, А. Энгельке, предисл. В. Шора).

Значительный вклад в изучение мексиканской прозы в нашей стране, главным образом творчества М. Асуэлы, внесла в 60—70-е годы И. В. Винниченко, научная деятельность которой была прервана преждевременной смертью²⁴.

Крупнейшим достижением советской мексиканистики является монография В. Н. Кутейщиковой «Мексиканский роман. Формирование. Своеобразие. Современный этап»²⁵.

Монография освещает историю мексиканского романа от ее истоков (творчество Лисарди) до конца 60-х годов XX в., т. е. в таких широких хронологических рамках, в которых ни одно явление латиноамериканской литературы до этого у нас не рассмат-

ривалось. Масштабность обзора дополняется разнообразием точек зрения, с которых ведется исследование. Мексиканский роман интересует исследователя и как форма выражения национального самосознания, и как отражение тех или иных процессов национальной истории, и в динамике своего внутреннего развития (смена течений и направлений, их взаимодействие, проблема литературных влияний), и с точки зрения художественных особенностей. В результате предпринятого исследования В. Н. Кутейщикова приходит к выводу, что «главной и ведущей тенденцией мексиканского романа является стремление к национальному самовыражению»²⁶. Одновременно, как отмечал первый рецензент монографии С. П. Мамонтов, «разговор о мексиканском романе... то и дело переходит в разговор об особенностях латиноамериканской литературы вообще»²⁷.

Монография В. Н. Кутейщиковой значительно расширила и уточнила наши представления как о мексиканской, так и о всей латиноамериканской литературе. Она наметила ориентиры для последующих исследований. Отдельные ее положения получили развитие как в статьях самой В. Н. Кутейщиковой, так и в работах других советских латиноамериканистов.

Монография В. Н. Кутейщиковой имела не только научное, но и практическое значение: она способствовала переводу в нашей стране книг тех мексиканских писателей, с именем которых связывают обычно широкое международное признание латиноамериканской литературы в период после второй мировой войны. Если до появления монографии Кутейщиковой из произведений послевоенного поколения мексиканских писателей у нас были изданы роман К. Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» (1967, пер. М. Былинкиной, предисл. Ю. Дашкевича, Прогресс)²⁸, роман Х. Ибаргуэнгойтии Антильона «Августовские молнии» (1970, пер. Г. Полонской, ИХЛ), роман А. Родригеса «Бесплодное облако» (пер. С. Вафа, предисл. В. Александровой) и сборник произведений Х. Рульфо, включивший повесть «Педро Парамо» и рассказы и повести из книги «Равнина в огне» (1970, пер. П. Глазовой, предисл. Л. Осповата, ИХЛ), то после выхода этой монографии переводятся пьесы К. Фуэнтеса «Все кошки — серы» (Иностранная литература, 1972, № 1, пер. и вступит. статья М. Былинкиной), роман Р. Кастельянос «Молитва во тьме» (1973, пер. М. Абезгауз, предисл. Я. Света, ИХЛ), однотомник избранных произведений К. Фуэнтеса (1974, предисл. В. Н. Кутейщиковой, Прогресс), в который вошли повести и рассказы (пер. С. Вайнштейна, Н. Кристальной, Э. Брагинской, О. Сушко) и романы «Спокойная совесть» (пер. Е. Лысенко) и «Смерть Артемио Круса». Этот однотомник был опубликован в серии «Мастера современной прозы», что свидетельствует о высокой оценке таланта К. Фуэнтеса в СССР.

Что касается изучения мексиканской прозы послевоенного периода, то оно успешно развивалось в нашей стране и в 70-е годы. В вышедшем в 1976 г. сборнике статей В. Н. Кутейщиковой и Л. С. Осповата «Новый латиноамериканский роман» две большие статьи посвящены творчеству Х. Рульфо и К. Фуэнтеса²⁹. В центре первого очерка — анализ корней национального сознания; во втором главное внимание обращено на романы «Область паипрозрачного воздуха» и «Смерть Артемио Круса» как на произведения, наиболее полно выразившие своеобразие и динамику исторического процесса послереволюционной Мексики.

В коллективном труде Института мировой литературы «Художественное своеобразие литератур Латинской Америки» (М.: Наука, 1976) помещена статья В. Н. Кутейщиковой «О некоторых национальных чертах мексиканской прозы».

Отталкиваясь от тезиса Раймундо Ласо: «В сообществе народов, составляющих Испанскую Америку, Мексика отличается глубоким своеобразием, неколебимой верностью своему характеру» и известной фразы Пабло Неруды: «На этой обширной территории, где от края до края идет борьба человека со временем... я понял, до какой степени мы — Чили и Мексика — являемся странами-антиподами», В. Н. Кутейщикова предпринимает попытку выявить ту линию в истории мексиканской прозы, которая наиболее отчетливо выразила особенности историко-этнического и культурного формирования страны, и в первую очередь тот синтез испанского и индейского начал, который образует основу мексиканского сознания и мексиканской жизни.

Успешно развивалась в течение последних лет деятельность советских латиноамериканистов по изучению и изданию мексиканской поэзии.

Важным шагом после упоминавшегося уже томика стихов М. Гутьерреса Нагеры стал сборник «Народная мексиканская поэзия» (М.: ИХЛ, 1962), который включил произведения самых различных жанров и периодов. Он открывался чрезвычайно содержательной статьей Г. В. Степанова об истории, особенностях исполнения, структуре мексиканского песенного фольклора³⁰.

Много и плодотворно занимается изучением мексиканской народной песни П. А. Пичугин, работы которого характеризуются комплексным, музыковедческим и историко-филологическим подходом к предмету исследования³¹. П. А. Пичугин является также автором многих переводов народной мексиканской поэзии.

Большим подарком для советских любителей поэзии стал выход в свет в 1966 г. томика стихов выдающейся мексиканской поэтессы XVII в. Хуаны Инес де ла Крус (сост. и пер. И. Чежеговой, ИХЛ). Книга давала представление о всех основных направлениях творческой деятельности «Десятой музыки». На ее долю выпал такой успех, что в 1973 г. она была издана вторым, значительно дополненным изданием.

Что касается мексиканской поэзии XX в., то о ней советский читатель имеет довольно полное представление по подборкам стихов таких корифеев мексиканской поэзии, как А. Нерво, А. Рейес, Э. Гонсалес Мартинес, печатавшихся в 60-е годы в журнале «Иностранная литература» и в некоторых сборниках испаноязычной поэзии, главным же образом по представительной антологии «Поэты Мексики» (М.: ИХЛ, 1975, сост. И. Чежегова). Говоря о приобщении советского читателя к мексиканской поэзии XX в., нельзя не отметить ту роль, которую сыграла в ее популяризации в СССР статья видного гватемальского поэта Роберто Обрегона Моралеса «Человек выходит на первый план», напечатанная в «Иностранной литературе» за 1970 г. (№ 6). Как это обычно бывает, когда большой поэт высказывается о поэзии, статья содержала наряду с субъективными моментами чрезвычайно тонкие суждения о поэзии Э. Гонсалеса Мартинеса, Р. Л. Веларде, К. Пельисера, О. Паса, Р. Кастельянос, Х. Сабинеса, и прежде всего о философском содержании их поэзии, о ее связи с процессами всей мировой культуры XX в.

Уровень, достигнутый советской мексиканистикой к концу 60-х годов, позволил посвятить мексиканской литературе отдельный раздел в главе о литературе стран Латинской Америки в университетском учебнике зарубежной литературы XX в. Автором этого раздела (как и всей главы) является С. П. Мамонтов³².

О том, насколько возрос и углубился в нашей стране интерес к мексиканской литературе в последние годы, свидетельствует тот факт, что все большее число студентов-филологов посвящают ей свои дипломные сочинения. В 50-е годы на филологическом факультете МГУ была защищена всего одна дипломная работа по мексиканской литературе (в 1958 г. С. Романов о Х. Мансисидоре). В последние годы здесь под руководством доцента кафедры истории зарубежных литератур К. В. Цуринова были защищены пять дипломных работ по мексиканской литературе: о творчестве М. Асуэлы (1968, П. Санжаров), К. Фуэнтеса (1971, О. Трошанова), Х. Рульфо (1975, З. Мушкудиани; 1979, Н. Велович), о мексиканских «корридо» (1969, В. Кузякин). Все чаще начинают привлекаться к изучению мексиканской литературы и студенты филологического факультета ЛГУ. Здесь в 60—70-е годы были защищены дипломы по творчеству М. Асуэлы, М. Л. Гусмана, Х. Рульфо³³.

Долгое время среди советских исследований по мексиканской литературе не было ни одной диссертации. В 70-е годы в этом отношении был достигнут определенный прогресс. В 1972 г. в Тбилисском гос. университете А. Библашвили защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Х. Мансисидора; в 1979 г. в МГУ (под руководством К. В. Цуринова) А. Ф. Кофман завершил диссертацию по теме «Своеобразие песенных лирических жанров мексиканского фольклора».

Сегодня мексиканская литература известна в нашей стране, пожалуй, лучше, чем любая другая литература Латинской Америки. Советские мексиканисты добились внушительных успехов, однако перед ними еще простирается обширное поле деятельности. Им предстоит провести работу как по расширению и уточнению существующих представлений о мексиканской литературе, так и по освоению ее малоизученных или пока еще вовсе не известных у нас явлений, таких, как литература доколумбовой эпохи и колониального периода, индейский фольклор, профессиональная литература на индейских языках, литература 70-х годов (в первую очередь так называемая новая волна в прозе этого периода). Богатый опыт изучения и перевода мексиканской литературы в нашей стране и все возрастающий интерес к ней со стороны молодых латиноамериканистов вселяют уверенность в успешном решении этих задач.

¹ Первое упоминание в русской печати см.: *Хлебников Г.* Записки о Калифорнии.— *Сын отечества*, 1829, т. II, ч. 124, с. 347.

² *Antiquities of Mexico...*— Телескоп, 1831, ч. 4; Ихтлильхочитль.— Библиотека для чтения, 1841, т. XIV, отд. III; Древняя образованность мексиканцев.— *Москвитин*, 1846, ч. V, № 9—10; Торговля в степях Америки.— *Сын отечества*, 1849, № 2, с. 10 (смесь); Народное образование, искусство и литература Мексики.— *Пантеон и репертуар русской сцены*, 1851, т. VI, № 11, отд. IV (смесь); Мехика (статья Ампера).— *Отечественные записки*, 1854, т. XCII, № 1—2, отд. V; Европейская жизнь.— *Заграничный вестник*, 1864, т. III, вып. 8; Литературное движение в Мексике.— *Образование*, 1900, № 2, отд. II; и др.

³ См.: *Земсков В. Б.* «И Мексика возникла, видение вдохновенное». К. Д. Бальмонт и поэзия индейцев.— *Латинская Америка*, 1976, № 3.

⁴ Кроме упоминавшихся переводов К. Бальмонта, были опубликованы: отрывок из молитвы ацтекскому богу дождя Тлалоку (из журнала *«Antiquities of Mexico...»*), фрагмент философского стихотворения ацтеков («Мехика», в прозаическом изложении), крохотный отрывок из романа Лисарди «Перикильо Сарньенто» (там же), че-

тыре мексиканские легенды (Вестник иностранной литературы, 1906, № 2; Новый журнал литературы, искусства и науки, 1907, № 6). «Песня мексиканки» М. Розенгейма (Песни разных народов. М., 1898) — это скорее самостоятельное произведение на темы народной мексиканской поэзии, чем перевод. Следует иметь в виду, что переводы К. Бальмонта, будучи великолепными образчиками русской поэзии, с точки зрения точности передачи содержания оригинала неравноценны. Среди них встречаются, как было установлено В. Б. Земсковым, и оригинальные стихотворения, и вольные переложения, и импровизации «на темы», и собственно переводы (см.: «И Мексика возникла...», с. 179).

⁵ Издание произведений мексиканских писателей XIX в. Хосе Хоакин Песадо, Мануэля Акуньи и Мануэля Горостисы было предусмотрено в планах издательства «Всемирная литература», организованного А. Горьким вскоре после революции, но осуществить эти планы не удалось.

⁶ Литературная газета, 1938, 15 мая.

⁷ *Горький М.* Заметки о детских книгах и играх.— *Собр. соч.*: В 30-ти т. М.: 1953, т. 27, с. 520.

⁸ См.: *Кутеищикова В. Н.* Основоположник мексиканской литературы Фернандес Лисарди.— *Изв. АН*

- СССР. Отд-ние литературы и языка, 1961, т. XX, вып. 2.
- ⁹ Язык и литература, Л., 1930, вып. V.
- ¹⁰ Державин К. Н. Мексиканский плутовский роман..., с. 86.
- ¹¹ Это были: «Путь развития мексиканской литературы» Маседонио Гарсы (Интернациональная литература, 1936, № 8) и отчасти «Мексиканские мастера культуры» эквадорского писателя и литературного критика Умберто Сальвадора (Интернациональная литература, 1940, № 9—10). Некоторые наблюдения историко-литературного характера, касающиеся литературы Мексики, встречаются в статьях Сэмюэля Путнема «Современная литература Латинской Америки (1934—1937)» (Интернациональная литература, 1939, № 1) и Л. Стася «Южноамериканская литература» (Штурм, Свердловск, 1935, № 9).
- ¹² Исключение составляет рассказ М. Л. Гусмана «Праздник пуль» (Альманах. Приложение к журналу «Стройка». Л., 1930, № 3).
- ¹³ См. аннотацию на роман М. Асуэлы «Касики» (1931) (Интернациональная литература, 1932, № 10) и заметку о выходе в Мексике романа Г. Лопес-и-Фуэнтеса «Земля» (Литературная газета, 1974, 22 марта).
- ¹⁴ Мансисидор Х. Я служу делу истины, защищая СССР.— Интернациональная литература, 1934, № 3—4.
- ¹⁵ См.: Кельин Ф. В. Хосе Мансисидор.— Интернациональная литература, 1936, № 2; Кельину, по-видимому, принадлежат и неподписанная заметка о Х. Мансисидоре, помещенная среди материалов о других писателях-антифашистах в «Интернациональной литературе» за 1937 г. (№ 11) и статья в «Литературной газете» за 1947 г. (№ 36). Следует иметь в виду, что свои работы о Х. Мансисидоре В. Ф. Кельин писал в 30—40-е годы. Будучи чуть ли не единственным в то время нашим специалистом в области испаноязычных литератур, он уделял основное внимание изучению литературы Испании, интерес к которой
- в связи с гражданской войной 1936—1939 гг. необычайно возрос (и которая, заметим попутно, стала хорошо известна в СССР в значительной степени благодаря деятельности Ф. В. Кельина, принесшей ему звание почетного доктора Мадридского университета). Латиноамериканская литература, в том числе мексиканская, оказалась тогда несколько на заднем плане.
- ¹⁶ Поспелов Г. Н. Методологическое развитие советского литературоведения.— В кн.: Советское литературоведение за пятьдесят лет. / Под ред. В. И. Кулешова. М.: Изд-во МГУ, 1967, с. 100.
- ¹⁷ В обстоятельном докладе «Прогрессивная литература Латинской Америки», с которым Ф. В. Кельин выступил на научной сессии Института мировой литературы им. А. М. Горького в октябре 1951 г. и который впоследствии в расширенном виде был включен в сборник «Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир» (М.: Изд-во АН СССР, 1952), мексиканской литературе уделено довольно много места, но речь здесь идет в основном о Х. Мансисидоре. О таких же крупных представителях мексиканской литературы XX в., как Э. Гонсалес Мартинес, М. Асуэла и Р. Муньос, говорится очень мало и преимущественно в плане характеристики их общественной деятельности, а не творчества.
- Симптомы снижения уровня понимания мексиканской литературы, достигнутого в 30-е годы, можно обнаружить в предисловии С. Воробьева к роману Х. Мансисидора «Роза ветров» (М.: ИЛ, 1953, пер. А. Сиповича и А. Гладковой). В нем М. Асуэла и М. Л. Гусман были названы «буржуазными писателями». Однако подобная точка зрения на них не утвердилась в нашем литературоведении.
- ¹⁸ Тергерян И. А. Бразильская литература в СССР.— В кн.: Бразилия. Экономика, политика, культура. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 518.
- ¹⁹ См.: Кутейщикова В. Н. Проклятье Мариано Асуэлы.— Иностранная

- литература, 1956, № 8; *Винниченко И. В.* Предсмертное слово Асуэлы.— Иностранная литература, 1956, № 12.
- ²⁰ Кроме упомянутых романов Х. Мансисидора, в те годы были переведены: его рассказ «Перед рассветом» (Смена, 1956, № 15, пер. Л. Коробицына), стихи Эд. Лисальде (Молодая гвардия, 1957, № 4, пер. П. Глушко), три рассказа из сборника Х. Рульфо «Равнина в огне» (Звезда, 1957, № 5, пер. Л. Осповата), рассказы Э. Валадеса (Огонек, 1958, № 45, пер. Ю. Папорова), Л. Кордобы (Дружба народов, 1958, № 12, пер. Н. Туловичинской), Х. Васконселоса (Советская Украина, 1958, № 3), Г. Лопес-и-Фуэнтеса (в кн.: Фальшивые монеты. М.: Профиздат, 1959; в кн.: Скромные дороги. М.: Искусство, 1959), Х. Ибаргуэнгойтии Антильона и К. Баэс (в кн.: Скромные дороги), пьеса И. Ретеса «Город, в котором мы будем жить» (в кн.: Современная драматургия. Альманах, кн. 6, М.: Искусство, 1958, пер. И. Николаевой).
- ²¹ *Плавскин З.* Хорошее начало.— Вопросы литературы, 1961, № 9; см. также: *Уваров Ю.* Советские литературоведы о мексиканском романе.— Иностранная литература, 1960, № 12; *Мотылева Т.* Новые работы советских ученых о современном зарубежном романе.— Вестник АН СССР, 1965, № 6.
- ²² *Кутейщикова В. Н.* Основоположник мексиканской литературы Фернандес Лисарди.
- ²³ См.: Философско-художественное наследство Хосе Хоакина Фернандеса Лисарди (в кн.: Формирование национальных литератур Латинской Америки. М.: Наука, 1970); первую главу кн.: Мексиканский роман. Формирование. Своеобразие. Современный этап (М.: Наука, 1971); статью «Мексика: роман и нация» (Латинская Америка, 1970, № 6); «Введение» и статью «О некоторых национальных чертах мексиканской прозы» (в кн.: Художественное своеобразие литератур Латинской Америки. М.: Наука, 1976); и др.
- ²⁴ См.: *Винниченко И. В.* Мариано Асуэла. Мексиканская революция и литературный процесс (М.: Наука, 1972), а также следующие предшествовавшие ей статьи: «Роман «Те, кто внизу» и его место в творческой эволюции Мариано Асуэлы» (в кн.: Мексиканский реалистический роман XX века), «История и современность: две тенденции в развитии мексиканской литературы XX века» (в кн.: Мексика. Политика, экономика, культура. М.: Наука, 1968), «Реализм и революция в творчестве Мариано Асуэлы» (в кн.: Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М.: Наука, 1967).
- ²⁵ М.: Наука, 1971.
- ²⁶ *Кутейщикова В. Н.* Мексиканский роман..., с. 316.
- ²⁷ *Мамонтов С. П.* В. Н. Кутейщикова. «Мексиканский роман. Формирование. Своеобразие. Современный этап».— Латинская Америка, 1971, № 5. Другие отклики на монографию см.: *Зюкова Н.* История мексиканского романа.— Вопросы литературы, 1971, № 10; *Мотылева Т.* Мексиканский роман.— Литературная газета, 1971, 22 дек.; *Ilyin V.* Рец. в: Social sciencis, Moscow, 1977, N 4.
- ²⁸ Имя Карлоса Фуэнтеса стало известно в нашей стране в начале 60-х годов. Тогда в советской прессе был помещен ряд его публицистических статей: «Революция? Вы боитесь ее!» (Известия, 1962, 5 июля); «Аргументы Латинской Америки. Речь, которая не была произнесена по американскому телевидению» (За рубежом, 1962, № 27); «Откройте глаза, янки! Доводы Латинской Америки. Обращение к североамериканцам» (Неделя, 1963, № 12). В «Литературной России» (1963, 11 янв.) был опубликован его рассказ «Испания, не забудь!» (пер. Н. Голубенцева). Первое представление К. Фуэнтеса советскому читателю сделал Б. Ярошевский (За рубежом, 1962, № 27). Затем более подробно о писателе рассказал Ю. Дашкевич в журнале «Иностранная литература» (1963, № 12). См. о К. Фуэнтесе также статьи К. Зелинского «Наследство

Артемио Круса» (Литературная газета, 1965, 26 сент.) и И. Лапина «Лицом к современности (о творчестве Карлоса Фуэнтеса)» (в кн.: Современные прозаики Латинской Америки. М.: Наука, 1972).

- ²⁹ «Деревенская Мексика: национальное и общечеловеческое (о творчестве Хуана Рульфо)» и «Карлос Фуэнтес, разрушитель мифов» (в кн.: *Кутейщикова В. Н., Основат Л. С.* Новый латиноамериканский роман. М.: Советский писатель, 1976).

- ³⁰ См. рец. Л. Основата на сборник (Новый мир, 1962, № 9).

- ³¹ См.: Песни Мексиканской револю-

ции (Советская музыка, 1963, № 11); Корридос Мексиканской революции (в кн.: Музыкальная культура стран Латинской Америки. М.: Музыка, 1974); Мексиканская песня (М.: Советский композитор, 1977); «Корридос Мексиканской революции» (находится в производстве в изд-ве «Советский композитор»).

- ³² См.: История зарубежной литературы после Октябрьской революции. Часть I. 1917—1945. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 475—485.

- ³³ См.: *Лукин Б. В.* Латиноамериканистика в Ленинградском государственном университете (рукопись).

Печать, радио и телевидение Мексики

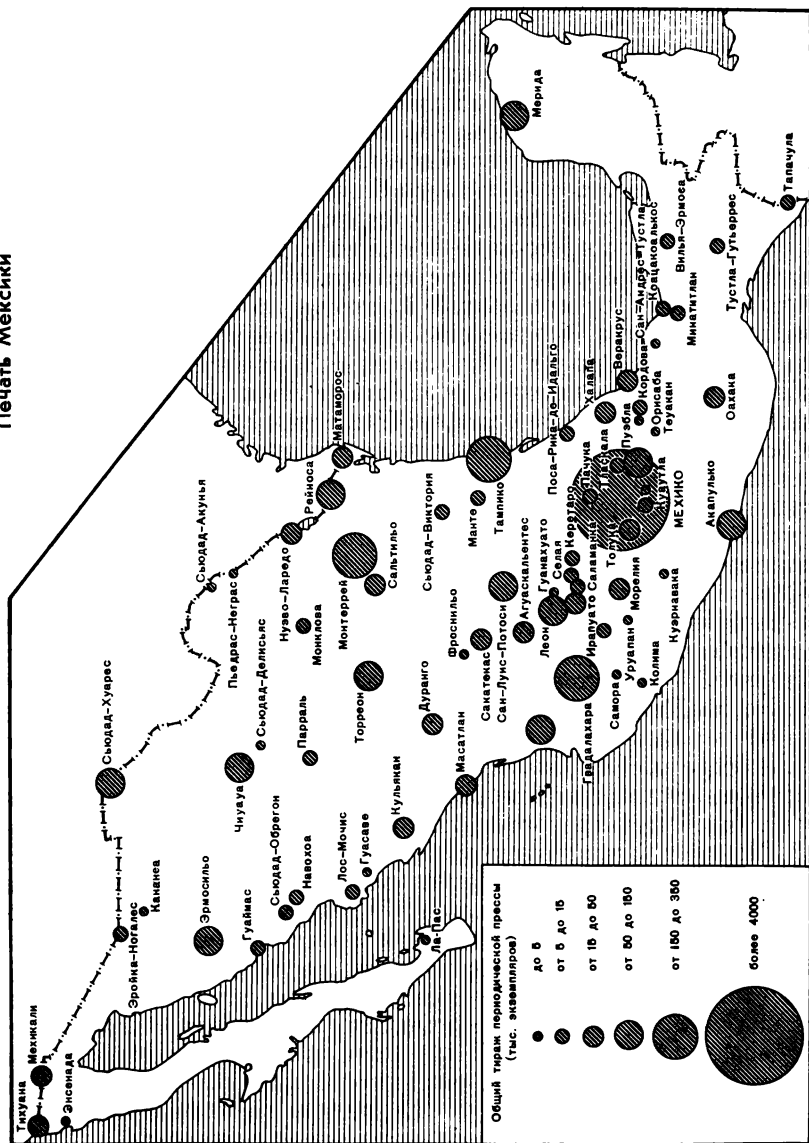
По официальным данным, в Мексике насчитывается около 2200 периодических изданий, среди которых примерно 190 ежедневных газет, 370 еженедельников, 200 газет и журналов, выходящих два раза в месяц, 750 ежемесячников и т. д. Помимо информации общего характера, социально-экономических и политических разделов, имеются специальные разделы или вкладыши, посвященные культуре, спорту, жизни высших кругов общества, полицейской хронике. Непременными атрибутами являются отдел объявлений и разнообразная реклама. В стране выходит много мелких изданий, субсидируемых отдельными лицами, государственными или частными политическими и экономическими организациями. Имеется широкая сеть специализированных изданий, например журналов для женщин.

Отличительная черта мексиканской прессы — большое число провинциальных газет и журналов. Местные газеты и журналы издаются во всех столицах штатов и почти в каждом достаточно крупном городе. Как правило, в столицах штатов выходит менее 10 газет и только в Веракрусе и Нуэво-Леоне их издается более 20. Обилие провинциальной печати отчасти объясняется тем, что доставка центральных газет обходится чрезвычайно дорого. Нужно также иметь в виду и то, что центральная пресса не может достаточно отражать местные проблемы. Правда, сказанное не относится к журналам: все крупнейшие, наиболее интересные и влиятельные журналы выходят только в столице.

Общий разовый тираж мексиканской периодики превышает 1 млн. экземпляров, из которых 500—600 тыс. приходится на г. Мехико. Тираж самой распространенной столичной газеты «Ла пренса» составляет 267,1 тыс. экз., а популярного в Латинской Америке журнала «Сьемпре» — 123,6 тыс. (по данным на август 1978 г.). Иными словами, тираж мексиканских изданий по сравнению с другими странами с такой же численностью населения невелик. Это объясняется относительно высоким процентом неграмотности. Кроме того, сами издатели не заинтересованы в слишком больших тиражах из-за экономических потерь, поскольку истинная стоимость издания больше продажной цены его обычного выпуска, доходы же от рекламы практически мало связаны с тиражом.

Определенная часть периодических изданий Мексики субсидируется правительством, часть — монополиями США и финансовыми группами, тесно связанными с североамериканским капиталом. Многие средства массовой информации принадлежат

Печать Мексики

крупным национальным предпринимателям, промышленникам, коммерсантам, политическим деятелям, пользующимся поддержкой правительства.

Следует указать, что некоторые газеты и журналы в той или иной форме связаны с политическими партиями страны. Так, правая партия «Национальное действие» издает бесплатно распространяемый еженедельник «Насьон»; она же в значительной степени контролирует газету «Эксельсиор». Социалистическая народная партия издает свою газету «Вива Мехико!»

Как и в большинстве других стран мира, в общей системе средств массовой информации Мексики с каждым годом все более возрастает роль радио и телевидения.

По данным Государственной комиссии по телевидению и радиовещанию, почти 90% мексиканских семей имеют радиоприемники и транзисторы, в подавляющем большинстве длинно- и средневолновые, на которых и работают практически все многочисленные коммерческие станции. Последние составляют абсолютное большинство радиовещательных центров страны: 590 из общего числа 600. Постоянно получая заказы на рекламу, такие станции транслируют только музыку, которая перемежается обильной рекламой и очень короткими выпусками новостей. Их программы незамысловаты и носят развлекательный характер.

Телевидение играет в формировании общественного мнения страны большую роль, чем радио. По сообщению директора «Телевисы» Эмилио Аскарраги в Мексике в 1973 г. насчитывалось примерно 3,5 млн. телевизоров (третье место в Латинской Америке после Бразилии и Аргентины). А это значит, что телевизоры имеют более 60% мексиканских семей (в Федеральном округе — более 75%). Для многих мексиканцев телевидение стало единственным источником информации и средством формирования взглядов, культурного воспитания и просвещения.

В Мексике функционирует около 100 телестанций. Из общего количества часов телепрограмм (примерно 270 тыс. в год) на долю правительства приходится $\frac{1}{6}$ часть. Примерно $\frac{3}{4}$ всех передач мексиканского телевидения представляют собой прямую трансляцию, т. е. непосредственно идут в эфир.

В столице Мексики работают 6 каналов, четыре из которых (каналы № 2, 4, 5, 8) объединены в коммерческий консорциум «Телевиса». Один канал (№ 11) принадлежит Министерству народного образования (т. е. является государственным); канал № 13 — объединению ряда финансовых и промышленных предприятий, находящихся под государственным контролем.

Телевидение в Мексике (это в первую очередь относится к «Телевисе») находится в руках нескольких богатейших мексиканских семей. Они навязывают миллионам телезрителей программы в зависимости от своих политических взглядов и коммерческих интересов. Их тесная связь с североамериканским капита-

лом определяет содержание программ, а сама форма подачи материала во многом копирует передачи развитых капиталистических стран, особенно США.

Программы телевидения, как правило, подготавливаются по заказу коммерческих и рекламных компаний. В них делается упор на стандартные развлекательные программы — профессиональный бокс, футбол, а также бой быков. Вот почему телевидение в Мексике развивается как средство развлечения, увеселения зрителей. Серьезные жизненные проблемы его волнуют куда меньше.

Таким образом, мексиканское телевидение, защищая интересы господствующих классов страны, направлено главным образом на то, чтобы отвлекать массы от борьбы против нищеты, отсталости, безработицы, социальной несправедливости и других зол буржуазного общества.

Радиостанции Мексики можно разделить на коммерческие, университетские и правительственные.

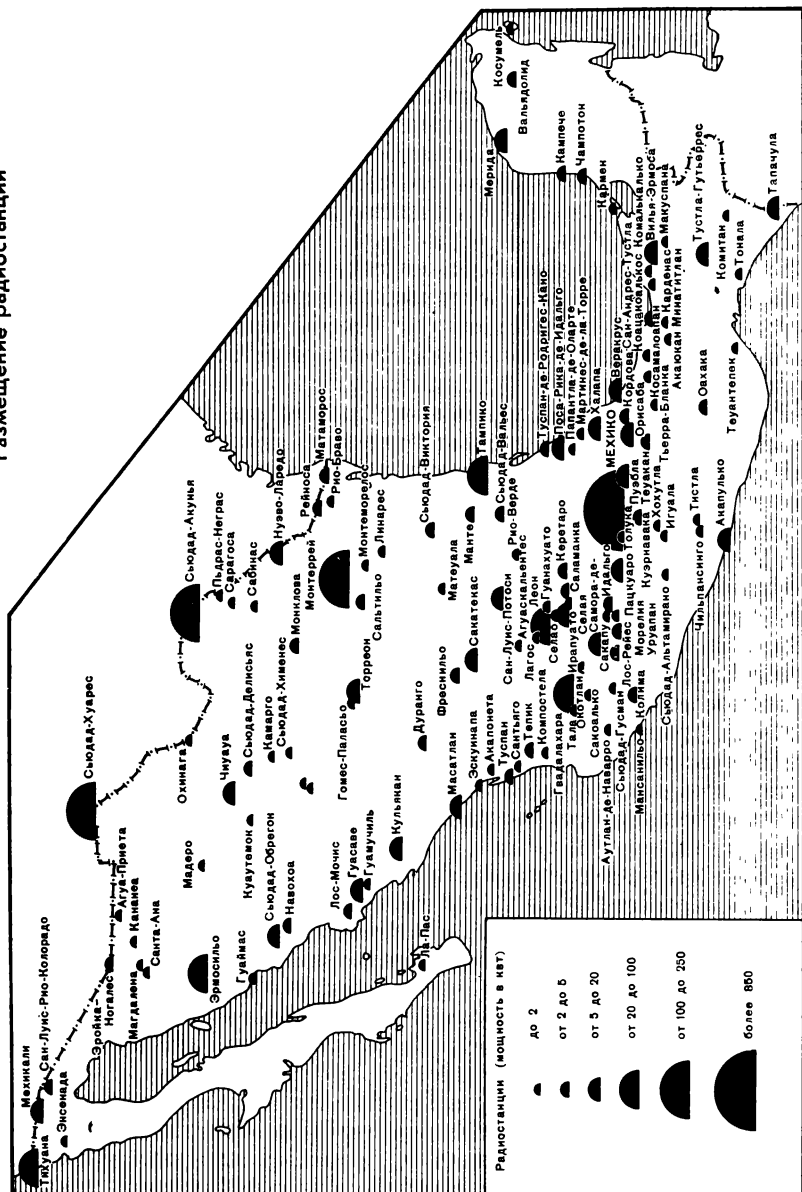
Наиболее крупными коммерческими радиообъединениями являются столичная «Радио кадена насьональ», «Радио програмас де Мехико» (с большим количеством станций), «Фоменто де радио СА-Мехико» и «Радио 6.20 — Мехико».

Примером типично коммерческой радиостанции может служить крупнейшая в стране «Радио 1000» в г. Мехико. В течение суток она передает музыку, рекламу и 22 коротких выпуска новостей. У нее имеется семь подстанций — каждая со своим названием и назначением. Две подстанции работают на УКВ, остальные — на длинных волнах. «Радио 1000» постоянно проводит опросы слушателей и стремится сохранять «индивидуальный» характер каждой из своих подстанций. Так, например, одна из них специализируется исключительно на трансляции симфонической музыки.

По такому же принципу организуется работа и других крупных коммерческих станций не только в столице, но и в провинции, например радиостанций «Эстерео мундо» и «Латино» в г. Гвадалахаре. Последняя передает рекламу и музыку романских стран, но по воскресеньям в 10 часов утра в эфир выходит весьма интересная многочасовая программа «Избранная музыка», которая включает русскую народную и эстрадную музыку советских композиторов.

В противоположность коммерческим передачи университетских радиостанций носят культурно-просветительный характер, их материалы отличаются серьезностью, познавательностью, они основаны преимущественно на национальной мексиканской тематике. Эти станции передают симфоническую, камерную, фольклорную музыку, практикуют изучение по радио иностранных языков. Главная отличительная черта университетских станций — полное отсутствие коммерческой рекламы.

Размещение радиостанций

Крупнейшей некоммерческой радиостанцией Мексики является станция Национального автономного университета Мексики «Радио универсидад». Можно также отметить по-своему интересные радиостанции университетов штатов Оахака, Гуанахуато, Юкатан (Мерида), Синалоа, а также Института социального обеспечения Мексики.

Министерству народного образования принадлежит станция «Радио эдукасьон», в программы которой включаются и самые разнообразные музыкальные номера, и передачи просветительного характера (в том числе фрагменты, подготовленные советским радио).

Другая крупнейшая правительственная радиостанция — ХЕВ находится в Гвадалахаре. Она представляет собой единственную в городе станцию, которая отказалась от рекламы и передает в основном программы культурно-просветительного плана: новости культуры, науки и техники, хронику основных событий внутриполитической и международной жизни, музыку, преимущественно симфоническую. Немаловажным является тот факт, что станция ХЕВ наладила первые контакты с двумя каналами «Телевисы».

К группе правительственных радиостанций относятся также: «Радио муниципаль», подчиняющаяся мэру г. Мехико; «Этасьон радио дифусора КНРТ» в г. Кордобе (подобно станциям других штатов, она находится в ведении отдела изящных искусств муниципалитета); «Ла вос де ла эсперанса», расположенная в столице и интересная тем, что транслирует передачи на всю Центральную Америку.

Особое место среди государственных станций занимает «Радио де Мехико», ведущая передачи для центрально- и южноамериканских стран, а также для мексиканцев, проживающих на юге США. Программы «Радио де Мехико» носят пропагандистский и культурно-просветительный характер.

Опыт работы университетских и правительственных радиостанций, безусловно, имеет большое значение в деле распространения знаний и культурного воспитания населения. Дальнейший рост числа таких станций означал бы новый шаг в развитии мексиканского радиовещания. Однако их малочисленность показывает, что, к сожалению, не они определяют сегодня лицо мексиканского радио. Правда, в целях упорядочения работы коммерческих станций, придания их программам большего социального содержания, правительство Мексики время от времени предпринимает разного рода шаги в указанном направлении. Но эти меры не могут полностью решить все проблемы мексиканского радио.

Согласно существующему законодательству правительство Мексики располагает 12,5% времени любой коммерческой радиостанции и любого телевизионного канала для программ, подго-

товленных специальным отделом Министерства связи и транспорта. Но на практике финансовые возможности правительства позволяют ему использовать лишь часть этого времени.

Следуя этому положению, все коммерческие станции обязаны передавать и передают официальные сообщения о правительственных церемониях. Каждое воскресенье с 22 до 23 часов они транслируют интересную и хорошо сделанную культурно-просветительную программу «Ора насьональ», дающую краткую сводку самого важного и существенного из того, что произошло внутри страны и за рубежом в течение недели.

Нужно сказать, что правительство Мексики, понимая исключительную важность и значение радио в жизни страны, ищет и более решительные пути контроля и воздействия на коммерческие радиостанции. Приведем такой пример: в декабре 1974 г. президент Мексики Эчеверриа направил сенату послание с предложением видоизменить 101, 103 и 104-ю статьи Федерального закона (от 1960 г.), чтобы правительство получило права не только облагать штрафом, но и проводить конфискацию (в пользу государства) движимого и недвижимого имущества тех предпринимателей, которые используют радиостанции, не имея на то соответствующим образом оформленного разрешения. Как подчеркивала мексиканская пресса, главной целью этой акции было стремление покончить с радиопередачами, которые официально не были разрешены властями, упорядочить систему всего радиовещания, «обеспечив правильное использование этой действенной машины национальной интеграции».

Как мы уже писали, самой крупной за всю историю Мексики телевизионной коммерческой корпорацией является «Телевиса». Помимо г. Мехико, она имеет более 60 ретрансляционных станций в стране. Практически во всех более или менее крупных городах можно смотреть телепередачи каналов «Телевисы». Корпорация контролирует более 90% всех коммерческих теле- и радиостанций Мексики; около 90% телезрителей смотрят ее передачи. Корпорация способствует получению огромных прибылей их владельцам. Только один из четырех каналов «Телевисы» дает мультимиллионеру Э. Аскарраге примерно 100 млн. песо прибыли в год.

«Телевиса» сотрудничает с иностранными компаниями, например с телевизионной монополией Испании ОТИ; тесная связь семьи Аскарраги с телемагнатами, владеющими станциями в Нью-Йорке и Майами, также носит деловой характер и активно влияет на мексиканское телевидение.

Другому совладельцу «Телевисы» Р. о'Фаррилю, помимо одного из телеканалов, принадлежат крупные газеты «Новедадес», «Ньюс» (на английском языке), а также ряд журналов.

Сын бывшего президента страны М. Алемана (1946—1952) Мигель Алеман (младший) является третьим совладельцем «Те-

левисы»: он занимает пост генерального директора службы новостей.

Большой популярностью в Мексике пользуется телепередача «24 часа». Это основная информационно-пропагандистская программа «Телевисы», которой руководит ведущий комментатор опытный журналист Хакобо Заблудовский (заместитель М. Алемана), пользующийся определенным влиянием в стране.

Эта передача пропагандирует внутреннюю и внешнюю политику мексиканского правительства, в ней отчетливо просматриваются националистические и антиимпериалистические тенденции.

Следует отметить, что в этой же программе систематически даются оперативные новости из СССР и других стран социализма; ни одно важное событие в нашей стране не остается без внимания, правда, названные передачи не всегда отличаются объективностью.

Канал М. Алемана (младшего) имеет еще одну очень популярную утреннюю передачу под названием «Чашка кофе» (ее смотрят во время завтрака). В период проведения Олимпийских игр в г. Мехико (1968) эта передача уделяла главное внимание рассказу о советских спортсменах. Сам владелец канала дважды принял участие в передачах, выступив в роли их ведущего.

Вторая по важности телевизионная компания страны — «Телекадена мекхикана» была создана в 1967 г. Своего канала в столице она не имеет, а занимается подключением к столичным каналам провинциальных телестанций и рассылкой передач по стране. Компании принадлежит почти 25% всех коммерческих станций в Мексике, что позволяет ей господствовать на периферии.

Долгое время единственным исключением в общей картине телевидения Мексики был канал телестанции Национального политехнического института. Напомним, что он принадлежит Министерству народного образования и находится на государственной дотации. По своему статусу он не имеет права передавать рекламу. Задуманный как культурно-просветительный, канал передает диспуты на философские и социологические темы, социальные и научные дискуссии, проводит изучение иностранных языков, передает продолжительные симфонические и камерные концерты. Программы университетской телестанции имеют определенное познавательное и воспитательное значение, опыт ее работы заслуживает поощрения и изучения.

Но раздробленность телесети не может не тревожить общественность страны. Даже представители правящих кругов Мексики все чаще ставят вопрос о перестройке телевизионных программ, о создании единой национальной телесети и более активном участии государства в работе телевидения. «Мы должны приумножить усилия в области создания «телевидения культуры», кото-

рое для миллионов наших граждан представляет собой единственное средство образования и приобщения к культуре, а также является мощным механизмом национальной интеграции», — заявил президент Мексики Л. Эчеверриа в ноябре 1974 г.¹

Президент говорил об этом перед группой наиболее видных деятелей объединения «Культурное телевидение Мексики» (КТМ). И хотя с тех пор прошло уже немало времени, КТМ пока еще не справляется с поставленными перед ней задачами. Более того, по свидетельству мексиканской прессы, эта организация ограничивается лишь отбором некоторых программ коммерческого телевидения для их показа в тех отдаленных районах, куда они обычно не доходят. Но главное направление своей деятельности государственные органы видят не столько в контроле над частными телекомпаниями, сколько в расширении канала № 13; они стремятся придать его работе общенациональное звучание.

Администрация канала № 13 стремится создать общенациональную телесеть. К середине 70-х годов уже функционировала первая очередь этой сети, покрывающая около 2 млн. телеточек (64% всего потенциала страны). Из 178 млн. песо, выделенных правительством в 1975 г. на развитие канала № 13, 40 млн. пошли на создание сети и внедрение нового электронного оборудования.

При рассмотрении вопросов, связанных с работой средств массовой информации, большое значение имеет проблема источников ее получения. Мексиканские газеты, журналы, радио и телевидение пользуются национальными источниками информации. К ним относятся бюллетени различных министерств, партий, профсоюзов и других организаций. Некоторые органы информации имеют собственных корреспондентов в ряде стран мира. Газета «Эксельсиор» — в ФРГ, Испании, Аргентине; «Новедадес» — в Англии и Испании; «Эль универсаль» — в Нью-Йорке. Эти газеты и еще «Ла пренса», «Овасьонес» и «Эль националь» в случае необходимости посылают за рубеж своих специальных корреспондентов. Примерно такая же ситуация с корреспондентами мексиканского телевидения. Однако число мексиканских журналистов за рубежом все же весьма ограничено. Поэтому международная информация поступает в Мексику главным образом от иностранных информационных агентов. На первом месте стоят ЮПИ и АП; в меньшей степени используется информация Франс Пресс, Рейтера и Пренса Латина.

Как пишет директор Мексиканского института средств массовой информации А. Сордо, 70% информации, распространяемой в Мексике, поставляют агентства США².

Такое положение вещей приводит к соответствующей ориентации общественного мнения страны по важнейшим международным событиям и проблемам. На эту особенность счел необходи-

мым обратить внимание даже президент Мексики: «Наша зависимость от информационных монополий способствует давлению на личность и общество,— заявил в своем выступлении по случаю Дня свободы печати Л. Эчеверриа.— Для многих мексиканцев информация или комментариев в газете являются непреложной истиной... они не отдают себе отчета в том, что большая часть информационного изобилия, которое их окружает, заставляет нас видеть мир чужими глазами»³.

Американские агентства не случайно занимают господствующие позиции в средствах массовой информации Мексики. Разветвленная сеть корреспондентов и корреспондентских пунктов, а следовательно, широкая информированность, оперативность в работе, высокий профессионализм опытных американских репортеров, отточенная техника приема и подачи информационных материалов — все это объективно привлекает мексиканские органы печати, радио и телевидение к агентствам АП и ЮПИ. Кроме того, привязанность средств массовой информации Мексики к этим агентствам объясняется все еще достаточно серьезным проникновением и влиянием США на экономическую и политическую жизнь страны.

В 1960 г. в Мексике было основано информационное агентство Информекс — акционерное общество, занимающееся распространением внутренней и международной информации. Но это агентство не стало влиятельной организацией, оно практически ограничивается лишь посредничеством при доставке международной информации от зарубежных агентств в газеты и журналы Мексики.

В 1968 г. было создано правительственное информационное агентство НОТИМЕКС. Оно распространяет главным образом официальную информацию, готовит «телегазеты» для телевидения столицы — Мехико, а также городов Монтеррей, Пуэбла и Веракрус.

Большой интерес и энтузиазм вызвал у мексиканской общественности факт организации в 1969 г. самостоятельного частного агентства печати АМЕКС. АМЕКС имеет свои отделения и корреспондентские пункты не только в самой Мексике, но и по всей Южной Америке, в странах Карибского бассейна, в США, Канаде, Испании, а также на Ближнем Востоке. Агентство располагает хорошей технической базой и большим штатом сотрудников (более 250 человек).

Хотя образование АМЕКС явилось, безусловно, прогрессивным шагом, все же приходится констатировать, что, несмотря на широковещательное заявление, АМЕКС по целому ряду причин не смогло полностью сыграть отведенную ему роль. Его влияние невелико, характер информации, публикуемой в мексиканской печати, с появлением АМЕКС практически мало изменился.

Одна из главных проблем средств массовой информации в Мексике — взаимоотношения их владельцев с рекламодателями. Так, газета «Новедадес» покрывает за счет продажи лишь 10% всех расходов выпуска. Поэтому, чтобы существовать, она должна ежемесячно получать от рекламы 4 млн. песо. Газета «Эль универсаль» ежедневно получает за счет рекламы 400—500 тыс. песо. Очевидно, что в еще большей степени все сказанное относится к коммерческим радио и телестанциям.

Отсюда возникает естественная для буржуазного общества связь: от политических взглядов и настроений рекламодателей зависит характер и направление издания. Реклама — безотказное средство воздействия на издателей. Если газета, журнал или телевизионный канал выступают со слишком «смелыми» высказываниями, пытаются бороться против господства крупных империалистических монополий, то этого обычно бывает достаточно, чтобы те же монополии исключили данный печатный орган или станцию из списка получателей рекламы. Это правило неоднократно испытал на себе журнал «Сьемпре», пытавшийся выступать в защиту интересов мексиканского народа.

Самым серьезным образом влияет на развитие средств массовой информации Мексики их зависимость от крупных капиталистических государств, в первую очередь от США. Эта зависимость связана опять-таки с проблемой рекламы. Цифры говорят, что лишь 65% рекламных материалов в Мексике приходится на национальные предприятия и фирмы, а остальные 35% — иностранного происхождения. Наиболее выгодную рекламу предоставляют мощные высокоприбыльные американские фирмы типа «Кока-кола», «Пепси-кола», автомобильные компании. В один ряд с ними можно поставить и так называемые смешанные предприятия, в большинстве которых американский капитал занимает главенствующие позиции. Многочисленные фирмы, доминирующие в сфере обслуживания, крупные магазины, радиосборочные компании, агентства по распространению рекламы находятся в руках крупных, тесно связанных с США предпринимателей, которые активно используют свои экономические возможности для массированного давления на печать, радио и телевидение. В последние годы появилась новая тенденция — финансовая олигархия, связанная с США, начинает создавать и свои собственные органы. Так, например, появилась газета «Эль эральдо».

Пропагандистское воздействие США на средства массовой информации Мексики осуществляется и иными путями. Например, четко прослеживается связь мексиканской газеты «Эксельсиор» с американской «Нью-Йорк таймс» — первая перепечатывает не только отдельные статьи, но и целые серии материалов. Газета «Эль эральдо» связана с коммерческими журналами США и т. д. Не безразлично к данной сфере деятельности и посольство США в Мексике.

Аналогичны по своему характеру и международные связи телекомпаний Мексики. Так, только за один год (1972) мексиканское телевидение получило из-за рубежа 16 154 полнометражных и 19 226 короткометражных фильмов. 75% (26 535) этих фильмов были американского производства, остальные сделаны преимущественно в Англии, ФРГ, Италии, Японии. Лишь за одну неделю из 336 киноматериалов, прошедших по мексиканскому телевидению, только 25% были национального производства, а 60% подготовлено в США.

Еще хуже обстоит дело в сфере радио. В г. Мехико и его окрестностях, например, имеется 12 радиостанций, которые почти все время своего вещания отдают североамериканской музыке.

Для более правильного понимания условий, в которых развиваются и функционируют средства массовой информации Мексики, необходимо вкратце остановиться на характере их взаимоотношений с мексиканским правительством. Сразу отметим, что правительство страны, выражающее интересы крупнейших национальных предприятий, промышленников, коммерсантов, политических деятелей, стремится не только активно использовать средства массовой информации в своих интересах, но и не допускать их вмешательства в свои дела.

По Конституции в Мексике декларирована свобода печати, но возможности журналистов достаточно ограничены и на практике их работа строго регламентируется правительством и правительственными организациями. Под давлением крупной буржуазии власти часто препятствуют объективному отражению реальности, закрывают дорогу острым критическим материалам, прибегают к тактике лавирования и замалчивания многих важных вопросов. В результате прямого правительственного контроля свобода слова является в Мексике привилегией отдельных лиц и групп, что характерно в целом для «буржуазной демократии».

Но правительство и органы массовой информации не всегда и не во всем проявляют единодушие. Вот почему для эффективного и наиболее действенного правительственного контроля над прессой необходимы материальные средства воздействия на печать. Таким средством является распределение бумаги. Раньше им занималось государственное предприятие ПИПСА (Продуктор импортатора де папель), теперь — «Насьональ финансьера» (акционерное общество, контрольный пакет акций которого принадлежит правительству). Отказ в снабжении бумагой или его ограничение обычно не просто ставит тот или иной орган печати в трудное положение, но зачастую ведет к его закрытию. Что касается радио и телевидения, то здесь материальная зависимость реализуется в виде материально-технической помощи государства, в которой они нуждаются.

Кроме того, действующее в Мексике законодательство дает возможность правительственным органам вмешиваться в деятель-

ность практически любой радио- или телестанции. При этом законодательные акты дают право правительству определять (поощрять или запрещать) те идеологические и политические направления, которые соответствуют интересам правящих классов Мексики.

Как уже отмечалось, самые крупные и влиятельные газеты и журналы Мексики выходят в столице. Мы хотим на примере некоторых из них показать те конкретные условия становления и развития периодической печати, которые характерны для Мексики.

Столичная «Эксельсиор» является старейшей и одной из наиболее влиятельных газет страны. Она была основана в г. Мехико в 1917 г. либералом Рафаэлем Альдусином. Долгое время газета придерживалась рамок так называемой классической системы информационной журналистики, до определенной степени объективной.

Позже газета стала кооперативной, но лишь формально. За руководство ею постоянно шла борьба между различными группировками, пытавшимися подчинить «Эксельсиор» своим политическим интересам. Внутренние противоречия, возникавшие среди владельцев и руководителей газеты, четко отражались на ее страницах. Так, например, из газеты была удалена крайне реакционная группа Б. Понсе. Затем «Эксельсиор», испытывавший политическое и экономическое давление со стороны официальных лиц и организаций, обратился за финансовой помощью к США, и газета стала выражать явно проамериканские настроения. Она даже выступала против прогрессивных мер президента Л. Карденаса, в частности, против экспроприации нефти, национализации некоторых отраслей промышленности и аграрной реформы.

Однако подобные колебания в целом менее характерны для «Эксельсиора», отличающегося, в том числе и в настоящее время, достаточно сбалансированным подходом к освещению внешней и внутренней политики. Это одна из самых информированных мексиканских газет, стремящаяся показать свою нейтральность и объективность в подаче материала. Газета, например, не избегает сообщений о жизни социалистических стран, нередко выступает и с антиимпериалистических позиций. В то же время «Эксельсиор» постоянно испытывает давление со стороны крупного капитала, правых партий и реакционных организаций страны. Газета иногда позволяет себе критику в адрес США, особенно в области международных отношений. Например, в свое время газета прямо выступила против войны США во Вьетнаме. Нередко на страницах «Эксельсиора» появляются материалы, содержащие критику экономической политики США в Латинской Америке, отдельных внешнеполитических акций североамериканского

правительства, что, разумеется, вызывает недовольство северного соседа Мексики.

Заметим также, что в значительной степени «Эксельсиор» служит интересам католицизма. Это отражает взгляды руководителей газеты и согласуется с сильным влиянием католической церкви в Мексике. Газета, поддерживая по основным вопросам правительство и правящую партию ИРП, все же больше тяготеет к правой партии «Национальное действие».

У газеты имеются свои корреспонденты в ряде стран, однако в основном она пользуется информацией ЮПИ, АП, реже Рейтер и ФП.

В целом можно сказать, что «Эксельсиор» отражает интересы представителей правящих классов, крупных финансово-промышленных групп страны, банков, верхушки католической церкви.

Тираж основного утреннего издания «Эксельсиора» — 153,9 тыс. экз. (1978). Рекламные объявления занимают целый разворот, но чаще серьезные сообщения верстаются вперемежку с рекламой. Такой метод планировки номера позволяет его авторам размещать текст по своему усмотрению.

С 1936 г. выходит и дневное издание «Эксельсиора». Тираж этой газеты и вечернего издания «Экстра» — около 140 тыс. экз. «Эксельсиор» выпускает также специальные воскресные и праздничные приложения, а по четвергам — литературное приложение «Хуэвес де эксельсиор» тиражом 27 тыс. экз.

«Эксельсиор» — экономически очень сильный орган печати. Отражая мнения многих влиятельных экономических и политических сил страны, эта газета не только популярна и широко читаема в Мексике, но и оказывает воздействие на общественное мнение, заставляя считаться с собой даже федеральное правительство.

Несмотря на сравнительно небольшой тираж (70 тыс. экз.), значительным влиянием в Мексике пользуется другая столичная газета «Эль диа». Она была создана в 1962 г. Хотя формально издание является кооперативным, на практике вся полнота власти сегодня принадлежит директору газеты Э. Рамиресу и группе его сторонников. Директор издания занимает один из постов в руководстве ИРП. Правительство оказывает газете финансовую поддержку, что, естественно, серьезно отражается на ее идейно-политическом лице. И все же в целом «Эль диа» занимает, пожалуй, наиболее либеральные и прогрессивные позиции среди всех буржуазных газет Мексики.

Газета следует курсу правительства, особенно активно поддерживает его мероприятия антиимпериалистического характера и в защиту национальных интересов; она выступает за мир, безопасность, сотрудничество, за независимость развивающихся стран.

В 1936 г. молодым и энергичным журналистом Игнасио Эррериас была основана газета «Новедадес». Впоследствии газета по-

степенно превратилась в центральный орган наиболее активной и могущественной газетно-радио-телевизионной группировки Мексики, в которой главенствует семейство Алеман. Основной капитал принадлежит бывшему президенту страны М. Алеману, инициатива и деловая активность — его сыну М. Алеману (младшему). Помимо средств массовой информации, финансово-олигархическая группа Алемана имеет прочные экономические позиции во многих отраслях мексиканской индустрии. Директор газеты — мультимиллионер и президент акционерного общества «Публикасьон эррариас С. А.» Ромуло о'Фарриль. Ее тираж — 149 тыс. экз. (1978 г.). В вопросах внутренней политики газета весьма реакционна, что во многом объясняется консервативными и антикоммунистическими взглядами директора. Значительное влияние на газету оказывают посольство США, крупные национальные и зарубежные промышленники, католическая верхушка. Наибольшим авторитетом газета пользуется в финансово-промышленных и торговых кругах страны.

Примерно такой же политической ориентации придерживаются и другие крупные газеты этой группировки — «Диарио де ла тарде» (тираж 71,4 тыс. экз.), «Ньюс» (24,1 тыс. экз.) и «Пренса либре» — воскресное приложение «Новедадес».

С группой Алемана в определенной степени связана и газета «Эль эральдо де Мехико», созданная в 1965 г. при президенте Г. Диасе Ордасе главой крупной финансово-промышленной группы и приближенным лицом президента Г. Аларионом. Будучи тесно связанной с Коммерческим банком страны, газета с первого дня своего существования защищает интересы финансовой верхушки Мексики. Она претендует на роль рупора высшей буржуазной элиты и, как правило, поддерживает правительство и правящую партию, хотя стоит на более правых, консервативных позициях. В целом же газета, тираж которой 185 тыс. экз., делает акцент на публикацию материалов экономического и внутривнутриполитического характера. Она явно перегружена рекламой и «деловой хроникой». В Мексике издается еще семь газет с аналогичным названием (по схеме: «Эль эральдо» плюс название города, где газета печатается).

По общему политическому лицу, методам пропаганды и даже по средствам оформления на «Эральдо» похожа другая крупная газета страны — «Эль соль де Мехико». Это главное издание так называемой «Кадены» («Цепь») Хосе Гарсиа Вальсена — одного из крупных газетных магнатов. Во времена президентства Мануэля Авила Камачо (1940—1946) полковник Гарсиа Вальсена стал издавать во многих городах страны ряд газет с одинаковым названием «Эль соль». Если такие газеты, как «Эксельсиор», «Новедадес», «Эль эральдо де Мехико», пытаются и даже стремятся сохранять хотя бы внешнюю независимость, «Эль соль» не стесняется в приемах и методах пропаганды; газета часто вы-

ступает с крайне правых, а в отдельные моменты и профашистских позиций.

«Эль соль де Мехико» издается с 1965 г. В «Кадену» Гарсиа Вальсены входят сегодня также столичная спортивная газета «Эсто», издающаяся с 1941 г. тиражом примерно в 200 тыс. экз. (в 1978 г. он достиг 311,8 тыс. экз.), а также 35 газет в различных штатах Мексики. Это и есть (во всяком случае, в большинстве) те самые газеты «Эль соль», о которых говорилось выше. Кстати, газеты с этим популярным в стране названием («соль» по-испански «солнце») выходят практически в каждом большом городе Мексики, но многие из них не связаны с «Каденой» Гарсиа Вальсены.

В 1929 г. президентом Э. Портесом Хилем был создан официальный орган мексиканского правительства газета «Эль националь». И в настоящее время «Эль националь» остается официальным органом правительства. Она существует на государственную дотацию; директор избирается Секретариатом президента.

Совершенно особое место среди мексиканских периодических изданий занимает «Диарио официаль» — официальный бюллетень правительства, в котором публикуются законы, декреты и постановления. По конституции Мексики, все они вступают в силу только после их обнародования в «Диарио официаль».

В столице Мексики выходят также такие крупные газеты, как «Ла пренса» с самым большим тиражом (261,7 тыс. экз. в 1978 г.), «Эль универсаль», «Диарио де Мехико», «Овасьонес». Но все они не представляют особого интереса, поскольку не пользуются большим авторитетом и влиянием в стране.

Оппозиционная печать развита в стране слабо. Например, даже мексиканские профсоюзы не имеют своих газет и журналов, а издают лишь листки, которые к тому же трудно назвать левыми по содержанию. Вот почему в мексиканской периодике прогрессивные силы в основном представлены коммунистической печатью и некоторыми другими изданиями, например газетой Комитета борьбы за освобождение политических заключенных «Либерасьон». Что же касается других оппозиционных организаций, то они публикуют только отдельные и нерегулярные издания. Общий тираж этих периодических изданий невелик.

Органом Центрального Комитета Мексиканской коммунистической партии является «Описисьон». Это — еженедельная газета. Ранее МКП выпускала газеты «Мачете» и «Ла вос де Мехико». В 1979 г. коммунистическая печать Мексики отметила свое 55-летие.

В 1970 г. «Описисьон» выходила два раза в месяц и по своему характеру была ближе к журналу. В ее редакционный совет входили известные деятели партии, в том числе выдающийся художник Д. А. Сикейрос. «Описисьон» была преобразована в еженедельную газету в 1975 г. и стала главным органом печати ком-

партии. В отличие от других органов печати МКП «Опосисьон» выходит достаточно регулярно. Это стоит огромных трудов, так как компартия за годы своего существования не раз подвергалась преследованиям и фактически находилась на полулегальном положении. Газета мексиканских коммунистов последовательно проводит линию МКП. Она выступает с позиций принципиальной критики правительства Мексики, за международную солидарность грядущих всего мира, активно ведет политическую и организационную работу на выборах, где она, как известно, в последние годы достигла серьезных успехов.

«Опосисьон» выходит на 12 полосах небольшого формата. Каждый номер включает редакционную статью, которая носит в основном не информационный, а проблемно-теоретический характер. Статьи газеты освещают вопросы теории, партийной жизни, внутреннего положения в стране, состояние дел в коммунистическом и революционном движении. В ней периодически помещаются различные документы, выступления деятелей МКП, других компартий, руководителей социалистических стран. Газета уделяет большое внимание странам Латинской Америки, а также Испании и Португалии. По традиции «Опосисьон» также печатает рекламу, но это — реклама изданий классиков марксизма-ленинизма и современных теоретиков коммунистического движения. Периодически газета объявляет кампанию по сбору средств на продолжение своей работы.

Из огромного множества издаваемых в Мексике журналов мы хотим выделить знаменитый «Сьемпре» — яркое и своеобразное явление как мексиканской, так и всей латиноамериканской журналистики. Журнал завоевал большую известность и популярность своей независимостью, острой сатирической манерой подачи материала, широкой информативностью, прекрасным полиграфическим качеством. «Сьемпре» часто выступает с резкой критикой империализма.

Интересна история создания «Сьемпре». Основатель и сегодняшний директор журнала Хосе Пахес Льерсо родился в 1910 г. Всю свою сознательную деятельность он посвятил журналистике. В возрасте 16 лет он начал вместе с братом выпускать боевое политическое издание — еженедельник «Ой». В июле 1952 г. Пахес Льерсо выпустил первый номер нового журнала, который как бы в противовес «Ой» («Сегодня») был назван «Сьемпре» («Всегда»). Высокое профессиональное мастерство группы энтузиастов сделало свое дело: уже через год «Сьемпре» стал самым влиятельным и читаемым еженедельником страны. Этому способствовало также и то, что журнал всегда стремился иметь свое собственное лицо, придерживаясь собственных принципов в работе. В настоящее время журнал выходит тиражом 153,9 тыс. экз. (1978), из которых 25 тыс. расходятся в США, а 10 тыс. — в латиноамериканских странах (правда, в ряде стран журнал запрещен).

При всех положительных качествах журнала нельзя забывать, что его руководители проповедуют так называемый идеологический плюрализм в его буржуазном понимании. Наряду с такими видными прогрессивными публицистами и литераторами, как Ренато Ледук, Мартинес де ла Вега, Луис Суарес, Хосе Луис Сесенья, часто выступающими на страницах журнала, «Сьемпре» является также трибуной для авторов самых различных политических направлений.

«Тьемпо» — другой чрезвычайно влиятельный общественно-политический журнал, выходящий в Мехико с 1942 г. (тираж 20 тыс. экз.). Освещаая вопросы экономики, культуры, искусства, журнал все же основное внимание уделяет международным проблемам.

Мы привели только два примера. Естественно, ими не исчерпывается круг больших и влиятельных журналов страны. Кроме того, имеется множество журналов развлекательного характера. Но есть и такие, которые ратуют за национальные интересы Мексики, выступают в защиту национальных богатств, критикуют внешнюю политику и экономическое проникновение США. О том, что прогрессивные тенденции все чаще берут верх в мексиканской периодике, свидетельствует пример крупного буржуазного журнала «Ой». Этот печатный орган, издававшийся с 1937 г. два раза в неделю, а сейчас выходящий еженедельно (тираж 35 тыс. экз.), в последнее время стал проявлять большую гибкость, больший демократизм, заметно вырос его интерес к жизни социалистических стран.

Особое место среди журналов Мексики занимает печатный орган Института культурного обмена «Мексика — СССР» журнал «Информасьон». Он публикует главным образом материалы советских и национальных авторов об СССР (тираж 3000 экз.). Вместе с другими прогрессивными изданиями он рассказывает правду о стране развитого социалистического общества, о миролюбивой политике Советского государства и его последовательной борьбе за мир. Это — важные источники правдивой информации об СССР.

¹ Excelsior, 4.XI 1974.

² El Dia, 2.II 1976.

³ Excelsior, 8.VI 1971.

СССР—Мексика: культурные и научные связи

В общей системе культурных связей СССР с Латинской Америкой советско-мексиканское сотрудничество имеет наиболее давнюю историю. В сближении народов обеих стран определяющую роль сыграли такие важнейшие политические факторы, как их борьба в 1917—1920 гг. против одного и того же врага — империализма и внутренней реакции, взаимные симпатии на этой почве и, наконец, установление 4 августа 1924 г. между СССР и Мексикой дипломатических отношений. Мексика, как известно, сделала этот шаг первой из стран Западного полушария.

Деятели мексиканской культуры также внесли свой вклад в дело установления дипломатических отношений между двумя странами.

Так, в 1922 г. в столице штата Юкатан г. Мерида вышла книга прогрессивной мексиканской журналистки и общественной деятельницы Эсперансы Веласкес Брингас о развитии культуры в молодой Советской стране¹. Один из ее экземпляров автор с дарственной надписью направила А. В. Луначарскому. В состав специального Комитета для встречи посла России (т. е. СССР.— А. С.) в Мексике С. С. Пестковского входил Давид Альфаро Сикейрос.

Первый советский полпред в Мексике С. С. Пестковский сыграл немалую роль в налаживании первоначальных контактов в области культуры и науки. Хорошо знавший его мексиканский писатель и общественный деятель Херман Лист Арсубиде подчеркивал в беседе с автором этой статьи, что Пестковский, поддерживавший тесные связи с мексиканской интеллигенцией, «посеял семена культурных отношений между Советским Союзом и Мексикой». Тесная дружба завязалась у советского полпреда с Д. Сикейросом, Д. Риверой.

Непосредственное же начало культурным связям СССР и Мексики положило посещение в июле 1925 г. Мексики В. В. Маяковским. Всего две недели с небольшим пробыл поэт в стране, но они оставили яркие впечатления как у него самого, так и у мексиканцев. В один из дней он вместе с Пестковским был принят министром просвещения. В Мексике Маяковский сблизился с Диего Риверой. «До сих пор,— отмечал в 1973 г. президент Л. Эчеверриа,— нам близок несравненный гений Маяковского»². Несмотря на то что это было только начало, 1925 год оказался весьма продуктивным, особенно в области научного обмена между обеими странами. С июня по ноябрь 1925 г. в Мексике, кроме Маяковского, побывали группы советских специалистов-нефтяников из

Баку, ботаников из Всесоюзного института прикладной ботаники (Ленинград), физико-географ Б. Ф. Добрынин, группа советских велосипедистов, совершавших кругосветное путешествие.

Советские гости встретили в стране теплый прием. «Мексиканские ученые и общественные деятели,— писал Б. Ф. Добрынин,— отнеслись ко мне весьма любезно и содействовали получению научных сведений и материалов»³. Географическое общество Мексики избрало советского ученого своим действительным членом. Результатом поездки Добрынина явилась большая статья «Мексика (географический этюд)», опубликованная в 1926 г. в журнале «Землеведение».

Экспедиция ленинградских ботаников, начавшая свой маршрут по Латинской Америке с Мексики, пользовалась в течение нескольких месяцев своего пребывания дружеским вниманием мексиканских коллег. Одним из крупных результатов этой поездки стала вышедшая в 1930 г. книга «Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии», написанная участником экспедиции С. М. Букасовым.

После возвращения советских ботаников на родину один из руководителей Министерства земледелия Мексики М. Мартинес писал академику Н. И. Вавилову: «Для нас было очень приятным их пребывание в нашей стране, и мы с истинным удовольствием принимали и сопровождали их»⁴.

Однако 1925 год в смысле развития культурного сотрудничества двух стран не был односторонним. Летом 1925 г. в СССР приезжали и знакомились с работой советских научных сельскохозяйственных центров ответственный сотрудник Министерства земледелия Мексики Г. Роблес и директор Сельскохозяйственного института в Чапинго Х. Бальестерос, а спустя несколько месяцев на Московском международном шахматном турнире прекрасно выступил представитель Мексики молодой мастер Карлос Торре.

Во второй половине 20-х — начале 30-х годов Советский Союз посетили писатели и общественные деятели Мексики Рафаэль Педруэса и Хосе Мансисидор, Диего Ривера, известный медик профессор Пардо. В 1929 г. в Москве в Международном аграрном институте (МАИ) с лекциями выступал мексиканский экономист Сильва Эрсог, бывший тогда посланником Мексики в СССР; он был избран почетным членом МАИ. Все эти поездки не прошли бесследно. Так, Р. Педруэса выпустил в 1929 г. книгу «Красная звезда. Двенадцать лет советской жизни», в которой рассказывал о советской культуре и экономике, о Москве, о Красной Армии. Отдельная глава была посвящена В. И. Ленину. «Его дело нерушимо,— писал Педруэса,— потому что оно скреплено правдой... Ленин — вечно живой памятник в сердцах всех трудящихся мира»⁵.

Диего Ривера принял участие во Всемирном конгрессе друзей СССР, состоявшемся в Москве в связи с 10-летней годовщиной

Октябрьской революции. В одном из своих выступлений Д. Ривера, выразив восхищение достижениями советского народа, обратился с призывом ко всем деятелям культуры и науки «сплотиться вокруг свободной мысли в СССР»⁶.

Из наиболее значительных визитов в Мексику с советской стороны выделяется прежде всего более чем годовое (с декабря 1930 по февраль 1932 г.) пребывание в стране прославленных мастеров советского кино С. Эйзенштейна, Г. Александрова и Э. Тиссэ, снимавших фильм «Да здравствует Мексика!».

«Это должен был быть фильм,— вспоминает Г. В. Александров,— о борьбе народа за свободу и независимость, о революционной истории страны... Фильм этот предстает перед моим мысленным взором как величественная эпопея народной судьбы, проникнутая предчувствием революционной борьбы»⁷.

Группа отсняла 70 тыс. м пленки. Немалую помощь в организации работы советских гостей оказал Д. Ривера, который также способствовал и их приглашению в страну.

«В свою очередь,— пишет Г. В. Александров,— наша работа в Мексике стала школой кинематографического мастерства для зарождавшегося тогда национального кино... Участие в съемках «¡Qué viva México!» для многих нынешних знаменитостей мексиканского кино было киноакадемией высшего класса. Они это постоянно подчеркивают»⁸. В связи с этим интересно высказывание одного из виднейших мексиканских кинорежиссеров Э. Фернандеса. «Мексика,— говорил он,— благодарна Эйзенштейну за то, что мир узнал о ней правду из его фильма»⁹. Известный латиноамериканский прогрессивный журналист Хенаро Карнеро Чека отмечал, что «в Латинской Америке всегда помнят, что советские кинематографисты Эйзенштейн, Александров и Тиссэ фильмом «Да здравствует Мексика!» открыли путь реалистическому мексиканскому кино»¹⁰.

В 1927 г. в Мексике побывал В. Б. Пинчук — тогда начинавший, а ныне широко известный советский скульптор. С большим успехом прошла в стране демонстрация советских фильмов «Броненосец «Потемкин», «Октябрь» и др.

В предвоенные годы в Мексике стали переводить и издавать произведения М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова. В свою очередь, в СССР публиковались произведения мексиканских писателей, в том числе крупнейших из них — Хосе Мансисидора, Рафаэля Рамоса Педруэсы, Хермана Листа Арсубиде, Марисно Асуэлы.

В 1930 и 1932 гг. в научной командировке в Мексике побывал академик Н. И. Вавилов. Сделаны были первые шаги и на пути разработки нового научного направления в обществоведении — мексиканистики. Пионером в этой области стал С. С. Пестковский, который после возвращения из Мексики опубликовал в 1928 г. две книги, посвященные этой стране¹¹.

С началом второй мировой войны прямые контакты, визиты и встречи представителей советской и мексиканской культуры прекратились. Однако передовые деятели культуры Мексики сразу же включились в движение солидарности и поддержки борьбы СССР против фашистской Германии. В письме Союзу советских писателей Х. Мансисидор в августе 1941 г. писал: «Свободолюбивые народы знают, что на шестой части света двести миллионов человеческих существ, непобедимых, как сама жизнь, борются не только за свое будущее, но и за наше будущее... Нет сил в мире, способных победить эту силу»¹².

Молодой мексиканский поэт Ареола Кортес посвятил разгрому фашистских войск под Москвой стихотворение «Песнь о Москве»¹³.

В мае 1944 г. в Мексике был создан Институт мексикано-русского культурного обмена¹⁴, в состав которого вошло немало представителей культуры и науки.

Укреплению дружественных связей обеих стран, в том числе и в области культуры, немало способствовала активная деятельность посла СССР в Мексике в годы войны К. А. Уманского. Это нашло отражение и в информационном бюллетене посольства СССР, который начал издаваться с 1944 г. под непосредственным руководством Уманского. Осенью 1943 г. он в торжественной обстановке вручил партитуру Седьмой симфонии Д. Шостаковича известному мексиканскому композитору Карлосу Чавесу.

С первых же послевоенных лет стали складываться благоприятные условия не только для упрочения, но и для дальнейшего развития и расширения советско-мексиканских культурных и научных связей. Этому способствовали, с одной стороны, укрепление в целом дружественных отношений между народами обеих стран в суровую военную пору, а с другой — тот факт, что Мексика, не пошла на поводу у империалистических государств и не включилась в направленную против Советского Союза «холодную войну».

Первые шаги на этом пути — поездки журналистов, книгообмен, контакты по линии общественных организаций — стали осуществляться сразу после войны. Однако более активное и широкое развитие этих связей началось позднее, с середины 50-х годов.

Одним из первых посланцев советского искусства в Мексике стал в 1955 г. пианист Э. Гилельс. В следующем году здесь выступили с концертами певица З. Долуханова, пианист Е. Малинин и скрипач И. Безродный.

В 1956 г. большая группа советских ученых-геологов участвовала в работе Международного геологического конгресса, проходившего в Мехико.

В 1957 г. Советский Союз вновь посетил Д. Ривера.

Крупнейшим событием тех лет стала Выставка достижений СССР в области науки, техники и культуры, состоявшаяся в но-

ябре-декабре 1959 г. в Мехико. За 23 дня работы ее посетило около 1 млн. человек. Осмотревший экспозицию президент страны Лопес Матеос отметил, что она «наглядно показывает успехи, достигнутые советским народом в науке, технике и культуре. Она послужит тому, чтобы мексиканский народ убедился в этих успехах»¹⁵.

Глава Советской правительственной делегации, выезжавший на открытие выставки, А. И. Микоян по возвращении на родину отмечал: «Мы вернулись из Мексики с сознанием того, что в лице мексиканского народа советский народ имеет своего хорошего друга»¹⁶.

С начала 60-х годов культурные связи СССР и Мексики становятся более разносторонними. В обеих странах выступают артисты, танцевальные ансамбли, проводятся недели кино, экспонируются выставки, встречаются между собой спортсмены. Достаточно сказать, что в тот период в Мексике выступали ансамбль под управлением И. Моисеева, «Березка», Хор им. Пятницкого, балет Большого театра, оркестр Московской филармонии, неоднократно сюда приезжали советские киноактеры. Мексиканские зрители всегда исключительно тепло принимали посланцев советской культуры и искусства. Приведем только несколько из множества откликов на их выступления.

Газета «Эксельсиор» после завершения гастролей оркестра Московской филармонии писала: «Они (гастроли.— А. С.) оставят в памяти всех любителей музыки незабываемое впечатление. Наши самые горячие поздравления дирижеру и музыкантам»¹⁷.

Газета «Эль диа», называя ансамбль «Березка» неповторимым, отмечала: «Выступления советского коллектива в нашей стране — это настоящий праздник русского танца: радости и мастерства»¹⁸.

Известная мексиканская балерина Амалия Эрнандес о гастролях балета Большого театра: «Мы очарованы выступлениями артистов Большого театра, они доставили нам много радости»¹⁹.

С неизменным успехом проходит на мексиканских экранах демонстрация лучших советских кинофильмов.

Процесс культурных связей не носил одностороннего характера. Как отмечал Л. И. Брежнев, «большой интерес у советских людей всегда вызывала многовековая самобытная культура Мексики»²⁰.

В свою очередь, в Советском Союзе тепло принимали гостей из Мексики — ансамбли «Лос Мехиканос», «Лос Кандилехос», «Лос Гальос», «Лос Панчос», Фольклорный балет Амалии Эрнандес, с интересом посещали выставки мексиканской архитектуры, живописи и графики.

В 1967 г. одну из премий V Международного кинофестиваля в Москве получил мексиканский фильм «Верный солдат Панчо

Вильи». Традиционными в Москве и Мексике стали Недели мексиканских и советских кинокартин.

В 1969 г. Давиду Альфаро Сикейросу был вручен диплом почетного члена Академии художеств СССР. Два года ранее он стал лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

В мае 1968 г. культурное сотрудничество между СССР и Мексикой поднялось на новую ступень. Во время официального визита в Советский Союз министра иностранных дел Мексики К. Флореса в Москве было подписано межправительственное соглашение о советско-мексиканском культурном и научном обмене. Комментируя этот документ, газета «Насиональ» отмечала, что Мексика выиграет от этого соглашения, «так как, бесспорно, советская наука и техника находятся на значительно более высоком уровне, чем наши»²¹.

Новый импульс для дальнейшей реализации этого соглашения был дан во время официального визита в СССР президента Мексики Л. Эчеверриа в апреле 1973 г. В совместном коммюнике о пребывании президента в советской стране отмечалось, в частности, что имеются возможности для дальнейшего расширения и углубления отношений, включая культурное и научное сотрудничество обеих стран²². Во время этого визита министры иностранных дел СССР и Мексики А. А. Громыко и Эмилио Рабаса обменялись нотами относительно созыва советско-мексиканской смешанной комиссии, созданной в соответствии с соглашением о культурном и научном обмене 1968 г. Такое заседание состоялось уже вскоре, в июне 1973 г. На нем была выработана и подписана конкретная программа культурных и научных обменов между СССР и Мексикой на 1973—1974 гг. С тех пор такая программа подписывается ежегодно. Таким образом, можно сказать, что соглашение 1968 г. действует и претворяется в жизнь.

В 1973 г., открывшем новый этап в советско-мексиканских отношениях, произошел ряд памятных событий и в области культурных связей. В апреле в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина открылась выставка «Современная живопись мексиканских художников», на которой были представлены произведения К. Ороско, Д. Риверы, А. Сикейроса. Открывая экспозицию, президент Мексики заявил, что выставка — это своеобразный дружеский привет, который шлет советскому народу от имени мексиканского народа художники его страны. Директор Музея современного искусства в Мехико Ф. Тамбоа подчеркнул, что выбор творчества «этих титанов нашего искусства связан с тем, что их работы наиболее полно выразили чаяния мексиканского народа, его революционный дух»²³.

Тогда делегация ученых-атомщиков Мексики посетила Белоярскую атомную электростанцию.

Немалый вклад в развитие дружественных отношений между СССР и Мексикой вносят активно действующие советское Общество «СССР — Мексика» и мексиканский Институт дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР», в составе которых немало видных представителей культуры, искусства и науки обеих стран²⁴.

Заметный вклад в развитие культурных и научных связей с Мексикой, в особенности в изучение этой латиноамериканской страны, вносят советские ученые. Не только в СССР, но и в Латинской Америке хорошо известны имена историков-мексиканистов Н. М. Лаврова, И. Р. Григулевича, М. С. Альперовича, Б. Т. Руденко, географа Я. Г. Машбица, искусствоведа Р. В. Кинжалова, литературоведа В. Н. Кутейщиковой. Всемирную известность приобрели труды Ю. В. Кнорозова по расшифровке письменности майя.

Большое внимание исследованию социально-экономических и политических процессов, происходящих в Мексике, уделяется учеными Института Латинской Америки АН СССР²⁵. Важным шагом на этом пути стал выпуск в 1968 г. коллективной монографии «Мексика. Политика, экономика, культура».

50-летию советско-мексиканских отношений (1974 г.) также был посвящен ряд работ, подготовленных в ИЛА²⁶. Интересно отметить, что в связи с этой годовщиной в Мексике вышла книга мексиканского исследователя и дипломата Эктора Карденаса, явившаяся первой работой в стране, непосредственно посвященной истории ее отношений с СССР²⁷.

В 1976 г. советско-мексиканские культурные связи продолжали развиваться. В Мехико экспонировались выставки советской политической книги, шедевров живописи Эрмитажа и Русского музея, прошла Неделя советского кино. «Советские ленты, — писала о Неделе кино газета «Эль Диа», — полны гуманизма, они несут зрителю идею взаимопонимания и мира»²⁸.

С большим успехом прошли в стране гастроли Гос. академического народного оркестра им. Осипова. Как отмечала газета, выходящая в г. Монтеррей, «программа оркестра подготовлена со вкусом и изысканностью. Блеск партитур, тонкость исполнения вокалистов сделали этот концерт гвоздем сезона»²⁹.

В свою очередь, в Советском Союзе прошла Неделя мексиканского кино, с успехом выступила в Москве балерина Амалии Эрнандес, состоялся ряд мероприятий в Обществе «СССР — Мексика».

В Советском Союзе всегда проявлялся большой интерес к древней культуре Мексики. Одним из ярких свидетельств этому стала экспонировавшаяся в начале 1977 г. в Государственном музее искусств народов Востока (в Москве) мексиканская выставка керамики и скульптуры «Искусство майя». Газета «Известия» писала о выставке: «Она оставляет неизгладимое впечатление... все

поражает воображение. Цивилизация народа майя принадлежит к тем сокровищам человеческой культуры, которые являются одним из живых мостов в нашу современность»³⁰.

60-летие Великой Октябрьской социалистической революции дало новый стимул для развития советско-мексиканских культурных связей. В различных городах Мексики, прежде всего по линии Института дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР», с большим успехом прошла целая серия культурных мероприятий, посвященных этой знаменательной годовщине. В Москве в сентябре 1977 г. в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина демонстрировалась выставка «Лицо Мексики», рассказавшая советским людям о многовековом развитии мексиканского искусства, о населении Мексики, его культурных и бытовых традициях.

Культура и наука Советского Союза пользуются огромным и признанным авторитетом в Мексике. Подчеркивая это обстоятельство, президент Института дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР» Сапата Вела в статье «Влияние Октябрьской революции на мировую культуру» писал, что всему миру хорошо известны имена Луначарского, Маяковского, Шолохова, Симонова, Полевого, Шостаковича, Хачатуряна³¹.

Новый большой стимул для дальнейшего развития советско-мексиканских культурных связей был дан в дни празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

В связи с проведением в стране Дней советской культуры с приветствием и пожеланиями к народу Мексики обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. В своем послании он подчеркнул, что «культурные связи играют значительную роль в формировании дружественного климата советско-мексиканских отношений. Имея давние и добрые традиции, эти связи особенно углубились в последние годы, способствуют широкому взаимобмену богатствами самобытных культур наших народов. Проведение Дней советской культуры мы воспринимаем как новый значительный шаг в этом направлении»³².

Характеризуя приветствие Л. И. Брежнева, заместитель министра иностранных дел Мексики Хосе Хуан де Ольоки заявил, что оно «найдет горячий отклик в сердцах мексиканцев, испытывающих самые добрые чувства к СССР и советскому народу. Знакомство с самобытной и богатой культурой СССР поможет мексиканцам глубже понять душу советского народа и тем самым будет содействовать укреплению доверия, взаимопонимания и сотрудничества между нашими странами на благо мира во всем мире»³³.

Программа Дней была широкой и разнообразной. Она включала выступления творческих коллективов, выставки, демонстрации кинофильмов, посвященных Великому Октябрю. Эти мероприятия проходили не только в мексиканской столице, но и во

многих штатах страны. Так, в ноябре—декабре 1977 г. перед зрителями столицы с большим успехом выступал Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством И. Моисеева, тогда же в Мехико открылась большая выставка русской и советской живописи.

Заметным событием 1978 г. стала экспонировавшаяся в мексиканской столице выставка, посвященная 80-летию С. М. Эйзенштейна.

Большим шагом вперед в развитии культурных связей СССР и Мексики явились состоявшиеся в мае 1978 г. переговоры во время визита в СССР Президента Мексики Х. Лопеса Портильо. В подписанном Л. И. Брежневым и Л. Портильо совместном коммюнике подчеркнута решимость обеих сторон прилагать усилия к расширению и углублению двусторонних связей также в культурной и научно-технической областях. Во время визита была подписана Программа научно-технического сотрудничества между СССР и Мексикой на 1978—1979 гг.³⁴

1979 год стал свидетелем дальнейшего поступательного развития культурного и научного обмена обеих стран. В Мексике в третий раз успешно гастролировал Гос. украинский народный хор им. Г. Г. Верёвки, огромным вниманием пользовались демонстрировавшиеся в апреле советские фильмы о В. И. Ленине, а в Москве состоялось подписание программы обменов в области культуры, образования и общественных наук между СССР и Мексикой на 1979—1980 гг.

Учитывая возросший поток туристов, Аэрофлот с 1979 г. установил между Москвой и Мехико два рейса в неделю вместо одного.

Новые, более широкие формы приобретает научное сотрудничество. Одним из его примеров является совместная подготовка Институтом Латинской Америки АН СССР и мексиканской стороной сборника документов по истории советско-мексиканских отношений начиная с 1917 г.

С каждым годом культурное и научное сотрудничество Советского Союза и Мексики крепнет и развивается, приобретает новые формы и грани. Залогом его дальнейшего успеха является в целом благоприятный ход советско-мексиканских отношений, основанный на принципах политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, традиционной дружбы их народов и взаимного культурного обогащения.

¹ *Bringas E. V. Cultura de la nueva Rusia. Mérida, 1922.*

² Правда, 1973, 13 апр.

³ Землеведение, 1926, т. XXVIII, вып. I—II, с. 35.

⁴ Ленинградский Гос. архив Ок-

тябрьской революции и социалистического строительства, ф. 9708, оп. 1, д. 90, л. 23.

⁵ *Pedruzeza R. R. La estrella roja. Doce años de vida soviética. México, 1929, p. 27, 31.*

- ⁶ Известия, 1927, 11 ноября.
- ⁷ Александров Г. В. Эпоха и кино. М.: Политиздат, 1976, с. 143, 157.
- ⁸ Александров Г. В. Эпоха и кино, с. 157.
- ⁹ Нева, 1967, № 10, с. 197.
- ¹⁰ Carnero Chesa G. Por un intercambio cultural y comercial con la Unión Soviética. Lima, 1959, p. 10.
- ¹¹ История мексиканских революций. М.; Л.: Госиздат, 1928 (под псевдонимом А. Вольский); Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике. М.: Госиздат, 1928 (под псевдонимом Д. Ортега).
- ¹² Интернациональная литература, 1942, № 6, с. 133.
- ¹³ Интернациональная литература, 1942, № 6, с. 3.
- ¹⁴ Сейчас Институт дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР».
- ¹⁵ Советская печать, 1960, № 1, с. 57.
- ¹⁶ Правда, 1959, 30 ноября.
- ¹⁷ Excelsior, 18.XII 1965.
- ¹⁸ El Día, 24.IX 1967.
- ¹⁹ Правда, 1966, 23 дек.
- ²⁰ Правда, 1978, 18 мая.
- ²¹ El Nacional, 30.V 1968.
- ²² Правда, 1973, 17 апр.
- ²³ Правда, 1973, 17 апр.
- ²⁴ См. статью Ю. А. Коротковой в настоящем сборнике.
- ²⁵ Шереметьев И. К. Государственный капитализм в Мексике. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Шутьков-ский А. Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М.: Просвещение, 1967; Визгунова Ю. И. Рабочий класс современной Мексики. М.: Наука, 1973; Ивлева Т. Н. Мексика. Водное хозяйство и экономическое развитие. М.: Наука, 1973; Бороzdина Р. И. Аграрная реформа в Мексике. М.: Наука, 1976.
- ²⁶ Сизоненко А. И. Советский Союз и Мексика — 50 лет. — Международные отношения, 1974; Он же. Советско-мексиканским отношениям — 50 лет. — Латинская Америка, 1974, № 4; СССР — Мексика 50 лет: Сб. статей. М.: Ин-т Латинской Америки, 1975.
- ²⁷ Cárdenas H. Las relaciones mexicano-soviéticas. Antecedentes y primeros contactos diplomáticos (1789—1927). México, 1974.
- ²⁸ El Día, 5.XI 1976.
- ²⁹ Советская музыка, 1976, № 3, с. 134.
- ³⁰ Известия, 1977, 15 февр.
- ³¹ El Día, 30.V 1973.
- ³² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М.: Политиздат, 1978, т. 6, с. 618.
- ³³ Правда, 1977, 24 ноября.
- ³⁴ Правда, 1978, 26 мая.

СССР — Мексика:

Общества дружбы и культурного обмена

Прогрессивная общественность Мексики с первых лет Великой Октябрьской социалистической революции стремилась как можно шире познакомиться с жизнью советского народа, его культурой. Поэтому уже в 20-е годы движение друзей СССР за культурный обмен с нашей страной приобретает в ряде случаев организованный характер. Так, в 1928 г. в Мексике появилась группа пролетарских писателей во главе с Хосе Мансисидором, одной из основных целей которой было укрепление дружбы с Советским Союзом. Годом позже было создано Общество культурных связей с СССР, принявшее решение издавать литературу о жизни советского народа и переводить на испанский язык книги советских писателей.

В 1930 г. известный писатель и публицист Марио Хиль основал в Гвадалахаре первое Общество друзей СССР. Второе подобное общество было создано в Халапе писателями Х. Мансисидором и Херманом Листом Арсубиде.

В 1933 г. Общество друзей СССР появляется и в столице. Его руководителями стали Х. Мансисидор, Х. Лист Арсубиде и Ф. Помар. Это общество играло важную роль вплоть до 1944 г., организуя различные мероприятия, посвященные Советской стране, в том числе лекции и концерты.

Деятельность этих обществ имела большое значение, особенно если учесть, что в 1930 г. Мексика порвала дипломатические отношения с СССР и дальнейшее развитие советско-мексиканских контактов по официальной линии было затруднено. Потребовалось немало времени и сил, чтобы вновь наладить взаимопонимание и сотрудничество, восстановить атмосферу дружбы, царившую в отношениях обеих стран в 20-е годы.

В годы второй мировой войны в Мексике развернулось широкое движение солидарности с Советским Союзом. Правительство страны в специальном заявлении от 24 июня 1941 г. осудило гитлеровскую агрессию против СССР. Начался массовый сбор подарков для Красной Армии. 1 августа 1941 г. в Мехико представителями общественности был образован Комитет помощи СССР во главе с видным прогрессивным деятелем А. Кастро Леалем.

К 1942 г. относится создание в Мексике Общества друзей сражающегося Советского Союза. В его руководство вошли Арман-до и Херман Лист Арсубиде, Хосе Мария Викториа, Эустасио Родригес, Хосе Мансисидор. Выступая на учредительном собрании общества, Висенте Ломбардо Толедано подчеркнул, что имен-

но в Советском Союзе, на главном фронте второй мировой войны, решаются судьбы человечества, и выразил уверенность в разгроме фашизма¹. Важным аспектом деятельности общества, объединившего представителей различных политических течений, стала организация кампании по сбору средств и закупке предметов первой необходимости для отправки в СССР.

В ноябре 1942 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Мексикой. Это событие положило начало новому этапу в углублении советско-мексиканских связей в самых различных областях. Советский Союз вызывал чувство глубокой симпатии и уважения у представителей широких кругов политических и общественных деятелей, ученых, артистов, писателей. Среди них генерал Эриберто Хара, тогда министр военноморского флота Мексики, В. Ломбардо Толедано — видный деятель мексиканского и латиноамериканского профсоюзного движения, писатель Хосе Мансисидор, президент Общества друзей СССР, поэт Альфонсо Рейес, композитор Карлос Чавес.

Проявлением этих дружеских чувств к советскому народу явилось создание в 1944 г. Мексиканско-русского института культурного обмена (сейчас Институт дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР»). Он был образован по инициативе видных мексиканских общественных деятелей. Некоторые из них уже с 1924 г. вели активную работу по укреплению дружбы и расширению культурного сотрудничества между обеими странами. К тому времени внутривнутриполитическая обстановка в Мексике и степень развития движения друзей СССР не только позволяли, но делали необходимым создание официальной организации, которая координировала бы всю деятельность в данной области и придавала бы ей постоянный характер. Был подготовлен проект устава, и 14 марта 1944 г. состоялась Учредительная ассамблея, собравшая видных общественных деятелей, деятелей науки и культуры. Это было первое подобное общество в Латинской Америке.

Работой института с момента его образования до 1955 г. руководил известный мексиканский историк Луис Чавес Ороско. Президентами в разное время были Хосе Мансисидор, Диего Ривера, Мануэль Меса Андрака, Аделина Сендехас. Для всестороннего освещения жизни советского народа, его достижений, а также деятельности института был основан журнал «Ревиста культураль советика». До 1954 г., когда его сменило другое издание — «Интеркамбио культураль», вышло 119 номеров журнала.

Институт дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР» играл и продолжает играть большую роль в деле развития дружеских связей между народами Мексики и Советского Союза. Он стал одним из основных центров по распространению в Мексике правдивой информации о нашей стране, по пропаганде до-

стижений советского народа в области экономики, политики, культуры.

Важным этапом в развитии связей между советской и латиноамериканской общественностью стало создание 22 января 1959 г. Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, которую возглавил советский композитор и общественный деятель А. И. Хачатурян. В деятельности ассоциации получило наглядное выражение стремление советских людей к укреплению дружбы со всеми народами мира. Это одна из наиболее массовых общественных организаций, объединившая в своих рядах не только отдельных представителей общественности, но и целые коллективы фабрик и заводов, колхозов, научно-исследовательских институтов и учебных заведений, различных культурных учреждений.

Большое значение для благоприятного развития советско-мексиканских отношений имело создание Общества «СССР—Мексика». Оно было учреждено по инициативе представителей самых широких кругов советской общественности, среди которых находились Арам Хачатурян, Давид Ойстрах, летчики-космонавты СССР Юрий Гагарин, Владимир Комаров, Валентина Терешкова и др. 29 июня 1966 г. инициативная группа созвала учредительное собрание общественности, которое единодушно приняло решение о создании в Советском Союзе Общества «СССР—Мексика». На этом собрании присутствовали Аделина Сендехас — президент Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР», Марио Хиль.

В задачи общества входят развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества между общественностью СССР и Мексики, упрочение взаимопонимания и доверия между нашими народами, распространение среди широких масс советских людей сведений об историческом прошлом и замечательном культурном наследии Мексики, а также о сегодняшних достижениях мексиканского народа.

Среди активистов общества — представители самых различных социальных и возрастных групп: рабочие и колхозники, инженеры и техники, артисты и писатели, врачи, ученые, студенты. Массовой базой общества являются его коллективные члены (их более 50) — заводы, фабрики, колхозы, совхозы, научные учреждения. Вот только некоторые из них: Локомотивное депо Лихоборы (Москва), Рижский вагоностроительный завод, Союз рыболовецких совхозов (Эстония), плодородческий совхоз № 12 (Азербайджан), ВНИИ энергетики (Армения), колхоз им. XX партсъезда (Узбекистан), колхоз «Рассвет» (Белоруссия), колхоз им. Васильева (Украина). Всего в обществе насчитывается несколько тысяч человек.

Залогом успешной деятельности Общества «СССР—Мексика» является его постоянное сотрудничество с другими советскими

общественными организациями и государственными учреждениями. Самые тесные и плодотворные контакты поддерживает общество с Институтом Латинской Америки АН СССР, который своими научными исследованиями, активным участием во всех мероприятиях общества вносит важный вклад в дело развития сотрудничества между советским и мексиканским народами. Налажено также сотрудничество с агентством печати «Новости», Московским радио, Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы, Союзом советских писателей, Комитетом советских женщин, Интуристом, Министерством культуры СССР и рядом других советских организаций.

С первых дней своего существования Общество «СССР—Мексика» развернуло активную деятельность в соответствии со своим уставом и целями. В регулярную практику общества вошла организация бесед, лекций и докладов, посвященных знаменательным датам в истории Мексики, событиям ее общественной и культурной жизни, вечеров мексиканской музыки и литературы, встреч с мексиканскими общественными деятелями, представителями литературы и искусства. Только за период 1966—1971 гг. было прочитано более 300 лекций по различным вопросам истории, культуры и искусства Мексики, были организованы вечера творчества мексиканского артиста Карлоса Ансиры, вечер-лекция «Культура современной Мексики» в Московском энергетическом институте, встречи актива общества с мексиканским искусствоведом Долорес Каррильо Флорес, художницей Кристиной Ромеро, встречи-концерты в Доме дружбы с мексиканскими художественными коллективами — трио «Лос Брухос», Фольклорным балетом Амалии Эрнандес, молодежным хором.

Надо отметить, что за время существования общества сложилась замечательная традиция: ежегодно 16 сентября в Доме дружбы с народами зарубежных стран советские люди вместе с представителями мексиканского народа отмечают национальный праздник Мексики — День провозглашения независимости. На торжественные вечера, посвященные этому празднику, собираются представители советской общественности, сотрудники посольства Мексиканских Соединенных Штатов в Москве, мексиканские студенты, обучающиеся в СССР.

Гостями активистов общества неоднократно бывали выдающиеся общественные деятели Мексики, много лет являющиеся друзьями Советского Союза и внесшие большой вклад в дело углубления взаимопонимания и сотрудничества между нашими народами. Так, в 1967 г. состоялась встреча с лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Эриберто Харой, а в 1976 г., когда торжественно отмечалось 10-летие Общества «СССР—Мексика», делегацию Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР», присутствовавшую на торжествах, возглавил его президент, бывший посол

Мексике в СССР Карлос Сапата Вела. Именно в эти дни, совпавшие с 70-летием К. Сапаты Велы, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему высокой награды нашей Родины — ордена Дружбы народов.

Общество «СССР—Мексика» подготовило и провело вечера, посвященные 80-летию со дня рождения Диего Риверы (1966 г.), 70- и 75-летию Давида Альфаро Сикейроса, причем по случаю его 70-летия (1967 г.) ему была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Состоялись расширенные заседания правления общества в связи с 50-летием Конституции Мексики (февраль 1967 г.) и 45-летием установления дипломатических отношений между СССР и Мексикой (август 1969 г.).

В связи с проведением в Мексике в 1968 г. Олимпийских игр в Советском Союзе значительно возрос интерес к этой стране. С большим успехом прошла телевикторина «Знаете ли вы Мексику?», организованная Обществом «СССР—Мексика» совместно с Центральным телевидением СССР.

Особо необходимо отметить 1972 год. В Мексике это был год Бенито Хуареса: 18 июля исполнилось 100 лет со дня смерти выдающегося государственного и политического деятеля Мексики. Славную дату отмечали активисты Общества «СССР—Мексика», все друзья мексиканского народа. Состоялись совместное заседание правления общества, Института Латинской Америки и Института всеобщей истории АН СССР, в котором участвовала парламентская делегация Мексики, и расширенное заседание общества с участием туристической группы активистов Института «Мексика—СССР», члены которой преподнесли в дар обществу бюст Хуареса. В МГУ была проведена научная студенческая конференция, организованная при участии правления Общества «СССР—Мексика». Отмечалось также и 170-летие со дня рождения Б. Хуареса (1976 г.).

Общество «СССР—Мексика» подготовило и провело торжественные вечера, посвященные 50-летию установления дипломатических отношений между нашими странами (1974 г.), 30-летию Института «Мексика—СССР» (1974 г.), 10-летию Общества «СССР—Мексика» (1976 г.).

Большая работа была проведена обществом в связи с международными встречами советской и зарубежной общественности, посвященными 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (1970 г.) и 50-летию образования СССР (1972 г.).

Важным событием стала состоявшаяся в Москве 27—29 сентября 1977 г. Международная встреча представителей зарубежных обществ дружбы с СССР и советской общественности, посвященная 60-летию Великого Октября. Делегацию Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР», которая приняла участие в работе, возглавил президент института Сапата Вела.

В 1976 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран с большим успехом выступила известная мексиканская балерина Амалия Эрнандес, которую в Советском Союзе знают не только как талантливую актрису, но и как почетного президента Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР». Проявлением дружбы между советским и мексиканским народами явился также организованный обществом вечер, посвященный творчеству выдающегося мастера советского кино С. Эйзенштейна, создавшего великолепный фильм «Да здравствует Мексика!» и оставившего много прекрасных зарисовок Мексики.

Общество организует выставки, рассказывающие о Мексике и ее народе. Так, в 1972 г. была устроена выставка «Рисуют дети Мексики», а в 1973 г. Библиотека иностранной литературы совместно с Обществом «СССР—Мексика» организовала книжную экспозицию «Страна называется Мексика».

Большой интерес вызвал просмотр кинофильма по сценарию В. Чичкова «Мексика, рожденная в веках», состоявшийся в Доме дружбы с народами зарубежных стран в декабре 1973 г. в Москве.

В марте 1977 г. в Доме дружбы экспонировалась выставка работ молодого мексиканского фотомастера Мануэля Паньяфьеля, а в мае москвичи познакомились с интереснейшей фотовыставкой «Древняя архитектура Мексики». В том же году в Ленинграде и Москве состоялась выставка «Лицо Мексики. 3000 лет мексиканского искусства». На ней было представлено около тысячи экспонатов из Национального музея Мексики.

Значительный вклад в дело распространения среди советской общественности знаний об историческом прошлом и современной жизни Мексики и ее народа вносят видные советские латиноамериканисты — члены правления Общества «СССР—Мексика». Они являются организаторами и участниками торжественных актов, лекций, бесед. Среди них директор Института Латинской Америки АН СССР В. В. Вольский, вице-президенты Общества «СССР—Мексика» Ю. В. Дашкевич и Н. М. Лавров, члены правления общества А. Ф. Шульговский, В. Н. Кутейщикова, М. С. Альперович, В. А. Кузьмищев, А. И. Сизоненко. Их перу принадлежит также ряд книг по вопросам истории, культуры и литературы Мексики.

Большую роль в развитии и укреплении дружеских связей между общественностью СССР и Мексики играет обмен туристическими группами и делегациями. В этом плане очень важной была поездка в Мексику в 1970 г. делегации Общества «СССР—Мексика» во главе с его президентом Л. А. Кулиджановым. А в 1976 г. академик В. С. Савельев и профессор А. Ф. Шульговский подписали в Мехико соглашение о культурном сотрудничестве между Обществом «СССР—Мексика» и Институтом дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР».

Разумеется, многогранная и плодотворная работа обоих обществ была бы невозможна без их постоянного сотрудничества. Так, Институт «Мексика—СССР» оказал помощь в организации большинства упоминавшихся выше выставок, которые помогли советским людям лучше узнать культуру и искусство Мексики. В свою очередь Общество «СССР—Мексика» только за последнее пятилетие направило в адрес института и его филиалов² около 12 тыс. экземпляров информационной и художественной литературы на испанском и русском языках, альбомов, плакатов и грампластинок, материалы для 130 фотовыставок, более 300 названий документальных и художественных фильмов на испанском языке, выставки изделий прикладного искусства. Все это было использовано институтом в его работе.

В Институте «Мексика—СССР» за его более чем 30-летнее существование сложились хорошие традиции. Регулярно проводятся вечера мексикано-советской дружбы, торжественные акты, посвященные годовщинам Октября, памяти В. И. Ленина, дню 1 Мая, Международному женскому дню, Дню космонавтики и др. В институте организован бесплатный показ фильмов, который дает мексиканцам возможность познакомиться с лучшими произведениями советского художественного и документального кино. Работают кружки русского языка, руководимые опытными советскими преподавателями. В музыкальных кружках можно получить представление о классической русской и советской музыке, о музыке народов СССР. Создан оркестр камерной музыки «Амистад», которым руководит Сойя де ла Луна и который объединил многих видных музыкантов страны — активистов института. О работе института рассказывает ежемесячный бюллетень «Информасьонес», издаваемый под руководством известной журналистки Эльбы Боланьос.

В 1967 г. в связи с подготовкой к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции во многих городах Мексики прошли Недели советской культуры. В Керетаро, например, экспонировались выставки и демонстрировались кинофильмы о достижениях СССР за 50 лет Советской власти. Была проведена выставка-продажа советских книг и грампластинок. Во время Недели по радио ежедневно транслировалась часовая программа, посвященная Советскому Союзу. Жители г. Халапы ознакомились с фотовыставками, рассказывающими о нашей стране, смотрели фильмы «Броненосец «Потемкин», «Депутат Балтики», «Мать».

В 1969 г. в преддверии 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Институт «Мексика—СССР» также провел большое число тематических мероприятий. Так, по инициативе института в Вера-крусе состоялся фестиваль советской культуры и искусства. На его открытии с докладом «В. И. Ленин — основатель Советского государства» выступил временный поверенный в делах посольства СССР в Мексике Б. А. Казанцев. В течение недели в городе

функционировали выставки советского изобразительного искусства, фотографии, книг, грампластинок, марок, путеводителей и туристических карт. Мексиканцы получили возможность послушать произведения советских композиторов и посмотреть советские фильмы «Звездные братья», «Большая земля», «Каменный цветок».

Делегация Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР» принимала участие в Международной встрече советской общественности и активистов обществ дружбы с СССР в Москве, посвященной Ленинскому юбилею. В своем выступлении представитель Мексики Альфредо Санчес де ла Вега отметил, что институт через филиалы предоставил необходимый материал почти всем молодежным, профессиональным и культурным организациям, отмечавшим 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Серию мероприятий, посвященных 50-летию образования СССР, провел институт в 1972 г. Среди них — месячник мексикано-советской дружбы при участии Рабочего университета им. В. Ломбардо Толедано, Недели советского кино (в Гвадалахаре и Мехико), Дни советской культуры в городах Халапа, Ларедо, Фелипе-Каррильо. Эти мероприятия получили широкое освещение в мексиканской прессе.

Институт «Мексика—СССР» вместе со всей мексиканской общественностью широко отметили 60-летие Великого Октября. Им был разработан специальный план, включающий организацию выставок, лекций, круглых столов, встреч советских и мексиканских делегаций, посвященных этой дате. Проведением всех этих мероприятий руководил специальный комитет, который был создан для подготовки к празднованию 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Под знаком подготовки к 60-летию Великого Октября были прочитаны лекции и организованы выставки, посвященные Советской Армии, Международному женскому дню, 107-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. 9 мая 1977 г., в День Победы, во Дворце искусств в Мехико выступил посол СССР в Мексике Ю. И. Вольский.

В июле 1977 г. в Гвадалахаре состоялась Декада советской культуры, посвященная 60-летию Великого Октября. Выступая на ее открытии, губернатор штата Халиско Флавио Ромеро де Веласко подчеркнул, что декада открывает новые возможности для ознакомления с великими достижениями великого народа за 60 лет, прошедших после Октябрьской революции, и отметил постоянное развитие культурных связей между народами Мексики и Советского Союза³. В трех больших залах Центра культуры Гвадалахары разместились шесть фотовыставок, а также гравюры и плакаты, рассказывающие о жизни Советской страны. В ходе декады состоялись просмотры советских кинофильмов.

В августе 1977 г. Неделя советской культуры прошла в Морелии. В сентябре в рамках программы подготовки к 60-летию Октября Институт «Мексика—СССР» при участии мексиканских институтов дружбы с социалистическими странами провел в Мехико конференцию «Ленинская теория империализма». С этого же месяца институт издает журнал «Мексика—СССР», первый номер которого был посвящен юбилею Великого Октября.

Деятельность Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР» снискала ему большой авторитет у мексиканской общественности, которая живо откликается на любое событие в рамках культурного обмена. Об этом свидетельствует прежде всего большое число участников, которое собирают все мероприятия, организуемые институтом. Активистов института объединяет, по словам К. Сапаты Велы, гуманное стремление познать духовные и художественные ценности советского народа, который занимает выдающееся место в истории человечества и в современном мире, познакомиться со страной, где отдают наиболее полный отчет в истинном значении духовных ценностей Мексики, в полной мере оценивают искусство, историю и свершения мексиканского народа в самых различных областях⁴.

В 1978—1979 гг. Институт дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР» и Общество «СССР—Мексика» продолжали активную деятельность с целью как можно полнее познакомить народы своих стран с жизнью и культурой дружественного государства.

Так, среди мероприятий, проведенных в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран, следует отметить вечер «Монументальная живопись Мексики», который состоялся в феврале 1978 г. В сентябре того же года члены правления Общества «СССР—Мексика» и активисты молодежной секции встретились с молодыми мексиканцами, находившимися в СССР в связи с IV Неделями дружбы советской и мексиканской молодежи. Участники встречи рассказали гостям о деятельности общества, его истории, подчеркнули необходимость регулярных контактов молодежи обеих стран.

В торжественной обстановке было отмечено в августе 1979 г. 55-летие установления дипломатических отношений между Мексикой и СССР. На вечере, посвященном этой знаменательной дате и собравшем представителей предприятий, общественных организаций, деятелей науки и культуры, с подробным докладом о развитии советско-мексиканских отношений и деятельности Общества «СССР—Мексика» по укреплению дружбы между нашими народами выступил председатель правления общества Л. А. Кулиджанов. Президент Института дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР» К. Сапата Вела подчеркнул роль культурных связей двух стран в борьбе за мир во всем мире. На

вечере выступил также временный поверенный в делах Мексики в СССР Э. Солис Майора.

Советский народ искренне стремится к дальнейшему укреплению дружбы и расширению культурного сотрудничества с народом Мексики. Общество «СССР—Мексика» и Институт дружбы и культурного обмена «Мексика—СССР», каждый в своей стране, выполняют свой патриотический и интернациональный долг, работая на благо дружбы и культурных связей между нашими народами.

Укрепление дружбы и развитие взаимопонимания между народами — самая благородная, самая человечная задача и обязанность всех людей доброй воли, ибо дружба и сотрудничество — залог прочного мира на земле.

¹ См.: Латинская Америка, 1975, № 3, с. 49.

² Институт «Мексика — СССР», помимо основного отделения, имеет филиалы в Гвадалахаре, Морелии и Монтеррее. Во главе самого

крупного из них, в Гвадалахаре, стоит известный мексиканский художник Гильермо Чавес Вега.

³ См.: Правда, 1977, 10 июля.

⁴ См.: Латинская Америка, 1977, № 2, с. 159—160.

Содержание

К. Н. Курин	Предисловие	3
В. И. Гуляев	Города-государства доколумбовой Мексики	11
В. Н. Селиванов	Культура колониальной Мексики	53
Л. Я. Белова	Народное образование в Мексике	67
В. П. Беляев	Высшая школа Мексики	88
В. М. Давыдов	Современная мексиканская наука: проблемы и тенденции развития	103
Э. Г. Ермольева	Социально-географический анализ народного образования в Мексике	118
П. А. Пичугин	Сильвестре Ревуэльтас и музыкальная культура Мексики	137
Н. А. Шелешнева	Искусство, рожденное революцией (монументальная живопись Х. К. Ороско, Д. Риверы, Д. А. Сикейроса)	155
Н. А. Шелешнева	Архитектура Мексики (краткий исторический очерк)	185
Н. С. Константинова	Мексиканский театр XX в.	203
Л. В. Ростоцкая	Киноискусство Мексики	226
Б. Ю. Субичус	Мексиканская литература в СССР	248
И. И. Ежов	Печать, радио и телевидение Мексики	264
А. И. Сизоненко	СССР — Мексика: культурные и научные связи	282
Ю. А. Короткова	СССР — Мексика: Общества дружбы и культурного обмена	292

Культура Мексики

Утверждено к печати

Институтом Латинской Америки

АН СССР

Редактор издательства Н. Г. Белей

Художник Е. А. Мехельсон

Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технический редактор Л. В. Каскова

Корректоры: М. М. Баранова, В. А. Бобров

ИБ № 15263

Сдано в набор 13.02.80.

Подписано к печати 20.03.80.

Т-02567. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 21

Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 2813

Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В 1981 г.

в издательстве «Наука»

выйдет в свет:

КУЛЬТУРА БРАЗИЛИИ

20 л., 2 р. 50 к. IV кв.

Книга — продолжение изданий о культуре стран Латинской Америки — освещает различные стороны культурной жизни Бразилии: народное образование, культуру, живопись, национальную музыку, давшую миру замечательного композитора Вилла-Лобоса, литературу, ярчайшим представителем которой является Ж. Амаду, архитектуру (специальная статья посвящена знаменитому архитектору Оскару Нимейеру). Книга богато иллюстрирована.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой» (указано в скобках).

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск, Донецкая обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пушкино, Московская обл., «Академкнига»;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310003 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

